

РИФ
«СТОКИ-ПЛЮС»

ИСТОКИ

ИСТОКИ
Выпуск 6 **АЛЬМАНАХ**

МОСКВА
«ИСТОКИ-Плюс»
2011–2013

УДК 882-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6
И 89

*Литературно-художественный альманах «Истоки»
издается с 1973 года*

Главный редактор

Александр Такмаков (Серафимов)

Ответственный секретарь редакции

Ирина Антонова

Редакционный совет

Юрий Чернов (Подмосковье)

Николай Карпов

Елена Еремина

Екатерина Козырева

Ирэна Сергеева (г. Санкт-Петербург)

Филюзья Кандарова (г. Уфа)

Леонид Володарский

Ольга Бондаренко

Владимир Пустовитовский

Анатолий Поляков

Валентин Штубов (г. Нелидово, Тверская обл.)

Ольга Маничева (г. Наро-Фоминск)

Вадим Максимов

Геннадий Дубров

Контактные телефоны: **8-903-2681557**
8-903-1803787

Наш сайт в Интернете: **www.istokiplus.narod.ru**

E-mail: **rifistoki@yandex.ru**

В ЭТОМ ВЫПУСКЕ:

К 70 – ЛЕТИЮ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ	
Анна Рой. О памяти – любви.....	8
ПОЭЗИЯ	
Иван Белокрылов.....	5
Галина Козырева.....	59
Ольга Наровчатова.....	65
Олег Шведовский.....	76
Наталья Божор.....	83
Валерий Желыбенцев.....	86
Ирина Ковалева.....	91
Евгения Славороссова.....	95
Татьяна Шведовская.....	121
Людмила Осокина.....	129
Ирина Егорова – Нерли.....	150
Ирина Антонова.....	159
Валентин Терещенко.....	166
Валерия Скрипник.....	192
Татьяна Хачумова.....	200
Вячеслав Суворов.....	211
ПРОЗА	
Александр Серафимов. Наказ (Повесть. Окончание).....	42
Николай Иодловский.....	112
Валерия Шубина.....	137
Владимир Пустовитовский.....	201
Татьяна Гагнус.....	247
Татьяна Хачумова.....	263
НАШИ ЮБИЛЯРЫ	
Людмила Авдеева. Стихи.....	239
Лия Елфимова. Стихи.....	242
Вадим Максимов. Стихи.....	243
Анри Маркович. Стихи.....	245
ЛИМЕРИКИ	
Карина Петровская.....	63
ЗАМЕТКИ КРИТИКА	
Ирэна Сергеева. Золотая середина.....	127
КНИГА В АЛЬМАНАХЕ	
Ольга Бондаренко. За речкой комариною.....	14
Леонид Володарский. Высокое Присутствие.....	98
Ирэна Сергеева. Любовь моя, душа моя, или Семейные тайны (отрывок из романа).....	272

ПОЭМА

Вадим Максимов. Большая Зверильница364

СТРОКИ И СУДЬБЫ

Людмила Осокина. Творческий портрет поэта Юрия Влодова 132

Юрий Чернов. Могила на горе Кучук – Енишар 170

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Инна Варварица.....71

СЕЯТЕЛЬ

Монахиня Олимпиада (Константинова). Лик 168

НОВОЕ ИМЯ

Ирина Любушкина 190

Александр Медведев 194

Александр Морозов..... 196

Алина Томилина 216

Феликс Шведовский..... 221

ПАМЯТЬ

Лидия Баклашкина. Осенняя пастораль 252

Татьяна Баклашкина. Стихи..... 254

Ушел Карой Чех..... 261

ЗЕЛЕНАЯ УЛИЦА

Андрей Касперов..... 268

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС

У. Шекспир. Сонеты (перевод Т. Хачумовой и Г. Козыревой) 229

Из итальянской поэзии (перевод Д. Белокрыловой)..... 231

Эрнэ Бакачи. Милосердие (перевод Н. Афанасьевой) 234

ДНЕВНИК СОВРЕМЕННОГО

Ольга Маничева 379

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ 398

* * *

Мне глаза говорят: «Это стол».
А душа не согласна:
«Это дуб в неизвестность ушел,
Неужели не ясно?»

Повнимательней только взглядишь
Прямо в жерло камина,
Где трепещет, торопится ввысь
Пламя цвета кармина.

Ты успел сосчитать на бревне
Кольцевые слиянья?
Это время сгорело в огне —
Все древесные знания!»

Я столешницу тронул рукой,
Проклиная беспечность,
И навис надо мною покой,
Именуемый вечность.

«Ну послушай, да кто я такой,
Чтоб на этакой тризне
Расшифровывать каждой строкой
Иероглифы жизни?»

И душа прошептала в ответ,
Словно в небо взлетела:
«Просто ты должен впитывать свет
Каждой клеточкой тела.

И проверив себя на излом
И на жертвенность тоже,
Поделиться последним теплом
С подошедшими позже».

* * *

Кому-то тесен Боровский проезд,
Кому-то не хватает ойкумены...
Но ежели возможны перемены,
Что б не добиться перемены мест?

Всё дело в тонкой грани естества,
В том, где ты въявь и где ты есть мечтами,
В мгновенье, измеряемом летами,
И в мысли, окрыляющей слова!

Но если теснота в душе твоей
От косности, от лени, от безделья,
То целый мир, исполненный огней,
В ней никогда не справит новоселья!

Ночь на 8-е марта 2005 года
в поселке Комсомольском

Маме и папе

Бывают ночи, полные не тьмы,
А лишь напоминания о мраке.
Из деревенских труб торчат дымы,
И скупо лают на луну собаки.

Сугробы — в рост, — так шутит русский март!
Селяне из прокопанной траншеи
Глядят на сей холодной азарт,
Из ватников вытягивая шеи.

Вот кто-то песню грустную завел,
И долго таял голос суховатый.
Здесь самый младший, знавший комсомол,
Недавно разменял десяток пятый.

Поющие всегда и вопреки
Вселенской стуже в русские морозы,
По всей стране великой старики
В своих сердцах выращивают розы...

А в баньке тихо, лишь трещат дрова,
Развоплощаясь в пепел и уголья,

И долетает сквозь стекло едва
Ночная песнь большого снегомолья.

Кавыкуча¹

Ярославцеву Владимиру Мироновичу

Луны фонарик выключа,
Я сел на берегу.
Течет река Кавыкуча,
Смеется на бегу.

Я ноги свесил с бережка
И в воду опустил.
«Чему смеешься, девушка?»
Я у реки спросил.

«Давно тебя не видела, —
Ответила река, —
Ужели чем обидела,
Что бросил на века?»

«Какой тут век, красавица,
Всего с десяток лет.
Да и живу, где нравится», —
Таков был мой ответ.

Вздыхнула речка славная:
«Забудем, пустыки.
Пришел, а это главное
Для маленькой реки.

Ведь я сегодня вызнала
У матушки-Земли:
Пути людские сызмала
Вдоль речек пролегли.

И я тому смеялася,
Что где ты ни живи,
А у тебя осталася
Кавыкуча в крови!»

¹ Кавыкуча — речушка в Забайкалье, на берегах которой стоят два села — Кавыкучи Газимурские и Кавыкучи Ундинские.

К 70 — летию СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ

Анна РОЙ

О ПАМЯТИ-ЛЮБВИ

Мой дед Вячеслав Ефимович Шевелев погиб под Сталинградом в ноябре 1942 года. Я родилась 16 лет спустя, сестра — 22 года спустя, но событие это стало основополагающим в нашей жизни. Мама наша, Галина Вячеславовна Шевелева-Рой, с самого раннего детства нашего вместе с лаской своей и любовью дала нам эту память войны, память жертвы, принесенной во имя Отечества, память сиротства целого поколения «детей войны», память Победы. Никогда не видевшие, не заставшие в живых дедушку и бабушку, которая умерла, когда маме моей было 17 лет, и в память которой меня назвали Анной,

я всю жизнь прожила в ощущении, что они близко, что хорошо знаю их. Есть такая память живая, память-любовь, память-вера.

Мама трижды ездила в Волгоград на Мамаев курган и пыталась найти место захоронения отца, но ей это не удалось. Всякий раз, возвращаясь, она рассказывала, как у памятников на братских могилах собирались люди, как сочувствовали они ее поискам и плакали вместе, вспоминая битву за Сталинград и поминая всех погибших в ней...

В сентябре к первому уроку во всех классах я приготовила концерт «Осень» из «Времен года» Вивальди. В нескольких классах урок прошел очень хорошо, слушали запись, пели сольфеджио — выписанный на доске отрывок. И вот приходит 3-й класс, рассказываются все, я начинаю говорить о новом произведении. Поднимается рука, и с мольбой в голосе девочка говорит: «Анна Дмитриевна! Вы нам обещали на последнем уроке в прошлом году, что мы начнем с «Москвичей»».

А «Москвичи» — это прекрасная песня о войне А. Эшпая на стихи Е. Винокурова. Меня очень тронуло, что дети не забыли, помнили об этом все лето. И стали учить:

В полях за Вислой сонной
Лежат в земле сырой

Сережка с Малой Бронной
И Витька с Моховой.

Выясняем, где это — Висла. Далеко, в чужой земле — такие близкие нам люди, такие родные имена. Возвращаюсь домой с мыслями об этом уроке, о живом отклике детей на тему о войне... Звонок, подхожу к телефону. Давний мой друг со студенческих еще времен Виктор Котт спрашивает: «Отчество твоего дедушки Ефимович? А имя бабушки Анна Петровна? Мобилизовали его из Воронежа? Я нашел место захоронения твоего деда: Волгоградская область, Дубовский район, село Садки». Министерство обороны поместило в Интернете данные о погибших на фронтах Великой Отечественной.

Рассказываю сестре, мы потрясены. Прошло 69 лет после гибели дедушки, уже 4 года мамы нет с нами — и вдруг такое известие! Здесь же моя племянница Маша 10-ти лет, услышав все это, плачет. Плачет! А ведь это уже правнуки солдат Великой Отечественной, «правнуки войны». Значит, нить живая связывает поколения, значит, дерево живо. И все вспоминается 3-й класс, поющий:

Но помнит мир спасенный,
Мир вечный, мир живой
Сережку с Малой Бронной
И Витьку с Моховой.

Через несколько дней мы получили на руки ксерокопии документов, касающихся дедушки. Все внутри защемило, заболело, когда прочла заголовок на титульном, со многими печатями и подписями листе: «Список безвозвратных потерь начальствующего и рядового состава». Безвозвратные потери! Какие горькие, простые, мужественные слова! Это русский язык: за каждое слово дорого заплачено и за каждым именем — защитник России, личный опыт сопротивления врагу, самопожертвования, боли, страдания, веры.

Список умерших от ран в 379-м отдельном медико-санитарном батальоне в период с 17 по 30 ноября. Вот и наше имя. Шевелев Вячеслав — часть № 1102, старший сержант, помощник командира взвода, родился в 1914 г. в селе Дворцы Калужского р-на Тульской области, поступил в медсанбат 26.11.42, умер от ран 28.11.42, похоронен в балке Тишанке 30.11.42, жена — Анна Петровна Шевелева, адрес: Воронеж, ул. Комиссаржевской, д. 1, кв. 19. А рядом — множество имен, и о каждом тонким каллиграфическим почерком. Воистину никто не забыт!

И мы решили ехать немедленно.

В селе Садки есть школа — общеобразовательная восьмилетка.

В ней — музей Великой Отечественной войны имени Героя Советского Союза Санджирова — уроженца этих мест. Учителя и ученики школы ухаживают за местом братского захоронения. Мы созвонились со школой, узнали, что от волгоградского автовокзала до райцентра Дубовка час езды на маршрутке. А вот в Садки из Дубовки автобус ходит только три раза в неделю. Ни друзей, ни знакомых у нас в Волгограде не было. Получая благословение на эту поездку к могиле деда, я услышала от о. Димитрия: «Обязательно отслужи панихиду!» Сначала меня это озадачило, ведь даже как добраться до места было не совсем ясно, а тут нужно искать где-то батюшку. Но благословение есть благословение.

Стали звонить в Садки, к великому изумлению говоривших с нами, искать батюшку, в конце концов нашли и много раз благодарили о. Димитрия за то, что он обозначил главное в нашей поездке. Попутно разрешились и многие житейские проблемы нашего путешествия.

В соседнем более крупном селе Лозное есть храм во имя великомученика Димитрия Солунского, а настоятель храма — о. Николай Балакшин. С о. Николаем мы договорились по телефону встретиться на следующий день на автовокзале в Дубовке и устремились на поезд в Волгоград.

И вот наступил этот день, 28 октября 2011 года, который нам предстояло прожить с чистого листа — мы не знали никого из людей, которых нам предстояло встретить в Садках, не знали, как туда доберемся, где будем ночевать. Рассвет мы встретили в поезде и вскоре, уже в пределах Волгограда, увидели мощно и стремительно движущуюся нам навстречу великую фигуру Родины-матери. Ее собственная монументальная динамика, соединяясь со скоростью движения поезда, давала ощущение удивительного ускорения, и вдруг мы увидели храм, светлый, сияющий золотыми крестами и куполами. Он то виделся рядом с фигурой Родины-матери как защита ее и опора, то оказывался позади нее, и она, в нечеловеческом усилии поднимая всех сынов своих на сражение, ограждала его как свое сердце, как свою суть. Когда больше 25 лет назад я была в Волгограде, храма на Мамаевом кургане не было, именно его здесь и не хватало, и мне еще только предстояло принять крещение. За эти четверть века возродилась Церковь наша Православная, стал проступать истинный смысл Победы и Великой Отечественной войны. В 1991 году Святейший Патриарх Алексий благословил воздвигнуть храм Всех Святых на Мамаевом кургане и определил точное место для него.

...И вот уже мы трясемся в весьма несовершенной маршрутке в райцентр Дубовка. А кругом — степь, осенняя, красная с золотом. Глаз испытывает удивительное освобождение и исцеление этой необъятной русской далью.

Много рек встречаются по дороге, сталью отливают на солнце и стремятся в Волгу. Дубовка — старинный волжский купеческий город, споривший когда-то за первенство с самим Царицыным.

Выходим из маршрутки, звоним о. Николаю и тут же видим такую естественную снова для наших городов и весей фигуру священника. Говорим по мобильнику и идем навстречу друг другу. Общение очень простое, естественное, сердечное. Мы, две внучки и правнучка, приехали впервые на братскую могилу поклониться деду и всем воинам нашим, приехали в степь между Волгой и Доном. А родные о. Николая — в Москве, в Бутово. Вот она и Россия.

Едем на автобусе в Лозное. Оказывается, Садки тоже приход о. Николая. И администрация общая на два села. Отец Николай сильно покашливает, болеет. Часто бывает в Волгограде, там оканчивает учебу в Православном университете имени преподобного Сергия Радонежского. Говорит, что в Крыму на небольшом отдыхе уже дней через пять начал скучать по степи.

Кругом — степь. Сердце сжимается: как же защитить эту ширь? Как они защищали это пространство — солдаты Великой Отечественной? Возможно ли это? «Можешь ли сколько-нибудь веровать? Все возможно верующему». Конечная остановка. Центр села Лозное — большой храм начала XIX века с высокой колокольней. Рядом речка Тишанка, у берега целое стадо гусей и уток. Светло и весело от их белизны и шумного общения. Невдалеке задумчиво пасется конь вороной.

Из документов мы узнали, что первоначально Вячеслав Шевелев был захоронен в одиночной могиле близ речки Тишанки, а в 1972 году все одиночные захоронения были собраны в братской могиле в селе Садки, в том числе и захоронение нашего деда.

Мы стояли в храме Великомученика Димитрия Солунского. Тогда, во время боев 1942 года, здесь был развернут госпиталь, остались от-метины от попадания снарядов, но храм не был разрушен.

Было прохладно, зимой здесь служат уже в другом помещении. Кроме нас, были еще две женщины. Мы образовали небольшой скромный хорик. Отец Николай служил неторопливо, не опуская ни слова, все время поминая воинов, за веру и отечество живот свой положивших, воина Вячеслава и всех сродников его поименно. И было нам благо, чувствовали мы, что совершается главное, ради чего мы отправились в путь. А наш дедушка, которому так навсегда и осталось 28 лет, и сейчас по возрасту он вполне годился бы мне в сыновья, стал нам еще ближе и роднее.

Вскоре чудесным образом мы обрели себя в автомобиле главы сельской администрации, и сам Зеленев Василий Сергеевич повез нас в Садки. Отец Николай тоже поехал с нами. Он говорил, что все в этих

местах по-домашнему и новости быстро распространяются, вот и о нашем приезде стало известно в администрации, и, оказывается, не мы первые приехали поклониться на братскую могилу в Садках, а подвиг погибших в битве за Сталинград почитается здесь как высочайший.

Двухэтажное каменное здание сельской школы. Нас вышли встретить на улицу директор Никляев Дмитрий Михайлович и его учителя. Отнеслись по-родному. Детки подробно рассказали о музее боевой славы, которым заведует учительница немецкого языка Любовь Ильинична Марсакова. Мы передали фото дедушки и документы. Нас накормили, напоили обильно, разговор шел легко и естественно: наши павшие делают нас всех родными. Вышли на улицу — здесь, совсем рядом со школой, два железобетонных обелиска, участок русской земли 22 на 13 квадратных метров, надпись на каменной плите: «Они погибли во имя Отечества, во имя счастья людей». Поклонились до земли, помолились. Вот мы и у причала, у родного рубежа.

В Садках перестают действовать мобильники; конечно, не так комфортно, как в больших, богатых городах. Но здесь тишина и простор, воля. Какая-то уже неделимая частица России, неизменная.

Открыли нам большой казачий дом на окраине села, дали много пропитания. Ночь была темная-темная, холодная, но вдали виден был яркий прожектор у братской могилы. Утром пришел Дмитрий Михайлович, усадил нас в машину одного из жителей Садков, и мы, простившись с ним и постояв еще немного у памятника на братском захоронении, полетели по лихой степной дороге в Лозное, на автобус, который в 7.00 должен был отправиться в Волгоград.

В Волгограде нас захватила вполне современная жизнь большого русского города. Мы устроились в хорошей гостинице «Царицынская», полюбовались из номера набережной Волги, еще не замерзшей, еще судоходной, вспоминали Садки с радостью и благодарностью. Но когда мы ступили на землю Мамаева кургана, снова непреодолимая сила выхватила нас из потока повседневности. Я почувствовала нерасторжимую внутреннюю связь братской могилы в Садках и грандиозного мемориала Мамаева кургана. Мамаев курган — это память всех сражений Великой Отечественной, и малых, и великих, это памятник всей России. С каждой ступенькой вверх, не в силах оторвать глаз от грандиозной фигуры Матери-родины, ты видишь ее все время меняющейся, «звучание» ее становится все мощнее, все ближе, то она выстраивается в гигантский крест, то принимает очертания Архангела, то разворачивается вся в своей мощной реальности. Остановившись на ровном участке без ступенек, я оглянулась назад. Там открывались бескрайние, светлые волжские дали, безмятежные, неоглядные. Там был мир. Там была Победа, Великая Победа, которую Господь даровал нам за беспримерный подвиг и жертву наших отцов и дедов, павших за Россию.

Вячеслав Ефимович Шевелев с супругой Анной Петровной и дочкой Галочкой (в будущем — Галина Вячеславовна Рой).

Последнее фото перед уходом на фронт. 17 июля 1941 года. г. Воронеж

ЗА РЕЧКОЙ КОМАРИНОЮ

* * *

Нет, неспроста здесь тучи грозовые,
Поется песня жизни неспроста.
Поспели к жатве волосы седые,
Поспела к жатве черных туч гряда.

Когда б душа земным так не томилась,
Когда бы не было «нигде» и «никогда»,
Слеза б твоя в звезду преобразилась
И по-над полем встала б та звезда.

Не бойся, друг, ни горя, ни измены,
Ни пены дней, ни ветра перемен!
Душа поет, когда бежит из плена,
Когда встает и в бедах лет с колен.

...Замолкнут все — веселые и злые...
Мы не уйдем, я верю, навсегда!..
Поспели к жатве волосы седые,
Поспела, просияв, во мгле звезда!..

* * *

...люблю сволочную погоду.

О. Харламова

За призрак веселой свободы
Погрязли народы во зле.
Отчизну люблю за невзгоды,
За пламень, живущий в золе.

Люблю всю злосчастную землю
За странный истории ход
И горькую радость приемлю
За жизнь, что берет в оборот.

Люблю сволочную погоду
За свет, промерцавший во мгле,
Но больше люблю не свободу,
А правду на этой земле.

* * *

Сброшу дни, возродиться чтоб снова,
Чтоб звенели просторы, маня,
Чтоб свободно свободное слово
Вновь шептала родная земля.

Так взлетай же, душа, вольной птицей!
До небесной отчизны домчусь!
С вольной волей велела сродниться
Своей песней Великая Русь.

Да не мучат влечений недуги!
Здравствуй, лучший в дождях мокрый луг!
До свиданья, любимые друзья, —
Отпускаю на волю из рук!

Я пришла в этот мир не проститься,
Я пришла в этот мир, чтобы быть,
Я пришла, чтоб земле поклониться!
... Я пришла этот мир полюбить.

Предзимье

Оледенелая обочина,
Под утро черные луга,
Подранок плещется в проточине,
Как в белом пламени, река.

А завтра снова все изменится,
Хоть незаметен жизни шаг —
Все смеют, медля, Божьи мельницы.
...А все ж мне жалко крякаша.

* * *

Век я живу, небеса все держа,
Смертною долей небес не коря.
Беды срывают мои якоря.
Верю: бессмертна тобой я, душа.

Частью бессмертья живого огня
Вечно живу, правдой слова дыша —
Кто-то для славы, а я для пенья,
Вечной музыкою слов дорожа.

Твердо я знаю: я в жизни БЫЛА!
Путь свой торила в свои декабри,
И потому от зари до зари
Слышу: по мне звонят колокола.

И по дорогам идя бытия,
Так и живу, как пишу и дышу,
И, плоть от плоти живого огня,
Лишь перед Богом ответ я держу,
Лишь перед Богом слезы не сдержу.

* * *

Судьбе, я верю, путь угоден,
Что водит всех как бы во мгле.
Родив, сказали: к жизни годен —
Пускай побродит по земле.

Пускай еще поколобродит.
Страда здесь всякого найдет,
Вино веселое отбродит,
Тогда другой начнется счет.

Памяти Тани Антроповой

В душу смотрю. Все мне кажется — в небо.
Почвой дышу, как велела судьба.
Ангел-хранитель, ты кем только не был,
Не был хранителем лишь никогда.

Я-то с судьбою уже и не спорю,
Сердце осилила века тщета.
Все я смотрю в это скорбное море,
Все пред глазами моими Пьета.

* * *

Слезинки туманов на каждом листе.
Как плачут леса спозаранку!
Хотя лес кудрявится — кудри не те!
Грустна наша осень с изнанки.

Ну, что тут такого, что кудри не те,
Что осень печальна с изнанки?
Осенняя мѹка во всей полноте:
Разлука — прощанье славянки!

* * *

О, подожди еще немного,
О, попыли еще, дорога!
Не скоро даль закроет иней —
До смерти путь мя не покинет!

Пусть отболтают все сороки
И откручинится крушина!
О, подожди еще немного:
И догорит моя лучина.

* * *

Там, где древнее русское поле,
Род на род лег в подножье холма.
Поле было засеяно вволю
По заветам родного письма.

Снова лгут вековые приметы —
Здесь опять всходит старая новь,
Чтоб ответить за то и за это,
Чтоб пролить искупления кровь.

...Как всегда, возвращается ветер,
У вождя выгибается бровь:
Он здесь новую поросль заметил,
Что прольет искупления кровь.

* * *

До горизонта от порога
Шумит-звенит горюн-трава.
Чем дальше тянется дорога,
Тем громче тихая молва.

А ветер рвет простор. Качает,
Колелет былку ковыля...
Ковыль-не сгинь, — трава печали,
Полынь-терпень — трава моя.

...Куда ведет меня дорога,
О чем звенит моя трава?
О, не суди меня здесь строго,
Будь снисходительной, молва!..

* * *

Зеленое поле, Господь!
И почвою дышит, и песнею!
А вроде всего бесполезнее
Была чых-то зерен щепоть.

А сколько ходилось по лезвиям
До края последнего вплоть!
Но почвою дышит поэзия,
И духу любезен Господь!

Подражание МЦ

Не лепи горбатого —
Станешь впрямь горбат;
Не люби богатого —
Всех продашь подряд.

Не хвали проклятого —
Будешь проклят сам!
Аду — дарят адово,
Радость — небесам.

Бедную, зловредную
Замуж не бери,
А жену победную
Взял — не говори.

Замуж взял зловредную —
Замуж взял — змею.
Взял девчонку бледную —
Любовь — да не свою...

* * *

Славно быть тетерею,
Жить да поживать,
Плакать над потерей —
Век переживать.

И пленяться зимами
И нести урон...
Счастье быть разинею!
Эх, считать ворон!

Горе быть вороною
Белой средь ворон —
Злою сказкой черною
Золотых времен.

* * *

Я зиму узнаю по голосу
Железного ветра полей,
Свистящего снега под полозом
От быстрого бега саней.

Дыханье студеное Севера
Все в пух разодело и в прах.
Как пухом земля вся засеяна,
Снег прахом мятется в полях.

Редеют зари алой полосы,
Горюя, смотрю в высоту...
Боюсь не остаться без голоса —
Боюсь, что собьют на лету.

* * *

А если глянешь спозаранок —
Еще со сна и не одета:
Как будто синь в глазах крестьянок,
В разливе северного лета.

И одинокий полустанок,
В петлицу лета ниткой вдетый,
Над желтизной степных саранок
Все семафорит веткой: — где ты?

И будто шепчется про что-то,
Пскова — через простор — с Великой,
И тень одна к другой приникла,
А губы пахнут земляникой.

* * *

В преддверии смены погоды
Вечерняя пала теплынь.
Запахли весной мои годы,
И нежно пахнула полынь.

Так горестно-нежно-бескрайни
Поля, и луга, и леса.
Дух мучают некие тайны,
И тайной полны небеса.

Объята вечерней печалью
Земля и влажна, и мягка.
И ты, и природа в молчанье,
Лишь пленная плещет река.

В преддверии смены погоды
Туманом курится вода...
Прошли мои лучшие годы,
Но словно вернулись сюда,

Мерцаая закатною гранью,
А там, где избушек теплынь,
Вечерней осеннею ранью
Печально-тревожна полынь...

* * *

Пусть ни злобы и ни равнодушья
Впредь не знает всеобщий наш дом,
А слова, пронизая все души,
Нас живут Благодатным огнем.

Гул времен запоздалый далеко.
Я гляжу в темный пропасти зев —
Там вздыхает о чем-то глубоко
Евангеля лирический Лев.

* * *

Пусть теплыню веет запад.
И теплу предел положен.
От реки предзимья запах
Налетает и тревожит.

Этот жизни промежуток
Унесетя прочь обманом
Словно эта стая уток,
Тая в глеющем тумане.

Потому что всюду осень —
Перелеты, перепархи...
Ну а дух давно бесслезен —
Чует прозимь патриарха.

* * *

Конь рассвета ударил подковой.
Отворяйте скорей ворота!
Рву приязни и дружбы оковы!
Покидаю родные места.

Взор простором полей околдован,
И пылит за верстою верста.
Новь встречать мое сердце готово
Подмалевком живого холста.

Но заря надо мной не играет!
И душа моя стала пуста.
Видит Бог и за все покарает!..
За спиной полыхает черта...

Конь заката ударил подковой,
Высекая печаль вечеров!
Не забылся простор васильковый —
Жить не может душа без оков!

* * *

Колокол медный исчислит мгновения мерно.
Медленно прочь вновь пройдет пономарь.
Так и века проходили когда-то, наверно,
Так мы с тобою уйдем, как века эти встарь.

Что ж, неужели не стоило вовсе родиться
Нам и зверушкам на данном витке-вираже?
Сущность жива! И когда-нибудь вновь повторится
В новой одежде, но в прежней — бессмертной душе.

...Колокол медный исчислит мгновения мерно.
Книга, вздохну, все изменит, спеша...
Я изменяюсь! Но суть навсегда неизменна!
...Что же ты знаешь — раз плачешь и плачешь, душа?

* * *

В ненастье ущербны труды наших Муз.
Размыты дороги кривые,
А сердце томит непогод тяжкий груз,
Предзимье идет по России.

Приходят морозы, уходят века
По линии жизни ладони,
И льдами сковало мои берега,
Но сны, как и прежде, бездонны.

Кончина в сей жизни, увы, ненова,
И нынче все так, как и древле.
Торжественно-тихи стоят деревья,
Торжественно-тихи деревни.

...Весна всюду лжива у нас и кратка,
А осень правдиво обманна.
Державные раны врачуют века,
А души небесная манна.

Я вновь зарифмую российскую грусть,
Простите печали простые!
Метели да вьюги у нас вместо Муз!
...Предзимье идет по России.

Времена кучевых облаков

Времена кучевых облаков...
Золотые у них стремена,
Ноша не тяготит рамена —
Вся из радостных детских снов.

Облака стоят допоздна,
Нам не надо, не надо слов:
Да хранят друзей имена
Стайки белые облаков.

Времена кучевых облаков,
Где легко и привольно дышать!
Надышался — и был таков,
И без дел полетела душа.

Ввысь летишь: высоко-высоко —
Столь легки твои бремена!
Во все стороны — ой — далеко!
Даже смерть еще не видна.

Ты пока что себе — никто,
И ничто не колышет грудь.
Здесь погибнуть легко ни за что!
А хотелось: за что-нибудь.

* * *

А лист — он вроде ордена —
Слетает мне на грудь.
Но ты во мраке, Родина,
Во мгле кремнистый путь!

Где раньше колобродила,
Стою, смотрю, зову...
Ты вот какая, Родина,
Во сне и наяву.

Там горы, даль нездешняя,
Там — Енисей, там — Обь,
Там — Лена, дочь утешная,
Моря целует в лоб.

А далее Амуром —
Вход в море-окиян...
Лежит медвежьей шкурою
Страна — сплошной туман.

Деревья, загородины,
Веселая тоска!
Деревни... Огородами
Текут рекой века.

Дорогой невозвратною
Иду, чтоб в землю лечь —

Сойду под сень прохладную,
Войду, как в реку, в речь.

Чтоб храм хранила Родина,
Колокола — звонарь,
А речь веков народную —
Твой пахарь и косарь!

* * *

Кричит заплутавшая стая
Под небом высоких широт,
А я от плутаний устала,
Дороги сегодня — не в счет!

Но солнца лучи словно спицы.
Так смазана ось в колесе,
Что мне нынче спится и спится,
Как спят только травы в росе.

Дорога мне снится, и длится
Вширь небо срединных широт:
Не жгет сине море синица,
А синь — все течет и течет...

А жизнь снова юностью снится,
И нету печали в стезе:
Летит день в золотой колеснице,
А белка — в лесном колесе...

* * *

Черный, ветреный и вздорный
Слух — причина злой молвы:
Луг травой пестреет сорной...
Знаешь: сорной нет травы.

Да, земля растит и терны,
И под боком синевы
Ветер сеет всюду зерна,
Не печалю головы.

Денный, ночный труд упорный,
Труд добычи ценных руд...

А над тем, чем станут зерна,
Бог свершит свой Страшный Суд.

* * *

О чем звенят подковки?
Ответьте, наши Музы!
Ведь мы идем по бровке
Дороги на Отузы.

Звенит мотив извечный,
Открылись песни шлюзы...
Дух ароматной речи
Воспойте, наши Музы!

Воспойте летний вечер,
И крылья ветров русских,
И виноград, и вечность,
Как пели раньше Музы!

* * *

Пророчествует лжемессия,
А дирижирует судьба!
Оркестр — народная стихия —
Играет, жалость истребя.

Играй, пока играют силы,
Играй по воле высших сил!
Твой на этой скрипке жилы,
Ты сам из тех, кто и не жил.

Есть только музыка России —
Отчизны, что недужит, вскрик!
Здесь умирают не впервые,
Окно на небо отворив...

* * *

А. Ш.

Авось да небось — это русская ось!
С ней все — говорю — ничего!
В меня не вбивайте ни злобу, ни гвоздь —
С «друзьями» всегда мне везло.

Веселье жужжит, как пчела, вокруг чела,
Печаль моя сходит на нет.
А, если не сходит, — то ваша взяла,
Но все же не весь белый свет.

Все ж душу мою не берет мира зло;
Жаль, вашу проело насквозь.
А значит: опять мне с душой повезло!
С такою душой — кто не росс?

Авось да небось — с вами все ничего —
По шляпку пусть вбит в сердце гвоздь:
Свободна! Навеки! — опять повезло!
Мне вновь повезло, мой Христос!..

День Победы

Будет, будет время караваев.
Жаль, не вспомнят павших всех в пути.
Проворонят или не узнают —
Не поймут, где им пришлось идти.

Кто за Родину погиб иль друга, Отче,
Вечно свят и память их чиста.
Всем гляди, Россия прямо в очи —
Павших святостью ты, Родина, святая!

* * *

Грусть-тоску развеять — нету мочи,
Что-то мало на Руси удачи.
Колокольчик — слышишь — как хохочет!
Колокольчик — слышу — плачем плачет!..

Так смотри же в очи русской ночи:
Путь судьбины мраком обозначен.
Вьются враны тучей вдоль обочин,
Колокольчик то ль хохочет, то ли плачет.

* * *

Утро мне снится приветное, зимнее.
Поступь мороза и роздымь снегов,
Небо рассветное синее-синее,
Свет снегириной зари далеко.

А на Крещение вдруг вспоминается
Раннего лета некошенный луг —
Сделаешь шаг, а роса осыпается
и просыпаются травы вокруг...

Звоном отпетого позднего зяблика
Лета короткого песня ярка.
Юность весенняя, яблонька зяблая!..
Вновь потемнели и тают снега.

...За окольцованной песней околицей
Утро мне видится, в роздыми путь,
Что все звенит и щемит колокольцами
И не дает мне навеки уснуть.

* * *

Г. Р.

Куда улетают бессмертные души,
Когда отлетают они?
Безмерного неба неведомы кущи,
И их безответны огни.

Я верю, родное меня не забудет
И, только начнется рассвет,
Земное — и пеньем, и смехом разбудит,
И зимы дохнут свой привет.

К душе вдруг рванутся знакомые кущи,
И ветер отрадный, и свет...
Увижу за стужею сад свой цветущий,
И сон своей жизни, и след.

Увижу по рекам заснеженным лозы,
Морозы крещенской порой,
Где спят безмятежно под снегом березы
И снег осыпают порой...

НОЧЬЮ

Мерцает вод живая ртуть,
И вещет голос пленный.
И тянут звезды вечный Путь
Просторами вселенной.

Напрасна звезд живая весть,
воды напрасен лепет, —
спит зачарованная весь,
плывет луна, как лебедь.

А где-то там, в тени ветвей
Тернины серебристой,
Тоскуя, плачет соловей,
Как сердце ночи мгlistой.

И, медля, вешняя луна
Плывет себе, как лебедь,
Над миром царствует одна
И сны из света лепит!

* * *

Дрема июльская токает молотом.
Травы сочатся росой.
Туча огромная пыхнула молодо,
Синею полнясь слезой.

Сыростью тянет. И свежую пахотой.
Тяготой. Долей земной.
Синие очи, как небо, распахнуты.
Тяжек полуденный зной.

Дрема июльская токает молотом.
Дрема кует летний луг.
Вздригнуло сердце, объятое холодом,
И посмотрело вокруг.

Комони в сизом тумане и гомоне
Пересекли Бежин луг...
По полю ровному, по полю дремному
Катится тающий звук.

Небо, как очи, для мира распахнуто,
Есть и моя в нем слеза.
Хлещет гроза — бороздят землю пахари...
Гнется душа, как лоза.

...Дрема июльская токает молотом...
Сердце! Ах, сердце мое
Токает что-то, что веком не смолото,
То, что мое и твое!

* * *

Ни креста, ни имени во поле чужом.
Пламенем-полыменем даль горит в былом.
Не журишь, журавушка, все мы обрели:
Ты — во поле травушку, я — простор земли.

Звезды возвращаются на круги своя.
Полетел журавушка в дальние края.
Плачет и прощается, словно навсегда,
Ветер возвращается, время — никогда!

Пламенем-полыменем даль горит в былом,
Ни креста, ни имени над сухим быльем.
Плачется журавушке от полей вдали,
Треплет ветер травушку, клонит до земли.

Выплакало полюшко горькие слова,
Их трава подслушала, разнесла молва.
Та печаль старинная в плачах журавля.
Песня журавлиная — Родина моя!..

Волна

А где небо и ярче, и выше,
Там родная моя сторона.
Через годы, я верю, услышу,
Как бежит-набегает волна.

Как она распевает в раздолье,
Указует дорожку-стею.
Оттого-то и русская воля
Пересиливать может слезу.

Ту слезу, что катится по миру,
Убегает в сторонку одну...
Тихо тронь безутешную лиру,
Пробуди золотую волну!

Чтоб она до меня добегала,
Вслух шепча дорогие слова,
Золотые те сны навевала,
Без которых душа не жива!

* * *

Широко здесь и там,
Не тесно и не узко.
Душа льнет к небесам —
К полям Отчизны русской.

Над бездною самой
Спешит, внимая граю,
Взмывает над судьбой,
Идет себе по краю;

Превозмогает страх,
Как дерево нагое:
Далеко — на полях,
Высоко — над покоем.

* * *

В сиянии лунном летит над страной
Крикливых гусей караван.
Хор звезд, не смолкая, поет надо мной,
Вечерний врачует туман.

И слышу я голос в полях ветровой
И шум тростника над рекой —
Царит многогласье в природе живой,
Но — вечный — безмолвен — покой.

* * *

Ты, жизнь, была немудрою,
Но все-таки была!
И всем, что было, грудую
На память налегла.

Безмерное терпение —
Прошедшие года!
Бессмертное горение
Ненужного труда!

Брожу по сонной памяти —
Чего там только нет!
Но солнце, медля, падает,
И тает яркий след

Последнего свечения
Прощальная гряда,
Лучинушка вечерняя —
Падучая звезда!..

* * *

Скрипит деревянный журавль,
И скрипы летят к каравану.
Седая размытая даль
Бинтует зарю, словно рану.

Восход, разгораясь, зачах,
И сердце заплакать готово.
День новый восходит в слезах,
И вновь мне на свете все ново.

Душа, что болит обо всем
И мира злосчастные раны
И эта печаль ни о чем
Полей, уходящих в туманы.

И кто станет песне пенять,
Что душу выносит на стрежень,
Что плачет страдалица-мать,
Что песня ее не утешит.

* * *

Вновь словно бы сама рокочет лира.
Песнь ласточкой летит в родную сень.
Овеян свет последней розой мира
В осенний день российских деревень.

... Не в празнословии болтающего пира —
В молчании, под мерный плеск дождей,
Под музыку далекого эфира —
Приветствую тебя, мой уходящий день!..

* * *

По любой по непогоде
Я иду, погоде рада.
Улетают мои годы
Золотого листопада.

До свиданья, до свиданья!..
Я иду тропой за ветром —
Встретить ветреные дали,
Встретить ведренное лето!

В эти дали, в это лето
Я войду еще до света!
Оттого, что это лето —
Лето счастья по приметам.

Не горюю над судьбою:
Из Божественного Сада
Полетим с тобой листвою
Золотого листопада.

* * *

Поедем в Опочки! Там розой ветров
День сходится в точку пучком лепестков.
Там стебель упругий бутон развернет,
Там птах вьет подруге венок и поет.

К весне мы причалим под сень летних лип,
Забудь про печали и осени всхлип!
Но рвутся подпруги, туманится Путь...
Споемте, о други, споем что-нибудь!

Пусть ветры, как в сшибке, ревут и поют,
Но где-то на Шилке есть сердцу приют!
Поставим на бочку мы розу ветров,
Поставят отточья дожди между слов.

Однако, пусть осень не жалует нас —
Поедем в Опочки, хотя бы на час!..

* * *

А куда эта конница скачет?
И о чем запечалилась гать?
Перекатами вольница катит,
перед хатою плачется мать.

Пули, ахнувши, сказ досказали:
это дед мой убит молодым
там, где враны о чем- то кричали,
где синел расходившийся дым...

Бесшабашная катится вольница!
А земля все ковыль да лазорь...
По степи скачет конница, конница
на погибель земли и разор.

* * *

Где среднерусская равнина
лежит в осеннем свете нив,
костром сгорающим, калина
согрела душу, озарив.

И про калину снова слыша,
тут каждый скажет: про меня!..
И грустью далее песня дышит,
а песню пишет жизнь моя.

Несвоевременное племя,
душе нечуждая земля!
Чужое пролетает время,
своим бездушием клеймя...

Скрипуча ось, мелькают спицы,
ночь манит сонным огоньком...
Мне сон во сне хороший снится:
никто не плачет ни о ком...

* * *

Разнеслись всюду слухи ужасные,
не понять, мол, Россию умом.
Все прекрасное и безобразное
снова связано русским узлом.

Как бывало — кричат всюду вороны.
От былого следа не найти.
С перекрестка бегут во все стороны
перепутья, дорожки, пути.

Разгорайся, звезда, подорожная,
пусть вдали потеряется взор!
Если есть что на свете неложного —
это в душу глядящий простор.

Вдруг поверишь: жизнь вновь начинается!
Русь берет твою душу в полон —
и с твоею душой не прощается,
и со всех обступает сторон!..

Снова птицы кричат поседелые,
сторожа побелелую гать,
и хоронят снега оробелые
задушевную русскую кладь.

Пусть же носятся слухи ужасные,
не понять, мол, Россию умом —
там, где самое злое злосчастье
снова связано русским узлом.

На Весах

На лугах на черных стынет осень.
Клин живой, как стрелки на часах.
Подступает постепенно прозимь,
Отступает осень на глазах.

Журавли летят куда-то клином,
За собой зовут их голоса —
Ведь в моей Отчизне журавлиной
Непогод сплошная полоса.

Дождь увязнул в глинах, словно посох.
Непогода в сердце и глазах,
В стаях ангелов — расхристанных и босых
На ненастьем взятых небесах.

Нас с тобой, как травы, время скосит.
Судный День встает лицом в слезах.

...А в моей Отчизне всюду Осень
Взвешивает души на Весах.

* * *

На полях мышкует зверь.
Мир в предчувствии невзгоды.
Распахнулась ветром дверь
Входом в пасмурные своды.

Осень пишет набело
Воли хмурое приволье —
Неба мглистое крыло,
Журавлей в ненастном поле...

Утра катится слеза,
Будто след беды незримой...
Приоткрылась полоса
Синевы неистребимой.

Не горюй, душа, и верь:
Ждет еще нас кто-то где-то,
И сама собою дверь
Распахнется в час рассвета!

* * *

Где б я ни шла — душою стыла я
И все пути свои прошла,
Но лишь одна звезда пустынная
Мне путеводною была.

И над полями, над полянами,
Свой свет торжественный лия,
Она всходила над туманами,
Она сияла для меня.

А чем живешь ты, тем и платишься
И чаще — даром небесам,
Но лишь земле родимой плачешься —
Родным, простившим все местам.

На что земля мне чужедаляня?
Я там тоскую лишь сильнее, —

А для меня: вон та, астральная,
Чья даль бескрайняя синей!

Русская элегия

Небо закатной каймою
Красит мои вечера,
Сердце сжимая тоскою
И раздвигая «вчера».

Села, как сторожевые,
Молча взирают из тьмы.
Смотрят огни, как живые,
В окна студеной зимы.

В русские зимние ночи
Не зарекаюсь зимы.
В русские зимние ночи
Не зарекаюсь тюрьмы.

Видно, не зря нас крестила
Стужа в купелях зимы,
Где подымает Россия
Небо, печаль да холмы.

* * *

Потемнел, растаял на́рыск
По пороше неглубокой;
Ветер хвой качает ярус
Над кипящею протокой.

Плеск, осеннее рыданье...
Звезды-слезы, наволока...
О себе и о деаньях
Мир задумался глубоко.

День, скользя, по кручам бродит,
Тень сгоняя с гор окружных,
Непогод рукою водит
По болотам и отлужьям.

Смерть приходит вместо буден,
Вран кричит, беду пророча.

Да продлится твой полудень!
Потому что жизнь — короче.

...Сердце плачет одиноко,
Умирая здесь — сегодня —
Над кипящею протокой
Под слезой небес Господней.

* * *

За лесами, полями, оврагами
Степь в молчании спит до зари.
Запылала заря, и заплакали,
Зазвонили во всю звонари.

Перемолвилась — донн-нн! — тьма околиц,
Просвистел — далеко — перегон.
Мне не жаль под дугой колоколец,
Жаль в душе тот умолкнувший звон.

Ты от счастья поешь здесь и плачешь —
Оттого, что колышется рожь,
И не знаешь иной ты удачи,
Кроме той, что живешь и поешь.

Отгуляли в полях дружно пахари,
Жито встало в молчанье зари —
В синем зное, белея рубахами,
Вечным лугом идут косари.

И заря, постояв у оконниц,
Уж звонит косарям тем вдогон...
Мне не жаль долгий стон многих звонниц,
Жаль малиновый звон-перезвон...

Там под ветром качается колос,
Ходит ветер, простором дыша,
И поет нескончаемый голос,
Дали дальние дней сторожа.

* * *

За речкой комариною
даль выгнулась дугой.
Отчизна журавлиная —
река — луга — покой.

У речки — русло узкое,
а сколько островов!
Глаголы многоустье
и тишь без берегов.

Над лугом — луговиною
простор небес — покой
зубчатой строгой линии
стены лесов живой.

А тишина за криками
еще сильнее — полней,
и журавли курлыкают,
прощаются над ней.

Даль мглистая, долинная —
луга, река — дугой...
Отчизна журавлиная —
пронзительный покой.

* * *

Предзимие угрюмое,
печальная пора.
Веселое безумие
есть в стуках топора.

Вьсь взъахивает дальняя.
Звук стих... Пришел-ушел.
Смолкая все печальнее,
звонит: еще... еще...

Слежу за синью синею,
где солнышко зашло,
за ниткою гусиною,
что тянет за село.

А в поле ветер носится,
и жалуется ость...
А нить гусей уносится,
скользя по небу вкось.

Возвращается ветер

Прощаемся, бедная мати моя!
Возвращается ветер.
Возвращается ветер на круги своя
Тишиной на рассвете.

Землю в пыль растирая и прахом пыля,
Разбивая, как блюдце,
Возвращается ветер на круги своя,
Только нам не вернуться!

Не смиряясь с судьбою, живет человек —
Плачет, верует в чудо.
Молча смотрит на небо: там падает снег —
Он, как мы, — ниоткуда.

Жили-были, грустили... Навеки уйдем —
Воскресенья не будет.
Станем снегом — зимою, а летом — дождем,
А земля — да пребудет!

Возвращается ветер на круги своя,
Пьет осенние слезы.
Прощаемся, бедная мати моя,
Где березы...

* * *

Птица пробует свой голос,
Чтоб звенел, чтоб длился.
Золотой тяжелый колос
Тишиной налился.

Не шуми ты, рожь густая,
Ты шумела вволю.
Нива — наша мать родная, —
Кланяемся полю!

Где родился — пригодился!
Ты — как песня — сбылся!
Долгий день твой счастьем лился,
Жаворонком вился.

...Ходим полем, работаём.
Тишина — за краем...
Не шуми ты, рожь густая,
Гаем... гаем... Гаем.

* * *

Г. Р.

Плачет ли голос
Над теменью луга,
Стелется ль колос —
Внимает округа.

Ветер не дышит
В отлужьях земли...
Звезды все выше...
Все тише вдали.

Млечный путь пояс
На луг намотал,
Призрачный поезд
Мигнул и пропал.

Вышли на шлях
Стражи ночи — холмы.
...Тишь на полях,
Где печалимся мы.

* * *

Привет тебе, мое приволье!
Печалью пасмурной полей
Тут сердце полнится невольно
И забывается живей.

Иду, куда ведет дорога, —
Лугами в сумраке ночном.
Мне здесь слышнее голос Бога,
Плач размышленья обо всем.

Вновь наши версты беды меряют
И ветер с посвистом — поля...
И все равно в тебя я верую,
Отчизна горькая моя!

Далеким звоном колоколен
В часы глухие бытия
Звени, родимое приволье,
Храни себя, моя земля!

НАКАЗ¹

Повесть

Глава 9

Вытянувшись в струнку, я летел в крошечной тьме и пустоте космоса к мерцающим вдали звездам. И подобно святому Иоанну Богослову вертел головой в надежде увидеть «посреди семи светильников, подобного Сыну Человеческому» но вместо этого совсем рядом возникло белое облако, из которого появилась фигура священника с посохом в руке и сияющим нимбом над головой. В следующее мгновение фигура ткнула в меня своим посохом, и я услышал громopodobный глас: — «Не ищи, Бог в тебе!»

Испуганно отпрянув и ударившись о пролетающую мимо огромную каменную глыбу, я открыл глаза и уставился на Авсея.

— Очухался, пьянь? Едва растолкал, пришлось несколько раз стукнуть тебя по голове, — прохрипел он. — Так жрать водку нельзя, особенно тебе, взял и из ничего создал людям проблему.

— Не понял? Что за проблема?

— Ну ты даешь, сосватал Жорика в мэры и забыл, а если он серьезь воспринял твои фантазии, а?

— Никакие это не фантазии, я хоть и пьян, но помню, о чем говорю. Понял ты, чинуша? И знай — без фантазии нет славных дел. Кстати, я — что? Вот так на диване и уснул?

— Нет, дружок, ты сначала рухнул на стол, в салатницу, а уж потом мы с Пашей перенесли тебя на диван.

— Послушай, Авсей, я тут по пьяни ничего лишнего не болтал?

— Ты не просто болтал, ты митинговал за смену власти в этом паршивом городишке, где повсюду грязь, в кранах нет воды и ты не можешь даже умыться.

— Смену власти, смену... — растирая голову руками, бормотал я. — Послушай, Авсей, ты не помнишь, Жорка согласился или это был просто пьяный треп?

— Никакой не пьяный треп, а вполне серьезно вы обсуждали легальный захват власти. К моему удивлению, Пашка поддержал тебя и предложил свою помощь. Так что иди и расхлебывай свою кашу.

¹ Окончание. Начало в альманахе «Истоки» № 5, 2011–2012 гг.

— Значит Пашка за?! Это в корне меняет дело, теперь возьмусь за своего шефа, а там посмотрим! — закричал я.

— Возьмись, а я к действующему мэру на прием, будем согласовывать строительство завода, — с этими словами Авсей помахал мне рукой и скрылся за дверь.

Я лежал на диване и старался дословно вспомнить наш вечерний разговор. Теперь оставалось одно — сделать все, что в моих силах, но не повторить горький опыт прошлой предвыборной кампании, когда меня за серию разоблачительных статей чуть не оправили на тот свет. Горький опыт иногда много дороже, чем легкая победа, которая расслабляет и убаюкивает сознание настолько, что человек теряет чувство реальности происходящего. Теперь самое главное — убедить Константина Петровича Мухина в смене приоритетов и доказать, что он ставит не на ту лошадь, что она хромает на обе ноги и почти наверняка не дойдет до финиша первой. Если он откажется помогать «борову», наша победа будет обеспечена. Еще раз обдумав все доводы в пользу нашего кандидата, я позвонил Мухину. На мою беду ответил его помощник и сообщил, что шеф в отъезде и будет не раньше чем через три дня. «Три дня, целых три дня, — размышлял я, — этого достаточно, чтобы подготовить документы для регистрации независимого кандидата, а там посмотрим, на чьей стороне окажется мой патрон и его бездонный мешок с деньгами». Рассуждая так, я умылся, заварил и выпил чашку кофе и двинулся на поиски своего авто.

Пройдя несколько кварталов, я перебрался через железнодорожные пути и вскоре оказался у проходной пивзавода. Моя ласточка потерянно стояла среди нескольких десятков разномастных автомобилей и, казалось, с нетерпением ждала своего хозяина. Усевшись за руль, я включил зажигание и мотор, недовольно фыркнув, тут же, словно сытый кот, довольно заурчал. Не успел я выехать со стоянки, как увидел Жоркин джип, медленно кативший к проходной пивзавода. Включив скорость и поддав газку, я в мгновение ока оказался рядом и, посигналив, резко затормозил.

Жора сидел в машине и о чем-то мрачно размышлял.

— Привет, Жора, хорошо, что я встретил тебя, надо поговорить!

— О чем?

— То есть как о чем? — взвился я. — Не прикидывайся дурачком и не думай, что вчера это был просто пьяный треп! Ты немедленно должен начать оформлять свою регистрацию в избирательной комиссии.

— А ты подумал, о моих бычках? О полях, что засеяны овсом и пшеницей? Ты подумал, на кого я все это брошу?

— На жену и сыновей, на кого же еще, — парировал я, — да и вообще, ты создан для большего, чем фермерство. Город надо спасать, а ты — буренки, да ничего с ними не случится, если ты реже станешь их наведывать!

— Вот оттого-то мое сердце и разрывается — город или село. Город потребует массу времени, столько свалится забот, что тут не до бычков будет, а бросить то, что сделано своими руками, своим горбом, не так-то просто! Это, знаешь, как оторвать кусок от собственного сердца — страшно и больно!

— Брось, Жора, можно подумать, что ты отправляешься к черту на кулички. Ты же будешь дома, будешь присматривать за своим хозяйством, а значит, ничего рвать не надо, наоборот, твои телятки будут в трудную минуту помогать тебе, успокаивать!

— Ладно, черт с тобой, уговорил. Что надо делать?

— Прежде всего зарегистрироваться, потом создадим предвыборный штаб, распределим роли — я возьму на себя печатную продукцию, как-то: листовки, новую газету и тексты предвыборных плакатов, Павел даст агитаторов; ну в общем, сделаем все в лучшем виде. Кстати, ты подумал, кто у тебя будет доверенным лицом?

— Нет, не думал, но для этой роли лучше всего подойдет бывший секретарь горкома по идеологии, говорун он отменный, заговорит любого.

— Немедленно поговори с ним и вместе отправляйтесь в избирком, а я договорюсь с Павлом, и мы с его ребятами проведем соцопрос работников пивзавода, спросим у них, как они относятся к своему хозяину и будут ли голосовать за него. Затевая все это, я хотел поставить перед фактом своего шефа — народ не поддержит борова и на его место есть уже готовый кандидат. Так, теперь все, еду к бабушке, они наверняка потеряли меня. — С этими словами я вскочил в машину и помчался в деревню, и тут впервые за последние сутки мне стало стыдно оттого, что за пьянкой и разговорами совсем забыл своих родных и свою Лену, которая, наверняка из гордости, так и не позвонила мне.

Миновав городскую окраину, я прибавил скорость и через десять минут затормозил у дома моей любимой. Через минуту Лена вышла на крыльцо и помахала мне рукой.

Я тут же выбрался из машины и бросился к ней.

— Прости меня, я мерзавец, — обнимая ее, бормотал я.

— Ты действительно мерзавец, — целуя меня, прошептала Лена. — Ладно я, но ты хотя бы подумал о матери с бабушкой: ожидаючи тебя, они там сходят с ума от неизвестности.

— Какая неизвестность! Я звонил матери, она знает, что я с Жоркой... ну загуляли, заговорились, прости меня, стервеца, и пошли в койку, соскучился до изнеможения! Надеюсь, ты одна?

— Да, мама в Москве.

С этими словами мы бросились в дом и, срывая одежду друг с друга, рухнули в постель и предались необузданной страсти. И тут, не успели мы с Леной отдышаться, противно заверещал мой мобильник.

— Ты где? — услышал я требовательный голос Павла.

— Где, где, в Караганде! — хохотнул я в ответ.

— Так, все бросай и дуй к вокзалу, я жду тебя!

— Хорошо, буду через полчаса, — нехотя согласился я и виновато посмотрел на Лену.

— Опять дела? Опять на линию огня? — усмехнулась она и протянула мне рубашку. — Одевайся и мчись, а то без тебя все реально рухнет!

— Лена, мы договорились — никаких «реально».

— Хорошо, никаких «реально», это я по привычке, прости.

— Радость моя, любовь моя, это ты меня прости и пойми, если звонит Пашка, значит, это очень важно.

— У тебя все важно, кроме меня, — поджала губы Лена — а обо мне ты подумал? Я не могу без тебя, я не знаю, куда себя девать от тоски!

— Умоляю тебя, мне надо сделать здесь кое-какие дела, и потом мы всегда будем вместе!

— Хорошо, ловлю на слове, а теперь поезжай, но сначала успокой мать и бабушку.

— Я заеду и скажу им, чтобы они не волновались, — успокоил я Лену и поспешил к машине.

Войдя в бабушкин дом, вместо приветствия я встретил две пары осуждающих глаз и невольно покраснел.

— Что, стыдно? — укоризненно качая головой, спросила бабушка. — Бросил нас, а мы тут сидим и гадаем, что с ним, жив ли он!

— Бабушка, мама, я виноват, но дела... я их не могу бросить и сидеть с вами. Вот и сейчас я должен снова уехать, так что простите и знайте, я о вас не забываю и очень люблю вас, — с этими словами, я подошел к ним и по очереди расцеловал их.

— Сеня, пока не поешь пирогов, никуда не отпущу, — смахивая слезу, заявила бабушка и, взяв меня за руку, потянула к столу.

— Хорошо, хорошо, съедаю пару пирогов и еду — усаживаясь за стол, согласился я и, ухватив пирог, засунул его в рот.

— Отец тебе не звонил? — спросила мама и грустно улыбнулась. — Все Черновы одинаковы, им наплевать на своих родных, на их переживания, их интересуют только их дела!

— Не Черновы, а Архиповы, его дед был такой же, как вцепится во что-то, не оторвешь, — сказала бабушка и, подойдя ко мне, погладила меня по голове.

— Мама, ну что ты говоришь, это совсем не так: и я, и отец — мы любим тебя и всегда помним о тебе, но вот внимания нам порой не хватает — завертимся, закрутимся и забудем напомнить о себе.

— Ладно, сынок, не оправдывайся, я уже привыкла, но вот бабушка очень волнуется, и ты должен об этом помнить.

— Хорошо, клянусь, что буду всегда звонить и сообщать, где я! — дожевывая очередной пирог, воскликнул я и, встав из-за стола, направился к двери.

Подъезжая к вокзалу, я еще издали увидел черный джип Павла и вплотную подрулил к нему.

— Поезжай за нами, — махнул мне рукой Павел.

— Не понял?

— Чего ты не понял? Поезжай, там тебя ждет сюрприз.

С этими словами Пашкин джип взревел и двинулся в сторону загородного шоссе.

Мне ничего не оставалось, как только ехать вслед за ним. Проехав километров десять, мы свернули с асфальта и очутились посреди песчаного карьера.

— Ну и зачем мы здесь? — подойдя к Павлу, спросил я.

— Увидишь, — отмахнулся он и стал спускаться в огромную песчаную яму.

То, что я увидел на дне ямы, поразило меня до столбняка — там из песка торчали три головы и дико вращали безумными от страха глазами, три измазанные в песке, слезах и соплях несчастные рожи сопливых мальчишек.

— Не узнаешь? Это те, что пытались убить тебя!

— Но зачем же так! Можно просто выбить им зубы и отпустить, а?

— Просто отпустить? Нет, дружок, на их примере мы должны показать, что ждет каждого, кто в этом городе будет нарушать закон. Эти подонки, по их словам, входят в местное тайное черное братство, основу которого составляют тройки, эти тройки по телефону получают задание и так же по телефону докладывают о его выполнении. Но главное, они никого из руководства и членов других троек не знают. Конспирация, понял? Полгода назад каждому из них позвонили и предложили вступить в это пресловутое братство, они с радостью согласились — видишь ли, им стало скучно жить. Тогда им назначили встречу, завязали глаза и привезли в какое-то тайное место, где они дали клятву на крови о верности и беспрекословном подчинении законам братства. Теперь наша главная задача — уничтожить этот вертеп, а как, надо подумать. Вон, смотри, их снимает городское телевидение. Кое-кому шок обеспечен! Вон, видишь, в центре мордастый, это прокурорский сынок, ему, видите ли, скучно было жить, вот он и подался в банду. Уверен, теперь он радикально поменяет свои

взгляды на жизнь, а если не поймет, мы устроим ему веселье, век не забудет. Кстати, ты подойди и попинай их наглые рожи, получи, так сказать, моральное удовлетворение.

— Паша, ты иногда своей жестокостью поражаешь меня — то железными прутьями избиваешь иноземцев, то вгоняешь иглы под ногти, то стреляешь направо и налево и вот теперь додумался устроить средневековую казнь этим бедолагам!

— Ну и ну, ишь какой чистоплюй, а ты знаешь, что добро — это обратная сторона зла? Что добро само по себе не приходит, за него надо бороться, а значит, кого-то бить и побеждать? А ты знаешь, что само по себе зло нейтрально, что носитель зла есть человек, а это значит, что, борясь со злом, ты борешься с человеком, а борьба — это боль и страдание? Искореняя зло, мы уничтожаем его носителей, понятно?

— Понятно, вот только не знал, что добро внедряется кулаками.

— Не всегда, но бывают такие времена, когда без крепкого кулака не обойтись, например, как в нашем случае — власть в городе захватили самые натуральные бандиты в смокингах, и что же, думаешь, они просто так отдадут ее? Нет! Значит, надо силой вышибать эту сволочь из города и наводить железной рукой новые добрые порядки!

— Паша, все это уже было, коммунаки тоже пытались сеять всеобщее добро, а чем все это кончилось? Диктатурой и миллионами загубленных жизней! Так что, как говаривал наш незабвенный Михаил Сергеевич, давайте искать консенсус!

— Ты, что предлагаешь с этой мразью договариваться? Мол, вы, ребята, будьте паиньками, а мы вас не будем бить, так? Так они завтра же побьют нас с тобой!

— Не посмеют, они будут знать, что есть сила, способная дать им отпор.

— Хорошо, уговорил, сейчас позвоню прокурору, пусть забирает своего мерзавца, — махнул рукой Паша и направился к своей машине.

— Паша, постой, ты вроде бы обещал дать своих парней, — остановил я его.

— Сколько?

— Для начала с десятков.

— Хорошо, вечером в семь они будут около Жоркиного дома.

Пашка уехал, а я стоял и размышлял о человеческой природе, в которой смешалось все — доброта и злоба, великодушные и черствость, честность и воровство. Одно мне было неясно, почему у одних больше хорошего, а у других — плохого, почему уже в утробе матери закладывается сущность человека? Гены или природа? А может быть, так Бог распорядился? Если гены, то человеческим порокам

не будет конца, они исчезнут вместе с носителем этих пороков; если Божественное Провидение — значит, так надо, значит люди должны находиться в непрерывной борьбе, а вот к чему приведет эта битва хорошего с плохим, никому не известно. Размышляя так, я нашел обрубок широкой доски и стал откапывать несчастных. Наконец все трое по очереди выбрались из своих ям, отряхнулись и, не поблагодарив меня, побежали в сторону шоссе.

«Вот еще один пример человеческой неблагодарности, пример правоты Пашки — подонки признают только силу, значит плохое можно если не искоренить, то ограничить дубинкой, — усаживаясь за руль своей ласточки, с горечью думал я. — Пусть бегут, идиоты, им это на пользу», — и тут как-то очень грозно заверещал мой мобильник.

— Семен? — раздался в трубке незнакомый голос.

— Да, Семен.

— У меня плохие новости, на вашего отца совершено покушение.

— Вы кто? — задал я дурацкий вопрос.

— Чирков Василий, вице-президент банка.

— Как это случилось?

— В него стреляли.

— Отец жив?

— Жив, но находится в тяжелом состоянии.

— Где он?

— В Первой градской, в реанимации.

Сказать, что это известие ошеломило меня, значит ничего не сказать, оно вогнало меня в ступор, я ничего не чувствовал, кроме ледяного холода в груди, и машинально вел машину в сторону деревни.

«Неужели это все из-за коллекции? Если так, то к этому причастен Сивый, значит, есть с кого спросить», — подъезжая к бабушкиному дому, размышляя так, я позвонил Павлу и сообщил ему о покушении на отца.

— Ты поезжай к отцу, а я займусь Сивым, — по-военному коротко, ответил он.

К моему большому облегчению, известие о нападении на отца было воспринято без заламывания рук, истерических воплей и вообще мои женщины показали свой очень сильный характер, чему я был бесконечно рад. Наскоро собравшись, мы с матерью пошли к машине, но тут бабушка решительно заявила, что едет с нами к сыну и, накинув на плечи платок, села рядом с матерью.

— Перестаньте трястись, все будет хорошо, а то, что случилось, — это предупреждение; не поймет — тогда случится непоправимое, — обняв мою мать, заявила бабушка.

— Бабуля, какое еще предупреждение, бандиты совсем распоясались, а ты — предупреждение! — с жаром воскликнул я.

— Но кто-то же направлял их руки, — махнула на меня рукой бабушка. — Помни, это ответ на деяния моего беспутного сына, и не защищай его. Каждый из нас получает то, что заслужил.

— Я знаю совершенно бездарных, но наглых людей, которые своей необыкновенной изворотливостью заслужили славу и почет в обществе, — возразил я, — живут припеваючи в самых элитных особняках и вхожи в самые высокие кабинеты, и никто их не карает, наоборот.

— Только Бог определяет истинные заслуги человека, а все остальное наносное, пыль и тлен, — резко ответила бабушка.

— А как же дом? — включая зажигание, спросил я ее.

— Остановись, я попрошу девочку присмотреть за домом, — попросила бабушка, когда мы поравнялись с домом Лены.

На мой сигнал Лена выбежала на крыльцо и, увидев бабушку в машине, поспешила к ней и, выслушав ее, быстро ушла в дом.

— Стесняется, могла бы и посочувствовать, но, видно, в этой гребаной деревне не принято публично выражать свои чувства — с глухим раздражением подумал я и, как бешеный, помчался по безлюдной улице.

Через три часа гонки на грани фола мы подъехали к больнице и вошли в приемный покой. На наше счастье, лечащий врач был на месте и тут же вышел к нам.

— Не волнуйтесь, все хорошо, операция прошла успешно, так что сейчас вашему сыну ничего не угрожает, — обращаясь к бабушке, заявил доктор.

— Мы можем его увидеть? Можем чем-то помочь ему? — вмешалась в разговор моя мать.

— Он в реанимации, помогать будем мы, а вам ждать и надеяться на то, чтобы послеоперационный период прошел без осложнений.

— Доктор, скажите, что за ранение было, мы ничего не знаем, — спросил я его.

— Ваш родственник — счастливый человек, пуля прошла навылет в двух сантиметрах от сердца, такое редко бывает, но, когда его привезли к нам, он был в полном сознании. Думаю, что дня через три вы сможете с ним поговорить, — улыбнулся доктор и, помахав нам рукой, быстро ушел.

Действительно, через три дня моего отца перевели в отдельную палату, и мы смогли увидеться с ним. Когда мы вошли, отец лежал на высоких подушках и отрешенно смотрел на нас. Затем отвернулся и совершенно неожиданно для меня заплакал, крупные слезы катились по его щекам, тело содрогалось от сдерживаемых рыданий.

— Поплачь, сынок, тебе станет легче, — услышал я голос бабушки.

— Мама, прости меня, прости меня, дурака, ты была права, когда тридцать лет назад говорила мне, что служение антихристу не принесет мне счастья. Прости меня за гордыню! — отец по-детски всхлипнул и продолжал. — Пойми, уже в первом классе я был изгоем: как же, поповский сынок — сначала всех приняли в октябрята, потом в пионеры, и только один я был в стороне от всеобщего счастья. Особенно тяжело мне, лучшему ученику в школе, круглому отличнику и атеисту, было, когда меня не приняли в комсомол. Ты даже не представляешь, мама, каково мне было, я сгорал от стыда за свое происхождение. Вот тогда, в десятом классе, я и решил: сменю фамилию, откажусь от священника отца и поступлю в милицейское училище. Не понимал тогда, что отречься от своих родителей — это тяжкий грех перед Богом и людьми!

«Так вот почему в нашем семействе произошел раскол, а все от гонора и властолюбия. Но когда яростного безбожника прижало, он вдруг стал верующим, значит, есть высшая сила, способная внести успокоение в мятежную душу. А это и есть чудо!» — с каким-то внутренним умилением подумал я, — и когда вспомнил свое космическое видение, меня озарило: это мой дед указывает мне путь к Богу!

— Молод ты был, слишком самолюбив, не терпел чужого мнения, в том числе и моего, — поглаживая голову отца, шептала бабушка, — но ничего, главное — ты прозрел, а Бог тебя простит. Все эти годы я молилась за тебя, и мне было видение, что ты придешь ко мне и покаешься!

— А как быть с отцовским проклятием? Оно так и будет висеть на мне до конца жизни?

— Нет, сынок, вот выздоровеешь, сходишь в церковь, поставишь свечку и попросишь прощение у Бога и у отца.

— Спасибо, мама, ты сняла тяжкий груз с моей души. Когда меня ранили, в ожидании смерти думал я — о проклятии, о том, что умру не прощенным. Сынок, как ты думаешь еще не поздно вернуть нашу истинную фамилию? — неожиданно обратился он ко мне.

— Не поздно, отец, я готов, — ободряюще улыбнулся я.

— А ты, мать, что думаешь?

— Я? Как ты скажешь, так и будет, — смахивая слезу, улыбнулась моя мать.

Глава 10

— В деревню или на Неглиную? — усаживаясь в машину, спросил я у матери.

— Какая деревня, домой, — махнула рукой мать, — не можем же мы бросить отца.

— Но там опасно, и ,потом, отец будет под присмотром, — ответил я ей.

— Что ты говоришь, какой присмотр, — с жаром воскликнула мать. — Он должен быть под моим присмотром. Еще неизвестно, как все обернется, вдруг заражение — сам знаешь, какая сейчас медицина, не врачи, а коновалы.

— Мамуля, это уже слишком, там врачи как врачи, не лучше, но и не хуже, чем в кремлевке, — попытался я успокоить ее.

— Все, ни слова больше, я знаю одно: такое ранение не проходит бесследно, можно ожидать чего угодно, поэтому я остаюсь здесь, и буду дежурить у постели отца.

— Хорошо, хорошо, я согласен, только будь поосторожней: не хотел тебе говорить, но, думаю, те, кто покушался на отца, могут предпринять еще одну попытку свести с ним счеты.

— Сеня, меня не надо пугать, я знаю одно — все обойдется, и он будет жить!

— Я тоже так думаю, — подала голос бабушка, — но охрана ему не помешает, а ты, голубушка, правильно сделаешь, если будешь дежурить у его постели. Как никогда нужна твоя забота, твое тепло и внимание.

Я на автомате вел машину и размышлял о том, что мне делать дальше, — бросить отца и мать я не мог, но не мог бросить все свои дела, поэтому решил так: с утра — в Дрянск, к вечеру мчусь к отцу, ночью и снова в путь.

Не успел я додумать свой план действий на ближайшие несколько дней, как подал голос мой мобильник, и Жоркин голос прервал мое безрадостное планирование.

— Семен, я все знаю, — без предисловия напористо заговорил Жора, — отец ранен, ему требуется охрана, и твое присутствие необходимо, но оно необходимо и здесь — заварил кашу, помогай ее расхлебывать! Предлагаю сделать так: с утра ты у нас, к вечеру — у отца, идет?

— Значит, так, — раздраженно ответил я, — ты не командуй, не надо все решать за меня, я сам знаю, как мне поступать, и помни: от решения вопроса здесь, в Москве, полностью зависит твоя судьба. Не забывай, мой разговор с Мухиным решит многие проблемы, а его поддержка дорого стоит, понял, ты, чукча?

— Ну куда уж нам, лапотникам, мы ничего, кроме навоза, не нюхали, а туда же, как говорится, из грязи да в князи, — обиделся Жора.

— Жора, прости, это я так, от расстройства, завтра вечером, после разговора с боссом, буду у тебя, жди.

— Бабушка, моя милая бабушка, предлагаю сегодня переночевать у нас, а завтра, после обеда, почимся в деревню. Ты как? Не возражаешь? — спросил я.

— Делай так, как тебе удобнее, мне в деревню не к спеху, дом в надежных руках, — похлопав меня по плечу, улыбнулась бабушка Аня.

Я въехал во двор нашего дома и вдруг в свете фар увидел знакомую фигуру: у подъезда, прижимая руки к груди, стояла Лена. От удивления, смешанного с восхищением, я разинул рот, да так и застыл с отвисшей челюстью. В свете фар она выглядела фантастически прекрасной, ее изумительную фигуру облегалo прозрачное платье, которое подчеркивало великолепную линию бедер.

— Лена?! — удивилась бабушка. — Почему она здесь? Что-то случилось?

— Бабуленька, сейчас узнаем, — вылезая из машины, успокоил я ее.

— Лена, почему ты здесь, что-то случилось?

— У меня — ничего, просто не могла усидеть дома, когда у тебя такое...

— У нас все хорошо, отец жив, мы только что говорили с ним.

— Если все хорошо, тогда я поехала?

— Привет, ну ты молодец, ехала, ехала, и на тебе — поеду. Нет, уедем завтра, вместе с бабушкой, и, потом, мне кажется, ты что-то недоговариваешь, так?

Лена хотела что-то сказать, но в эту минуту подошла мама, а вслед за ней и бабушка.

— Лена, что случилось? Просто так ты не могла бросить дом, говори... — спросила бабушка.

— Ничего не случилось, а за домами присматривает моя мама. Все хорошо, — как-то безрадостно улыбнулась Лена.

— Так уж и ничего? А мне кажется, ты просто не хочешь говорить — пристально глядяваясь Лене в глаза, продолжала бабушка, — я тебя знаю, не ври мне, но если не хочешь, молчи.

Войдя в квартиру, я тут же провел Лену в свою комнату и, прижав ее к своей груди, тихо попросил. Теперь рассказывай, что произошло.

— Представляешь, Сивый сегодня утром приехал ко мне домой и предложил выйти за него замуж, а когда я категорически отказалась, начал угрожать, мол, если не пойду за него, то он сожжет наш дом.

— Успокойся, радость моя, я с ним разберусь, он навек забудет тебя, — успокоил я ее, — сегодня уже поздно, а завтра я найду этого скота и набыю ему морду.

— Сеня, милый, это очень опасно, он бандит, у него целая шайка таких же отморозков, как и он, — попыталась предостеречь меня Лена.

— Ничего, я тоже не одинок, ты забыла, что у меня есть верные друзья? Правда, в таких делах порядочные люди разбираются один на один, — ответил я ей.

— Так то — порядочные, а Сивый — подонок, он плевать хотел на порядочность, — возразила Лена.

— Ты что же, предлагаешь все спустить на тормозах? Ну нет, я его достану... — и, увидев в Лениных глазах страх, я еще больше обозлился. Еще не знаю как, но обязательно достану, да так, что он навсегда забудет дорогу в деревню, — покрывая поцелуями лицо и шею Лены, уверил я ее и в следующее мгновение мы рухнули в кровать.

— Какие же мы с тобой бессовестные, бабушка с матерью сидят на кухне, а мы здесь предаемся любви, — одеваясь, качала головой Лена и, поцеловав меня в щеку, вышла из комнаты.

Когда я появился на кухне, там все были в сборе — мать хлопотала у плиты, бабушка читала молитву, а Лена стояла у окна и смотрела во двор.

— Сынок, бабушка собралась в деревню, ты же отвезешь ее? — спросила мать.

— Конечно, отвезу, но чуть позднее, мне срочно надо решить один вопрос с моим работодателем, не возражаете?

— Делай свои дела, внучек, а мы подождем, — улыбнулась бабушка, — а потом, смотри, твоя мать затеяла стряпню, пока не отвеедем, никуда не поедем, так ведь, Настя?

— Так, мама, так, хочу вас угостить своим фирменным тортом.

Наскоро выпив по стакану чая, мы с Леной вышли во двор. Там, к моему удивлению, прислонившись к машине, стоял Антон.

— Ты что тут делаешь? — спросил я его.

— Дак вот жду тебя, уж больно я соскучился по тебе, ну а тут звонит Пашка и говорит — так, мол, и так, надо бы присмотреть за тобой, ежели што, помочь. Ну, я ему в ответ — какой может быть базар, конечно, пригляжу, и вот я здесь.

— Ладно, разберемся потом, а пока садись в машину, — толкнул я Антона в бок.

— Куды едем-то?

— Куды, куды, на кудыкину гору! — хохотнул я. — К моему шефу, разговор у меня с ним.

— Я Антон, школьный друг этого обалдуя, а ты Лена? — по=бычьи, наклонив свою рыжую голову, представился он. — Знаешь, Лена, за этим шлопутом всегда нужно приглядывать, вечно к нему липнут всякие неприятности, он уехал из Клинска, а я настороже, думаю, вот-вот, что-то должно случиться, так и вышло. Ну ничего, теперь все будет тип-топ.

— Когда есть такие друзья, наверняка все будет тип-топ — улыбнулась Лена.

— Знаешь, Лена, дружба — это святое, а началось все с одного случая. В восьмом классе у меня, как теперь говорят, не сложились

отношения с русачкой — что ни диктант, так у меня двойка. Представляешь, все спишу у Семена, а все равно двойка. Но однажды я так разозлился на эту самую русачку, что решил на перемене сделать ей больно. Вот она выходит из класса, идет, вихляя задом, и я ей вонзаю в этот зад булавку. Ой, что тут началось, визг, крик, она ко мне, хотела вlepить мне пощечину. И тут, откуда ни возьмись, выныривает Сенька и подставляет свою морду под ее ладонь. Шлепок получился классный, а Сенька потер щеку и говорит: «Извините, Марья Васильевна, это я нечаянно, вы уж простите меня». С тех пор мы стали не разлей вода.

— А дальше что же было? Двойка за год была тебе обеспечена? — засмеялась Лена.

— Нет, до этого не дошло. Ну не любил я эти всякие прилагательные, глаголы, запятые, нудные нравоучения всяких там Толстых и прочих писак. Другое дело машины, тут все ясно и понятно, где какая шестеренка крутится. Спасибо Сеньке, выручил, заставил меня заниматься вместе с ним, так и выкрутился.

— Дубина ты, Антоша, как можно не любить родной язык, — подал я голос, — ты меня поражал и продолжаешь поражать, в общем, был ты неучем, таким и остался, но я все равно люблю тебя.

— Не всем же быть таким грамотеем, как ты. Одно знаю, через свою большую грамотность у тебя одни неприятности. Не любит у нас народ слишком умных.

— Брось, ум дается не грамотой, а природой, каждый индивид умен по-своему, взять хотя бы нас с тобой — я ни черта не понимаю в моторах, а ты здесь король и, наоборот, ты далек от литературы, а я влюблен в нее.

— Вот, вот, Лена, заметь — не человек, а индивид, каково, а? Это он свою грамотность хочет показать, а ты, рвань чумазая, знай свое место, копошись в железках и не суй свой нос в разные там эмпирии. Грамотей хренов, — обиженно заворчал Антон.

Как всегда в последнее время, улицы Москвы оказались забиты машинами под завязку, но, поблуждав по закоулкам, я подрулил к дому, где размещался офис моего шефа. Я лихо влетел по лестнице на третий этаж и через две минуты рассказывал ему о состоянии дел в Клинке. Шеф молча слушал и только кивал головой в знак согласия. Наконец он встал, подошел и, приобняв меня за плечи, сказал: — Семен, я тебе полностью доверяю, но учти: вся ответственность за неудачу ляжет на тебя, а там уж не взыщи.

С этими словами он развернул меня и подтолкнул к двери.

— Победа будет за нами, Константин Петрович, уверен, Георгий будет мэром Клинка! — театрально вскинув руку в римском приветствии, с неподдельным жаром ответил я и вышел за дверь.

Уже сидя в машине, я вдруг понял, что у шефа наверняка были еще и городские осведомители, которые постоянно мониторили общественное мнение местных обывателей и тут же докладывали ему. Из этого следовало, что мы с друзьями попали точно в яблочко и при финансовой поддержке наверняка победим. В приподнятом настроении от результата встречи с Мухиным я позвонил сначала Пашке, потом Жорке и сообщил им о его поддержке. К моему удивлению каждый из них воспринял эту благою весть совершенно по-разному: если Павел отреагировал очень сдержанно, то Жора воспринял это даже несколько болезненно. Он сказал, что за это придется платить слишком дорогую цену и в результате можно оказаться в полной зависимости от денежного мешка нашего благодетеля. На что я ему резко ответил: мол на этом свете за все приходится платить, и так еще со времен Адама устроен мир, и тут уже ничего не поделаешь. Откровенно говоря, я даже разозлился на Жорку: это же надо, хочет и рыбку съесть, и на кол не сесть.

Дома нас ждал роскошный обед из борща с кулебякой, тушеного мяса и огромного торта. Увидев торт, Лена в восторге всплеснув руками, ахнула, Антон, глядя на мясо, причмокивал и плотоядно жевал губы. Плотно пообедав и собрав нехитрые пожитки, мы дружной кампанией тронулись в путь и через полтора часа въезжали в деревню. Еще издали у дома Лены мы увидели несколько пожарных машин и толпу деревенских жителей, которые угрюмо смотрели на развалины сгоревшего дома.

Не доезжая несколько десятков метров до пожарища, я остановил машину и помог Лене выйти из нее. С трудом переставляя негнущиеся ноги, Лена подошла к толпе, и тут навстречу ей бросилась соседка со словами: «Лена, туда не ходи, там, там...» — и, не договорив, молча указала на носилки, на которых, закрытый простыней, лежал труп. Оттолкнув соседку, Лена подошла к носилкам и, приоткрыв простыню, опустилась на землю.

«Мать», — догадался я и, подойдя к Лене, попытался поднять ее. Нет, она не плакала, она окаменела и равнодушно смотрела на обгоревшие бревна. Наконец поняв, что Лена не в силах встать, я поднял ее на руки и с помощью Антона усадил в машину. В эту минуту, откровенно говоря, я не знал, что мне делать: оставаться здесь, на пепелище, или увозить Лену подальше от этого кошмара. Выручила бабушка, она подошла к нам и, указав на Лену, сказала:

— Вези ее к нам домой, уложи в постель, дай стакан водки и не отходи от нее ни на шаг, а я здесь распоряжусь.

На другой день при стечении всех жителей деревни мы похоронили мать Лены. Начавшееся следствие тут же установило, что покойница была пьяна, и от небрежно брошенного окурка загорелся дом. Все это время Лена в трансе лежала в постели и на все попытки

как-то отвлечь ее от мрачных мыслей молча отворачивалась к стенке. Так прошел еще один день, и я уже начал бояться за ее рассудок, но тут ко мне подошла бабушка и, взяв меня под руку, увела на веранду.

— Знаешь, внучек, у нас еще одна беда, — тихо сказала бабушка.

— Что еще за напасть? — уставился я на нее.

— Бог послал Лене еще одно испытание, — все так же тихо произнесла она.

— Бабуля, милая, говори яснее, — взмолился я.

— Из-за больших переживаний у Лены отнялись ноги.

Я оглушенно смотрел на бабушку и не верил ей. «Не может этого быть, она слишком молода, здорова и сильна, не может этого быть», — как заведенный твердил я себе.

В эту ночь я долго лежал без сна и только под утро провалился в глубокий сон.

Сначала мне показалось, что я вот-вот разобьюсь о быстро несущуюся мне навстречу землю, но вдруг какая-то неведомая сила резко затормозила мое падение, и я мягко приземлился на поле, покрытое изумрудной травой. Я с изумлением оглядел бескрайний луг, одинокие деревья в море травы и безоблачное голубое небо с обжигающе-ярким солнцем и от удивления ойкнул — мир, из которого я прилетел, был совершенно другой, там царил непогода, шел дождь. Изумление мое еще больше усилилось, когда я понял, что это не сон, это какое-то чудесное перемещение во времени и пространстве, в новый, неведомый мне мир. Пока я, пытаюсь осмыслить новые реальности, приходил в себя, налетел шквалистый ветер и в одночасье превратил небо и землю в бушующий ад. Небо то и дело раскалывал оглушительный гром, гигантские огненные стрелы пронзали землю, и на меня обрушились потоки воды. Я бросился бежать и вскоре очутился под каким-то дощатым навесом. Обессиленно прислонившись к столбу, я зачарованно смотрел на бушующую стихию и все пытался понять, каким таким образом могут совершаться чудеса, подобные моему перемещению в новое измерение. «Это сон», — решил я и ущипнул себя за руку, но, ощутив боль, подумал: «Нет, это не сон, а какая-то чертовщина», — и в это мгновение что-то теплое и мягкое коснулось моего плеча.

На мгновение оцепенев от ужаса, я тут же отпрыгнул в сторону и оглянулся — передо мной стоял дремучий старик и степенно оглаживал свою седую бороду. «Вылитый Николай Угодник», — почему-то подумал я и медленно поклонился ему.

— Не волнуйся, я здесь чтобы помочь тебе поверить в Божественное Провидение и принять сердцем учение Иисуса Христа. Уверуешь, и Он поможет тебе в твоём горе. Покайся в грехах, исповедуйся и причастись Святых Христовых Таин.

— Верую, верую! — упав на колени и крестясь, вскричал я.

— Если так, возвращайся домой, — тихо, с достоинством сказал старик и тут же исчез, растворился, будто никогда и не было его в природе. Не знаю, что случилось со мной, но после этих слов мне вдруг стало спокойно и даже радостно, и я тут же залился счастливыми слезами, будто и впрямь все мои несчастья остались где-то там, в другом мире. Очнулся я у постели Лены, по щекам катились слезы, но сердечная боль, которая преследовала меня последние два дня, стала понемногу отступать и вскоре исчезла совсем. Я поднялся, подошел к окну и сквозь его мутное стекло увидел чистое небо и солнечные блики на яркой зелени деревьев.

В то утро я, точно робот, все делал механически, одна мысль беспрестанно преследовала меня — немедленно одеться, пойти в ближайшую церковь и сделать все, как говорил седобородый старец, так похожий на Николая Угодника. Я все так и сделал — священник Успенской церкви исповедал и причастил меня, после чего я тут же завел машину и помчался в Покровский женский монастырь, где находится рака с мощами блаженной Матроны Московской. Я не знаю, почему поехал именно туда, да и не особенно задумывался над этим, просто в моем подсознании вдруг появилась непоколебимо твердая уверенность, что именно там я найду сострадание и помощь. Наконец, после долгого ожидания своей очереди, я смог преклонить колени перед мощами святой праведницы Матроны и, горько плача, рассказать ей о несчастье, которое постигло мою любимую. Не знаю, что испытывают другие люди, которые так же, как я, приходят к ней со своими болями, но я всем своим существом почувствовал, что святая заступница Матрона вымолит прощение у нашего Вседержителя, и Он вернет силу и здоровье моей единственной отраде в этом страшном мире, мире, погрязшем в суете и безверии, в страстном желании ухватить лучший кусок и лучшее место под солнцем.

Ночью я возвращался домой, когда мой мобильник требовательно затрещал, и я услышал радостный возглас своей бабушки: «Сема, Семушка, чудо, чудо, у Лены на правой ноге шевельнулся большой палец, ты понимаешь, что это значит? Это значит, что наше дитяtko будет ходить, будет бегать на своих чудесных ножках. Свершилось, Бог не оставил нас, Всевышний помог нам, спасибо Господу».

Бабушка еще долго что-то говорила, но я не слышал, я молился и благодарил святую блаженную Матрону за ее заступничество перед Богом, за огромное счастье, которое Бог даровал нам, большим грешникам и бывшим безбожникам.

ЭПИЛОГ

После потрясений, связанных с покушением на отца, смертью матери Лены и Лениным параличом я был в каком-то ступоре, но сейчас все позади.

Лена начала двигаться, осторожно вставать с постели и с моей помощью ходить по комнате. В один из таких дней я сделал ей предложение стать моей женой, Лена согласилась, и мы решили, что как только она окрепнет, сыграем свадьбу. Тем временем в городе произошла бескровная революция — бывшему мэру и его шайке жуликов и воров горожане выразили недоверие, избрав Жорку городским головой. По представлению нового мэра со своих должностей были тут же уволены прокурор, начальник городской милиции и все чиновники, замешанные в коррупции. У моих друзей все складывается как нельзя лучше. Пашка уехал в столицу руководить молодежным движением в масштабах страны. Авсей, бросив министерский кабинет, стал директором строящегося автозавода и укатил на стажировку в Германию, Антон вернулся к своим сервисным делам. Мой главный враг Сивый как-то незаметно исчез из города и больше никогда не напоминал о себе. Ходили слухи, что он при очередной бандитской разборке был застрелен и похоронен в Клинке.

Вскоре я стал замечать, что потерял интерес к своей репортерской работе, как-то вдруг она показалась мне излишне суетной и в какой-то мере бессмысленной. Незаметно для себя я увлекся чтением богословской литературы, она как бы очищала мою душу от повседневной грязи и бесконечной погони за призрачным житейским успехом. Особенно радовалась за меня бабушка — видя меня за чтением Библии, она тихонько выходила из комнаты, вставала под образами и долго молилась. А когда я сообщил ей о том, что решил стать священником, благословила и, троекратно перекрестив, сказала: «Я была уверена, что ты, внучек, найдешь свой истинный путь в жизни, продолжишь святое дело служения Богу нескольких поколений Архиповых и исполнишь наказ своего деда».

А вчера к нам в деревню приехал отец и, узнав, что я решил поступить учиться в семинарию, тут же предложил продать коллекцию, а деньги отдать на восстановление деревенского храма, который за многие десятилетия забвения превратился в руины. Уже через неделю коллекция была продана, я получил благословение нашего протоиерея и занялся нелегким делом восстановления нашего храма. С этого момента для меня началась совершенно новая, незнакомая и такая интересная жизнь.

Москва — Клин 2012 г.

Я — Москва

Войдите в город торопливый
Я в этом городе живу
Я часть Москвы
И сквозь Москву
кажусь невиданно красивой
Когда рекою я спала
В гранитной замкнутой постели
В глазах отчаянно горели
Мои золотые купола
Я гнусь к земле моста подножьем
Бульваром листья сторожу
Кресты кладбища обхожу
Сырым осенним бездорожьем
Я под дождем свой камень мою
Горю мозаикой в лучах
Сплю башнями в ночах
Живу в Москве, зовусь Москвою
Я так нарядно предстаю
Веселья жаждущему взору
Даю себя луне в награду и голубому фонарю
И в глубине большой земли
Стою Кремлем посередине
Чтоб мостовой моей ходили
Вратами Троицкими шли.
Вгрызалась в сердце мне война
Пожар обугливал мне плечи
Но как в морозный вечер
Пушистый снег ласкал меня
Под гнетом тяжелого труда
Немели ноги, руки ныли
Но люди вы всю жизнь любили
И помнили всегда
И в час победы над врагом
И на походе мирных буден
Мою судьбу хранили люди
Меня все слышали кругом

И нынче вслушайтесь в меня
Я вам пою, узнать не сложно
Что мне светло
Что мне тревожно,
Что нет счастливее меня!

Осень

Мне бранных слов для осени не жаль
Пушай звучат в антрактах между ветром
Пушай бегут по улицам
Как летом
Косой грибной от солнышка бежал
И в страхе лист под капелькой дрожал
Уже сжигаю в парках желтизну
А сквозь огонь она ещё желтее
Я свой рассвет как желтый лист жалею
Бессмысленную честную весну
И осень ненавистную клян
Зачем же осень любишь ты меня
Зачем мне ноги каплями ласкаешь
Зачем ты за спиной вздыхаешь
И друга отбираешь у меня
Известен твой искусный маскарад
Ты опытная старая блудница
Я знаю чем могла бы ты прельститься
Но беспрестанно требует любви
Морщинистая желтая уродка
То льнет к ногам и замирает кротко
То медленно клянется на крови
Что пусто ей ночами без любви
Я верю ей. Ведь наши родственны причуды
И под горой горящей желтой груды
Есть место сердцу моему
Быть может суждено сгореть ему?

Мне не нужен партнёр

Мне не нужен партнер
Я и в песне и в танце
Автономно вольна
Я как гриф на скале
Я жестока к себе
Как когда-то испанцы

В завоеванной ими роскошной земле
Я люблю не всерьез
Увлекаюсь не глубже
Чем гармония белого с черным
И все ж

В сердце острая боль
Не становится глуше
По кому-то кто так на меня не похож

Нет ядерному оружию

Как хочется верить в спокойную осень
И в то что настанет зима и весна
Давайте друг друга тихонько попросим
Увидеть как завтра взойдут семена
Давайте взломаем дубовые двери
И ветру навстречу окно распахнем
Ах, если б вы знали, как хочется верить
Что строим навеки наш маленький дом.

Карина ПЕТРОВСКАЯ

* * *

Поэт с очень скудным умишком
издал очень толстую книжку.
Жена прочитала,
а теща не стала,
сказала, что это уж слишком.

* * *

Жил веселый домовой
за большой печной трубой.
Много пил, немало ел,
по ночам плясал и пел.
Был ли это домовой?

* * *

Маринка из Нового Света
была как-то странно одета:
две малых застежки
на голые ножки
и фиговый листик... на этом.

* * *

Красотка Мадлен из Парижа
бывала то синей, то рыжей.
И так преуспела,
совсем облысела —
на зависть большому Парижу.

* * *

Вдова мудреца из Салоников
имела тридцать поклонников:
каждый день новый,
а сердце готово
удвоить число поклонников.

* * *

Мадам из города Баку
сидеть любила на суку.
С кукушкой дружила,
и обе так мило
трещали: ку-ку да ку-ку.

* * *

Безутешный старик из Ростова
потерял и жену, и корову.
Но корова нашлась,
нет жены — вот напасть:
кто же будет доить корову?

* * *

Резвый мачо из Сарагосы
не любил отвечать на вопросы:
Где ты был?
Что ты пил?
Сколько женщин оставил с носом?

* * *

Две дамы из Сарткевали
любили соус ткемали.
С ним ели галеты,
халву и конфеты,
и пили с ним цинандали.

* * *

Все девчонки деревни Гнилушки
сшили платья цвета петрушки.
Так телят привлекали —
за подолы хватали.
Был стриптиз в деревне Гнилушки.

Ольга НАРОВЧАТОВА

* * *

Легкая тележка с лошадами белесыми
 Покатилась с неба снежными колесами,
 А в тележке парень в шапке серебристой,
 Вьюги да метели — у него хористы.

Парень, главный запевала, Февралем зовется,
 Мощный голос по вселенной далеко несется:
 Он поет о милых братьях,
без вести пропавших,
 Кроме холода и ветра, ничего не знавших.

Старший брат — Декабрь — ведал темными часами,
 Средний брат — Январь веселый — снежными лесами,
 Мать-Зима их собирала в дальнюю дорогу
 И последнего пустила братьям на подмогу.

Но не знает младший брат, что пропали оба,
 Что не братьев он найдет, а любовь до гроба.
 Он не знает, что к Весне едет на смотрины,
 Что подарки ждут его — тающие льдины.

Что горячую Весна приготовит встречу,
 Что подснежники она вынесет навстречу,
 И растаявший Февраль будет принимать их
 И забудет о Зиме и о старших братьях.

* * *

Метели вечные клубятся,
 И солнце надо мной встает.
 И люди тщетно суетятся
 Который год, который год...

Отбило детство барабаном,
 Сиренью юность отцвела...
 В мой сад войдя седым туманом,
 Спросила старость: «Как дела?»

Что отвечать? Не уцелели
Ни яркий смех, ни легкий бег...
Лишь так же кружатся метели
Который год. Который век.

К картине Матисса «Посуда на столе» (1900 г.)

Как будто ветер повернул
И этот стол, и этот стул,
И стол теперь стоит углом,
А кто ж на стуле — за столом
Сидит, клонясь, как этот день?
Я знаю! — То Матисса Тень —
Творца посуды и стола,
Где вместо них теперь — зола...
Но это все неважно:
Матисс успел отважно
Спасти! — Перенести на холст!
Во все века, на сотни верст
И на пути опасном
Он это делал маслом!
Давно прошли те времена,
И в том сосуде нет вина,
Свидетели заснули,
Но мы-то видим: вот сосуд!
И из него как будто пьют,
И нож в него воткнули,
Воткнули нож! —
И, значит, все ж:
Матисс сидит на стуле.

* * *

Кем он забыт, роман головоломный,
Где старый сад и пенье соловья?
Мелькает там сапожник из Коломны
И вся его несчастная семья:

Василий возвращается из плена —
Пьянчуга, гитарист, почти святой.
Бежит от сумасшедшего полена
Больной ребенок в мир полупустой.
Слепая мать опять заходит в реку,

Опять до дома не дойдет сама...
Зато глаза не видят дочь-калеку,
Другую дочь, сошедшую с ума.
А третья дочь...

На ней-то вся забота —
В тринадцать лет тринадцать верст в пути,
До смерти будет ей одна работа —
Спасать родных, да разве их спасти?

Беда с порога и туда дорога,
Где все охают, что ни пожелай...
И будет вечно уповать на Бога
Под поездом священник Николай.

А все-то начиналось от Коломны,
Откуда родом, стало быть, и я.
Он не забыт, роман головоломный,
Поскольку это — книга Бытия.

Старинный сад — прекрасное начало,
Полет чижа, тепло в моем дому...
А то, что время тихо поломало,
Не видно и не важно никому.

* * *

«Который час?» — меня спросили дети,
Передо мной вспорхнувшие во мгле.
Давно живу, но не могу ответить,
Который час иду я по земле.

* * *

Не тяни меня, не тяни,
Где скамейка стоит в тени,
Где ползет муравей, спеша,
Где сосна кривей, чем душа

Не тяни меня к небесам,
Я найду к ним дорогу сам,
Я хочу в них поплыть один
В тихом золоте паутин.

* * *

Из наволочки бытия
Зима на землю пух трясет,
Холодный, снежный пух трясет.
О Боже мой! Как больно все.

И ветер вдаль его несет,
За города, на те холмы,
Куда придем потом и мы...
О Боже мой! Как больно все.

Но он так бел и так красив,
Летит он в душу, не спросив,
И боль уходит из нее,
Быт переходит в Бытие.

И время мчит во Времена,
Вдевая ноги в стремяна,
И мы опять начнем с нуля,
Хоть будет пухом нам земля.

Смотрите, как трава растет
Без размышлений и забот.

* * *

Мне сон приснился неслучайный:
Дымилась надпись в небесах:
«Я жил всегда твоей печалью
Там, на неведомых полях»,

И профиль друга прорисован
На фоне красных облаков.
Был этот сон значенья полон,
Как звон столкнувшихся веков.

Изображение застыло,
И, посылая свет ему,
Все небо памятником было
Поэту — другу моему.

* * *

Мне сказали, что умер мой друг,
Я не верю, не верю, не верю:
Приоткрыл он Небесные двери,
Но не выпустил Солнца из рук,

В цирковых утопая огнях
И цветами поклонниц заснежен,
Он танцует на двух лошадях,
Он еще до сих пор на манеже.

Под копытом арена дрожит,
И цыганские песни летают,
Он под купол бросает ножи,
А ножи небеса протыкают.

И все выше стремятся взлететь,
Будто острая жалоба к Богу,
Будто просьба судьбу одолеть,
Цирковую осилить дорогу.

Мне сказали, что умер мой друг,
Ну а звезды поверили мне бы:
Просто он самый лучший свой трюк
Исполняет под куполом Неба.

Мне сказали, что умер мой друг,
Я не верю, не верю, не верю:
Приоткрыл он Небесные двери,
Но не выпустил Солнца из рук.

* * *

Непредназначенный на слом,
Тот дом — из прошлого — послом.

Почти как небо, высоки
Задумчивые потолки.

Настойчивая полумгла
В седые смотрит зеркала.

Перед камином без огня
Сидит старик, не помня дня,

У ног его, стара и зла,
Собака черная — Зола.

Вокруг, проворны и легки,
Летают слуги — сквозняки.

Через немытое стекло
Хозяин смотрит тяжело.

Заброшенный в который раз,
На правнуков своих — на нас.

Но сам готовил наш побег.
Сердитый позапрошлый век.

О себе

Родилась в Москве в 1942 году. Член Союза писателей Москвы.

Профессиональная актриса. Работала в кино, театрах, в основном — детских.

Первая публикация в 1972 году в журнале «Юность». Некоторое время посещала семинар поэзии Бориса Слуцкого. После смерти отца, Сергея Наровчатова, крупнейшего поэта фронтового поколения, постоянно работаю с его архивом, участвуя в мемуарных сборниках, посвященных ему и поэтам его окружения, — в качестве составителя, автора статей и стихов. С этой же тематикой выступала в газетах и журналах как в Москве, так и в регионах.

Последняя книга, посвященная памяти отца, «А главное, дул береговой ветер», вышедшая в 2010 году в издательстве СИ ДИ Пресс, встретила поддержку Комитета телекоммуникаций и средств массовой информации при правительстве Москвы.

В нее вошли неизвестные ранее документы и фотоматериалы, также публицистика и ранние стихи С. Наровчатова.

Много времени отдаю творчеству для детей: пишу сказки, истории, стихи. Сотрудничала с театрами, написала песни к спектаклям «Колобок», «Кот в сапогах» в Московском театре кукол «Альбатрос».

В середине 80-х годов XX в. сотрудничала с Театром зверей им. дедушки Дурова в спектакле «Волшебный слоненок» (музыку к тексту моих песен сочинил В. Шаинский) и других.

Ольга Наровчатова

Вьючная баба

Бывают вьючные ослы, верблюды. Можно навьючить лошадь, ее несложно найти в любой стране, в разных широтах. Но есть один вид вьючного млекопитающего, который, пожалуй, нигде, кроме России, не встретишь. Это ВЬЮЧНАЯ БАБА — вид в России распространенный, обитает повсеместно!

Я много ездила по свету, но как-то не встретилось мне ни одной француженки или англичанки с двумя-тремя сумками продуктов в руках. И американок не встречала. И уж тем более японок — там и не едят столько, у них одно яблоко на всю семью разрезают. Это мы ухитряемся почти каждый день таскать полные сумки для семьи из трех-четырех человек. В последнее время и у нас многие переняли европейскую привычку по выходным закупать продукты в супермаркете — едут туда на машине и запасаются на неделю. Мне это не кажется правильным, есть много более интересных мест, куда можно в выходной пойти всей семьей, или просто без суеты всем вместе позавтракать и пообедать дома, уделить больше внимания детям. Но сейчас уже многие так поступают, да и машин у молодежи стало гораздо больше. Правда, к нашему экзотическому виду это не имеет отношения. Его представительницы ведут самый простой, непритязательный образ жизни, привычно довольствуются малым, и в добывании этого малого надеются только на себя. Они едут в Ашаны и Рамсторы общественным транспортом. Наибольшее скопление их можно наблюдать в канун какого-нибудь праздника. В супермаркете они долго бродят между полок, наполняя продуктами тележки, а потом набиваются в автобусы, обрывая руки тяжелыми сумками, в которых тащат домой двумя-тремя видами транспорта даже морковку и капусту.

Но лучше всего наблюдать этот вид на утренней или вечерней зорьке в районе пригородных электричек. Что только ни везут они утром на свои шесть соток! Продукты, рассаду, саженцы, удобрения, а отдельные особи — еще и какие-то палки и дощечки! Большой популярностью у них пользуется «дамская сумочка» на колесах — наши телеюмористы так окрестили эти сумки, потому что в нагруженном виде ее ни один мужчина не поднимет! И действительно, я как-то слышала, как одна обладательница такой сумки хвасталась, что в электричку ей эту «сумочку» трое втаскивали!

А вечером электричка с грохотом распахивает двери, и на городскую платформу одна за другой вываливаются ВЫЮЧНЫЕ БАБЫ. Они гуськом бредут по платформе к метро — за спиной рюкзак, сзади гроыхает колесами «дамская сумочка», набитая выращенным на шести сотках урожаем, в другой руке — еще одна сумка или корзина, иногда — переноска с любимым котом или собака на поводке. Бредут тяжело, по-утиному переваливаясь с боку на бок на больных ногах. Возраст, в основном, пенсионный. Мужские особи встречаются, но редко. В подавляющем большинстве это она, ВЫЮЧНАЯ БАБА, — трудолюбивая, терпеливая, выносливая. Берегите ее, в ней суть земли Русской! Занесите ее в Красную книгу!

Лексевна

— Что ты пригорюнилась, Лексевна?
Что глядишь печально на закат?
Во дворе твоём с избушкой древней
Ни скота, ни птицы, ни внучат.

— Знаешь, дед, бывало, куролесил,
Выпить дай и хлебом не корми!
И не лень за водкою по лесу
Восемь верст на лыжах без лыжни!

Не боялся никакой отравы —
Выпьет все, что от огня горит.
И сердечных капель не оставит!
А вот помер, и душа болит.

Я, бывало, на него ругалась,
Что он пьет, беспутный, все подряд,
Горькими слезами умывалась,
Мат в ответ, конечно, перемат.

Но вдвоем справлялись в огороде.
И с коровой. Пасека опять...
Летом с внуками забылась в роде,
Но одной не перезимовать.

Скоро дачники уедут в город,
Здесь жилых два дома только — мой
Да вон тот, с рябиною который.
Там — Михеич, да и тот немой.

У него еще жива старуха,
А вот мой — убрался на покой.
Вот такая, стало быть, поруха,
Так Господь распорядился мной.

И уже распродали скотину,
Дочки увезут меня в Москву.
Там на верхотуре, в доме длинном,
Не приведи Господь, зимой помру.

Кто ж меня сюда, с какой невзгоды,
По сугробам в пояс повезет,
Если к нам и летом в непогоду
Разве только трактор доползет.

Похоронят там, где детям надо,
И лежать здесь деду одному.
Эх, коли меня не будет рядом,
Он не нужен больше никому!

Здесь росли, вся жизнь — судьбой одною.
Вместе тесно, да не сладко врозь.
Дом разграбят бандюки зимою,
Их сейчас несчетно развелось...

И, как увезли внучаток в школу,
Сердце ноет, ноет — просто жуть!
Коль не приберет Господь к Покрову,
Хоть бы мне до лета дотянуть...

Наталья

В стороне от дорог, за лесочком —
Деревушка на крутом бугорочке,
Соловьиная сирень под окошком,
Возле речки — огород да картошка,
А за речкой — луга заливные.
Хоть и глушь, не тайга — центр России.
И живут в глуши за дальнею далью
Бабка Дарья да бабка Наталья.
Коровенка на двоих, кур немножко.
Только в их домах светились окошки.
Три других давно стоят сиротливо,
Заросли огороды крапивой.

Кто-то в дальних краях ищет доли,
А другие — под крестом в чистом поле.

А Наталья с Дарьей с детства дружили.
Самолеты вражды в небе кружили,
Да снаряды грохотали, визжали,
А девчонки в погребушке дрожали.
В год лихой девчонки с мамками выли —
Похоронки на отцов получили,
На бойцов, в боях за Родину павших.
И росли сиротки — Дашка с Наташкой.
Жизнь и трудной была, и веселой.
За семь верст девчонки бегали в школу,
И невестились вдвоем под гармошку,
И пололи, и копали картошку.
Легкой жизни у судьбы не просили,
Вышли замуж, ребятишек растили.
И до света из глухой дереvушки
На работу шли доярки-подружки...

...Как вода в реке, проносятся годы,
Доконали дереvушку невзгоды.
Пролетела жизнь в трудах и заботах,
Ни колхоза нет уже, ни работы.
На полях, где раньше зрела пшеница,
Конский щавель да репей колосится.
Нет коров на ферме — голые стены,
Ни кормов им не хватало, ни сена,
Крыша в дырах и окна без стекол.
Доживают бабки век одиноко.
Дарья ждет весной из города дочек,
А к Наталье не приедет сыночек.
Муж на кладбище лежит деревенском,
Командир-сынок — на первой Чеченской.
С той поры все чаще сердце щемило —
Для того ль она сыночка растила?
Воевал отец за дом свой, за ниву.
А сынок? За лопухи да крапиву?
Нет ни края, ни конца у печали,
И горит огонь бессонный ночами...

... Встала Дарья чуть свет по привычке,
Первым делом — за дрова да за спички,

Ночь морозною была и метельной,
Намело сугроб у Дарьи под дверью.
Разгребла лопатой снег, разметала,
До колодца путь в снегу протоптала,
Да застыла, замерла у колодца —
Над Натальиной избой дым не вьется!
Дарья бросила ведро, всполошилась —
Неспроста изба в мороз не топилась!...

В Залесье

По лесистым холмам, по просторам полей
Разбрелись, обозначив Россию,
Тут и там белостенные сотни церквей
В куполах златоглавых и синих.
Ярославль, Переславль — сердце русской земли,
Сказок родина, сказов былинных.
Здесь вставали дружинами богатыри,
Русь стараясь собрать воедино.

Но сегодня обычно в чужой стороне
Ищут счастья крестьянские дети.
Их слова о любви и к земле, и к родне
Ничему не помогут на свете,
Если брошен забытым родимый порог,
Заколочены в избах окошки.
А на пыльных обочинах русских дорог
Сплошь армяне торгуют картошкой.
Где же дети крестьянские нынче живут,
И к чему их приложены руки?
Опустевший очаг за гроши продают
От земли отлученные внуки.
«Продается» — на старых калитках висит.
Старики в деревнях вымирают.
Но народная мудрость недаром гласит:
«Свято место пустым не бывает», —
Здесь другие народы находят приют.
Это русской глубинкой считалось!
Мне не жаль, что в деревне армяне живут,
Жаль, что русских там мало осталось!

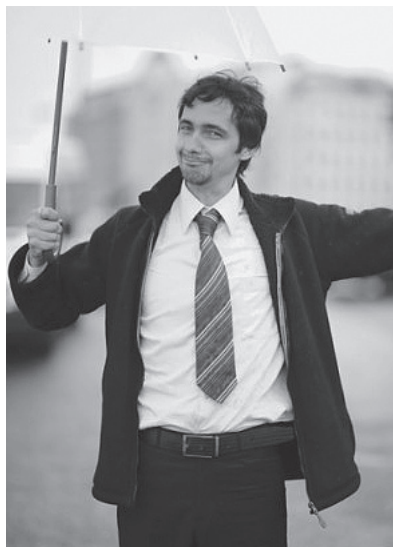
Океан

Что если ты совсем не знаешь
 Ни моих волн, ни берегов,
 Что если пену ты считаешь
 Основой всех первооснов?
 Что если штиль — моя забота
 Об утлой лодке рыбака
 И мягких волн моих полотна
 Скрывают глубину без дна?
 Что если вдруг, когда-нибудь «однажды»,
 Во мне ты распознаешь океан?
 Я подарю тебе — навеки влажный -
 Из тьмы подводной талисман.

Узнаешь ты и силу шторма,
 И ласку бриза, и девятый вал,
 Когда рождается и умирает форма
 Всего того, что Бог нам дал.
 И в таинствах ночной прохлады

Ты сможешь быть своей тогда,
 И звезд небесных мириады
 Ты сосчитаешь без труда.
 Ведь звезды падают не мимо,
 Не в лес, не в горы, не в туман,
 На дно, которое не зримо,
 Стремятся звезды, в океан.

Я напою тебе мотивы
 Тех песен, что звучат во мгле,
 Где паруса нетерпеливо
 Взлетают с ветром наравне.
 И стран далеких ароматы
 Соленый воздух принесет,
 И городов чужих громады
 Тебе раскроет горизонт.
 Увидишь ты в седой пучине
 Тех, пепел чей развеян надо мной,

Узнаешь обо всех причинах,
Что так тревожат род людской.

Поймешь бездомного бродягу,
Спалившего весь порт к чертям,
Чтобы наполнить ромом флягу
И плыть к пустынным берегам,
Как кит, пронзенный китобоем,
Трубит последний клич судьбе
И как он, истекая кровью,
Хвостом прощается во тьме.

Я океан, но если ты не знаешь
Ни глаз моих, ни тайных слов,
Тогда ты пену посчитаешь
Основой всех первооснов.

Сон рыбака

Верю я в твое счастливое
Парус твой ветрам раскрыт
Чайка не кричит тоскливое
Чайка с небом говорит
И волна тебе подарена
Может быть одна из всех
Мной, который падает
С неба в море словно снег
Льды остались словно стеклышки
За бортом калейдоскоп
Чистят чайки свои перышки
С солнцем встретятся лоб в лоб
Твой корабль виден с берега
И в душе горит печаль
Было это или не было?
Глина это или сталь?
Здесь, среди сетей рыбачьих
Я один на берегу
Только чайки где-то плачут
Ищут родину свою
То ли берег, то ли вольная
Бесконечная волна
Или грустно иль спокойно мне
Или в сон, иль не до сна.
Верю я в твое счастливое

Хоть пустынен горизонт
Знаю я, когда с приливами
Снится мне любимый сон.
В нем на палубе качаются
Сердца два дыханью в такт
С берегом они прощаются
Занавес тумана. Первый акт.
А потом, когда отливы
Обнажают суть песка
Снится мне, что ты счастлива
Капли соли на глазах
Просыпаюсь и к биноклю
Я из хижины бегу
Море спит, оно как поле
В серебристом ровном льду.

Амбер и Ребма

Я не архитектор, но именно я
Возвел этот град из сверкающих окон
И я не танцор, но именно я
Движеньем одним разорвал этот кокон
Я не журналист, но именно я
Создал этот текст, что тревожит сознание
И я не герой, хотя именно я
Спасаю один каждый день мирозданье
Что смотришь волком в мои глаза?
Я такой же, как ты, одной с тобой крови,
Я луне провыл, но не сказал
Ни одного потайонного слова
Так же как ты, я волны считал
Валяясь в песке, рваной шерстью к небу
Так же как ты, кости чаек глодал
И в солнце тыкал битой мордой слепо.
Кто из двоих нас не доверял
Своего сердца миру зазеркальным?
Чтобы после жестокий залп
Шрамом сердце не рвал вертикально.
Знаешь, время, оно как капкан —
Секунды и годы калечат тело,
Но если знаешь времени план,
Можно повернуть любое дело.
Похоже, мы оба умеем ждать
Умеем до крови в одиночку биться

Ходили бесстрашно пасть на пасть
Ты — волчица, но не сестрица.
Я не художник, но именно я
Нарисовал портрет на снегу следами
Я не писатель, не музыкант,
Но знаю о том, что стоит за словами.
И имени нет у меня, я чист
Я отпустил все имена по ветру
Слышишь, по небу бродит кисть?
Я мир рисую за метром метр.
Заново этой Вселенной быть
Переработанной вплоть до деталей
Но никогда уже мне не забыть
Те города из асфальта и стали.
Рядом дыхание слышу я
Мне не пройти этот путь в одиночку
Это шерсть, а не чешуя
Волк и волчица поставят точку.

За закрытой дверью

За закрытой дверью
В зале пустом
Звуки утихли
Улеглась тишина
Хочешь — верь мне, хочешь не верь
Во мраке густом
Мелодии плыли
Как никогда
Сотканные из воспоминаний
В тонкую кружевную вязь
Отражались в окнах
Каплями по стеклу
Звуки волшебных признаний
Шепот: «О, мой князь»
Ответ: «Не надолго»
Вопрос: «Почему?»
В зале в этом
Где прошлый век
Оставил на стенах
Следы простые
Встретились любовь и поэт
Слово и свет
Надежда

И сказка с былью.
Закрытая дверь
Заржавел замок
Продан дом
Официально списан
Хочешь — верь мне, хочешь — не верь
Был не так уж плох
Весенний гром,
И всепрощающий ливень
Настежь окна
Сами собой
Птицы крыльями
Им помогли
Из звуков сотканный
Мрак густой
Навстречу крышам
Открылся в финале.
В небе бездонном
Рифмовалось
Прошлое с будущим
Очень нежно
Стало просто все
Все совпало
Все отпущено
В бесконечность...

Тяготение

Птица падала в небо
Крошкой блокадного хлеба
Глотком из последней кружки
Платком самой близкой подружки
Птица падала в небо
Птица небом болела
Вопреки тяготенью
Полуденной тенью

В небе до дна дотянуться
Заснуть в высоте, не проснуться
Звездой продолжая падать
С востока прямо на запад

И когда превратилась в точку
Когда задержалась там прочно

Я руки как крылья выгнул
И следом за птицей прыгнул
Падать в глубокое небо
Быть облаков напевом
Вверить себя вселенной
Самой обыкновенной
Маленьким стать мгновенно
Наивно и откровенно
Звездой продолжая падать
С востока прямо на запад.

Птицу в небо тянуло
Ветром крылья прогнуло
Перья переплавяло
И высоту сминало.

Путешественник

мне бы стать дождем
и идти всю ночь
вдохновенно петь
шелестеть, шуршать
мне бы стать дождем
я бы был точь-в-точь
Я бы мог согреть
Я бы мог не лгать
Я бы падал вниз
Я бы капли лил
Я бы мог рукой
Укрывать тебя
Я бы падал вниз
Я бы небо пил
Я бы был пустой
Лист календаря

Без определенного места жительства

Голодными руками я
 жую газетный лист
Глазами пью известий известняк
Он застывает, словно разум снова чист,
Но нет, родник сознания иссяк.

И задыхаюсь я, наполненный до края
Известкой старых новостей,
Я знаю, нет застывшему мне рая
Есть звон в ушах пустопорожних дней.

Я статуя,
Я памятник себе нерукотворный
Воображением слепым воздвиг
Над пропастью, во ржи укромной
Растаявший от солнца снеговик.

Я талая вода, теку меж строчек,
Меж фотографий, меж имен,
Река без дна среди наречий
Не глуп, и точно — не умен.

Я птица, из газеты самолетик,
Умею падать строго вверх,
В бездонный край, короче — в вечность
Я птица, я почти что стерх.

Меж ржавых облаков,
Меж пьяных небом сосен
Я — вырванный из туловища городов,
Я на ветру взлетаю прямо в осень
Листом осиновым без бесполезных слов.

Бежит по кругу время одиноко
Из статуи вода, а из воды птенец
Все хорошо, и тут же снова плохо
Начало есть чему-нибудь конец.

В газетных лепестках,
В закатном солнце, словно в перьях,
Спиной прикован я к бетонному быку
И одинокий, в Бога я поверил
Мой дом — Его, и я Его здесь жду.

ЗАКАТНЫЙ ВЕТЕР

* * *

Любовь Твоя
 Сильнее
 Этих
 Строк
 Нежнее
 Аромата
 Розы
 вешней
 Любовь Твоя
 Уходит
 Из-под ног
 И возвращается
 Рассветной
 песней
 Любовь Твоя
 Нетленная
 Весна
 Уводит
 Мое
 Сердце
 В край
 Нездешний
 И возвращается
 Рассветной
 Песней
 Лазурь
 Небес
 безбрежная
 Мечта

* * *

Подснежники
 Мне

В сердце
 Принеси
 И подари их
 Трепетно
 И нежно
 Любовь моя
 Как Океан
 Безбрежна
 Как звездопад
 Сорвавшийся
 В ночи

* * *

Кораблик
 Тает
 Улетает
 Над Океаном
 Пролетает
 Звездой
 Предутренней
 Блится
 Закатный
 Ветер
 Замечает

* * *

Остались
 За плечом
 Манящие
 Вершины
 Янтарных
 Гор
 Мерцают
 Миражи

Я ухожу
Сверкающей
Долиной
К седьмому
Полушарию
Земли

* * *

*Памяти
Владимира
Высоцкого*

Так редко
Я пишу
Тебе
Стихи
Закатные
Твои
Приходят
Строки
*Необычайной
Красоты
Цветы*
Звезды
Твоей
Как Горизонт
Далеки

* * *

Сестре Тане

Как сладко
Умереть
Поэтом
Рассветом
Гаснущим
Вдали
Я расскажу
Тебе
Об этом
Когда б мы
Встретиться
Могли
А день

Богат
Огнем
И Светом
Неувядаемой
Земли
Я расскажу
Тебе
Об этом
Когда б мы
встретиться
Могли

Константину Бальмонту

Так же трудно расставань,
Как и в небе нам свиданье.

К. Бальмонт

Когда-нибудь
Мы встретимся
В Пути
Стихом
Закатным
Мы восходим
К Небу
Подвластные
Волшебному
Напеву
А Время
Расставаний
Впереди

* * *

Зеленый
Луч
Сказавшийся
Твоим
Овеянный
Неопалимой
Песней
Какой
Огонь
Зажжен

В моей
Крови
Твоим
Дыханьем
Светлым
Предрассветным
Зеленый
Луч
Рассвета
И Любви
И поцелуем
Солнечным
Чудесный
Какой
Огонь
Зажжен
В Твоей
Крови
Моим
Дыханьем
Светлым
Предрассветным

* * *

И легкие
Тени
Уже
Без Тебя
И ветка
Сирени
Уже
Без меня
В пьянящей
Купели
Предвечного
Дня
Где легкие
Тени
И ветка
Сирени
Уже
Без Тебя
Уже
Без меня

* * *

Я ухожу
Меня
Останови
Воздушной
Сказкой
Запоздалым
Счастьем
Последним
И единственным
Причастьем
Той Песнею
Рожденной
На крови

* * *

А Ты
Придешь
Ко мне
В свой
Срок
Утешить
Или опечалить
Как приходил
Ко мне
Вначале
На перепутье
Всех
дорог
Твоя высокая
Тропа
Твоя жемчужная
Трава
Которая рождает
Строки
Где начинаются
Истоки
Заветные
Слова
Стиха

Валерий ЖЕЛЫБЕНЦЕВ*г. Калуга*

Мы — часть природы...

Мы часть природы. Забывая это,
Клянем беспомощность свою,
Когда не можем защитить от ветра
Свечу и жизнь, подобную огню.
И чувствуем, как будто виноваты,
Что сил своих не можем передать
Любимым, уходящим безвозвратно
В край тишины, где больше не страдать.
Мы — часть природы. И её законы —
Законы наши. Мир тебе, Земля!
Приемлю всё: и радости, и стоны,
Весну и зиму, «можно» и «нельзя».

Осенний вальс

Жёлтый лист на асфальте заплатой,
Клён меняет свой летний наряд!
В моде осенью жёлтое платье —
Холод красит, а ветры кроят.
И окажется платье ненужным
Где-нибудь на пороге зимы.
Листья кружатся, листья кружат...
Вместе с листьями кружимся мы.

* * *

Берегите природу.
Берегите себя.
Пейте чистую воду,
Всё живое любя.
Тишину берегите
От разрывов гранат —
Её тонкие нити
Не для зла канонад.
Научите ребёнка,
Что нам нужно беречь.
Берегите от сора

Нашу русскую речь!
Мне тревожно и больно
Видеть варварский след
И в немой колокольне,
И в тоске общих бед!

* * *

Блится солнце в лужах,
На склонах тает снег.
Весна... Теплом разбужен
Ручья журчащий смех.
Грач прилетел из тёплых мест,
Вышагивает важно.
Великолепна синь небес,
Весна — вокруг и в каждом!

* * *

В этом доме моё детство
Феврالي свои встречало...
В полудреме можно греться
Детства длинными лучами.

Сквозь морозные узоры
Свет серебряный струится,
Мелким снегом небо сорит —
Мне не спится и не спится.

Я забыл солидный возраст,
И под ватным одеялом
Зимним утром свою взрослость
Вновь на детскость поменяю.

Слова слагаются в стихи...

Стихи читать, как раздеваться...
Поэзия — изысканный стриптиз.
Не из-за денег и не для оваций
Ложатся строчки на тетрадный лист.
Стихи писать — делиться с другом солью,
Навстречу делать первый шаг,
Понять хотя бы самое простое —
В стихах с душой встречается душа.

* * *

На одном дыхании песня не поётся,
На одном дыхании — долгое «ура-а-а»
Прозвучит и стихнет, только остается
Полной грудью воздух вновь в себя вобрать.

На одном дыхании можно объясниться,
А потом, что Бог даст, сбудется ли, нет?
На одном дыхании — всполохом зарница
Вдруг подарит ночи озаренья свет.

* * *

Великое братство поэтов —
Это по духу родство.
Глазу оно незаметно,
Но сердце имеет настрой.
И совпадает звучанье
Двух независимых струн...
В поэзии есть... обещанье...
И поклоненье костру,
Который вовек не погаснет,
В костре не поленья — слова,
Поэмою ставшие, басней...
Поэзия вечно жива!
Цветы собирают в букеты,
Из ниток плетут кружева.
Кто делает это? Поэты.
Поэзия вечно жива!

1837 год

Где светская молва, кривые зеркала
Стремятся исказить желанья и поступки,
Не может человек быть стойким, как скала:
К дуэли привели наветы, злые шутки.

И поняли не все, что грянула беда,
Что был убит Поэт каким-то иностранцем...
И это тот позор, который навсегда —
Его не смыть с себя России, как и Франции.

В любые времена хватало подлецов,
И двадцать первый век — совсем не исключенье.

В любые времена поэтом быть, певцом —
Как будто бы стоять,
жить под огнем прицельным!

Я в этот день пришел издалека...

Я в этот день пришел издалека,
Как все со мной живущие на свете.
Течёт, струится времени река,
Невидима, она и есть бессмертье.
Неосязаема, горяче-холодна,
Наполненная ей понятным смыслом.
Река течёт, в ней — каплями года,
И календарь в неё роняет листья...

Чтоб не гас живой огонь...

Счастье — не думать о счастье,
Понятии столь отвлеченном
И непонятном настолько,
Что если искать специально,
То никогда не найдёшь...

* * *

Можно есть и не чувствовать вкуса,
Пить вино, словно воду, взхлёб,
Не дорогой идти своей — курсом,
Не куда-нибудь — только вперёд!

Это страшно: жить в заданном ритме,
Видеть только мелькание дней.
И застыть в поминальной молитве,
Бесприютнее став и бедней.

Потому что друзья, не прощаясь,
Словно сбитые пулей с коня,
В край уходят и, в нём растворяясь,
От живых свою тайну хранят.

Забываем, что все мы не вечны.
Лишь когда вдруг нагрянет беда,
Понимаем — последняя встреча
И не будет другой никогда!

В этом мире блистающем, ярком,
И на этой прекрасной земле
Для живых расцветают фиалки,
Над ушедшими плачет метель.

КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОН

Когда иду по городу и в шуме
Колёс, моторов, в гуле голосов
Вдруг различаю слабый, отдалённый,
Как будто льющийся с небес волшебный звон,
Мне хорошо становится от мысли,
Что колокольный звон зовёт без слов
Быть выше, лучше и душою чище...
Звучит над городом дыхание веков.

Родился 5 ноября 1951 года в Калуге. Выпускник 1970 года Калужского государственного машиностроительного колледжа.

Долгое время работал токарем высокой квалификации в ОАО «Автоэлектроника». Увлекается резьбой по дереву, фотографией, спортом и пишет стихи, которые неоднократно публиковались в периодической печати города Калуги. Теперь мы имеем возможность познакомить читателей альманаха с творчеством этого талантливого и самобытного поэта. Стихи, которые мы здесь печатаем, вошли в поэтический альманах «Память сердца», посвящённый 55-летию со дня образования машиностроительного колледжа. Валерий Желыбенцев входил в состав литературно-поэтического кружка «Ищем таланты», которым руководила Заслуженный учитель РФ и поэт Галина Николаевна Великорецкая. Она являлась бессменным редактором рукописных литературных альманахов, которые легли в основу создания книги «Память сердца».

В стихах автора звучат философские размышления о вечности, о смысле жизни и любви, о счастье, о единстве человека с природой, о прошлом и настоящем.

* * *

Жизнь кончалась и вновь начиналась,
Проверяла опять на излом.
Оказалось, что надобна малость,
Что доска мне послужит столом.

Гоголь стоя писал за конторкой.
Пушкин жаловал кресло-кровать.
Ну а я на подоле с оборкой
Умудрялась катрен срифмовать.

И на мойке, забыв про посуду.
И на кожаной сумке в метро.
Как в раю стрекозином, повсюду
Мне готовы и стол, и перо.

На весу, если книжку приставить.
На стремянке. Над чьим-то плечом.
Невозможно в музее представить
Все, стихи сочиняют на чем!

За раскаткой слоеного теста,
Что из формы пошло выпирать.
Ведь поэту ни время, ни место
Для стихов не дано выбирать.

Диоклетиан

Посмотри вокруг без обиды
И без вызова погляди.
Ничего, что настали иды,
А календы все позади,

Что уже далеко не двадцать,
Что эпоха пошла на слом,
Что бессмысленно упиваться
Убывающих дней теплом,

И всыпать иноземцам дусту,
И крушить их богов алтарь.
Не пора ли растить капусту,
Как один древнеримский царь?

Меч вернувший обратно в ножны
И вложивший стрелу в колчан.
Не за мир ему было тревожно,
А что слизни грызут кочан.

Не пора ли попать устои,
Выпасть к старости из гнезда
И не тратиться на пустое —
Делать то, что хотел всегда:

Лунки рыть и бросать в них зерна,
А не войску кричать «Рази!».
Императору не зазорно
Ковыряться в родной грязи

Не с завитой по моде прядкой
В борозде с золотым тельцом,
А зависнув, как раб над грядкой,
С опрокинутым вниз лицом.

Послание Жанны д`Арк

Отдайте Деве, посланной сюда Богом,
Царем Небесным, ключи от всех добрых городов,
которые вы захватили, разрушили во Франции...
Король Англии, если вы так не сделаете,
то я, став во главе армии,
где бы я ни настигла
ваших людей во Франции,
заставлю их уйти, хотят они того или нет,
а ежели они не захотят повиноваться,
то я их прикажу убить.
Иисус Мария, Жанна Дева

Ее письмо враги сочтут излишним.
К чему слова, мечи звенят когда?
«Отдайте Деве, посланной Всевышним,
Захваченные вами города!»

Расчет на благородство неуместный.
Зажгут костер от реймсовой свечи.
«Отдайте Деве, посланной Небесным
Отцом, от городских ворот ключи!

Брели за мною ангелы по полю
И, глядя, как овец травой кормлю,
Твердили, что явить Господню Волю
Английскому должна я королю.

А коли станет он со мной чиниться,
С простолюдинкой в платье не для дам,
То я его заставлю подчиниться
И смерти всех людей его предам.

Хоть стригла шерсть я, и коров доила,
И наносить не собиралась ран,
Но волею Святого Михаила
Пришла и осадила Орлеан.

Стояла я как прачка у корыта,
Письмо едва умела подписать,
Но призвала Святая Маргарита
Меня не жизнь, а Францию спасать.

Екатерина прислонилась к стогу.
От зноя нимб над ней слегка дрожит...»
...Свое возьмите, но отдайте Богу
То, что и так ему принадлежит!

Дон Кихот по-русски

Архетип или простая калька,
Штамп, обманка, выдержка, клише —
Образ благородного идальго,
Явно нездорового в душе?

Он не ценит миг, который прожит,
Подвиг у него свербит в груди.
Ведь у тех, кто явь под миф корежит,
Лучшее все время впереди.

Старость их не свалит на носилки,
Не заманит здравый смысл в загон.

Вот бежит-качается из ссылки
Голубой в пломбуре plomb вагон.

Миру — мир! Вали домой, пехота!
Конь грядет троянский — Росинант
Тройку-Русь рукою Дон Кихота
Зачесать под кумачовый бант.

Не смешон мне был чудак в забрале,
Праведно громящий ветряки:
Прадедову мельницу забрали
И сожгли за то, что кулаки.

Над утратой умные не хнычут,
Отправляют прошлое под гнет.
...Оглянусь на Русь — копьём все тычут,
И вот-вот, родная, полыхнет!

Шаг лишь от героя до злодея,
Квартируют рядом рай и ад.
Что искажена его идея,
Сам Сервантес вряд ли виноват;

Что настроил пирамид Мавроди
Над могилой рыцарских начал.
Может быть, проблема в переводе?
Тот, кто его делал, подкачал?

Не учел последствий он в зачатке,
И как слово может перепреть,
Что способна из-за опечатки
Целая эпоха умереть.

Член СРП, СП Москвы, Клуба писателей ЦДЛ, Союза переводчиков России, сопредседатель Независимой писательской ассоциации «Лютня Ориолы», ведущая литературной гостиной «На перекрестках миров» Клуба писателей ЦДЛ, лауреат Большой премии Международного литературного фонда имени Милана Фюшта Венгерской академии наук (2001), премий Гуманитарного фонда им. А. С. Пушкина (1990) и журнала «Кольцо А» (2001), участница Международного фестиваля «Стружские вечера поэзии» (Македония — 1994, 1996 и 2000), автор книг «Четвертая Троя» (1993), «Кесарево сечение» (1995), «Верстка мира» (2002) и «Орден госпитальеров» (2011).

Евгения СЛАВОРОССОВА

Рождение поэзии

Соль всех морей и соль всех слез людских
 Вобрать в себя, чтоб зародился стих
 Невидимо в прозрачнейшем растворе,
 Смешавшем вместе радости и горе.

Тогда пустяк, случайность, разговор,
 Упав в перенасыщенный раствор
 Последней каплей, приведет в движенье
 Таинственный процесс преображенья,

Чтоб в глубине, как солнце, заблестал
 Поэзии магический кристалл.

* * *

Не уедем в Германию, Англию, Францию,
 Италию, Китай и, конечно, Америку,
 В Польшу и то не совершим эмиграцию,
 В Иран не сбежим, подобно дикому Тереку.

Все мои близкие отказались от счастливых шансов,
 Спрыгивая с поездов в последнюю лишь минуту,
 И возвращались под звуки народных танцев,
 Выбирая страдания, боль и смуту.

Выбирая Россию словом, душой и геном,
 Выбирая Родину, чтоб мне в Москве родиться.
 Пусть Украина отрезана автогеном,
 Они шли в Россию, чем я могу гордиться.

Полегли мои предки в землю родную. Где их могилы?
 Да заполнили воздух дыханьем своим горячим.
 Только им я могу дышать и, теряя силы,
 Помолюсь по-русски — я не могу иначе.

О марте

А ты, как обычно, с утра озабочен
(А в городе март — он мечтатель и мот),
Рабочие трудятся возле обочин,
Дороги решили отправить в ремонт.

А ты не заметил в превратностях службы
И тягот домашних — ты в дрызгах погряз,
Что нынче шедевры копировать с луж бы,
Что кто-то встревоженный город потряс,

Что ввинчивал в небо блестящую лопасть
Вверху самолет по дороге в Каир,
И лопалась почка, и школьники глобус
Крутили прекрасный и синий, как мир.

И не было выше желанья на свете —
Горячечным лбом окунуться в окно,
С уроков сбежать, чтобы вестерна ветер
Воздушной волною тянул из кино.

Но все это было пока полумеры.
Сахарою сахарной стыла зима
В лесу под Москвой. Но уже в полимеры
Был лед превращен, заливая дома.

И жизнь улыбалась, смывая помарки,
Бросаясь обрывками черновиков,
(Ах, как мы с тобою мечтали о марте
В ту зиму — подобие Средних веков).

А в школе упорно снижались отметки,
Писались стихи, разбивались сердца,
И ветки деревьев, как будто креветки,
Слегка шевелились в ладонях ловца.

Еще я не ведаю, как говорить мне
Про март — в эту жизнь он явился нагим,
Но смею смеяться — и в праздничном ритме
И в радостном гимне — мир станет другим.

Познав войну, узнал и миру цену
Тот, кто шагал в пороховом дыму...
Ему совсем не надо лезть на сцену,
Ему аплодисменты ни к чему.

Ему не страшно зависти удушье
И над другим не нужно торжество...
Не ждет хвалы его великодушье,
А благородство — тайный дар его.

Мария

(Княгиня М. Волконская)

Из послесловия, из ссылок,
Узнать — о ней писал поэт.
Мария — мученица ссылок,
В ночи сибирской яркий свет.

Из благолепия мемуаров
Узнать — кому, куда, когда.
Но из батистов и муаров
Нырнуть в такие холода.

Из отступления поэмы
Узнать, как бегала в Крыму
От волн. Но тягостны и немы
Снега, укрытые во тьму.

А ночи тянутся так долго,
И воет ветер или волк.
Не страсть, но милосердье Долга,
Не страсть, но Милосердья долг.

А сон ее у моря бродит —
Она еще так молода...
И стынут слезы Богородицы
В окладе инея и льда.

ВЫСОКОЕ ПРИСУТСТВИЕ

* * *

Богородица, Богоматерь, Ты Прекрасная Дама тоже.
Пусть Ты смотришь печальней и строже,
Все равно Ты женщина, женщина!
И Тобой нам любовь завещана,
Не аскетическая, в платочке,
Где только молитв бесконечных строчки,
А настоящая, полная страсти.
Полная, не признающая части,
Глупо воюющие друг с другом.
А непримиримость оставлена слугам
Князя мира сего.

Так дай же

Любовь Свою, самую малую даже,
Она все равно больше всякой земной.
Богоматерь, побудь со мной
Хоть мгновенье, хоть полмгновенья.
Сильнее всякого омовенья
Очищает любовь Твоя, Богородица.
Прекрасная Дама, Ты учишь не горбиться,
Не вечно скорбеть, а всегда пировать.
Исполать Тебе, Женщина, исполать!

* * *

Будет Нобелевская премия,
Но не та, что дают в Стокгольме.
Будет премия из Средиземия,
Из блаженства, из песни Сольвейг,
Из пролившейся светом тучи.
Эту премию мне и вручат.

* * *

За кофе в цедеэловском буфете
Не думается как-то о планете
С ее разломом души и государств.

И мир скорей не волк, а сытый барс,
Что съел недавно горного барана.
Но льется из невидимого крана
По капельке на темечко вода.
И эта попытка — вряд ли ерунда.
Из космоса вода — она беда.
И стоит мне огромного труда
Не закричать об этой струйке тонкой.
Ее же никакою фотопленкой
Не зафиксировать. И взглядом не поймать.
Из космоса вода... Опять... Опять...
Довольно кофе. Дайте мне вина!
Вот эта жидкость хорошо видна,
Как и трусы той дамы в супермини,
Что вслух об интернетской паутине
Бородачу крутому говорит.
Вода... Вода... Есть от нее ли щит?

В городе моих иллюзий

Я в городе моих иллюзий
Средь центра самого стою.
Городовой на гладком пузе
Погладит сабельку свою,
Усы не торопясь разгладит,
А чести не отдаст никак.
Себя спрошу: чего же ради
Я создавал весь этот мрак,
Который мне казался светом,
Большой гирляндю сплошной?
Ни лимузинам, ни каретам
Не видно истины одной,
Что в иллюзионистской шляпе
Рожденье было им дано.
Эй, кто там, йетти или яппи,
Давай сюда, здесь есть вино!
Оно, конечно, иллюзорно,
Как все вы, как я даже сам.
Но не иллюзия те зерна,
Что были первыми. Не спам.
Едва проросшие, что милость
Мне Самых Высших Сил дала.
Они воистину светились.
Могила их и та светла.

Весна не боится себя обнажить
 Перед насильниками-холодами,
 Потому что ей править и жить,
 А им истаивать в грязной яме.
 Весна — славянка античных кровей,
 И если ее попросить: «Согрей!»,
 Чистому сердцем она отдастся.
 И на ложе своем цветастом
 Ею избранного вознесет
 До таких любовных высот,
 Что он уже с них до конца не вернется.

Возвращенье из мистерий

Ночью были явлены мистерии,
 И была ты среди них своей.
 Неземными мерками вы мерили
 Мир, где мертв был искустель змей.
 А наутро кольца змея ожили,
 Ночь на землю тайн не отдала.
 И почти что с содранною кожею
 Ты вернулась в дом, где соль была.
 Всюду соль: в словах, в улыбках вежливых,
 В сладком чае, в свете за окном,
 Соль в деревьях, оттепельно-бежевых.
 И тогда ты вспыхнула огнем.
 Боль была такой невыносимую,
 Что теряла ты рассудка дар.
 Близкие твои заботой мнимою
 Тщетно заливали твой пожар.
 А когда они своим старанием
 Наконец не стали докучать
 И ушли,
 тогда твоим сознанием
 Ангел овладел, сказав: «Печать
 На тебе особая, нездешняя —
 Мы тебя отметили. Крепись!
 Ты всегда для грешных будешь грешная.
 Но тебе открыта наша высь!
 И земными мерками не мерили
 Никогда поступков мы ничьих.
 Снова будут явлены мистерии.
 Снова примешь ты участие в них».

Входя в 2012-й...

Входя в 2012-й,
Год, ставший притчей во языцех,
Год, что залег клеймом на лицах,
На коем надпись: «Как спастись-то?»,
Год, миллионы раз обсосанный
И в желтой, и в обычной прессе,
Входя в твои ворота грозные,
Мы думать не хотим о мессе,
Что будет в Космосе отслужена
По светлой некогда планете!
Мы верим: где-то там, за стужами
Весна детей весенних метит.
И эти дети — мы, прозревшие,
Глаза на Истину открывшие.
Нас больше никакие лешие
Водить не будут.

И над крышами
Из молний розы Богородицы
В одно мгновение распустятся.
Уйдет весенняя распутица.
И Новой Эры выйдут модницы
На радость рода человеческого
И в прославление Лета Вечного.

Высокое Присутствие

Высокое Присутствие, Ты всюду:
В горе и в мыши, в лике и в листе,
В лесу живом и в роще на холсте.
В Тебя не верят разве только те,
Кто получил сердечную простуду
И сердцем от нее за миг ослеп.
Да не преломим вместе с ними хлеб!
Да не пойдем в поводыри к незрячим!
Мы путь свой Вечным Светом обозначим,
И, значит, сами Вечность обретем.
Высокое Присутствие, ТЫ — «ОМ»,
Священный звук, что в каждом звуке слышен.
И я благодарю горсть спелых вишен
За то, что и она не просто так
Лежит сегодня на моей ладони.

Гордись, Земля, купцами первых гильдий,
Пусть они задиры из задыр.
В объятиях Космической Брунгильды
Вздыхнет и задохнется старый мир.
Не в ветерке, не в эллинском зефире,
А в буре света Новый Мир придет,
Как воскрешенный Зигфрид.

В этом мире

Все встанет по местам.

И свой полет

На Землю совершит опять бог Один.
И будет Новый Мир ему угоден,
В котором больше нет ни зла, ни мглы.
И в честь Брунгильды с Зигфридом столы
Поставят боги, взяв их из Валгаллы.
И растечется радостно и ало
Восход, что будет невозможно юн,
И будет невозможно долгим миг,
Когда бог Один и богиня Фриг
Дадут сигнал к звучанью слов и струн.
И мир поймет значение новых рун.

ГУМ. Кафе. Армагеддон

Наверное, нехорошо пировать
Среди сообщений о бедах планетных,
Сидеть под стеклянной крышей ГУМА
В кафе итальянском, где столько всего.
Но мы-то, мы люди от мира сего,
Поэтому в миг катастрофного шума
Нам видеть не хочется бедных и бледных
И верить не хочется в темную рать,
Что носится, косы о всех притупляя.
Здесь место, где воля не тронула злая
Тебя и меня. Мы вне смерти и тлена.
Сидим, упираясь колено в колено.
И ноги твои под столом без сапог
На ноги мои опустились.

И Бог

Прощает нам эту идиллию нашу,
И сила прощенья Его велика.
Он даже поставил незримую стражу,
Чтоб нас беспокоить не смели пока.

Две лестницы

Лестница-правда и лестница-ложь,
Как внешне они похожи!
И пробегает мороз по коже,
Когда очевидность эту поймешь.
Верной лестницей ли идешь?
И если это лестница-ложь,
То что увидишь за дверью открытой?
Может, мебельный лабиринт,
В котором рогатый приезжий с Крита
Хочет выкинуть старый финт?
А если это лестница-правда,
То в квартире тебе будет рада,
Может быть, Богоматерь Сама!
Возле двух лестниц так часто с ума
Сходят люди, от выбора погибая!
Лестница-правда, мечта голубая,
Ты ли сейчас под моими ногами?
Лестницы две. Бог один над нами.

* * *

Пускай мои стихи декларативны.
Зато они и смотрятся сейчас,
Как древние нерубленные гривны,
Которыми я целый мир запас.
На черный день сундук хранится с ними.
И в час, когда тот черный день придет,
Их разберут, мое увидят имя
И скажут всем: «Вот то, что нужно. Вот».

* * *

Дожди ледяные, как на Юпитере.
Деревья согнулись от недоумения.
Дела у планеты не «более-менее».
Дела у планеты по принципу: «Вытерпи!»,
Как вытерпеть надо и гари со смогами,
И пепел вулканный, и натиск потоков.
Не стать нам космическими недотрогами.
Не жить в подземельях, безмолвье опробав.
А надо встречать это время с достоинством.
Не паниковать, а с небесным быть воинством.

Душевные пустыни

Душевные пустыни впрямь пустынно,
В них нет ни бедуинов и ни бурь.
И в мире не написано картины,
Чтоб выразить все это.
Лоб не хмурь,
А лучше прочь беги скорей оттуда,
Пока песком не обложили сплошь.
И, может быть, тогда случится чудо —
В открывшийся оазис попадешь.
Зеленый, настоящий, немиражный,
Где финики и чистая вода.
И он не будет охраняться стражей,
Что не пустить тебя могла б туда.
Ты, главное, спеши, беги, не медли!
Душевные пустыни хуже петли,
Страшнее пули, плахи и костра.
Спеши скорее, брат! Беги, сестра!

* * *

Уснувший здесь, глаза откроешь там.
И по открывшимся перед тобой местам,
Помедлив, проведешь ты новым взором.
И вдруг увидишь шпиль за косогором
И собственный узнаешь замок свой.
Живой ли ты? Еще какой живой!
Куда живей того, что жил недавно.
И не пойдешь, а полетишь ты плавно,
Опустишься на каменный балкон.
Да каменный ли в самом деле он?
Земные так сиять не могут камни.
И плащ твой соткан из особой ткани,
Где не иглой, а мыслью все ткалось.
И даже на дворе телеги ось
И та, похоже, сделана из света.
Свет. Только свет. Пространство в свет одето.
И сам ты свет, бессмертный и разумный.
И на воротах замка старой руной
Помечен старости не знавший СВЕТ.

* * *

Из конфликтов региональных,
Словно из карт игральных,
Растет военный азарт.
Уже политических карт
Приходят в движение границы.
И только поэты-птицы
Все выше, и выше, и выше
Всяких там войн и границ.
Молитесь на этих птиц.

Кони Клодта и апокалипсис

Скачите, разбегайтесь, кони Клодта,
Пора оставить долгий-долгий пост.
Зачем вам ждать, когда недобрый кто-то
В один прекрасный день взорвет ваш мост?
А этот день совсем не за горами!
И люди не готовы к страшной драме.
Они живут чумою и пирами.
Но вы не люди. Дальний демиург
Зовет вас бросить грешный Петербург.
Не медлите, неситесь без оглядки!
Пусть даже карусельные лошадки
Последуют за вами. Скок-скок-скок!
Невидимых энергий мощен ток.
И тем, что вас держали столько лет,
Тем людям, что из камня, не из плоти,
Пошлите им прощение в полете.
Быть может, и они за вами вслед
Куда-нибудь с планеты разбредутся...

* * *

Кругом одичанье и грязи триумф.
И чистые шепчут с досадою: «Уф...»
Но все это кончится скоро-прескоро!
И разве не видно того коридора,
Который ведет в царство света сплошного?
Все-все неожиданно будет и ново!
Кто хочет дожидаться — дождетя, дождетя!
Пусть даже действительность колет и жжется!
Пусть даже и рвутся последние нити!
Так долго терпевшие, ну потерпите!

Мало в России солнечных дней,
а это, как скажет любой психолог,
причина депрессии.

Что делать с ней,
если период пасмурный долог?
Тучи не откинешь, как полож
шатра царицы из Шемахи.
И среди образной шелухи
лучшим образом радость бы стала,
что вместо солнца в нас засияла,
но и радость у нас в дефиците.
Как ни крутите, как ни вертите.

Монашка и блудница

«В одном лице монашка и блудница!»,
Так об Ахматовой сказал
Один из красных бонз.

И хлопал зал,
И меткой фразой жаждал насладиться.
Не понимал гонитель из ЦК,
Что к истине, как никогда, был близок!
Поэзия и впрямь во все века
Собой являла очень странный список
Молитвенных, аскезы полных строк,
И страстных откровений Кама-Сутры,
Чумы и пира.

И какие судьи
Судить посмели б Гете и Гомера,
Петрарку и Сафо и дать им срок?
И где, в конце концов, та мера,
Которой надо мерить всех и вся?
И я пишу, у Господа прося
Такого творчества, где нет ограничений!
И разве Сам Господь не главный гений?

На уход Беллы Ахмадулиной

Вот и Вы нас покинули, Белла Ахатовна!
Да, покинули. Слово донельзя обкатано!
Все забрали с собой до последнего атома!
Все, что не было плотью, а плоть безответную
Вы забыли и бросили лиру заветную,

Потому что там, в Космосе, лира зачем?
Там такое количество звуков и тем,
Что они превращаются в силу несметную,
И она, эта сила, идет напролом
Прямо в душу того, кто писал за столом,
А мечтал сочинять в непрерывном полете!
Все, желанье исполнилось. Как вы поете,
Королева, забывшая о санкюлоте,
Что, смеясь, вас подталкивал на гильотину!
Сколько-сколько завистников смотрят Вам в спину,
Не способных с собой и сейчас совладать
И боящихся, что Вы вернетесь опять.
Не вернетесь! Там лучше, бессмертнее, чище.
Там никто у другого изъянов не ищет.
Там любовью отмечено все, до последнего атома.
Вы простите оставшихся, Белла Ахатовна.

Несостоявшаяся казнь

Сколько глаз ненавидящих в зале сверкало
И смотрело на то, как ты в платье вечернем
Микрофон, как бокал, поднимала среди бала.
Как хотели тебя бы подвергнуть мученьям
Эти все, что ладони себе отбивали!
И за то, что ты всех их наряднее в зале,
И за то, что ты всех их намного стройнее,
И за то, что так светится длинная шея,
И за то, что перчатки твои выше локтя.
Но никто не посмел даже выпустить когтя,
Только где-то витал топора общий призрак.
Иногда он к тебе был так явственно близок!
Сколько глаз ненавидящих в зале сверкало
И надеялось, что он реальностью станет,
И тебя хоть чуть-чуть, хоть немножко достанет.
Но его ты легонько губами сдувала
И была королевою этого бала.

Озеро и две полубогини

Купались на озере подмосковном,
Таком отрешенном, вселенски-условном,
Таком нереальном, что нету реальней!
И озеро было священной купальней,
В которой резвились две полубогини,

Что были совсем не в купальном бикини,
А просто в обычном, хорошем белье.
Печати следов их отметили берег.
Я вытер свою рубашкой обеих.
И после пирог был на дачном столе.
В какой из галактик все это случилось?
Не помню. Но помню, что принял, как милость,
Как высшую милость тот день в Подмосковье,
Тот день без вранья, без людского злословья.
И как отыскать среди звезд мы смогли
То озеро, явно не с этой Земли?

Поэт Винокуров

Вы от войны, как от сохи,
Были в поэзию взяты когда-то.
Была действительность простовата,
Совсем не такая, как Ваши стихи.
Вы смели быть мистом в те времена,
Когда почитались одни профаны.
Была планета Вам не верна,
Но были верны Вам Высшие планы,
Где Царство молний и Царство муз
Энергии слили в Единый Союз,
Союз, воистину нерушимый.
Поэт Винокуров, с Вашей вершины
Гляньте на нас хоть одним глазком!
И вместе с Божественным звуком «ОМ»
Пусть к нам прольются и Ваши строки,
Новые, те, что в солнечном соке
Руками Бессмертных были промыты.

* * *

Я не герой твоего романа,
А ты была моей героиней.
Но и меня вот коснулся иней
Прозренья, пришедшего так не рано!
Прозренья, пришедшего слишком поздно!
Иней, иней, как же морозно
Будет мне дальше ходить и жить!
Торчит в романе закладка-нить
На месте, что все еще так влечет.
Там правит лето. Там иней не в счет.

* * *

Чиста и чувственна одновременно.
И ветер на одно встает колено
И хочет подарить тебе букет,
Что вырвал он у парочки счастливой.

* * *

Расцарапана тишина
Коготками ненужных звуков.
И откуда взялась она,
Эта стая?
И кто, аукав,
За собою в мой лес привел
Голоса, от которых бежал я?
И меня, и деревья жаля,
Как настырно они растеклись!
Расступись же скорее, высь,
Сжался ты надо мной, болезным,
Дай укрыться в лесу небесном.

* * *

Умрут интернет и мобильная связь,
Погаснет ТВ, сгинет радио даже.
Но вспыхнут сердца, и огни их сквозь грязь,
Сквозь мглу и сквозь всю катастрофную стражу
Друг к другу прорвутся и заговорят.
И город, доселе Невидимый Град,
Откроет ворота для всех говорящих.
И ищущий ищущего обрящет.

* * *

Ты у меня на коленях сидишь:
К соскам сосцы и лицо к лицу.
И не дано никакому свинцу
Пробить эту нашу святую тишь.

* * *

Ты сказала, что память твоя коротка,
И на снег под ногами взглянула устало.
Но длинна-предлинна воплощений река,
Что и в жизни последней с тобой нас связала.

Этот факт зачеркнуть не удастся никак.
Не стереть его логикой. Вечно он с нами.
Пусть на память натравят хоть свору собак —
И клочка оторвать не сумеют клыками.
Снег осенний когда-нибудь тоже уйдет.
Снова юность из старости блеклой родится.
И залог в этом память, бессмертья оплот,
И ответчица, и, безусловно, истица.
Рядом с памятью справа Небесная рать,
Слева черное войско к ней тянется плеткой.
Память! Ей же на Страшном суде выступать!
Как же можешь ее называть ты «короткой»?

* * *

Ты поднималась по ступеням вверх.
И снизу мне подсказывало зренье,
Что ты идешь от нас вдоль тайных вех,
Ведущих в мир иного измеренья.
Там для тебя в огне был тайный брод,
И вслед за ним — растений дивных чащи.
А в ресторане пил смешной народ,
Ухода твоего не замечавший.
Не понимавший, что напиток твой
Совсем не здесь, где пьяных смертных речи.
И маг-ацтек, во все века живой,
Его сейчас готовит к вашей встрече.
Я знал, ты не вернешься к нам опять
И потянулся за тобой всем телом.
И только след успел поцеловать,
А ты уже исчезла за пределом.

* * *

Средь белых облаков,
Не средь халатов белых
Пусть будет мне дано
Уйти с Земли.
И чтобы обязательно при этом
Цвели деревья
И могли мой дух
Из рук своих цветущих передать
Буквально в руки
Тех существ бессмертных,
Что принимают у себя всех нас.

Володарский Леонид Александрович, родился в 1950 году в Москве.

Член Союза российских писателей, Союза писателей Москвы, Союза журналистов Москвы.

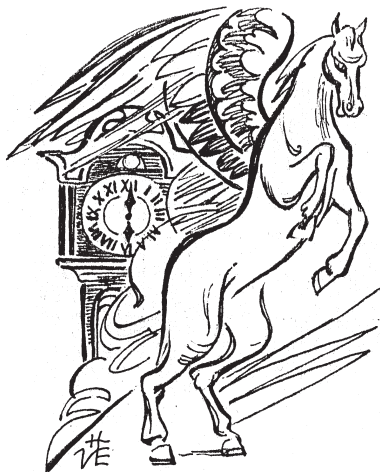
Автор книг «Окраина Москвы» (1989 г.), «Голубица мастера» (1989 г.), «Провинция Вселенной» («Молодая гвардия», 1991 г.), «Мемориальный дождь» (1994 г.), «Знак Оповещенья» («Беловодье», 1999 г.), «Эзотерика с улыбкой» («Рипол-классик», 2007 г.), «Мистика в жизни великих» («Эксмо», 2008 г.), «Космогонические грезы» («АКПРЕСС», 2010 г.), «Летящие над потоком» («АКПРЕСС», 2010 г.), «Рождественский коридор» (2012, издана в Венгрии на венгерском языке, издательство «Бибор»).

Публиковался и публикуется в центральных журналах, альманахах, газетах в разных жанрах: поэзия, проза, публицистика, художественный перевод.

В 1996 году — лауреат премии Международного литературного фонда им. Милана Фюшита при Венгерской академии наук, в 2001 году — лауреат Большой литературной премии той же академии.

Многие стихи и поэма автора переведены на венгерский язык и опубликованы в центральных венгерских изданиях. Вышла книга на венгерском.

Председатель независимой эзотерическо-писательской ассоциации «Лютня Ориолы», проводящей вот уже 17 лет свои вечера в Центральном доме литераторов.

В квартире

Новелла

Я под потолком сижу и за жизнью наблюдаю. Внизу, громыхая посудой и мурлыча старую песенку, пришла на кухню хозяйка дома, престарелая Агафья. Она когда-то, весьма давно, была ответственным работником пищевой промышленности. Вы спросите, откуда я это знаю? Очень просто. Сидя под потолком, я часто слышал из уст этой старой женщины одну и ту же фразу: «Когда я была начальником отдела пищевой промышленности». И так мне хорошо сидится! Все видно, все слышно. Правда, эта бабка стала раздражать меня своим скрипучим голосом, но ничего, нам, столичным тараканам, не привыкать. И чем нас только не травили: «Дустом», «Примой», дихлофосом, иной отечественной или зарубежной гадостью. Тьфу! По соседству с придурковатой бабкой другая женщина живет, Милена, среднего возраста, в очках, по прозвищу «Шанель номер пять». Тонконога и бледнолица, стерва. А такое прозвище я ей дал потому, что она обливается какой-то гадостью каждый день. Это, кстати, пострашней любого дихлофоса, черт его побери. Ох уж эти люди! И чем они только не обливаются. А как говорят? Усы вянут и осыпаются.

— Агафья Матвеевна! Зачем вы взяли мою соль? У вас, что, своей нет? — вдруг произнесла Милена, войдя на кухню.

— Я не брала. У меня своя есть. А вот когда я была начальником отдела пищевой промышленности, никто не мог даже подумать об обвинении меня в воровстве. Безобразии. Ну и молодежь нынче пошла! Я на вас в суд подам, за клевету и оскорбление.

— Можете сколько угодно утверждать, что я вас якобы оскорбляю. Я сама видела, как вы брали соль из моего ящичка. У меня даже свидетели есть. Отдайте соль, Агафья Матвеевна, Богом прошу, иначе я дам ход этому делу.

— Нет! Это у меня была соль, а ты ее украла, это ты солишь моей солью! — вдруг закричала старая женщина.

Мне интересно такое слушать. Чем больше люди ругаются, тем меньше на нас внимания обращают. Людям плохо, не всем, правда, а нам — очень хорошо. Ну и жизнь! Мне очень даже интересно, кто там, чем солит, и вообще. Я медленно ползу вниз по стене, ближе к разгорающейся баталии. Кроме того, очень пить хочется. У людей

свои проблемы, у нас — свои. Я знаю, что это только начало. Дальше еще интересней будет. Сейчас миленский мужик придет, Аркашка. Вот мой настоящий друг. Пьет все, что плохо лежит, даже дихлофос. Он готовит пойло из него каким-то диковинным способом. Мне на это, в сущности, плевать. Главное, он ненавистный препарат потребляет. А это значит, я должен уважать его и, где-то даже, любить. Это я и делаю. Люблю до последней дихлофосины.

Что-то меня сегодня слишком сильно жажда мучает. Подозрительно. Сегодня же не тринадцатое число. Просто тринадцатого числа каждого месяца на меня накатывается жажда паршивая. Почему, не знаю. Это я недавно заметил. Примета, скажу вам по совести, немаловажная. Доползти бы до лужицы живительной, которая блестит и переливается всеми цветами радуги на Агафьином столе. Забыла старуха вытереть, а мне раздолье. Пей — не хочу. Но я больше пить в мойке люблю. Воды больше и, что самое главное, безопаснее, правда, когда никого на кухне нет.

Ох, уже звонят, наверно, мой дружок явился.

— Милена! Иди открой, небось, твой мужик пришел. Явился — не запыхался, — злорадно произнесла Агафья, почему-то взявшись подметать на кухне пол.

— Рано еще! Сегодня получка, он поздно придет, шельма. Опять почти все заработанное проплет. Жуть. Черт бы его побрал.

— Ох, Миленочка, иди, пожалуйста, открой. Ноги у тебя молодые, а я старый член партии, мне ходить трудно.

— У нас в государстве все равны: и члены и нечлены. Может быть, это к вам пришли! Да и веником вы, любезная, весьма живо орудуете.

Тяжело вздохнув, старая Агафья поплелась в прихожую. Мне в спешке ползти плохо — сорваться можно. Ой-ой, чуть не упал, проклятие! А бабулька со своим мурчаньем уже двери открывает. Доносится отборная брань: это, точно, не к бабке пришли. Миленин муженек возник. Отчего не живется людям, ума не приложу?.. Пьют, хулиганят. Лучше бы нами, прусаками, занимались. Что это я, как мальчишка дворовый, размечтался? Просто ползу себе, фантазирую. Вдруг вижу, Милена-то обед не готовит, а куда-то вдаль глаза свои пялит. О напасть, да это она на меня уставилась. Бегу с глаз долой. А вот и тыльная сторона буфета. Я в безопасности. Затаился, жду, когда женщина меня выслеживать перестанет. Слегка высовываюсь. Она уже на стол накрывает. Сейчас Аркашку своего кормить будет. Вот он, боров, входит, слегка пошатывается. А воняет от него, усами чую, правда, не дихлофосом. А жаль.

— Милка! Жрать давай, проголодался! — прохрипел Аркашка, звучно икнув.

— Иди ешь, окаянный. Чтоб ты подавился, стопарик чертов, — заверещала Милена.

Это уже интересно. Сколько раз слышу, как они ругаются. Не знаю, как другим тараканам, а мне нравится. Все валят на нас, «пруссаков», а сами, поверьте, еще хуже. Жили бы лучше в чистоте, навалились бы всем миром на нашего брата, и нет нас, а то — ругаются.

Шум усиливается.

— Милка! Где стопарь, не вижу! — куражится Аркадий, садясь за накрытый стол.

— Стопарик ты проклятый! — мычит опять вошедшая на кухню Агафья. Вот уж неймется этой старушенице, высматривает, нашего брата пугает. То шаркает громко, то, как тень, неслышно ходит.

— Ты посмотри, Милка. Тараканья-то сколько!

Ой, друзья! Права старуха. Сейчас семья моего соседа, пузатого оглоеда, переезжает на новое место, в район умывальника. Совсем, шельмец, спятил. Не мог другое время для своих дел выбрать. Впрочем, так ему и надо. Сосед, по имени Гошка, всегда чудовищной тупостью отличался. И я отвернулся, не в силах вынести расправы. Хлопки, хлопки! Бедные, бедные...

— Нет! Так жить нельзя! — опять завизжала Агафья. — Я их дихлофосом сейчас морить буду. Они у меня попляшут. А вы, родимые, поесть и в комнате можете!

— Дихлофосом не дам! — заорал Аркадий, который в это самое время кушать собирался. — Он мне самому пригодится.

— Ах, ты еще и дихлофос жрешь! Водки мало, — вмешалась Милена. — Когда же, наконец, подохнешь?

И что тут началось! О нас, сердечных, уже забыли, лупят друг друга чем попало, матом изъясняются. Я сажу, слушаю, за Аркашку переживаю.

— Повторяю для придурков: я дихлофоса никому не дам, и точка, — заключил Аркадий, весь в синяках, но довольный, что слегка поддал двум полоумным бабам. Он тут же сел доедать уже порядком остывшие щи. Женщины, помятые мужчиной, стояли, каждая возле своего стола, и тихо выли.

— А тараканы кругом — это нормально? — сквозь всхлипы цедила Агафья. — Ступить некуда. Это очень даже ненормально. Это — отвратительно. Ты, Аркадий, все-таки ненормальный, тебе лечиться надо, поверь мне, старому члену партии и бывшему начальнику отдела пищевой промышленности. И это я так не оставлю. Я жаловаться буду...

— Баба Агафья, его уже только могила исправит, — вмешалась Милена, вытирая слезы. — Горе нам, бабам. Плюньте на него, гада ползучего.

Признаться, мне, истинному таракану, надоело слушать ихнюю трепотню, и я хотел было уползти в свое заветное гнездышко, под потолок, но вдруг нечаянно оступился и свалился прямо в тарелку с кашей, приготовленную для Аркадия. В этот момент чья-то цепкая рука подхватила эту тарелку, и она полетела прямо в мойку. Тарелка-то вдребезги, а я ничего, жив пока. Правда, еле спасся.

СОБАЧИЙ КОНФЛИКТ

В профсоюзный комитет Восточного порта от работников ремонтной службы

ЗАЯВЛЕНИЕ

У проходной № 1 Восточного порта беспорядочные собаки бросаются на людей, идущих на смену и со смены.

Просим принять меры.

Коллектив ремонтной службы

Резолюция председателя профкома порта:

г. Иванову И. И.

Организовать отлов собак через спец. организацию.

Мы, нижеподписавшиеся, а именно: сука Матильда, бурой масти, кобель Цыган, черной масти, кобель Тузик, палевой масти, посылаем на имя Председателя профсоюзного комитета Восточного порта наш ответ на заявление работников ремонтной службы порта об имеющихся якобы нападениях собак.

ОТВЕТ

Милостивый государь Иван Иванович!

Мы, три портовские собаки, заявляем свой решительный протест по поводу вышеупомянутого заявления. События, изложенные в нем, действительно имели место, однако оценка им дана односторонняя и неверная.

А события, между тем, развивались следующим образом.

Сука Матильда и кобель Цыган фланировали по территории порта, осуществляя с Вашего согласия сторожевую службу. Матильда бежала впереди, за ней, испытывая глубокое собачье уважение, неся Цыган.

Занятые охраной объекта, они обратили внимание на пошатывающегося человека, вероятно, пьяного, мочившегося недалеко от проходной. Матильда, как истинная сука, сделала ему замечание, на что человек обматерил ее. Цыган, будучи порядочным кобелем, вступился за Матильду, стал стыдить пьяного за недостойное поведение. Он, к сожалению, склонен к некоторой вьедливости и философичности.

Пьяный человек, вместо того чтобы поблагодарить за науку или хотя бы извиниться и спокойно идти своей дорогой, схватил палку и замахнулся на суку. Цыган, будучи от рождения легко ранимым, не смог вынести подобного и заступился за Матильду, схватил человека за штанину, даже не поранив ноги.

Кобель Тузик пробежал недалеко от этого происшествия и может все сказанное выше засвидетельствовать.

Подписи на крыльце проходной Восточного порта, нацарапанные правыми верхними лапами суки и кобелей, прилагаются.

Прогулка заключенных

Новелла

— А ну вставай, каналья! — раздался резкий голос, и что-то обрушилось на мою спину.

«Плеть!» — сразу догадался я и вскочил. Вокруг стояли оборванные грязные люди и, показывая на меня пальцами, смеялись.

— Где я, что такое! — возмущенно и от боли закричал я. — Почему вы меня бьете?

— Ты, свинья, слишком много задаешь вопросов, — произнес тот же голос.

Он принадлежал надсмотрщику, лощеному типу в черном мундире.

— Как вы смеете меня бить? Я требую начальника! — снова заговорил я.

— Я — твой начальник, — захохотал тип и ударил меня кулаком в челюсть. Я упал, затем вскочил, хотел броситься на своего мучителя.

Внезапно ко мне подбежал мужчина в испачканной желтой краской блузе. Лицо показалось мне знакомым, но я не мог вспомнить, где его видел.

— Мсье, не сопротивляйтесь. Идите в круг. Я вам потом все объясню, — тихо произнес он. Тут же нас окружили другие надзиратели и осужденные. Они многозначительно переглядывались.

— Покоритесь, мсье, не надо выпендриваться. Се ля ви, — стали раздаваться голоса. Я нехотя подчинился. По команде, вместе со всеми, поплелся по квадратному тюремному двору. Зеленые скользкие стены окружали меня, и от них веяло безысходностью. «Куда я по-

пал?» — думал я, но от происшедшего не мог ничего вспомнить. Вдруг меня осенило: «Ах да, картины». Я пришел в музей на выставку полотен художников девятнадцатого века. Ходил, наслаждался. Подошел к одной из картин Винсента Ван Гога, художника-мессии.

— Вам нравится эта работа? — вдруг раздался позади меня незнакомый приятный мужской голос. Я оглянулся. Передо мною стоял молодой мужчина в запачканной одежде. Я улыбнулся и ответил, что еще не рассмотрел ее как следует. Незнакомец изумленно поднял брови, стал пристально всматриваться в меня.

— Что? У меня испачкано лицо? — заговорил я.

— Нет. Просто вы очень похожи на ... о, пардон...

Неизвестному, вероятно, стало плохо, он сильно побледнел, стал медленно оседать на пол. Затем инстинктивно схватил меня за плечи и потянул за собой на картину.

— Прогулка окончена, — заверещал надзиратель и щелкнул хлыстом.

Заключенные остановились. Я по инерции налетел на впереди стоящего мужчину в лохмотьях.

— Ты что, спятил, приятель? — зашипел тот.

— Простите, задумался.

— Я тебе задумаюсь, собака. Это тебе не Монпарнас и не Елисейские Поля! — закричал мужчина и хотел ударить меня, но подбежал тот, в блузе.

— А ну не тронь его! — закричал он.

— А ну по комнатам! — скомандовал надзиратель. — А ты, новенький, — он ткнул меня своим хлыстом, — иди за мной!

— Погодите, мсье, — горячо заговорил мой заступник, — определите его ко мне. Я очень прошу вас.

Надзиратель смерил мужчину презрительным взглядом, затем произнес:

— Ну ладно, только смотри за ним. Он мне кажется очень подозрительным.

Незнакомец тронул меня за рукав, и мы пошли. Вот и убежище. Я присел на краешек топчана.

— Простите, товарищ, — заговорил я, отдышавшись, так как очень запыхался: то ли от быстрой ходьбы, то ли — а это, скорее всего — от волнения, — почему я здесь оказался, и как вы себя чувствуете?

— Мсье, — заговорил мужчина, — прошу у вас извинения. Вы так похожи на моего брата Тео, что я даже чуть сознание не потерял, когда вас увидел, но, слава Богу, только голова закружилась.

— Что?! — вскричал я. — Вы приняли меня за Тео! Так вы — Винсент Ван Гог? Боже мой, как я сразу не догадался! Это происшествие сделало меня тугодумом.

— Да, я — Винсент Ван Гог. Что в этом удивительного? Вы же были в музее и рассматривали мою работу. Я увидел вас, сначала принял за брата, но, когда подошел ближе, понял, что ошибся, и тут, как назло, болезнь вылезла. Со мной иногда случаются припадки, но сейчас уже все хорошо. Я вижу, вы тоже не в своей тарелке, но это поправимо. Пойдемте, я вытолкну вас обратно.

— Подождите, — сказал я, — удивительно, я вижу живого Ван Гога, разговариваю с ним. Не об этом ли я мечтал, перечитывая «Жажду жизни» Стоуна? Знаете, Винсент, как я вам завидую! Ваша жизнь — это пламенное служение искусству. Вы — загадка девятнадцатого века.

Художник недоуменно посмотрел на меня и отвернулся.

В это время отворилась дверь, и на пороге появился человек в белом халате с небольшим чемоданчиком в руке. Он деловито подошел к Винсенту и произнес:

— Ну-с, молодой человек, пойдемте на процедуры.

Я мельком взглянул на Ван Гога.

— Нет. Ради Всевышнего, не надо, — прошептал художник. — Прошу вас, доктор. У меня уже нет припадков. Не надо, прошу вас. Это очень мучительно.

Он с надеждой посмотрел на меня, моля о помощи.

— Не трогайте его, — заговорил я и заслонил художника. — Я — свидетель. У него нет припадков. Я подтверждаю это. Уходите.

— А вы кто такой, чтобы здесь командовать? — огрызнулся вошедший. — Бедняге положены процедуры, и отойдите в сторону. Он очень болен. Ведет черт-те какую жизнь, а вы его защищаете. Прочь с дороги. Вы, наверно, такой же полоумный маляр, как и он.

С этими словами доктор схватил меня за рубашку, но внезапно двери опять отворились, и в помещение ворвались какие-то мужчины и женщины. Они сразу же подняли дикий визг. Винсент заткнул уши и забился в угол. Я попробовал их утихомирить, но тщетно. Тогда Винсент достал из-под топчана кисть, в углу отобрал одну из своих работ, высоко поднял ее над головой и закричал:

— Смотрите, дамы и господа. Это — мои картины!

Шум затих, и гости быстро исчезли. Остались только я и бедный художник.

— Ничего не понимаю, — через минуту проговорил я.

— А что понимать! Их напугала моя живопись. Даже чокнутые арлезианцы и те ее не понимают. Горе мне.

Плечи Винсента затряслись. Я подбежал к нему и убежденно сказал:

— Вы что! Ваши картины прекрасны. Их охотно покупают все музеи мира. Вы — великий художник.

— Разве? — усомнился Ван Гог, но лицо его просияло.

— Представляете, Винсент, ваша работа «Красные виноградники», шедевр, между прочим, была продана с аукциона за восемьдесят миллионов франков. Это, как вы знаете, огромная сумма. Эта картина достойна этих денег.

— Дружище, ври, но знай же меру. Наверно, ты не в курсе. Это полотно было продано за триста франков. И знай, я лещь не люблю, хотя, не скрою, она и приятна, — холодно сказал художник.

Ударил колокол.

— Это сигнал на прогулку?

— Нет. Это сигнал к приему лекарств. Доктор Пейрон — большой оригинал, прием пищи и лекарств происходит по звуку колокола. Боже, как мне все надоело. Но ничего не поделаешь: Тео — в Париже, Поль Гоген — на островах. Кроме них, никто не выручит меня отсюда.

— Да. Несладко здесь, — ответил я. Потом мы немного помолчали, и я произнес:

— Послушай, Винсент, как я понял, мы находимся в тюрьме. Такой неприглядный тюремный двор и надзиратели.

— Нет, дружище. Это не тюрьма. Просто здешняя психушка очень похожа на тюрьму, такие же законы, как и там.

— Так мы в больнице! — воскликнул я. — Мы ходим по больничному двору? Да это настоящая тюрьма. И надзиратели, и плеть.

— Пойдем, я тебе что-то покажу, — сказал Ван Гог и взял меня за локоть.

Мы вышли из комнаты. Вместо унылого двора перед нами раскинулось хлебное поле. Надвигалась гроза. Крича, носилась стая прожорливых ворон. Птицы летали так низко, что задевали крыльями спелые, налитые колосья. Я тут вспомнил последнюю работу этого художника «Вороны над хлебным полем», и мне стало грустно. Я посмотрел на Винсента. Ничего не подозревая, художник жадно глядел на это поле и вздыхал. Неожиданно он повернулся ко мне.

— Видишь дорогу, — прошептал Винсент, — она уходит в неизвестность. Вот так и мы — люди. Вышли ниоткуда и уйдем в никуда. Смерть — это великий жнец.

Он вздохнул, затем поежился и добавил:

— Я совсем заговорил тебя, прости. Мы недавно познакомились, а уже на «ты». Я даже не заметил, как это произошло. Это очень хороший знак, значит, мы понравились друг другу. Так ведь? Расскажи о себе.

Мой рассказ он слушал внимательно, не перебивая. Только изредка хмурился. Когда я замолчал, художник улыбнулся и произнес:

— Да, мой друг. Тебе тоже не повезло. Очень печально. У каждого художника своя жизнь, но дело, которому мы служим, — общее.

Искусство не любит ленивых. Еще Ренан говорил: «Чтобы жить и трудиться для человечества, надо умереть для себя».

Внезапно сверкнула молния. Ухнул гром. Не дожидаясь дождя, мы побежали назад. Опять двор, круг, надсмотрщики.

— А вы где шлЯлись? — заорал надзиратель, и плеть со свистом опустилась на наши плечи.

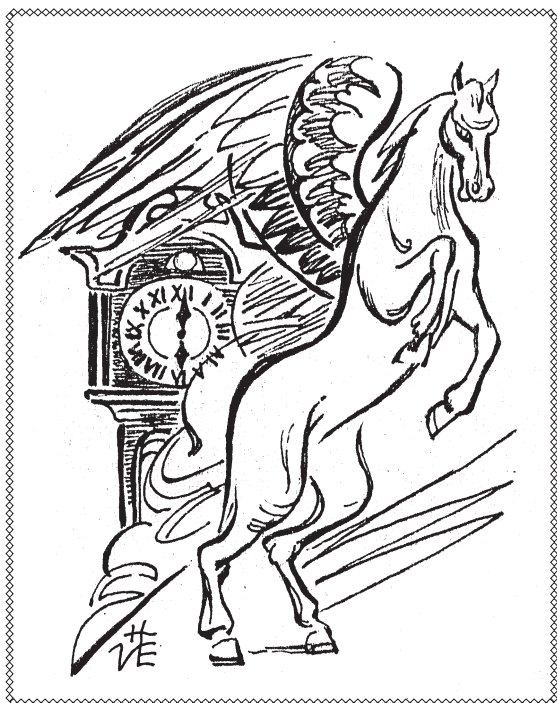
— Эй, недоумок, ты не имеешь права избивать людей! — закричал я и ударил обидчика. На помощь блюстителю порядка подоспели несколько надзирателей. Они свалили меня на землю и стали бить ногами.

— Не трогайте его! — закричал Винсент и бросился на помощь. Началась настоящая потасовка. Я вскочил, но в это время кто-то стукнул меня по голове. Я снова упал...

Очнулся дома. Когда выздоровел, жена рассказала, что принес меня мужчина, лет примерно тридцати пяти, в испачканной краской блузе и, осторожно положив на кровать, молча ушел.

— Кто это был? — допытывалась жена. — Где ты был, с кем дрался? Что произошло?

Что я мог ей ответить?

Татьяна ШВЕДОВСКАЯ

ЗИМНИЕ СТИХИ

21-е декабря

Собственно говоря,
 Уже пора быть зиме,
 Уже декабрь
 Перешел за середину.
 Утрами долго фонари горят.
 А я мечтаю об «акме».
 В тумане снежном прячется
 Корабль.
 Число двадцать один
 Магически сегодня притягивает
 Наконец-то снег ко мне.
 С утра читаю фаблио.
 Деревья и дома укроет снежная
 перина.

Весь день почти темно.
 Год клонится к закату.
 Но дорог каждый день,
 И ночи дороги.
 А свету только что окно,
 И в чем мы виноваты?!
 В том, что бывает лень
 Зажечь свечу, когда вокруг ни зги?
 И много ль нам дано?
 А рыцарь надевает латы.
 Находишь ты жень-шень.
 И говоришь ты мне: «Огонь зажги!»
 21 декабря 2011 года, утро.

До рассвета примерно час

До рассвета примерно час,
 Гранями сверкнул алмаз —
 То, верно, алмаз любви

В темноте горит.
Лунный свет почти погас,
Сталью блеснул Дамаск,
Солнце вот-вот озарит
Все, что вблизи и вдали,
Все прошлое и то, что сейчас,
Что было и будет не раз.
Но только любви
Подвластно то будущее, что еще вдали.

*14 января 2012 года,
≈ 9 ч. утра.*

Ностальгическая музыка в Парке Культуры

Ностальгическая музыка нашей молодости
В Парке Культуры.
Вышли с выставки Николая Ге
На Крымском валу:
Под Римом замок Фраскати,
Зарисовки, гравюры,
Полотна просвечивал рентген.
Лунное, синее: Христос в Гефсиманском саду.

Снег бел и чист,
Как этот лист
Бумаги.
И наши ша́ги
Первые на нем.
Замерз ли в парке водоем?

Мы в невесомой и кружащейся пурге
Соединим в душе Толстого Льва и Николая Ге.
И увлажняются глаза, и в этой влаге
Мой взгляд в отваге
Устремлен к Нему.
И, кажется, что все вот-вот пойму.

14.01.2012, утро.

А вот еще

А вот еще.
Луна на светло-синем небе,
Она бела.
Такого же размера,

Как луна, фонарь,
Он желто-светел.
Так тихо светят и не горячо,
И в сумерках все бледно,
И эта дня пора мила
Мне, ей не бывает меры.
Открыто и спокойно все, как встарь,
Когда весь мир на Рождество Его приветил.

*14.01.2012 г.,
≈ 11.30 утра.*

А утром появляется надежда

Вчера казалось, невозможно жить,
А утром появляется надежда.
С волками ночью выть и выть,
Но вот светает и бела одежда.
Часа в четыре ночи вдруг не уснуть,
Но зимним утром краски вновь обретают суть.
Земля под снежным покрывалом,
Все говорит о том, что будто не бывало
Метаний, тупиков,
Отчаянья, тревоги
И столько будет разноцветных снов и слов,
Слагающихся стройно в слоги.
Что будет столько яви разноцветной,
И белый цвет, и белый снег ее таит.
Хоть солнца нет и легкая метель бесцветна,
Но жизнь свет утренний дарит.

*15 января 2012 года.
≈ 11 часов утра.*

Джотто в Ассизи, Джотто в России

Джотто ди Бондоне:
Святая Репарата,
«Maesta», Мадонна
С Младенцем величественна, свята.

Джотто ди Бондоне.
Красный плац.
Появляется объем
В живописи его в Проторенессанс.

Джотто ди Бондоне:
Пятистворчатый алтарь.
Безмятежно спокойна
Мадонна «Maesta».

Джотто ди Бондоне:
Белые арки массивные,
В Третьяковской галерее просторный
Зал серо-синий.

Джотто ди Бондоне:
Алтарь пятистворчатый из Флоренции.
Зал в галерее полутемный.
Темные глаза святых загадочно светятся.

Джотто ди Бондоне:
Гладкие стволы тополей зеленоватые.
Алтарь двухстворчатый.
Двенадцатилетняя Святая Репарата.

Джотто ди Бондоне.
Тополя в Лаврушинском переулке выше домов
Протянули ветки белые, тонкие.
А во Флоренции Андрей Рублев.

Фрески Джотто в Ассизи
В храме на горе.
Из России и Дионисий
Во Флоренции в январе.

14,15.01. 2012 г.

Караваджо

На кончике своих чувств,
На острие своих чувств
Я соприкасаюсь с Караваджо.
И боль его полотен
На этом острие становится моей.
Сливается искусство
С моей души адажио,
Семнадцатый век плотен,
Промчав через три столетия
Нам дочерей своих и сыновей.

Простонародны и красивы,
Страдающие, сострадающие,
Жалеющие, милосердные,
Они передо мною живы,
Одежд не замечающие,
Божественный свет излучающие,
В тавернах встретившиеся, бедные
Юноши, подруги и мужчины. Нивы
Пастухи покинули, перед Марией, юною и бледною,
Колени преклоняющие.

К каменному возвышению
Мария прислонилась,
Спеленатый Младенец.
Несут Им подношения.
Божья милость,
И счастье, и растерянность.
Чудесные мгновения,
И благодать вокруг разлилась.
А предстоит терпение!
Но в справедливости конечной иль бесконечной? —
твердая уверенность.

Караваджо творил на острие
Шестнадцатого и семнадцатого веков,
И жизнь его была как бы на лезвии.
Смеющийся подросток Иоанн вокруг рогов
Барашка обвил руки в созвездии
Шестнадцати своих годов.
Румяный, с кудрями черными
Юноша с корзиной фруктов —
Клевали птицы фрукты эти, а не зерна —
Художника искусство.

А вот уже попозже написан Иоанн,
Задумчив, чуть печален,
В серой тоге.
Бордовы стены в зале,
Свет только на полотнах.
Но льется из картинных рам
Потоком сильным изначально
Свет, данный Богом.
Стрела пронзает
Урсулу в лодке.

И почти везде листья зеленые:
То на столе, где хлеб, то в углу.
И камень твердый там, где
Снятие с Креста бездыханного Иисуса,
Или в пещере, или там, где Савл.
Так молод Караваджо и силен,
И возвышен, и мужественно груб.
И темна жизнь его для нас. Воде
Не смыть грязи с ног босых. Но вкуса
К жизни и света у Караваджо кто, если и хотел,
то не отнял.

11.01.2012 г., утро.

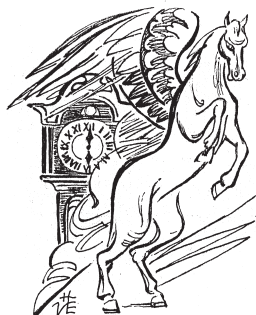
* * *

О мой мальчишка, Ты проснулся?
За работу взялся Ты?
Свет дневной сияет нежно,
Пробуждаются мечты.

Солнце зимнее смеется,
И ушла из тьмы душа,
Снег сверкает и морозно,
Но погода хороша.

«Сказка зимняя» у Гейне,
О Германии она,
О рейнвейне и о Рейне.
Я ее с утра прочла.
Но теперь манит Москва.

18 января 2012 года

ЗОЛОТАЯ СЕРЕДИНА

Романы, посвящённые русской истории прошлых веков, начались для меня в конце пятидесятых годов. И теперь среди потока книг попадаются исторические романы, порой даже без элементов фэнтези. Если прежде это были обстоятельные, неторопливые описания, теперь — летучие фрагменты, чередующиеся с более или менее умными рассуждениями, опирающиеся на сегодняшний взгляд «историков». История нынче вся перетасована. Она и тогда, в 1950-х, была во многом ангажирована...

Откуда черпают сегодня авторы свои знания? Для вящей убедительности они вкрапляют в рваную ткань повествования документы, возможно, даже подлинные, щедро «цитируют».

Язык, стиль книг на историческую тему не часто подвергается анализу литературоведов. Приходится — для себя — делить эти книги на два вида: с «кондовым» языком, претендующим на воспроизведение речи якобы соответствующего века, и с языком современным, свободным, даже балующимся сегодняшней ненормативной лексикой.

Мне по душе — золотая середина. В ней нет «нажима» на читателя, нет спекуляции документами, действительно — цитаты. Чувства героя переданы тонко и точно, он не упрощён и не усложнён. Нет любования деталями, выхваченными из старинных книг. Короче говоря — этому произведению веришь.

Я говорю о повествовании «Един Арсений» Елены Ерёминой. Во-первых, надо признать, что книга очень актуальна: главный герой — служитель Православной церкви, иерарх. Тема несправедного гонения и твёрдого стояния в своём праве, в истине, думается, очень важна для России. Тем более — сегодня. Создание такого произведения требует от автора и глубокого ума, и знания материала.

В центре внимания автора — владыка Арсений Ростовский, его жизнь. Но теперь, после причисления его к лику святых в 2000 году, его жизнь — уже житие. Автор описывает сложный период русской истории — время, когда шло притеснение, опустошение монастырей, изъятие земель монастырских и их имущества. Этого, думается, художественная литература до сих пор не касалась.

Начал наступление на монастыри Пётр Третий: описывали монастырское имущество, потом забирали. Но самое дикое — был приказ в церквях оставлять только образ Христа и Богородицы, остальные иконы убрать, а священникам брить бороды. Приказ не был исполнен, на престол взошла Екатерина Вторая. Но святым обителям не стало легче жить. Странная, на нынешний взгляд, структура — Синод показан во всём своём грешном человеческом убожестве.

Екатерина Вторая обрисована не так, как принято в беллетристике, — не величественной государыней, а исполненной гордыни правительницей православного государства, но не православной по сути, дерзающей соперничать с праведником-монахом.

В начале повествования есть портрет Елизаветы Петровны, царицы, верующей в Бога. В отличие от последующей, «понимала царица его, дела его богоугодные

видела». Но и тот, и другой портреты царственных особ даны с тонкими оттенками. Через сознание главного героя показано, как надо православному человеку с рассуждением воспринимать поступки других — не осуждать, стараться понять. Но тщетны попытки будущего святого достучаться до Екатерины: «глухая стена перед ним». Ещё бы! Ведь эта женщина «исповедуется» в письмах «своему другу, вольнолюбцу Вольтеру», «закон христианский ни за что почитает».

Узлом событий становится устройство раки для мощей святого Димитрия Ростовского, написание иконы и жития. Владыка Арсений взывает к разуму Екатерины Второй, убеждая в своих посланиях не разорять монастыри. Сталкиваются интересы власть предержащих разных уровней, в том числе — Синода. Особенно раздражали царицу чудеса при мощах святого Димитрия Ростовского. Тут и показывает автор безбожие царицы Екатерины и её власти. Узел разрубают: страдает праведник.

Должна отметить с особым пониманием, что книга написана женщиной. И тут не приходится делать никаких скидок: она не уступает «мужским» произведениям, может быть, иногда в чём-то превосходит их. А именно — тонкостью, можно сказать, более глубоким проникновением в вопросы душевные, даже духовные.

Сам владыка Арсений получился очень живой. Видны его жесты, поступь, слышна речь — то неторопливая, вразумляющая, то гневная. А заключённый в узилище, «расстриженный» всем своим мышлением, чувствованием, приобретает черты истинного святого-мученика.

Картины жития святого Арсения во время его заключения очень правдивы. Невольно вспоминаются факты из наших времён, репрессий против священства. В наш век масштаб иной, а век 18-й — только пролог. Но те издевательства, те же иноязычные иноверцы-караульщики, невозможность совершать службу, скудная пища, даже лишение её... Запечатлены особенно ярко эпизод низложения владыки, его пророческие слова, среди других портретов — образ будущего святого Тихона Задонского.

Для более полного проникновения в сознание читателя образа святого Арсения Е. Ерёмкина нашла замечательный, очень удачный приём композиции. Произведение имеет подзаголовок — «Повествование в восьми клеймах». То есть автор приравнивает написание повествования к живописанию иконы святого.

Получается, что все деяния святого Арсения — будто бы по краям повествования. А, между тем, в них — все части жития, во всей полноте — жизнь. Названия раскрывают содержание: «Узник», «Ея величества верный подданный», «Митрополит Ростовский Арсений», «Преемник святителя Димитрия», «Властолюбивый и бешеный», «Подсудимый», «Монах Арсений», «Андрей Враль». Заключает произведение «Средник» — золотая середина. Священномученик Арсений, митрополит Ростовский занимает едва ли четверть страницы, но икона получилась, образ воссоздан.

Русская история не оканчивается вместе с повествованием. Но если история, как правило, не сулит ничего оптимистического, то повесть Е. Ерёмкиной заканчивается светло. Собор Русской православной церкви причислил к лику святых для общецерковного почитания священномученика Арсения Ростовского (Мацевича) спустя два с лишним века после кончины.

ЧЕРНАЯ КОШКА ПРИ ЖЕЛТОЙ ЛУНЕ...

Черная кошка

Черная кошка — не хочет дружить.
 Черная кошка — себе на уме.
 Нравится ей в потаенности жить,
 В мягкой, не тронутой лампами, тьме.
 Вон она! — там, в переулке пустом, —
 Только два глаза заблещут вдали...
 Вон она! — прыгнет в заброшенный дом
 И растворится в прохладной пыли.
 Вскоре по крыше пойдет не спеша,
 Словно в туманном, изнеженном сне...
 Вот она! — бархатной ночи душа! —
 Черная кошка при желтой луне!

лето 1990

* * *

Котик, мой котик, —
 Желтые глазки,
 Котик, мой котик,
 Котик из сказки.

Котик, мой котик, —
 Черные очи!
 Котик, мой котик,
 В сумраке ночи!

1990

* * *

А кошки мягкие такие,
 Как содержание без форм,
 А кошки все же нам чужие,
 Как завезенный вдруг попкорн.

Они крадутся повсеместно
Во мраке улиц и квартир,
Как будто ищут свое место
И завоевывают мир.

Их силуэты, силуэты
В проемах окон и дворов,
Их пируэты, пируэты
На грани лестниц и миров.

Ах, те таинственные лапки
Перебегающих в ночи
И избегающих и лампы,
И света меркнувшей свечи.

Ах, те немеркнущие очи,
Золотоглазые огни,
Они загадочные очень,
И притягательны они.

Ах, кошки мягкие какие! —
Вместо подушки можно класть.
Возможно, в этом их и сила,
И упоительная власть!

12 сентября 2008

Черная Мяу

Я — Черная Мяу! — звериная дочь,
С глазами большими и черными очень.
Я снова спешу в непроглядную ночь
И в темную осень.

Я — Черная Мяу! — глазастая Кошь,
И жертву пронзаю я молнией-взглядом!
И ты от меня не уйдешь, не уйдешь,
Когда вдруг очутишься рядом.

Я — Черная Мяу! — звериная дочь...
Но я вся такая... пушистая очень...
Войди в эту черную, черную ночь, —
Посмотришь мне в очи!..

2 сент. 2010

* * *

Кошка, бродящая в ночи,
Окнами прошедшая случайно...
Ты, при свете меркнувшей свечи, —
Тайна.

Уми-ро-тво-ря-ю-щая тьму
Как ты бестелесна и хрустальна...
Ты, принадлежащая — кому? —
Тайна...

Пе-ре-хо-дя-ща-я во сны,
Ты, словно музыка, — астральна...
Ты, к нам пришедшая с луны, —
Тайна...

Вот и не найти тебя нигде,
Ты, как все виденья, нереальна...
Ты, уходящая к звезде, —
Тайна...

3 ноября 2009

* * *

Я видела, как она ступала по ночному небу
Своими мягкими черными лапами,
Как она окуналась в бархатную черную негу
И любовалась звездными лампами,

Как катала туда-сюда по небосклону
Серебряный лунный мячик,
Как ее приманивал к своему звездному трону
Призрачный Млечный мальчик.

Как таинственная Богиня Ночи
Склонялась перед ней ниц,
И, словно считая ее собственной дочерью,
Исполняла каждый ее каприз.

...Черная-черная кошка
С золотыми, ночными глазами
Ушла ты по лунной дорожке
Вслед за волшебными снами...

1 апреля 2007

Творческий портрет поэта Юрия Влодова

6 декабря 2012 г. исполнилось 80 лет
со дня рождения Юрия Влодова (1932–2009)

Юрий Влодов — легендарный поэт-диссидент второй половины XX века, автор всем известной политической шутки «Прошла зима. Настало лето. Спасибо партии за это!». Массовый читатель знает его только по этой крылатой фразе, но основное творчество поэта ему неизвестно. А оно обширно и многообразно. Так о чем же писал поэт Юрий Влодов?

В творчестве Юрия Влодова можно проследить три основные темы: военную, портретно-историческую и библейскую.

Несмотря на то, что Влодов был поэтом-диссидентом, он написал книгу стихов о Великой Отечественной войне. На это подвигло его военное детство: он попал с матерью в Харьков в оккупацию и потому знал о войне не понаслышке. О войне у него где-то около шестидесяти стихотворений, они собраны в книгу «Летопись». Писались эти стихи примерно с середины 60-х до конца 70-х прошлого века.

Самым известным военным стихотворением Влодова считается «Жуков» (раньше называлось «Памяти маршала Жукова»), наверное, не в последнюю очередь потому, что оно написано в качестве полемики с известным стихотворением Бродского. Но у Влодова образ Жукова получился более выпуклым, более соответствующим своему прототипу. Вот фрагмент из стихотворения «Жуков», в котором описывается сам маршал. Дело происходит в Берлине после Победы:

Средь редких винтовочных стуков,
С российской натугой в лице
Нафабранный, выбритый Жуков
На белом идет жеребце.

При маршальском чине убогом
Он прост, как любой генерал!
Он чист перед Господом Богом!
Он сам, как Всевышний, карал!

В нем дух гулевого боярства,
Истории тучная статья,
Он волен создать государства
И каменным идиолом стать.

Многим поклонникам творчества Влодова это стихотворение очень полюбилось, и они все время просили его на каких-либо квартирных вечерах читать. И усматривали в нем иронический подтекст.

Но наиболее «военными» в этой книге получились другие стихи. Вот такое, например:

Сгорел в подбитом старом танке,
Останки вылизал огонь,
И мать на дальнем полустанке
В сундук поставила гармонь.
И прикорнула на лежанке,
Фитиль убавила на треть.
И снова сын в горящем танке!
Все сто ночей ему гореть!!
И тысячу ночей гореть!!!
Ни отдохнуть, ни умереть...

Свою историческую книгу, которую Влодов назвал «Портреты», он писал примерно в то же самое время. Конечно, добавлял потом в нее в течение всей жизни еще какие-то стихи, но основное для этой книги было написано именно тогда.

Влодова интересовали, в первую очередь, не столько какие-либо исторические факты, события, сколько личности, эту историю творившие. Поэтому героями его «Портретов» становились люди известные, знаменитые. Это цари, короли, завоеватели, полководцы, а также собратья по перу: поэты и писатели прошлого. Как живые, встают в его поэтических картинах Иван Грозный, Петр I, Наполеон, Пушкин, Блок, Есенин, Мандельштам и многие другие. В этих портретах отражается дух эпохи. Вот, о Петре Первом, например, такое стихотворение:

Цари обычно — самодуры.
Царицы — просто злые дуры.
Царевны — вялы, истеричны,
Зато царевичи — лиричны!

Подросток — что?! — живые мощи! —
Загривка нет. Ходули тощи,
Торчит косица, как лоза,
Но в клетках мечутся глаза!..
Но мировых познаний голод
Его, как зверь, скребет уже,
И назревает Петер-город
В зело лирической душе!
Прочистит глотку прусским пивом,
Мозги — британским табаком,
И ослеплен голландским дивом,
По верфи дернет босиком!
Он — фантазер! Он Русь-голубу
Рванет за потные меха!
И вывернет ее, как шубу, —
Так что посыплется труха!..

Или о Пушкине:

Под чугунным небосводом,
Над крестьянским черным бродом,
Где болотом пахнет муть,
Где ночами лезет жуть;
Над невинной русской кровью,
Над захарканной любовью
Пушкин плачет у ольхи...
Жизни нет — а что — стихи?!..

Но главной книгой Юрия Влодова является — «Люди и боги», в ней собраны стихи на библейскую тематику.

О чем она? О Боге и Дьяволе, о Христе и Иуде, о Деве Марии и Марии Магдалине, а также о добре и зле, о любви и ненависти, о верности и предательстве, о вечных вопросах, которые волновали человечество во все времена. Но это вовсе не религиозные стихи. Это философская поэзия, с ее помощью поэт пытается познать великие тайны бытия. Стихи в этой книге, может быть, и вовсе не стихи, а некие пророческие тексты, которые требуют разгадки.

И одним из главных стихотворений в этой книге, пожалуй, является вот это:

Я думаю, Иисус писал стихи,
Плел сети из волшебной чепухи,
А жизнь Христа — была душа поэта,
Иначе — как? Откуда бы всё это?

В кругу слепых, болезненных племен,
Он, как слепец, питал себя обманом,
И не был ли Иуда графоманом,
Неузнанным Сальери тех времен?

Что касается остальных, менее заметных, но не менее значительных тем творчества Влодова, то их довольно много. У него есть и стихи о творчестве, о миссии поэта, и пейзажная лирика, и стихи о России, и бытовые новеллы, и стихи о любви, а также диссидентские и иронические стихи. Влодов писал обо всем, и всё у него отлично получалось.

Вот небольшое стихотворение из жанра пейзажной лирики:

Умолк вечерний птичий гам,
Вечерний птичий гам...
А Бог проходит по лугам,
Проходит по лугам...

Луга в туманной синеве,
В туманной синеве...
А Бог скрывается в траве,
Скрывается в траве...

Если говорить о творческой манере Влодова, то, в основном, он работал в рамках классического рифмованного стиха. В годы молодости, правда, увлекался модернизмом, хотя потом от этого отошел. Он понял, что будущее за вечной, классической формой с небольшими поправками на время, и автор, который хочет всерьез работать в литературе, должен остановиться именно на этом. А эксперименты вести уже в области мысли, образов, идей. Язык же и форму стиха лучше не перегружать.

Говорят, краткость — сестра таланта. У Влодова краткость была фирменным знаком. Он не любил, как Бродский, писать километрами. Сама жизнь заставила его сократиться в своих писаниях до минимума. Поскольку ни кола ни двора, ни, тем паче, стола у Влодова большую часть его жизни не было, то ему приходилось все свое творчество носить с собой, хранить его в карманах либо просто — в голове. Поэтому краткость была ему жизненно необходима. Короткие стихи занимали в рукописях меньше места, кроме того, был шанс не забыть их после написания.

В основном, стихи у Влодова по 8–12 строчек. А то и меньше: по 6, 4, 3, 2 и даже по одной строке. Но эти маленькие стихи производят впечатление глобальных произведений. Этих стихов, как драгоцен-

ного поэтического эликсира, достаточно одной капли, чтобы почувствовать дыхание Вечности.

Веду по жизни, как по лезвию,
Слепую девочку — Поэзию.

.....
Друг друга предали — и сразу легче стало.

.....
Цветок — надгробье мотылька.

.....
Кровь из босых ног,
След — от звезды к звезде.
О, как далек Бог!

Что касается книг изданных, то у Влодова их немного. При жизни были изданы только две: «Крест», (1996 г., издательство журнала «Юность») и «На семи холмах» (2008 г., «Московские учебники и картолиитография»). Книга «На семи холмах» — это единственная книга Влодова в твердой обложке, объемом в 224 страницы и тиражом в 3 тысячи экземпляров.

И только в августе 2012 г. в издательстве «Время» вышла еще одна — главная книга поэта — «Люди и боги».

Людмила Осокина

Выше нос!

К. В. С.

...и вот я вижу, как на них распускаются яркие-яркие зеленые листочки. Я-то хорошо понимаю, что происходит с деревьями. Они обретают язык.
Оскар Уайльд. 1 апреля 1897, Редингская тюрьма

Сейчас я расскажу Вам о том, на что неожиданно натолкнулась, читая воспоминания одного замечательного человека. Эта история в главном известна, но совсем по другому источнику, который не заподозришь в отсутствии первородства. Правда, первородство тут иного свойства — художественного и потому безгрешного по отношению к изначальному факту.

Находка так изумила меня, что я рассказала о ней одному врачу (его можно назвать духовным Мастером — он занимается парапсихическими возможностями человека, **служба** своему делу, а не просто исполняя обязанности). Мастер выслушал, вздохнул и сказал: «Ум — это шут при дворе его величества Эго, которое питается иллюзиями, догадками, незнанием, полуправдой. Ум — всего лишь пленник химер. Кстати, органы нашего тела, в том числе и мозг, не очень-то считаются с ним и свои тайны держат в секрете. О какой-нибудь медицинской драме в крови или том же мозге человек узнаёт в последнюю очередь — когда ситуация становится критической или даже необратимой. Тут ум начинает суетиться — объединяется с эмоциями, систематизирует, сопоставляет и только усугубляет дело. Нет, не зря говорится: такой разумный, что аж дурной». Почему он так ответил, судите сами.

Эта история случилась в Риге в 1835 году. Одного парикмахера угораздило отхватить себе нос. Во что превратилась его жизнь после этого, нетрудно представить. Жена его бросила, клиенты сбежали, друзья старались держаться подальше. Врачи, убедившись, что он жертва собственной неосторожности, а вовсе не сумасшествия, посоветовали ему испытать судьбу у своего коллеги, поднаторевшего в роли ассистента заграничных профессоров. Парикмахеру ничего другого не оставалось.

Доктор принял его. Осмотрел. И решился на операцию.

Взяв кожу со лба, он пришил ему новый «нос» по методу немецкого хирурга И. Диффенбаха, практиковавшего в Берлине. Доктору было около 25 лет. Это была его первая самостоятельная операция. Впоследствии он спас многих людей, его пациентами были и Чайковский, и Гарибальди, и Менделеев, и Бисмарк, и простые солдаты, и великие князья. Однако не будем забегать вперед и расскажем, как он очутился в Риге, к которой поначалу не имел никакого отношения.

Он возвращался из Германии после курса лекций и занятий оперативной хирургией в клинике И. Диффенбаха. Следуя в прусском почтовом дилижансе из Берлина в Кенигсберг, он собирался направиться далее в Петербург. Но по дороге заболел и вынужден был остановиться в Риге. У него оказался сыпной тиф. Он пролежал в госпитале два месяца, вышел ослабленным и продолжить дорогу не мог. Однако оставаться без дела было не в его правилах. И тут судьба привела к нему несчастного парикмахера.

Я ни на чем не настаиваю, но аналогия напрашивается сама собой (Н. Гоголь, повесть «Нос», напечатанная Пушкиным в «Современнике» в 1836 г.) Здесь бы кстати назвать имя доктора, возможно, послужившего литературе либо повлиявшего на то, что тема носа просто повисла в воздухе, и поставить точку. Но одна фраза из воспоминаний, позднее написанных этим доктором, побудила посмотреть на саму историю с другой стороны.

Отдавая должное на склоне лет своим немецким наставникам, тот самый молодой доктор, теперь опытный ученый и практик, особо выделяет геттингенского профессора К. Лангенбека. Он говорит о чистоте хирургических приемов, которой его учил старик, а главное — о его умении слышать *цельную и завершенную мелодию операции*. Так и пишет: «*учил умению слышать мелодию операции*», и своим признанием просто оторопь наводит. Во всяком случае, на меня. Ведь это признание человека, который всю жизнь резал, кромсал, имел дело с кровью, не вылезал из анатомического театра, кто только за девять месяцев кавказской кампании сделал свыше семисот операций, кого сам царь называл «живодером».

Необычное признание! Как бы выдающее код, по которому посвященные угадывают друг друга вне мира физических измерений. Что означает «*мелодия операции*»? Может быть, что-то безусловное, близкое вдохновению? Или контакт с божественным началом по ту сторону мысли? А может, что-то родственное природе экстремальных видов спорта и накрепко соединенное с жизнью, которую он возрождал или спасал собственными руками?

Эту фразу невозможно забыть. Она уводит в область совершенно иных размышлений. Например, о сверхзвуковых посланиях.

Вспоминается история французских опытов 1982 года, экспериментально доказывающих, что две испускаемые квантовые частицы каким-то образом сохраняют связь, даже когда удаляются друг от друга на огромное расстояние. Едва оказывали воздействие на одну частицу, другая мгновенно меняла свое поведение. А как узнают друг друга кукушки? Известно, что они подкидывают яйца в чужие гнезда. Но не все знают, что со своими детьми они воссоединяются в южных краях, где перебивают нашу холодную зиму. Речь о таинственной связи, казалось бы, бесспорно явных вещей. Ученые предполагают, что подобная связь осуществляется через порталы более тонких измерений. Пока что это реальность за рамками физического мира, она лишь предлагает нам доказательства своей тайны. Но факт остается фактом. Фразу о *мелодии* высказал хирург, пришивший парикмахеру нос. Гоголь воплотил сюжет, принятый всеми за анекдот, сумел его услышать и взять. Пушкин напечатал повесть в «Современнике», в то время как другой журнал, «Московский наблюдатель», счел ее «пошлой и грязной», а Шостакович много лет спустя обратил ее в музыку и заключил в нотные знаки. Случайность? Вряд ли. Она обходит людей, связанных друг с другом мгновением вечности. Возможно, это и есть *мелодия*, но доступная лишь слуху души?.. Какой же должна быть душа, чтобы вибрировать на высочайших частотах? Уверена, вне слова «человеческой» ответ не имеет смысла. Мне кажется, что идея христианства о самопожертвовании тоже имеет к этому отношение: ведь она впервые поставила знак равенства между осознанной жертвой и силой и тем послужила зарождению нового видения мира. Оно по-прежнему только брезжит, наводя шатких людей на мысль о кризисе религиозной веры. Но дело совсем не в религии, а в обрушении интеллекта, утянувшее за собой культуру, человеческую солидарность, национальные интересы, дух бескорыстного созидания. Бедная душа! Как тяжело ей в тине наносного себялюбивого праха. И вот путается, прозябает. И не слышно ее и не видно.

А дальше я скажу ужасную вещь. Да простят меня философы. Мне кажется, что ницшевское «рождение трагедии из духа музыки» тоже здесь, в этом признании хирурга.

Так кто же этот доктор, задавший загадку своим странным признанием? Представьте себе, Николай Иванович Пирогов! Дорого бы я дала, чтобы услышать ту самую *мелодию*. А Вы?.. Во всяком случае, хочется пожелать Вам услышать ее. Особенно в день Рождества.

7 января 2013 г.

Но что же это к горлу подступило?
Послушай, где-то ангелы поют.

А. Ревич

Знаете, детонька, на днях со мной
беседовал Бог.

А. Ревич. Из телефонного разговора,
сентябрь, 2012 г.

Памяти Александра Ревича

Трудно писать о человеке, который многим известен. Знакомые всегда найдут в твоих заметках что-то спорное, неудобоваримое, недостаточное. А если этого человека узнают в персонаже какого-нибудь твоего рассказа?.. Тогда просто беда. Многие забывают, что в жанре рассказа правда создается с помощью вымысла и что художественное произведение не обязано копировать жизнь. История литературы полна страниц, посвященных подобным неприятностям. Знакомых редко устраивают изображенные друзья, приятели, родственники. Да и сам прототип часто не в восторге от воплощения. Так человек, глядя на только что сделанный фотоснимок, считает его неудачным: он видит себя по-другому. Но проходит время, и забракованная чужая работа восстанавливает себя в его глазах. Если, конечно, сделана с любовью и честно. А без этого и браться не стоит. Есть человеческие типы, истории, ситуации, мимо которых **невозможно** пройти. И это сильнее благоразумия.

В предлагаемом рассказе «Общество Скаррона» нетрудно узнать недавно ушедшего от нас поэта и переводчика Александра Михайловича Ревича хотя бы потому, что его имя связано с творчеством Агриппы д'Обинье, о котором говорится в рассказе. Ревич — переводчик его поэм. На этой основе строится сюжет. Зная, что Александр Михайлович любил читать неопубликованное, я передала ему текст и, можно сказать, предварительно «согласовала» его во избежание всяких недоразумений. Много из того, что я услышала в ответ, потом вошло в его предисловия к моим книжкам. Желая хоть как-то отблагодарить его, я однажды спросила: «А вы знаете, что участвуете в трех моих вещах?» Он ответил: «Конечно. И этим очень доволен». Так и сказал — «очень». И еще одну важную вещь сказал, когда вместо «спасибо» я заметила, что меня поддерживали три каторжника (понятно, речь о писателях), чем горжусь. Минувя вопрос: «Почему?», на который ответила бы словами Оскара Уайльда, прочтя их по книге: «...тюремная жизнь позволяет увидеть людей в истинном свете. И это может обратить человека в камень. Тех, кто живет за преде-

лами тюрьмы, мельтешение жизни вводит в обман. Они сами втягиваются в ее круговорот и вносят в этот обман свою лепту. Только мы, находящиеся в неподвижности, умеем видеть и понимать», — так вот, минуя вопрос: «Почему?», Александр Михайлович строго спросил: «Кто?» — «Юрий Домбровский! Владимир Максимов!! Леонид Бородин!!!» — «Я четвертый!» — сказал Александр Михайлович. Для меня, работающей в своем мире, вне официоза, вне светского литературного круга, такое признание дорогого стоит. И в завершение нельзя не заметить: может быть, Александр Михайлович Ревич потому и занялся творчеством Агриппы д'Обинье, поэта-воина, который писал в походах, у костра, под ядрами, мушкетным огнем, что сам был солдатом, участником Сталинградской битвы, дважды попал в плен и дважды бежал.

Общество Скаррона

Истина, как и добро Мольера,
там и берется, где попадается.

А. Пушкин

Прогулка в 17 век

Так, между делом спросила на перекутке: «Кого переводите?» — проявила вниманье. «Агриппу д'Обинье», — и собрался долго и нудно объяснять, кто это такой. Но Агриппа не нуждался в рекомендации. Сей поэт гугенот состоялся в тесном родстве с моими собственными литературными симпатиями. От него начинался путь к Скаррону — другому французу, безупречному мастеру острословия, который сейчас мало кого занимает. Тем лучше: **ничто так не обязывает, как мода, и не претит, как юбилеи.** Имя откликнулось именем и воссоединением целой семьи — в моей голове, конечно. Спасибо судьбе: не каждый день выпадает такая встреча.

И вот мы уединились на выставке. В старинном зале с колоннами мой собеседник (а он — переводчик) смотрелся посланником замечательного гугенота, таким же строгим и зорким. Сама же я из всех своих лет ощущала лишь первые восемнадцать. Но до шуток ли, когда вы на бобах? Рыться, копать в старофранцузском, договориться об издании книги и получить рукопись обратно: нет, видите ли, бумаги. Да кому это интересно после двадцати лет труда? «Бумаги куда ни шло! — сказал переводчик. — Нет вкуса к эпическому. К настоящим литературным идеям. Да что там! Наше время просто не способно вместить такую фигуру, как Агриппа. Слишком велик. Поэт, разбойник, герой... Автор трехтомной “Всемирной истории”, мемуаров, романа». И это всё про Агриппу. Я же тянула в другую сторону, оглашая послужной список Константа, сына Агриппы: фальшивомонетчик, бабник, роконосец, убийца своей жены. Не правда ли,

оставлял желать лучшего? (Кстати, в этом наборе репутация бабника меня отвращала меньше всего.) Тюрьма плакала по такому субъекту. И правосудие не заставило себя ждать. Константа упекли за решетку, чем крепко насолили будущей мадмуазель Франсуазе — его драгоценной малютке. Она появилась на свет в тюрьме. Ее матерью была дочь коменданта, которому ничего не оставалось, как убрать с глаз долой всех троих в классическом Вифлеемском виде.

Географией бегства стала Америка. Память о головах, насаженных на пики, вероломстве католиков, беспощадной Екатерине Медичи не могла не помочь этому стражу законности — коменданту устроить судьбу своих отпрысков гугенотов. В Новом Свете она сложилась так: авантюрист Константин стал губернатором Мартиники, затем отдал Богу душу, а тело оставил колониальной земле. Вдова же всего и успела, что вернуться с чадом на родину, то есть во Францию, где в нежнейшем совершеннолетию малышка Франсуаза осталась круглой сиротой. Был еще братец Карл, но он известен настолько, насколько не обращал на себя внимания. Что же касается примечательного Агриппы, то нераскаявшимся гугенотом он почил на чужбине еще до рождения внучки.

— Гугенотом! Стало быть, протестантом! Не то, что ваша Франсуаза-отступница, перебежавшая в католичество. — Так творчество в лице моего собеседника говорило: литература — страшная штука, заставляет любить своих персонажей, делает переводчиков обвинителями.

Его сощуренные глаза, очумевшие от чтения од гугенота, сквозили иезуитством. Нежные чувства он адресовал Диане — даме сердца и музе Агриппы, а мне доставалось сплошное литературоведение, которое скармливал, проповедуя эпос, высокие идеи и монументальную форму. (Что значит иметь дело не просто с переводчиком, а еще и профессором!) И это прогулка в 17 век? Во времена утонченного стиля и галантной порочности. Во времена сумасшедших любовных романов, головоломных карьер и расцвета искусства! Скорее встреча назидательности с обидой.

Месяц назад

Лицами Сомова, Добужинского, Бенуа глядели с полотен современные художники. Месяц назад их открыли под ледяное шипение вермута. Одни статуэтчицы провозгласили собственную независимость и представили фантазии светящегося фарфора. Бисквитная Карсавина в балетной пачке делала ручкой Нижинскому. Голубая роза стыла под голубыми ангелами. Подвешенные за кафтанчики, они тянули шеи, как гуси. Успех, по обыкновению, запоздал. Вдохновительница фарфора Эльвира Еропкина разломала подручные формы

и отплыла в Америку. Месяц назад вернисаж шумел и омывался своими гольфстримами. Устроители охотно роняли слова. Общелкивались репортерами. Сверкали два килограмма золота на Ю. А. Был приглашен Моцарт, который, как всегда, мешал. Его музыка делала слишком явным общее помешательство. Под нее излишняя простота человеческих проявлений чересчур бросалась в глаза. Смычковые люди, исполнившие квартет, не встали и не плюнули, потому что им заплатили. Беспечного Моцарта поставили в угол. Еще несколько драм явили себя принародно. Например, художник — крошечный старичок Флейшман, прожив весь 20 век, наконец-то удостоился приличного зала. Возле него шныряли внуки — свидетельство его личной жизни. Эпилогом могла бы послужить сценка в гардеробе — беременная жена при муженьке в положении риз.

Отпраздновав, все расползлись. Белые старинные залы остались ждать посетителей. И мы явились. Достойные гардеробного жанра и яркого гнева Эльвиры Еропкиной. Такова экспозиция. За ней числится еще воспоминание о замке в Наварре, где Агриппа залечивал раны, неверность Дианы, прочие искушения, но они завели бы нас далеко. Всё-таки три с половиной века в глубь времени требуют стройного шага.

Письмо фаворитки

— Нет, что ни говорите, а эпический жанр уже тогда заболел романтичностью. Героизм стал мистификацией, а мистификация — подвигом. Ну, вспомните Дон Кихота: уже тогда нужно было прикинуться сумасшедшим, чтобы прожить достойную жизнь. Удивляет, как всё-таки сохранилась мера вещей. Видно, безрыбье не стало еще таким людным.

Профессор согласился, заметив что-то про обаяние века и про нашу зависимость от легенд. Не знаю, может быть, обаяние, а может, что-то иное. Одного Людовика XIУ довольно для геральдики стиля. Плохо ли, если правитель знает толк в искусстве? Судите, человек пробегает глазами интимное письмо женщины — и этого довольно. Теперь ее место стоит где-то поблизости от Расина и Сен-Симона — надежная компания великих стилистов. Более того, этот правитель имеет привычку к анализу и, прочтя письмо, сомневается в подписи «Монтеспан». Он желает проверить догадку. И призывает свою фаворитку, чтобы спросить, кто автор письма? Пышка Монтеспан — само простодушие, ее ответ Людовику умиляет. «Кто автор письма? — переспрашивает она. — Воспитательница наших детей, ваше величество». — «А не могли бы, милочка, познакомить меня с этой дамой?» — «Конечно, сир», — ответила на свою голову Монтеспан. Бедная головка, забитая поисками драгоценностей. Сплош-

ные алмазные видения и блеск бриллиантов в мыслях. Зато какие роскошные плечи! Многие мечтали о них.

Действительно, трудно поверить, что словесностью, обыкновенной изящной словесностью, можно завоевать сердце абсолютного монарха. Это настолько просто, что просто невероятно. А всего-то несколько строк записки! Утонченной предупредительностью воспитательница успокоила чужого любовника и тем и обрела в нем будущего своего. Король же, прочтя послание, лишь отозвался на чары волшебной легкости стиля. Его поклонение литературе обычно существовало отдельно от обожания. Однако в тех случаях, когда стремление к совершенству обнаруживала дама, всемогущий становился мужчиной. Талант он отождествлял с красотой, и его пылкому интересу не требовались уловки, чтобы разгореться и зайти далеко. Он жаждал randevu. Монтеспан ошеломлена: «А моя грудь, мои плечи, белизна кожи... Он всё забыл!» Вот что такое лень! Кто же отменяет свидания королям да еще поручает сочинение галантных писем своим гувернанткам!

Итак, воспитательница предстала, и оживленный Людовик нашел пикантным даже то, что она на несколько лет старше его, бонвивана, выдавшего виды. Далее всё ясно: циничному современному человеку ничего не стоит домыслить конец. И всё же... Король добивался Франсуазы (а это она, постаревшая внучка эпического Агриппы, рожденная в тюрьме), так вот, целых два года осаждал ее Король-солнце. Ну а потом: морганатическая супруга, владелица замка Ментенон — подарок Величества — за всё в эпоху Бастилии поплатилась своим прахом, вырытым из могилы и вздернутым на дыбу. (А кто-то утверждал, что гробокопательство — российское занятие.)

Франсуаза сочинила так много писем, что ее соотечественники позволили себе потерять половину. Ныне лишь какие-то сорок томов удовлетворяют любопытство ученых мужей. И никто, ну ни один человек не разуверит меня, что этот Замок не воплощал тайну прозы. Художественной, конечно, а не житейской. А что такое проза, если не разновидность воплощенного помешательства! Плюс самосожжение автора. На уровне виртуозного владения словом, к тому же дерзкой и жесткой мысли.

Мода на хромоножек

И тут, отступая, мой собеседник говорил, раз уж речь о Людовике... Он припоминал другую заслугу — король ввел моду на хромоножек. И называл Луизу де Лавальер, которая слегка припадала. У фаворитки одна нога короче другой — это достойно внимания. Еще одна подробность, не замедлившая отразиться в литературе. Корни пустить. Можно написать диссертацию о хромоножках До-

стоевского, Джойса, Бергмана и успокоиться на том, что теперь это достоинство считается недостатком.

Между тем на выставку принесло посетительскую фигурку, которая начала слоняться со своим огромным бантом от Нижинского к ангелам. Производить гулкие шаги. Потом шаги куда-то девались, а мы продолжали разговор о вырождении эпического жанра. Возможно, всё началось с того, что судьбу Франсуазы вручили Манон, как водится, шиворот-навыворот, и бедняжка вместо дворца нашла тюрьму и могилу, а ее создатель аббат — смерть на дороге. Но куртуазное обаяние... Облетело весь мир. Бедное легкое дыхание... Оля Мещерская! Бунин. С тех самых пор мотив дороги упокоил не одну грешную душу. Даже леди Макбет Мценского уезда, даже донскую Аксинью.

О чем мы думали, болтая всё это? В пустом зале накануне нового вернисажа. Единственная посетительница, и та провалилась. Только цветы дышали на холсте исторического старичка. Потом я сказала: «К празднику получила открытку: “Желаю побольше радости в этой страшной жизни”». Он рассмеялся.

— Дурацкое поздравление. Ничего не читала глупее.

— Проще расценивать это как неудачную шутку. — Похоже, в тоске по Агриппам наш мэтр забыл, что и с комическим туговато.

За примером недалеко ходить. Вот лавры вручаются на пиру. Победитель откликается Словом. Приятно, когда в сытом зале звучит Мандельштам. При стечении лучших людей. Правда, многим из них сам Мандельштам дал бы стакан полицейского чая, а в руки — анализ мочи прокаженного, но это неважно. Главное — этикет. — Вам не понравился победитель? — Очень понравился. Но два килограмма золота на Ю. А., банкетный осетр и бесплатный вермут выступили красноречивее. Вслед за Моцартом в угол отправили Мандельштама.

Возвращение в покинутый век. Скаррон

— Значит, его выносили в футляре, — решительно сказал собеседник, подавая сигнал к новой теме, которая возвращала нас в покинутый век.

— Нет, в ступе, как Бабу-ягу...

— Скорее, как тюк, — откликнулся он, — потому что одни мощи остались.

— А голова? С чистейшими голубыми глазами? Голова красавца и кавалера...

— Была так скособочена, что любоваться не приходилось. Разве что шляпа с перьями, подвешенная на шнурке. Но и она болталась, когда ему скрючило пальцы. Шнурок не дергался, и шляпа не взлетала с приходом гостей. Лютня, шпага и плащ тоже валялись без толку. Не говорю уж о карандаше: до рисования ли, когда муху не в состоянии отогнать?

— А ведь прежде он пел, как бог, и танцевал в балетах, и подвизался в своих же комедиях.

Свидетельство всех талантов, теперь он лежал разбитый, и наперсники по сумасбродству сами приходили к кумиру. Недавняя подруга оставила монастырь и поселилась с кузиной под боком. Здесь же обретались сестрички — любительницы повеселиться, пиццал племянничек, колотили в дверь кредиторы... А сановник-отец, заклятый враг кардиналов, отошел в мир иной. И все сели на шею калеки притом, что он сам не имел ни гроша.

— Представьте, перебрала кучу книг... Но так и не докопалась, в чем причина болезни. Ни единого вразумительного объяснения. Одни пишут о зловещей лихорадке, другие — о чем-то похуже, третьи — о ревматизме, подагре... Наш профессор ответил, что это неважно. Ну а вообще-то любовь к маскарадам причина. Мёд и перья вместо одежды. Живой пуховик был узан, посрамлен и ощипан. У раздетого было ложное представление о расправе. Уверенный, что его избьют, кинулся в реку. Фонтан ледяных брызг, искры из глаз — и тело приобретает черты буквы «зет». Конечно выловили, растерли и разогнули. Но это был уже другой человек, хотя носил имя прежнего. Он назывался Скаррон.

С достоверностью известно: иссушило и скрючило не сразу. Больной волочил еще ноги, когда перед обедней встретил врача. Лекарь живо взялся за дело, на другой день пациент уже принял снадобье, а на третий его разбил паралич. Только руки не захватило — милость немалая, чтобы написать нетленную вещь, и скудноватая для всего остального. Особенно для жарких любовных объятий, когда руки, бедные, одни принуждены заменять безучастное тело.

— Не странно ли, — сказала я, — богиня любви Афродита явилась из-под античного праха с головой, но без рук. Может быть, в назидание?

— Мозг одинок, а время плохой учитель. Всё назидание в том, что для безрассудства достаточно одной головы.

— Да, мозг одинок, даже когда думается не головой, а другой частью тела, — ответила я.

— Не надо осуждать чужие достоинства.

— Так полагаете вы или ваш подопечный Агриппа?

— Он по-русски не говорил.

— А теперь говорит. С вашей, заметьте, **вашей** помощью. А вы утверждаете, жизнь неправдоподобна! Даже подчеркиваете это.

— Да. Но искусство требует правдоподобия. Тоже подчеркиваю.

— В духе вашего Последнего прощания. Остальное — чистописание.

Вот уж кто не откликнулся на лестные отзывы, но парафраз его собственных слов, — а мои ответы ими сквозили, — это дорого каждому автору. Он улыбнулся (улыбку его, тонкую, не без чар, надо видеть — она жила в глазах, а не на губах), сказал:

— Хотите, почитаю свое? Так и называется — «От переводчика “Трагических поэм Агриппы”».

*Как нет предела времени, как нет
Границ пространства, нет границ познания.
Но мы не знаем языка планет
И звезд, плывущих в безднах мироздания.
Мы не стыдимся посещать совет
Нечистых, это сходбище баранье,
Поскольку позабыли мы Завет
И отдаем пророков на заклянье.
В том веке было так же, точно так,
Кто жил по чести, попадал впросак,
Кто не стеснялся, был главой совета.
А наш старик послал к чертям совет,
Он знал предел всему, хоть в мире нет
Границ пространства до скончания света.*

Похоже, доброе старое время начало уставать, выталкивая нас в современность. Но мы всё равно сбежали назад, к скрюченному больному.

Королевский больной

Когда Скаррон сочинял, непонятно. Было впечатление, что он только и знает, что потешаться над своими недугами. Слуга совал его в ступу и водружал на стол — конечно, не для проповеди поста вольнодумцам и жизнелюбам, которые за ним собирались. Сент-Эвремон, Ф. Бернье, Саразен... Какие люди, умы! Воистину, Где прошлогодний снег? Ничего удивительного, что здесь родился бурлеск — этот шиворот-навыворотный жанр, язвительный пасынок литературы. Коль скоро природа вывернула гения наизнанку, то и гений волен поиздеваться над ней. А приступы тоски? Наверно, были, но их свидетели не оставили воспоминаний. Разве что сам признался в письме: боль такая, что без опиума невозможно. Следующие двадцать три года, до самой смерти, двадцатисемилетний острослов отметил многими талантами, кроме одного — желания скулить. Он придумал новую должность — королевского больного и был в ней утвержден, поскольку двор не любил голодных писателей. Однако и тут Скаррону наскучило: начались баррикады, мятеж, Фронда... Из ступы по Парижу полетели сатиры, а всемогущие прощают всё,

кроме убийственных колкостей. Наш сочинитель получил под зад, едва бузотеров рассовали по отдаленным местам. Хлебную должность прикрыли за неимением второго такого же оригинала.

Тут возникает некий командор из Мартиники — чудо здоровья, восстановленного под солнцем экватора. Зрелище впечатляющее. Почему бы и нашему пересмешнику не попытаться счастья в Новом Свете? «Комический роман» почти написан, словесность, пересыпанная солью и перцем, освобождена от ходуль, сбережения вложены в новую компанию. Есть и спутница. Да какая! Нинон — неувядаемая куртизанка, на счету которой шеренга побежденных маршалов и прочих мужей. Нинон — ангел-хранитель и надежный товарищ. Но...

Но тяга к Мартинике прибывает путешественника к другим берегам. Шестнадцатилетняя сирота, вернувшаяся из заморских краев, приходит рассказать об Америке. Вернее, ее приводят к нему — впечатлениями поделиться. Та самая — внучка эпического Агриппы, будущая морганатическая.

Это странно, не вмещается в голове, может быть, сверхъестественно! — не то, что он предложил брачный контракт, и не то, что Франсуаза ответила: «Да». Странно другое, именно то, что за восемь лет супружества она ничего не утратила из своих достоинств, а лишь приобрела звание неприступной. обстоятельные биографы почти убедили в этом. Но... Человеческая подозрительность скорее найдет себя в собственной порочности, чем в их преданной лжи. Конечно, Франсуаза отреклась от веры сурового гугенота, но чего не сделаешь в память Варфоломеевской ночи? Что же касается остальных ночей — биографы это обходят. Словом, странная пара венчалась в сельской церкви. Людовик XIV тогда еще ничего не значил, то есть был средоточием надежд и хорошего тона, обращенного даже на горничных, с которыми имел обыкновение здороваться первым. Для полноты картины вспомним, что его современник — тишайший царь Алексей Михайлович собственноручно занимался вышибанием зубов у протопопа Аввакума и образумлением боярыни Морозовой с единоверцами.

Прием закончен, век опечатан

Но оставим это ради последнего абзаца в жизни героев, а может быть, ради стилистики века, утвердившего себя в столь долговечных материалах, как смех, камень и фраза про государство и я. Заметим: никогда еще искусство, особенно художественная проза и архитектура, не были так избалованы вниманием, как при Людовике XIV. Мы вышли на воздух, к машине. Прежние гулкие шаги неожиданно возродились, когда я дернула ручку дверцы. Я оглянулась и увидела единственную посетительницу, выданную собственным бантом.

— Этот калека... О ком вы говорили?

— Его имя вам ничего не скажет, — ответила я. — Мы ходим к нему, когда донимает жизнь.

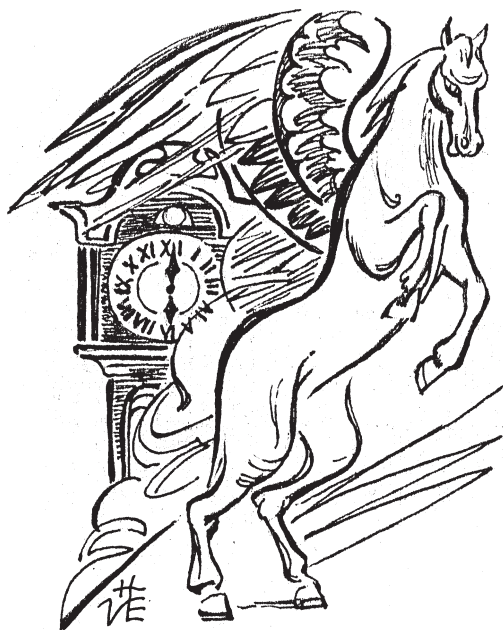
— Обычно сюда? В это здание? Именно по субботам? Когда, в какие часы?

— Просто в чужой 17 век. Как отправляются слушать музыку. Поскольку в своем идиотизм и сплошная политика. И по-прежнему пахнет рабством.

— Но всё-таки именно в это время или когда?

— Да нет же! Прием окончен, и век опечатан. Моцарт с Мандельштамом в углу. Остальные опились вермутом, вселенское корыто по середине. А то, что школа комедианта забыта, просто удача. К кому бы мы уходили, не боясь посторонних?

Может быть, ошибаюсь, но мне показалось, что имена лучших учеников этой школы ей тоже ничего не скажут. Но их-то не утаила: она — маркиза де Ментенон, он — Мольер.

ОБРАЗЫ И МИРАЖИ

Перед графическим листом
«Сухарева башня»

Владимиру Щербинину

Тает башенки верхушка,
Сквозь года летит возок...
Как живешь, Москва-старушка,
Слыша Запад и Восток?

В обрамлень красных башен,
В круге звездного венца
Взор твой милостлив и страшен,
Но не понят до конца.

Притягательная сила
Отзывается судьбой —
Ты карала и любила,
Знала святость и разбой.

Знала праздники победы
И жестокий смертный бой —
Нерушимые заветы
Чтила, жертвуй собой.

В дни тяжелых потрясений,
Божьим Промыслом храним,
Каждый падал на колени
С громким именем твоим.

Так за правдой, как за хлебом,
Поспешаем в судный срок —
Так навек сроднился с Небом
Город скрещенных дорог.

Перед картиной «Фашист пролетел»

А. А. Пластову

В такие мгновенья нет воли случайной —
Здесь птицей кричит тишина:
За данью кровавой, за жертвою тайной
Внезапно приходит война.

Шагает по взрывам глухого бурьяна,
Вершит самолетный бросок.
Земля кровоточит, как свежая рана, —
Убит молодой пастушок.

На поле не вздрогнет ни кустик, ни кочка.
Как мертвый, бездействует лес...
И только чернеет зловещая точка
В холодном покое небес.

Памяти моей тети В. Н. Егоровой (1928–2012),
музыковеда, исследователя славянской музыки
19–20 веков

Теперь о многом не спросить,
Не выслушать ответ...
Но вновь под Пасху на Руси
Струится тихий Свет.

А кто уходит в Мир иной
Под колокольный звон,
Тот Нерушимую Стеною
В молитвах защищен.

Открыта книга — в миреже
Сближаются века.
От вдохновения в душе
Земная дань легка.

Поспешно осень в свой черед
Листает календарь,
В багрянце голубем плывет
Синеющая даль.

День Богослова предстоит
В прощальной красоте,
И Слово радостью звенит
В небесной высоте.

Вдруг словно от касанья рук
Взгорается свеча,
И жаркий Свет рождает звук
Незримого луча.

Перед картиной «Иннеса и цветы»
З. К. Церетели

Как, уповая на победу,
Найти свою из всех дорог? —
Спешить по избранному следу,
Чтобы успеть явиться в срок?

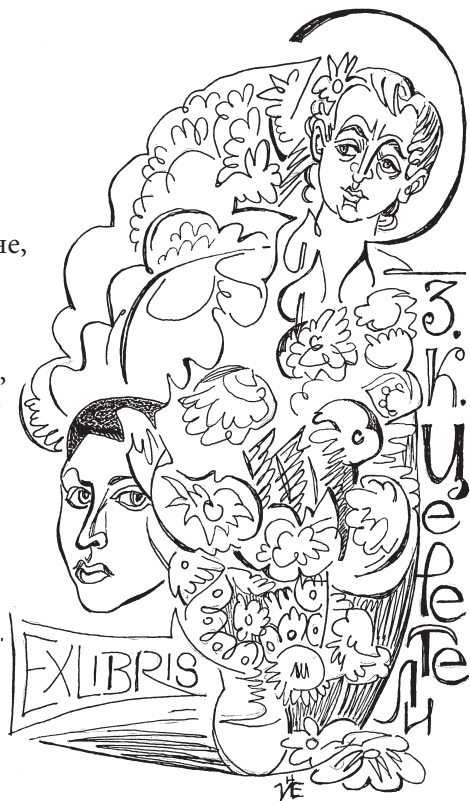
Чтоб за свое желанье это
В глазах копить заряд огней,
Чтобы не старилась планета
В цветущей юности своей.

Чтобы, смущая поднебесье
Неотразимой красотой,
Рождался цвет, как слово в песне,
Как бодрый луч в тени густой.

Чтобы жила в букетах память
Святым торжественным венцом,
Опять снега под Пасху стоят —
Весна засмотрится в лицо,

Обнимет утренние зори,
Отрадой скрасит вечера
И, растопив печаль и горе,
Покажет будущность добра.

Так — в зеркала глядим,
чтоб сбыться,
Сверяя чувства и плоды:
Так — как на вещице зарницы
Иннеса смотрит на цветы.

18 июля 2005 года

* * *

Пока еще теплится радость
И можно об этом молчать,
Пусть чувств предосеннюю сладость
Отметит итога печать.

Пусть можно с букетом прощаться
Пусть летнего дня полнота
Заставит цветам признаваться,
Доверившись краскам холста.

Пока будоражат приметы —
Глаголит таинственный мир,
И, кажется, Божьи Заветы
Во всем исполнимы людьми.

Вновь, слыша звучание Неба,
Так дышит цветок из мазка,
Как вкус испеченного хлеба
Встречает глоток молока.

Перед картиной «Золотые шары»

Нателле Тоидзе

Протянулись повсюду заборы,
А сады, как цветные ковры,
Заплелись в дорогие узоры,
Приманив золотые шары.

Как цветы дерзновенно красивы!
Что же ищут они близ оград?
В промежутки ныряют ретиво
И, взмывая, на солнце глядят.

Точно рвутся в едином напоре,
Обвивая заборную клеть,
И в своем неслышанном споре
Источают пронзающий свет...

Ведь за все в жизни надо бороться,
Чтоб пробилась в иные миры
Наших душ незакатные солнца —
Наших чувств золотые дары.

10 октября 2010 года

Перед памятником
А. С. Пушкину
в Вашингтоне

А. Н. Бурганову

В твоей, Америка, свободе
Играет солнечный Парнас:
В кругу студентов Пушкин
бродит,
Как будто был здесь много раз.

Он словно облик Вашингтона
Своей российской широтой...
Над ним вздымается колонна,
Пегас, как солнце, золотой.

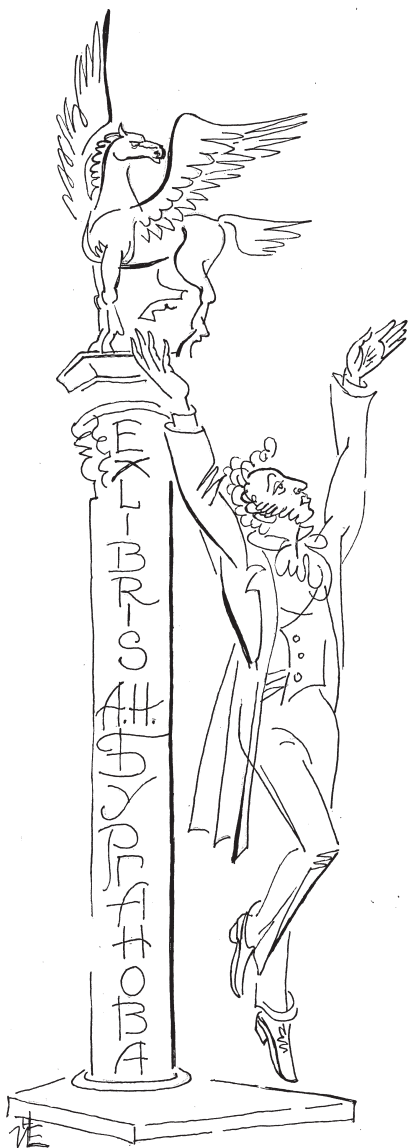
Навстречу вольный ветер
дышит,
И речь английская течет —
Он снова голос Лиры слышит,
Вперед стремительно идет.

Опять спешит к далекой цели —
Зовет заветная строка...
И звук ее, как трель свирели,
За ним летит через века.

8 января 2012 года

Чингизу Айтматову

Я уткнулся в твой несбыточный
сон,
Черноглазо глядящий Восток.
Словно свиток, раскрою ладонь
В чуткий шепот коров и осок.

Точно въяве опять полечу
В неслышанный прежде мотив
И, на землю ступив, приручу
Перекликов реликтовый слив.

И, от качки степной не устав,
Киноварь отцедит чернозем,
И усну я, по-детски припав
К тишине, окружающей дом.

Этот жар, погруженный в засып,
Этот вспых отраженных разлук —
Точно рук протяженный изгиб
Над истомой несомкнутых губ.

* * *

*Ирине
Александровне
Антоновой*

Когда в Москве случится
Пройтись Волхонкой вверх —
Великие страницы
Откроет прошлый век:

Войдем из шумных будней
В наш Пушкинский Музей,
Таинственные судьбы
Там дремлют много дней.

И в каждом взгляде — праздник,
Влюбленность без потерь.
И встречи той участник
Становится мудрей.

И все печали наши
Скрываются вдали
От жара Караваджо
И выдумки Дали,

От смелости Гогена,
Бунтарства Писсарро,

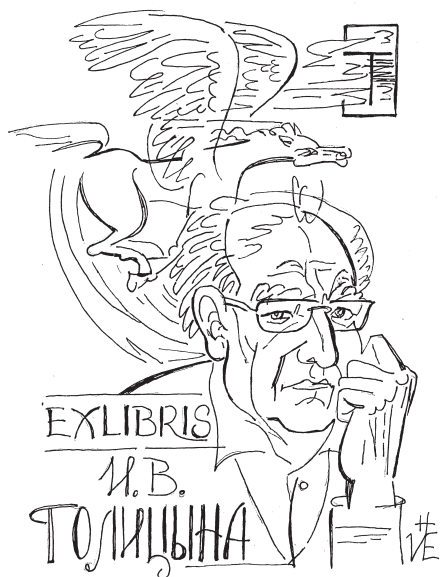
От пылкости Родена,
Наивности Руссо —

От музыки, что слышим,
Доверившись холстам,
От чувств, рожденных в нише
Литых, старинных рам:

Ведь с этого рассказа
Мир в замыслах звучит
И маленький Пикассо
В грядущее глядит...

30 марта 2012 года

Памяти И. В. Голицына (1928–2007)

В довольстве счастливым
быть каждый горазд:
Протест его —
вкрадчивый бред.
Откуда сия исступленная
страсть?
Не с тех ли — отверженных —
лет?

Там будто всю жизнь
не приходишь домой,
А мыслишь и пищешь
в расход.
И в мощном таланте
бдит зов вечевой
И чей-то потерянный год.

Там снова, сметая былую
напасть,
Твердит колокольный завет:

«Да будет над временем крестная власть
От эха расстрелянных лет!»

Карлосу Сауре

Сохраненный глубиною,
Нерасплесканный исток
Угощает красотой,
Как несорванный цветок.

В очумелых пренях века
Он напевами журчит,
Если встретит Человека —
О случившемся молчит.

Что-то знает — что-то прячет,
Но не спросит ни о чем:
Только жалобно заплачет
Пробегающим ручьем...

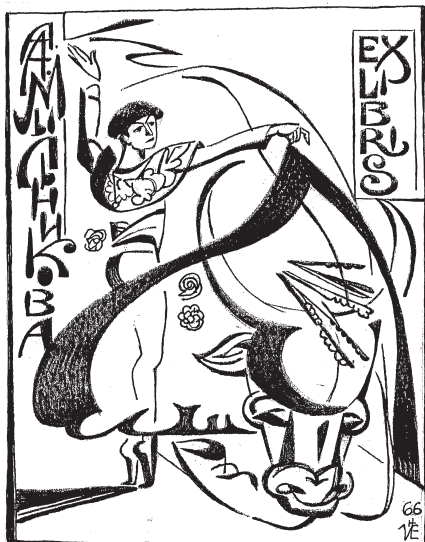
Если ты из сердца вынут
Полнолунием крови,
Если близким ты покинут,
То несбывшемся живи.

И на Промысел Господний,
Что не так — не обессудь:
То, что не было, — припомни,
То, что было, — позабудь.

А. А. МЫЛЬНИКОВУ

Рисовать — не праздное уменье,
Не движенье красок по холсту:
Это путь огнем воображенья
К чуду и голгофскому Кресту.

Приглядишься — и ты увидишь
Лорку,
Той корриды жертвенный
костер.
Как ступень к отвергнутому
Богу
Злой донос и смертный
приговор.

Или смерть — прыжок в стихотворенье?
Яркий миг рождения его?
И тех дней последнее мгновение —
Вечное над смертью торжество!..

* * *

Когда звучит родная речь,
Красна и осиянна, —
Архангел поднимает меч
В боренье неустанном.

И я иные города
Вокруг воображаю
И с ветхой мельницей тогда
Отчаянно сражаюсь.

Вдруг вижу:
 будто сбросив с плеч
Тоску глуши Тобосской,
Гидальго движется на сечь
В поля земли Московской.

И верю через не могу,
И слышу звон вериги,
Плач Дульцинеи на стогу
О рыцаре из книги...

Спешат года. Пророчат сны
В дремоте переплета.
И вновь из будущей весны
Встречаю Дон Кихота!

Графика Ирины Егоровой-Нерли

ТАРУССКИЙ ВЕНОК
Светлой памяти Н. В. Сергеева
№ 1

Бежит по лугу жизни колея.
 О чем расскажешь, девочка-ромашка? —
 Вбирают свет холщовая рубашка
 И сердцевина яркая твоя.
 Проворные движенья муравья,
 В густых ветвях с утра распелась пташка.
 В твоей душе, открытой нараспашку,
 Я прочитала радость бытия.
 Нежданная любовь, семнадцать лет.
 Стою с охапкой полевых ромашек,
 Еще полна ребяческих замашек.
 Так чист и тонок жизни силуэт.

Зачем так много обещала мне ты?
 Своей судьбы перебираю меты.

№ 2

Своей судьбы перебираю меты.
 Гуляют волны придорожных трав.
 Скрипучие сандалии растеряв,
 Бегу наперерез шмелям и лету.
 Луга цветущим клевером одеты,
 Взбираюсь по обочине канав,
 И платье, и колени разодрав,
 Тону в потоке солнечного света.
 Над головой жужжание шмеля,
 Цежу нектар малиновых соцветий.
 Как этот блик, как травы и как ветер,
 Я в этот миг дитя твое, земля.

Июльским полднем все вокруг прогрето —
 Душа во власти запаха и цвета.

№ 3

Душа во власти запаха и цвета.
В лесу ручей от зноя пересох,
Зато вовсю расцвел чертополох,
Сребристо-ал и густофиолетов.
Стоит подобно грозному атлету.
По пустырю набегавшись, щенок
Опять репей на лапах приволок,
Чертополох катается по свету.
Как светофор, он виден за версту,
Его обходят стороною волки,
И в их бока вонзаются иголки.
Красив и горд чертополох в цвету.

Стою, воспоминанья затая.
Здесь горевала — радовалась я.

№ 4

Здесь горевала — радовалась я.
К реке Оке заросшая тропинка.
Моей собаке шорохи вновинку —
Охотничье рвение чутья.
Крота подстерегая у жилья,
Она ныряет в полевой рябинке.
Суровые желтеют сердцевинки —
Осенний корм для стаи воронья.
Скрипит под ветром старая ветла.
Еще тепла достаточно в природе,
Но понимаешь: лето на исходе.
Цени улыбку и не помни зла.

Колючий ежик свежего жнивья —
Застенчивые тихие края.

№ 5

Застенчивые тихие края.
Проснувшейся природы обновленье.
Особенное майское томленье,
Прерывистые трели соловья...
Дрожит дорожка лунного литья,
Кусты у дома обрастают тенью,

И образы плывут, как в сновиденье, —
И целый мир в экстазе забытья.
О, как ты свеж, грозой ночью смят,
Подкидыш роз — шиповник темно-алый,
Тебя в моем букете не хватало.
Ты с мая по сентябрь ликуешь у оград.

Из года в год жду твоего расцвета —
Далекие закаты и рассветы.

№ 6

Далекие закаты и рассветы.
Все дачники разъехались, одна
Брожу по перелескам дотемна
И возвращаюсь с веткой бересклета.
Не надо мне другого амулета.
Окрашенные в яркие тона,
Как бусины повисли семена,
Все, что осталось от разгула лета.
Воспоминаний путается нить,
Куст бересклета под окном сторожки.
Оранжевые хрупкие сережки
Среди страниц пытаюсь сохранить.

Любой цветок загадка для поэта,
У каждого цветка свои секреты.

№ 7

У каждого цветка свои секреты,
Желание понравиться не грех:
То слезы льют, то рассыпают смех,
Готовы на любые пируэты...
Весна преображает силуэты.
Крапива первой чувствует успех —
Она в подвесках белых краше всех,
В саду и во дворе — соперниц нету.
Она куститься любит у дорог,
Сама себе и воля и защита.
Случайно прикоснулись — трепещите,
Она не пожалеет голых ног.

Ни дать ни взять — кочевников семья —
Своя осанка, музыка своя.

№ 8

Своя осанка, музыка своя.
У всех и вся — у каждого созданья
Мы оставляем след существованья
И утверждаем собственное «я».
Подобие растений и зверья,
Мы мечемся у бездны мирозданья
И поздно к нам приходит осознанье,
Что общая уносит всех ладья...
Вдыхаю на пригорке у реки
Душистые соцветья повилики.
Напоминают ангельские лики
Ее полужакрытые цветки.

В венке есть место кроткому вьюнку —
Их было. много на моем веку.

№ 9

Их было много на моем веку, —
Немеркнущих пронзительных мгновений:
Вы, ландыши со станции Весенней,
И горестные розы из Баку.
Но чтоб из сердца вытеснить тоску,
Я вызываю божество сирени.
Рассветный час, скрипучие ступени,
Окно и дверь открыты сквозняку!
Трепещет на стене густая тень,
Прохладу утра втягивают ноздри,
И, чтоб сорвать две пышущие грозди,
Тяну к себе высокую сирень.

Горячим лбом в листве ее зарыться —
Люблю цветов доверчивые лица.

№ 10

Люблю цветов доверчивые лица.
В траве мелькает лютик золотой.
С какой непостижимой быстротой
Цветов и трав проходит вереница.
Июньским днем спешу я насладиться,
Его зовут иначе «травостой» —

Я говорю: мгновение, постой!
Но разве может жизнь остановиться?
Не расплести тарусского венка,
Где клевер с безыскусною ромашкой,
И пахнет медом розовая кашка,
И колокольчик смотрит свысока...

Вновь бабочка на таволгу садится,
Как разнотравье, шелестят страницы.

№ 11

Как разнотравье, шелестят страницы.
Цветов любимых бесконечен ряд:
Сплетаются, качаются, горят,
Тебе над каждым хочется склониться.
Фиалка, незабудка, медуница...
Одни названия столько говорят!
А запахи и льются и парят,
Душа цветов в них пробует излиться.
В Поленово спускается паром,
Старинная усадьба в панораме.
Настурций рыжих пляшущее пламя
С пылающей гирляндой над крыльцом.

Настурций связку прикреплю к венку,
Полынь-трава вплетается в строку...

№ 12

Полынь-трава вплетается в строку.
Я к августу пришла сегодня в гости.
Мелькают васильки среди колосьев —
Плеск синевы достался сорняку...
За повиликой место васильку...
Мне слышится цветов многоголосье...
Ушедший день приблизить удалось ли?,
Цветенья миг подобен мотыльку.
Как свежесть утра вернуть венку? —
Поникли стебли и поблекли лица.
Мы все хотим живой воды напиться —
Дорогу вспоминаю к роднику...

Как свет из тьмы он льется, веселя,
Лесной ручей спускается в поля.

№ 13

Лесной ручей спускается в поля.
Дарю друзьям картины путевые,
Неяркие букеты полевые,
Мелодию гудящего шмеля,
Начала жизни солнечное «ля»,
Ночной грозы литавры громовые,
Расколотые ивы вековые —
Все то, что пережить успела я...
Как в киноленте, памятью отснят
Окрест Таруски заповедный омут.
Хотим пройти — в траве гигантской тоном —
И колокольчики звенят, звенят, звенят...

Довольно странствий. Спешусь с корабля. —
Вернусь к тебе, тарусская земля...

№ 14

Вернусь к тебе, тарусская земля.
Зовут во сне серебряные ивы,
Глухой бурьян у церкви сиротливой,
В короне уж — безгрешная змея.
Моя Таруса, музыка моя,
Плету тебе венок неприхотливый.
Плакучая береза у обрыва,
Борисова-Мусатова скамья...
Повеяло последним летним днем.
Вилась к Оке дорожка луговая.
Грустила мама, даль обозревая.
Отец с ней рядом. Медленно идем...

·
Все выше над погостом тополя.
Бежит по лугу жизни колея...

№ 15 (ключ)

Бежит по лугу жизни колея.
Своей судьбы перебираю меты.
Душа во власти запаха и цвета.
Здесь горевала — радовалась я.
Застенчивые тихие края,
Далекие закаты и рассветы.

У каждого цветка свои секреты —
Своя осанка, музыка своя...
Их было много на моем веку,
Люблю цветов доверчивые лица.
Как разнотравье, шелестят страницы,
Полынь-трава вплетается в строку.

Лесной ручей спускается в поля. —
Вернусь к тебе, тарусская земля...

Валентин ТЕРЕЩЕНКО*(1937–2011)*

СОЛОВКИ

И ближе, и дальше от моря,
По берегу светлой Двины —
Как будто и не было горя,
Ни нашей, ни вашей вины...
 Картина, хотя и сурова, —
 Разумна, по-русски проста:
 Часовенка, роща, корова...
 Почти что родные места!
Неброский ковер разнотравья,
Холмы, перелески, леса...
Ворона горланит, картавя;
У бани коза-дереза
 От колышка ходит кругами...
 Лишь ветер июня — колюч —
 Полярными пахнет снегами
 Под низкими сводами туч.
Куда еще дальше?! Но глубже,
До самого края земли,
Навстречу арктической стуже
Здесь русские лапти прошли.
 В века-то не слишком благие,
 Гонимые мором, войной,
 Клейменные, даже нагие,
 С чужою ходили виной.
Красивые избы рубили,
Садись у моря, в лесах;
На утлых суденышках плыли
За счастьем — на всех парусах!
 Любовью к свободе все страхи
 Осиля, вели псковитян,
 Вели новгородцев монахи
 Из русских дремучих крестьян
И жили, ей-богу, не худо!
Завидовал немощный враг.

Да вот — полюбуйтесь на чудо:

Секирная башня — маяк!

От взгляду подальше, от хвори,

От рабства, от царской руки —

Жемчужина Белого моря —

В кремлевском венце Соловки!

Тягались и с царской столицей,

Хотя не желали ей зла.

За нежность платила сторицей

Суровая сроду земля.

Покой незакатный приемлю

За ответ бессонных лампад.

Навеки впечатаны в землю

Валунные стены палат!

Каналы, дороги и дамбы

Столь мощной полны красоты,

Что меркнут походные ямбы,

Художники прячут холсты.

Лишь в камне мелодии завязь

Наметил безвестный монах —

Любому владыке на зависть,

Любому злодею на страх.

Казалось, совсем никудышный,

Как баня по-черному — прост,

Тюльпанами тешился, вишней

И пел до молитвы, как дрозд!

Охотники, плотники, пряжи,

Трудяги — Савватий, Андрей —

За то вам и слава, монахи,

На памяти русских людей!

От Ирода знаки, положим,

СотрутсЯ, растают, как снег.

Мы все сбережем и умножим,

Чем русский тут жив человек.

Монахиня Олимпиада
(КОНСТАНТИНОВА)

ЛИК

(Синайский Образ Спасителя)

О, ты прекрасен,
возлюбленный мой...

Книга Песнь Песней Соломона. 1, 15

Твой Лик в моей комнате. Он сияет зарей на рассвете. И уходит во тьму ночью. Но и ночью он сияет — тем неземным Фаворским светом. Твой нимб — он цвета пустыни, цвета скал Синая, цвета Сорочадневной горы. Только проснусь — вижу Твой Лик, днем взгляну мельком — Ты здесь, вечером молюсь — Ты смотришь на меня, мой Спаситель, моя Надежда, мой Судия. В Твоем Лике — всё. Ты — Царь, Ты — Человек, Ты — Бог. Ты — всё.

Ты — человек. Твои глаза смотрят чуть устало, словно прищурены от южного солнца и словно слегка грустят о несовершенстве человека, а губы плотно сжаты, привыкшие к посту. Это лик аскета и подвижника, знающего бессонные ночи на молитве, порыв вверх, к Небу, заставляющий забыть земное. Но плоть устает, и это тоже видно на Твоем Лике, в запавших щеках, в запекшихся от жажды губах. Весь Твой Лик — бесконечное терпение, послушание Высшему Закону, Закону Любви, Закону Отца. Ты — Сын, и в Твоих глазах — человеческая тоска по Отцу, по старшему, по опоре в изменяющемся неверном мире. В Твоем Лике — и отречение от мира, и страдание за него. Это лик идеального монаха, какой можно при усилении себе представить, но другого подобного нет на земле.

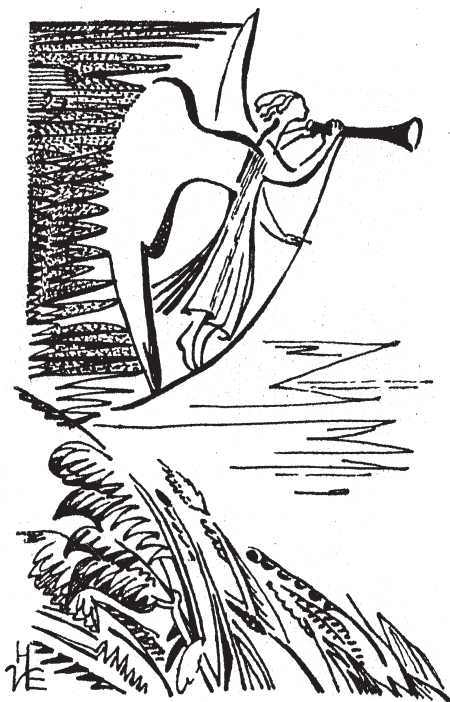
Ты — Царь, Твой Лик величествен и строг. Он кажется порой неприступным. Ты правишь миром — Тебе не до простоватой доступности. Ты — Самодержец, на земле и на небе всё — Твое, и Твоя сила держит мир. Черные как смоль волосы — словно корона венчают Твое царственное высокое чело. Эта черная корона принадлежит Царю Царей. В углах губ — волевая складка. Ты — повелитель. В этих глазах — вся мудрость Обоих Заветов, здесь и мудрый Соломон, и кроткий Давид, философ и песнопевец, мозг мира и сердце его. Ты вмещаешь в Себе сердца всех людей. Ты знаешь всё о каждом, и Твой Промысел направляет и робкие, и дерзкие шаги людей.

И Ты — Бог. И потому Твой Лик непостижим, загадочен, манит и пугает. Ты — Судия, Ты — Творец. В Твоем Лике можно прочесть многое, но его выражение, его суть «непостижны уму» человеческому. Твои очи — в них можно смотреть бесконечно, они бездонны и пронзают насквозь человеческую душу. Ты — загадка, которую нам предстоит разгадывать всю Вечность — и не исчерпать Тебя до конца. Словно сейчас поймешь что-то, что, кажется, Твоя суть, но вот Ты уже другой. Здесь — Божественный мрак и сияние, полнота бытия. Всё разнообразие Тобою сотворенного мира, словно в капле воды — океан, сосредоточилось в этом Твоем Лике. Он спокоен, как океан без бури, тишина — в глубине, изменения только на поверхности. Могучий и безмятежный, он бесконечно глубок, своим покоем он поглощает все движения, которые, как реки, соединяются с ним. Ты — Бог.

Горит моя лампада... Я молюсь — Тебе...

сентябрь 2008

г. Алатырь

МОГИЛА НА ГОРЕ КУЧУК-ЕНИШАР

Доверчиво ищу губами я
Твои сосцы, натертые полынью,
О, мать-земля!

Максимилиан Волошин

Первое мое знакомство с Крымом связано с традиционными маршрутами: курортная красавица Ялта с ее манящими пляжами, дача Чехова, пенистые потоки водопада Учун-Су, пальмовое великолепие Никитского сада, его тысячелетние дубы-великаны, в тени которых, как мне грезилось, отдыхали когда-то динозавры, и, конечно, Севастополь с его бухтами и бухточками, приютившими Черноморский флот, с его легендарной историей, высеченной снарядами и увенчанной доблестью его защитников.

Но был и другой Крым, не известный мне, — Крым, где жил и творил Айвазовский, где жил и творил Волошин. Картины Айвазовского были доступны, я видел их и в Одессе, и в Москве, не говорю о многочисленных репродукциях, запечатленных в альбомах, а стихи Волошина в те годы не публиковались. «Граница умолчания», усердно охраняемая тогдашними властями, конечно, нарушалась. В Литинституте, где я учился, опальная литература ходила по рукам в рукописях и машинописных списках. В ту пору я прочитал «Дом поэта» Максимилиана Волошина — прочувствованную исповедь, своего рода гимн Киммерии, Коктебелю, Карадагу, о котором

Не выцветить ни кистью на бумаге,
Не выславить на скудном языке.

В институте руководители наших творческих семинаров — люди старшего поколения — в двадцатые, тридцатые годы прошлого века гостили в волошинском Коктебеле. Помню, кто-то из них, цитируя пушкинскую строку: «Приют спокойствия, трудов и вдохновенья» как бы случайно заговорил о том, каким «приютом» был для писателей дом Волошина. В нем подолгу жили Валерий Брюсов, Николай Гумилев, Владислав Ходасевич, Андрей Белый, Иван Бунин, Алексей Толстой, Марина Цветаева, Корней Чуковский.

Помню фразу: «Коктебель — райский уголок». Однажды сбылось мое желание в этом убедиться.

Поезд Москва — Феодосия давно переступил пенсионную черту, вагон дребезжал, все перегородки угрожающе скрипели. Задолго до конечной остановки кончилась питьевая вода. По прибытии в Феодосию знакомство с вотчиной Айвазовского отложили на потом, заспешили в Коктебель.

Двадцатикилометровая дорога шла унылой однообразной степью. Ободряюще пахло полынью и чабрецом. Едва заметно колыхались серебристые метелки ковыля, издали поглядывали на нас любопытные суслики, готовые в любую минуту нырнуть в свои норы.

После кипарисовых аллей и цветников Южного Крыма полынная степь и иссушенная зноем земля пробуждали печальные раздумья: вот, мол, хваленый «райский уголок».

Сколько раз жизнь убеждала меня: не давай волю торопливым выводам! Не очень доверяй мимолетным эмоциям! Так случилось и на этот раз. Через десять минут мы въехали в другой мир: как по шучьему велению выросла перед нами громада Карадага, открылся взорам Коктебельский залив. Его голубую гладь не тревожили волны. Вода тихо накатывалась, словно лизала, ласкала берег, а слева от нас возвышался дом, опоясанный балконами, увенчанный башенкой, издали он казался кораблем, спускающимся к морю.

Мы догадались: это он, дом Максимилиана Волошина!

* * *

В Доме творчества мы поселились в бледно-голубом одноэтажном домике, именуемом «Голубок», разделенном на две половины. В каждой — отдельный вход, В одной — я с женой, во второй — московский прозаик Михаил Чернолусский с женой.

Михаил, мой давний знакомый, не раз отдыхавший в Коктебеле, вызвался быть нашим гидом по достопримечательным местам. Узнав о моем желании перво-наперво познакомиться с вдовой Волошина, Марией Степановной, и побывать в доме поэта, Михаил остудил мой порыв:

— Мария Степановна — женщина непредсказуемая, одних принимает с трогательным радушием, других с порога отвергает. Не торопись. Познакомься с Коктебелем, со здешним укладом жизни, а потом постучись в дом Максимилиана Волошина.

Я внял совету.

Конечно, первый визит — к берегу залива: я с Валентиной остановился у самой воды. У наших ног на мгновение замирала пенная каемка прилива и откатывалась в море. А морское раздолье уходило до дымчатой полосы горизонта, где море сливалось с небом. Там, далеко-далеко, плыл пароход. Тысячекратно уменьшенный расстоянием, он был похож на спичечный коробок.

Так дышалось у берега! Пахло мокрой тиной, выброшенной ночным прибоем. Этот запах сливался с полынным дыханием близких степей. С непривычки слегка кружилась голова.

После пустынного берега (время обеда) была многолюдная, многоголосо-шумная столовая, за соседним столиком я увидел Маршака, стихи которого знал с детства. Они с годами не забывались, захотелось прошептать Вале знаменитое: «Ах, какой рассеянный с улицы Бассейной», но она сосредоточенно разглядывала Маршака. Самуил Яковлевич оживленно беседовал с внуками, задавал им на английском языке вопросы, а они, перебивая друг друга и смеясь, отвечали.

Правее нас столик тоже не пустовал. Марк Галлай — стройный, высокий (баскетбольного роста) казался Гулливером рядом с Максимом Рыльским, чуть сутулящимся, гнущимся под бременем годов.

Галлай — прославленный летчик, автор отличной книги «Испытано в небе» — что-то рассказывал про планеристов, проводивших свои слеты близ Коктебеля, где обнаружено благоприятное для полетов воздушное течение. Классик украинской литературы молчаливо кивал.

— Ты что?! — спросила меня Валя, увидев на моей физиономии ехидную усмешку. А я в это время вспомнил байку литинститутских злоязычников. Максим Рыльский успешно переводил на украинский Мицкевича и Пушкина. И будто пушкинскую строку «Паду ли я, стрелой пронзенный» Рыльский перевел так: «Чи гэпнусь я, дрючком пропэртый»...

— Ба! знакомые все лица! — услышал я возглас, и по молдавскому акценту, даже не глядя, определил: это — Ион Друцэ, а с ним — его жена Эра. Наш стол сформировался. Лучшего собеседника, чем Ион, не только в застолье, наверное, не бывает...

Михаил Чернулуский сдержал свое слово. На следующий день он увлек нас в небольшое путешествие на катере «Т. Вяземский», принадлежавшем карадагской биостанции. Мы побывали в Лягушачьей бухте. Огромные валуны, покатые спины которых покрыты зелеными водорослями, действительно походили на гигантских лягушек. Позднее я воспел их в стихах:

Бухта, бухточка Лягушачья,
Не означенная нигде.
Спины каменные не пряча,
Спят лягушки в морской воде.

Сфотографировались мы у скалы «Парус». Ее скульпторами были ветры и волны.

Другая, печально знаменитая, увиденная нами скала, именовалась «Чертов палец». Узкая, ребристая, простертая довольно высоко, из-

глоданная беспощадным прибоем, она казалась неприступной. Однако год назад нашелся энтузиаст из пансионата «Голубой залив», добравшийся до вершины скалы. Добраться добрался, а спуститься не смог.

Прогулочные катера останавливались у злополучной скалы, праздные зеваки глядели на смельчака, взывавшего о помощи. Лишь на третьи сутки незадачливого альпиниста возвратил в пансионат вертолет, посланный из Севастополя командующим Черноморским флотом. «Т. Вяземский» бросил якорь в Сердоликовой бухте, напоминавшей полукруглую подкову. Бухта наглухо закрыта скалистыми горами. На берегу хаотичное нагромождение камней. Очевидны последствия обвала. На одной из скал, пробив расщелину, стекала пресная вода.

Бухта свое имя получила не случайно: когда-то ее посетители увозили отсюда целые коллекции сердоликов. Даже мы, далекие потомки тех счастливиц, отыскивали в гальке и песке по несколько волшебных камешков.

Наше путешествие могло закончиться неудачей. Выхлопы катера, похожие на чиханье, участились, послышался тяжелый вздох, и мотор заглох.

Сначала пассажиры отнеслись к происшествию весело — кто-то зашел: «Любимый город может спать спокойно». Однако настроение изменилось, когда подошло время обеда, а озабоченный моторист продолжал копать в моторе.

И все-таки нам повезло: мотор обнадеживающе зачихал, катер поплыл, и минут через тридцать мы прибыли в Коктебель.

Опять, как и при посадке, один матрос стоял на берегу, другой — на борту, они держали длинную круглую палку, заменявшую перила, а мы сходили по широкой доске, заменявшей трап.

«Т. Вяземский» прощально чихнул и отправился восвояси.

* * *

За несколько дней мы вполне освоились на новом месте. Нас заботливо опекала уборщица Полина, бывшая детдомовка, хозяйка семи коттеджей, как она говорила.

Работа ей нравилась: цветы политы, полы помыты, на дверях марлевая занавеска с подшитыми внизу мешочками с песком, чтоб ветерком не сдувало. Обитатели коттеджей ей тоже нравились: «Все городские, образованные, много книг читают и даже сами что-то пишут».

Лишь одна жилища не по душе была Полине: все ей не так, все не по ней, полдня на пляже под зонтиком лежит, а придет и жалуется: «Ах, как я устала, как устала!!!»

Ну от чего, спрашивается, устала?..

По совету Полины пошли мы в бухту, где лечатся килом. Миновали жиденькую рощицу с пыльными кустами кизила и орешника и присоединились к сообществу «любителей лечиться».

Мы были молоды, лечить, собственно, было нечего. Кил — это целебная глина, образовавшаяся из вулканической лавы, напоенной морской водой.

Обмазались с ног до головы килом, на солнце кожа покрылась серой коркой. Часа через два кил смыли, тело дышало каждой клеточкой, и казалось, что смыты все неведомые недуги...

Обычно до обеда — пляж. Я присоединился к небольшой группе. Юлиан Семенов, знакомый мне по роману «Майор Вихрь» (тогда до знаменитых «Семнадцати мгновений весны» было далеко) сыпал как из рога изобилия анекдоты. Запомнилось:

«Армянское радио спросили: бывают ли антисейсмические женщины?»

Армянское радио ответило: бывают. Они отдаются без колебаний».

Я обратил внимание: метрах в трех от нас стоял в чесучовом костюме Георгий Мокеевич Марков. Он не раздевался и, кажется, не собирался раздеваться, смотрел куда-то вдаль, но явно слушал анекдоты. А они были не только про женщин. Когда Юлиан Семенов с пафосом продекламировал двустипшие: «Прошла весна, настало лето, спасибо партии за это», Георгий Мокеевич подался отстраненно на полшага от нас, продолжая с особым усердием всматриваться в даль...

Вообще коктебельские пляжи заслуживают подробного рассказа о них. Мужской — это главная площадка, где происходит общение, где можно услышать и давние истории, и свежие новости, и пересказ вещаний Би-би-си. Однако гордостью здешнего побережья был так называемый бесстыжий пляж, отданный во власть обнаженных женщин.

Любопытную историю поведал мне Семен Липкин. Было это в начале тридцатых годов прошлого столетия. Совсем молодого стихотворца взял с собою в Крым Георгий Аркадьевич Шенгели. По прибытии в Коктебель Георгий Аркадьевич отправился разыскивать Марию Степановну, чтобы определиться с жильем, а Семену Липкину посоветовал искупаться после пыльной дороги.

Бывалый гость Коктебеля объяснил новичку:

— Слева — мужской пляж, справа — женский.

Семен отправился на мужской. Каково же было его недоумение, когда он увидел в пяти шагах от себя крупную, с толстыми ногами, с мясистыми бедрами, с внушительными ягодицами женщину. Она стояла спиной к нему, поправляя широкополую шляпу.

Липкин поспешно ретировался и отправился на соседний пляж. И опять был поражен: на берегу, куда ни глянь, были голые женщины.

Сбитый с толку новичок снова подался на пляж, разведанный первоначально, дерзко приблизился к отпугнувшей его женщине и замер: перед ним был Алексей Толстой...

В нашу бытность на бесстыжем пляже произошел такой случай. В писательской братии, населяющей Дом творчества, объявился любитель подводного плавания. Надев маску и акваланги, он отправился на очередную прогулку. То ли случайно, то ли по злему умыслу он оказался в гуще обнаженных русалок. Обнаружив злоумышленника, они с яростью акул набросились на представителя сильного пола. Аквалангист спасся бегством, изрядно пострадал.

Двое суток виновник происшествия не появлялся в столовой, а когда появился — на лице его белели нашлепки из пластыря. Пострадавший, оправдываясь, говорил, будто перепутал под водой направление.

Ион Друцэ прокомментировал:

— Наши женщины — Рафаэли. Как разрисовали голубчика!

* * *

На встречу с Марией Степановной я шел не с пустыми руками. Перед отъездом я запасся книгой Ильи Эренбурга «Люди, годы, жизнь». В ней — пусть и очень субъективные — воспоминания о Волошине. После многолетнего умолчания о нем это был прорыв и я надеялся, что мемуары порадуют Марию Степановну.

Правда, в начале пятидесятых годов в «Большой советской энциклопедии» появилась справка о Максимилиане Волошине. В ней сообщалось, что «Волошин — представитель упадочнической поэзии символизма», мало того, «поэзия Волошина космополитична по своей сущности».

На этом фоне мемуары Эренбурга звучали как вызов официальной оценке. Автор подчеркивал, что «Волошин был человеком смелым, любил поэзию, любил Россию — как его ни звали за границу...»

Мария Степановна сдержанно поблагодарила за книгу, сказав:

— Да, Илья подолгу жил у нас. Характер у него колючий.

Я опасался, что мое желание как можно больше увидеть в доме Волошина будет обременительно для Марии Степановны. К счастью, я ошибся. Маленькая, с болезненно-бледным лицом, перешагнувшая семидесятилетний рубеж, она была удивительно легка на подъем, уверенно и быстро водила меня по бесчисленным лестницам, галереям, комнатам и каморкам загруженного, точнее перегруженного дома. Я представляю, сколько людей, сколько экскурсий она водила

и при этом, останавливаясь у каждой вещи, у каждой картины, у каждой фотографии проявляла острую сопричастность к показанному.

Здесь все для нее было полно значения. Севильские кастаньеты, например, явились поводом, чтобы рассказать, как Макс прошел пешком всю Испанию, как бродил по селениям Ла-Манча, любовался вращающимися крыльями ветряных мельниц, которыми любовался Сервантес: деревянный корабельный обломок, выброшенный на берег штормом, прошитый медными гвоздями, какими пользовались древние греки, по словам Марии Степановны, пробудил у Макса предположение, что это обломок корабля Одиссея.

В кабинете Волошина, высоту которого подчеркивали три на редкость длинных и узких окна, мое внимание привлекли желтые шкафы с книгами и ярусы книжных полок, упершихся в потолок. Полки прогибались под тяжестью разноязычной литературы, энциклопедий и справочников.

В книжное царство вторгались, отвоевывая себе клочок территории, то гипсовый слепок головы Гомера, то индийская раковина, привлекающая своим многоцветьем, то впечатляющая голова Таиах — жены фараона Аменхотепа III, жившего в XV веке до нашей эры.

Мария Степановна рассказала, что Макс увидел эту скульптуру в берлинском музее и обратился к хозяину с просьбой отдать ее ему, сказав, что денег у него нет, но готов бесплатно работать на него, сколько тот ни потребует.

Хозяин скульптуру подарил одержимому русскому...

У портрета Волошина, написанного великим мексиканцем Диего Риверой, Мария Степановна не удержалась, захотела прокомментировать, как они любили друг друга! Поверите ли, они побратались, выпив по бокалу шампанского с каплями собственной крови...

На стенах кабинета теснилось множество фотографий. И тут я понял, что женщина остается женщиной и на восьмом десятке.

— Это мисс Виолет Харт, англичанка, все эти портреты Макса выполнены ею. Она горячо любила его. Он был с нею очень близок. — Помолчав, она добавила: Одно время...

— А это Маргарита Сабашникова, первая жена Макса. Видите — лицо маленькое, а шевелюра огромная, вся в каких-то завитушках.

Мне показалось, что вьющиеся локоны Маргариты Сабашниковой весьма эффектны, но Мария Степановна поморщилась, взмахнула рукой, словно отталкивая что-то неприятное, промолвила:

— Как у барашка...

Тех, кто искренне любил Макса, любила и она, не любивших по какой-либо причине — не любила.

Мой взор запечатлел немало предметов, почти все они нуждались в пояснениях, у каждого, полагал я, своя история, но злоупотреблять

любезностью хозяйки дома не решился. Ну что, например, означает в кабинете Волошина связка фазаньих перьев? Или небольшой картонный лист, истыканный кнопками? Или стакан с пучком тонких кисточек, а рядом с ним яичная скорлупа?

Когда мы проходили по одной из галерей, угрожающе заскрипели некрашенные половицы.

— Поют, — вырвалось у меня.

— «Мучительно скрипят», — написал о них Шенгели. — Я ответила ему, что они еще нас перескрипят. Макс строил надежно.

Мы вышли на один из балконов откуда открывался вид на коктейбельский залив, на Карадаг.

— Посмотрите на зубчатую вершину этой горы. Чей профиль там высечен? — спросила Мария Степановна.

— Профиль Максимилиана Александровича, — отозвался я. — Мне указали на это в день приезда.

— А Викентий Викентьевич Вересаев утверждал, что это профиль Пушкина. Макс злился, спорил с ним и даже ответил стихами.

Она замолчала, видимо, вспоминая строчки, и все-таки вспомнила, и медленно, воскрешая в памяти слова, прочитала:

И на скале, замкнувшей зыбь залива,

Судьбой и ветрами изваян профиль мой.

Мария Степановна, довольная, что вспомнила строчки стихов, улыбнулась и продолжила:

— Я с уважением отношусь к Викентию Викентьевичу, он лет на десять старше Макса. Я — бывшая фельдшерица и читала его «Записки врача». Человек он с талантом, отзывчивый человек, но однажды во время их спора не сдержалась и сказала что-то грубое.

— «Не надо, — прервал меня Макс. — Викентий написал книгу «Пушкин в жизни»». Ему простительно.

На том и порешили. Каждый остался при своем мнении.

* * *

На следующий день я узнал, как Мария Степановна отнеслась к мемуарам Эренбурга.

— Если б Илья появился, я б ему показала, где раки зимуют! — воскликнула она, развернула книгу, пестревшую ее пометками, и начала цитировать: «Многие его считали равнодушным, холодным». Это Макса, который каждое лето принимал полтыщи гостей, каждого умел обогреть. Сам Илья у нас жил, как родной. Кто его от белых спас? Не сносить бы ему головы. А Макса, похожего на Бога, как изобрал?

Она перевернула страницу и прочитала: «В Париже Волошин напоминал русского кучера». Сам Илья напоминал кучера!

Мария Степановна швырнула книгу на диван.

Я пытался смягчить ярость хозяйки дома, напомнил добрые слов автора мемуаров о Волошине, о его редкой эрудиции, о его заботе о молодых, о том, что в годы испытаний он оказался умнее, зрелее и человечнее многих своих сверстников — писателей.

Я-то знал, как тяжело пробивались в печать эти мемуары, цензура буквально терзала их, сколько нервов стоило каждое упоминание опального имени и Эренбургу, и Твардовскому, печатавшему мемуары в «Новом мире».

В конце концов Мария Степановна успокоилась. Ей, видно, по душе было, что совсем молодой писатель, по сути, не живший при Максе, проявляет живой интерес к судьбе ЕЕ МАКСА, хочет... познакомиться с его стихами, из-за произвола властей недоступными читателям.

Я возвращался в свой коттедж со стопкой волошинских книг и папкой воспоминаний о нем. Друзья, знавшие поэта, не забывают его вдову.

* * *

Не знаю, кто первым назвал Восточный Крым Киммерией. Киммерийцы жили на этих землях очень давно — две тысячи лет до нашей эры. Сведений о них — кот наплакал. Наверняка в широкий обиход это имя вошло благодаря Волошину. Он подарил русской литературе озвученную стихами Киммерию.

Громкие слова? Я получил на них право, прочитав воспоминания близкого знавших Волошина людей, прочитав его книги, пребывавшие под негласным запретом:

Мои уста давно замкнуты. Пусть!
Почетней быть твердым наизусть
И списываться тайно и украдкой,
При жизни быть не книгой, а тетрадкой.

Горестные строки. Однако, надеюсь, Максимилиан Александрович верил, что суждена его стихам иная участь...

На три недели духовное богатство дома поэта перекочевало в наш коттедж.

Первые книги Волошина. Стихотворный сборник, опубликованный в 1910 году московским издательством «Гриф». В руках у меня небольшая книжица — чуть больше ста страниц. Поневоле испытываешь такое чувство, как при долгожданном свидании. А вот другая, более поздняя — избранные стихи и загадочное название «Иверни». Никогда и нигде не встречал я это слово. Роюсь в справочниках,

в энциклопедиях и, наконец, в словаре Владимира Даля нахожу ответ: иверни — черепки, осколки. Пытаюсь угадать замысел автора. Видимо, из поэтических черепков создана книга.

Приятно побывать у истоков творчества поэта. Наверное, чувствуешь себя так, как чувствуешь у истоков большой реки, зная, что маленький ручеек пробуравит себе путь, вбирая глубинные воды, расширяясь, убыстряя свой бег, обретая мощь.

Волошин признается: он не был уроженцем Киммерии, она усыновила его. Невозможно найти второго человека, который бы с такой полнотой и страстностью изобразил суровое обаяние этого края:

Полынный дух и жесткий треск цикад,
А за окном расплавленное море
Горит парчой в лазоревом просторе.
Окрестные холмы вызорены
Колючим солнцем. Серебро полыни
На шиферных оскалинах пустыни
Торчат вихром косматой седины.

Алексей Толстой писал, что, читая киммерийские стихи, задыхаешься, пьянеешь. Нечто подобное испытывал и я. Волошинская строка «и горькая душа тоскующей полыни» не покидала меня ни днем ни ночью. Душа полыни! Полынь — живое существо, тоскующее под палящим солнцем, пьющее солоноватую влагу из сухой растрескавшейся земли, чтобы одарить человека неповторимым пряным ароматом.

Полынь — главная героиня киммирийских стихов. Но она не одинока. Не забыты и округлые спины степных холмов, и зияющие обрывы кратера погасшего вулкана, и каменная грива Коктебеля, и скала Хамелеон, меняющая свои цветные одежды в зависимости от движения солнца и облаков, и нити змеящихся тропинок над пропастями Карадага, и «пустынные гексаметры волны», плещущие у стен волошинского дома.

Признаюсь — не все однозначно для меня в стихах мастера. Порой огорчает искусственная «красивость», избыточность красок. Тут и «радугами бриллиантов переливающийся свод», и «изумрудные синие взгорья», и «перламутровые озера».

Волошин не только поэт, он и художник. Щедрые мазки красок на широком полотне — это одно, а нагромождение красок на тесной территории стихотворной строфы — это другое. Не утверждаю, что мои суждения беспорны. Отдаю их на суд читателя.

Воспоминания о Волошине я читал с такой же неутолимой жаждой, как стихи. Каждый, кто общался с ним, испытал потребность рассказать

о нем. Жаль, мы мало знаем о странствиях Максимилиана Александровича. Он и сам в записках о себе вскользь обмолвился, что обошел пешком все побережье Средиземного моря, путешествовал по Италии, Испании, Корсике, Сардинии, поднимался на трехтысячметровую высоту в Альпах, пересек с верблюжьим караваном Каракумы.

Волошин писал: «Земля настолько маленькая планета, что стыдно не побывать везде».

Даже из отрывочных и клочковатых записок воспомиающих мы узнаем, как влекло Волошина к людям неординарным, самобытным, талантливым. Когда вышла книга стихов «Вечерний альбом» гимназистки Марины Цветаевой, первым рецензией на нее откликнулся Максимилиан Александрович, приехал к ней домой, чтоб поздравить дебютантку, и посвятил ей такие строки:

Кто вам дал такую ясность красок?

Кто вам дал такую точность слов?

В Париже Волошин познакомился с еврейским поэтом Хаимом Бяликом. Его стихи, переведенные на французский, были восторженно восприняты Максимилианом Александровичем, который с присущей ему увлеченностью принялся изучать древнееврейский язык, чтобы стихи Бялика прочитать в оригинале.

Ярко одаренные люди, как незримый магнит, притягивали к себе Волошина. Тут и побратавшийся с ним выдающийся мексиканец Диего Ривера, и Пабло Пикассо, владевший не только кистью, но и шпагой. Волошин, будучи в Испании, обнимал молодого Пабло — тореадора, сразившего разъяренного быка...

Сплошь и рядом творчески одаренные люди резко отличаются от большинства, их окружающего. Таким был и Волошин. Читая воспоминания о нем, я заметил, что почти все — кто с оттенком иронии, кто как бы покачивая головой — описывали одеяние Максимилиана Александровича, его склонность к розыгрышам и мистификациям.

Если говорить о внешности, то мне, грешному, среди многочисленных портретов, виденных в его мастерской, самыми удачными представляются работы англичанки Вайолет Харт. В них угадывается не до конца понятый нами внутренний мир Волошина, какая-то недосказанность, дающая простор нашему додумыванию.

В воспоминаниях все, как один, большую, увенчанную копной густых волос голову сравнивают с головой Зевса. Спорить не приходится — похожи. Есть, правда, и отличие — косматая грива волос Волошина перехвачена жгутиком из стеблей полыни.

Стокилограммовая телесная масса Максимилиана, его просторная полотняная рубаха, гордо именуемая им хитоном, опускалась поч-

ти до икр. Это необычное одеяние служило неизменным поводом для иронии коктебельцев. Живот его, если верить свидетелям, нависал ниже колен. Талии у Максимилиана Александровича не было. Тонкий ремешок перехватывал полотняную рубашу не на животе, а в подбрюшье.

Николай Чуковский позволил себе такую гиперболу: «Макс был страшно толстый, его не только руками, почти глазами не охватить».

Разумеется, внешность царя Киммерии шокировала дачников, приезжавших из столицы на отдых.

Искренне любивший Волошина Владислав Ходасевич писал: «Он был очень милый, очень образованный, очень одаренный и очень легкомысленный...»

Думаю, Ходасевич вряд ли имел в виду одеяние, скорее он не разделял его склонность к розыгрышам гостей волошинского дома и особенно к мистификациям, одна из которых взбудоражила надолго литературные круги Петербурга. О ней стоит рассказать.

* * *

Елизавета Дмитриева от рождения была хромой. Видимо, и лоб ее от рождения был чуть скошен. Физическая ущербность сказалась на характере, на поведении: она замкнулась, была очень ранима, но при этом успешно училась, писала стихи. Учение в университете она сочетала с преподаванием в подготовительном классе женской гимназии.

В 1909 году в Петербурге начал выходить журнал «Аполлон», печатавший переводную западную литературу, статьи по стиховедению, лирические стихи.

Елизавета, отдыхавшая в Коктебеле, показала свою поэтическую тетрадь Волошину, который лестно о ней отозвался. И Лиля (так звали ее близкие) решила отнести стихи в «Аполлон». Главный редактор журнала Сергей Константинович Маковский — педантичный эстет, безупречно выфранченный, по слухам, отдававший дань балеринам из кордебалета, — увидел худую, хромую, бедно одетую девушку и с явной неохотой взял ее стихи. Он небрежно полистал страницы, ни на одной не задерживаясь, рукопись возвратил Лиле, сказав:

— Вам не обязательно писать стихи. Многие женщины увлекаются вышиванием, например...

Удар был жестокий и несправедливый. Съездившаяся, заплаканная и поникшая Лиля рассказала о случившемся Волошину.

— Бросьте расстраиваться, — успокоил Дмитриеву Максимилиан Александрович. — Мы проучим этого эстета, хорошо проучим!

Однажды Волошин уже зло пошутил над Маковским. Он послал в журнал малоизвестные стихи Пушкина под вымышленной фамили-

ей. Маковский подверг стихи уничтожающей критике и посоветовал автору учиться искусству слова у Пушкина.

История эта получила огласку, больно кольнула эстетствующего Сергея Константиновича.

На сей раз замысел Волошина выходил за рамки одиночной шутки. Не буду утомлять читателя подробностями о том, как готовилась мистификация, рассчитанная на многие месяцы.

На имя Маковского ушло письмо. У Елизаветы Дмитриевой появился псевдоним Черубина де Габриак. Письмо на французском языке, изобиловавшее утонченными выражениями, составил Максимилиан Александрович, а стихи подобрала Лиля:

Царицей призрачного трона
Меня поставила судьба.
Венчает гордый выгиб лба
Червонных кос моих корона,

— Строки бьют не в бровь, а в глаз! — похвалил строфу Волошин. И он не ошибся. Маковский торжествовал: в «Аполлон» стучится молодая женщина редкой красоты и яркого дарования. И в ответном письме он просил Черубину де Габриак присылать побольше стихов. В тот день сотрудники журнала слышали, как их шеф вдохновенно повторял: «царица призрачного трона».

Второе письмо Черубины и ее стихи окончательно покорили адресата:

Ад теряет обаянье,
Жизнь становится тиха —
Но как сладостно сознанье
Первородного греха...

Переписка набирала обороты. В письмах к Маковскому все явственнее звучала интимная нотка, усиленная постоянной недосказанностью и лирическими стихами. Ответы шли на адрес Лилиной подруги. Время от времени Черубина звонила Маковскому по телефону. Очарованный ее голосом, он жаждал встречи. Она сообщила, что будет на премьере балета в одной из лож бенуара.

— А как я вас опознаю? — озаботился Сергей Константинович.

— Сердце подскажет, — был ответ.

Маковский бинокль не отнимал от глаз. В ложах бенуара было немало красивых женщин, но Черубину опознать не смог.

Стихи таинственной незнакомки разбудили любопытство многих петербургских литераторов. Иннокентий Анненский дал им высокую оценку. Валерий Брюсов опубликовал о них хвалебную рецензию. Взрывная сила лирических стихов делала свое дело. Ну разве заснуть ночью, прочитав такие строки:

Люби меня. Я всем тебе близка.
О, уступи моей любовной порче.
Я, как миндаль, смертельна и горька,
Нежней, чем смерть, обманчивей и горче.

Маковский потерял покой. Он, услышав предположение, что Черубина — внучка графини Нирод, уехавшей за границу, встретился с дворецким графини.

Получив весомую взятку, дворецкий подтвердил: внучка время от времени бывает в доме графини.

— А как зовут внучку?

— По-разному, — уклончиво ответил дворецкий, — все не на-шем языке.

— Не Черубина?

— Вот-вот, это она!..

Маковского лихорадило, казалось, встреча состоится. Пленительная незнакомка была где-то рядом, он слышал ее голос, но она исчезала, как призрак.

Это длилось несколько месяцев. Когда тайна мистификации обнажилась, весь литературный Петербург ее бурно обсуждал. Одураченные осуждали «чудачества» Волошина, сдержанный Ходасевич назвал своего друга «легкомысленным человеком», иные называли мистификацию гениальной. Только Марина Цветаева, на мой взгляд, дала нашумевшему событию мудрую и справедливую оценку:

«Макс дал этой безымянной — имя, обездоленной — судьбу».

* * *

Аппетит приходит во время еды. Чем больше я узнавал о судьбе Волошина, тем острее было желание встретиться с теми, кто знал его при жизни. К сожалению, Эмилий Миндлин — давний обитатель волошинского дома — уехал из Коктебеля раньше, чем я удосужился с ним познакомиться; я корил себя за нерасторопность, однако, сняв голову, по волосам не плачут. И все-таки судьба смилостивилась надо мной. В Дом творчества приехала Мария Сергеевна Петровых. Возможность будущей встречи с ней меня обрадовала, поэтесса она особого рода. Услышав очень лестные отзывы о своих стихах живых классиков — Пастернака и Ахматовой, печататься не стремилась.

Вера Звягинцева писала о ней: «Ты откуда такая, откуда, что и слава тебе не нужна». Единственная прижизненная книга Петровых «Дальнее дерево» опубликована в Ереване по инициативе армянских друзей.

Благодаря налаженной в те годы службе «Книга — почтой», я стал обладателем «Дальнего дерева», упивался лирикой Петровых и, конеч-

но, перед поездкой в Коктебель, читая ее поэму «Карадаг», подумал: авось встретимся. Она наверняка общалась с Волошиным.

Марию Сергеевну я сразу узнал, потому что запомнил ее портрет, помещенный в «Дальнем дереве». Запомнил и стихи:

Ни ахматовской кротости,
Ни цветаевской ярости, —
Поначалу от робости,
А позднее от старости.

Нет, ссылки на старость не соответствуют действительности, и хотя ей было не менее шестидесяти, на гладком лице — ни единой морщинки, в темных вьющихся волосах — ни одной белой ниточки седины, а карие глаза — живые, внимательные, изучающе-пытливые — опровергали ссылки на старость.

Мария Сергеевна почти не расставалась с пожилой, седоглавой женщиной яркой армянской внешности, о которой говорили, что она искусствовед, в Коктебеле бывает ежегодно и обладает уникальной коллекцией сердоликов. Поскольку почти все обитатели Дома творчества болели «каменной болезнью» — собирали дары моря, они уговарили ее показать свою коллекцию. В плоском чемоданчике с ячейками для диких и отшлифованных камешков, помимо оранжево-красных и буро-красных сердоликов разной формы и разной величины были и зеленые яшмы с микроскопическими кварцевыми зернами, агаты с радужной игрой цветов и образцы молочно-голубых халцедонов.

Петровых стояла чуть в стороне. Я представился и сказал:

— Если не ошибаюсь, вы вырастили «Дальнее дерево».

— Ошибаетесь, — приветливо улыбнулась Мария Сергеевна. — Его вырастили мои армянские друзья.

Так состоялось наше знакомство. А на следующий день мне удалось завязать разговор о Волошине.

— Мне было чуть больше двадцати, когда я впервые приехала в Коктебель, — поведала мне Петровых. — При встрече с Волошиным я очень робела. А он сразу сломал барьер, нас разделявший. «Итак, — сказал он, — вы Мария, вы тезка моей жены. Чтобы не было путаницы у нас, вы будете именоваться Маша-младшая. Мое имя длинное, труднопроизносимое — Мак-си-ми-ли-ан. Поэтому все зовут меня Максом...»

— Да, но... — хотела я сослаться на мой возраст, мол, язык не повернется так именовать густобородого великана, однако он оборвал меня на полуслове: «Никаких НО... В каждом монастыре свои уставы. Каждый, кто переступил этот порог, называет меня Максом...»

— Не знаю, о чем вам рассказать, — задумалась Мария Серге-

евна. — Ведь со времени тех встреч минуло не одно десятилетие. Как-то Волошин пригласил меня утром в свою мастерскую, где он работал над акварелями.

...Этот рассказ я запомнил так, будто сам был свидетелем происшедшего.

Волошин размешивал краски: вода — яичный желток — растительный клей. На столе в подрамнике исколотая картонка, на ней находит приют лист белой бумаги, закрепленный кнопками. Набор кисточек — в стакане.

Я вспомнил: когда Мария Степановна познакомила меня с экспонатами мастерской, я обратил внимание на жалкую, исколотую картонку, на яичную скорлупу и подумал: ну нельзя же всякое лыко в строку! Что означает эта скорлупа среди картин и диковинных раковин?

Оказывается, я был неправ...

О своей работе над акварелями Макс обмолвился так: «Это свободный танец руки и кисти» — и добавил: «Акварель — страна, по которой я гуляю. Главная тема — изображение воздуха, воды, света». Мария Сергеевна заинтересовалась: у кого учился Макс? Ответ последовал неожиданный: был плохим школьником, нерадивым студентом, а учился всю жизнь. Даже у японского классика Утомаро кое-чему научился. И «теорию цветов» Гете пытался постичь. А Василий Суриков был самым любимым и неизменным поводырем по колдобинам искусства.

Суриков! При этом имени Волошин преображался. Расширились его глаза, посветлело наполовину скрытое бородой его лицо, даже речь обрела другой ритм. Он заговорил о суриковской акварели «Енисей», рассказал, как прикоснулся к ней, как дрогнула рука, словно ее обожгло стужей великой сибирской реки.

«Для него Енисей, как для меня Коктебель», — заключил Волошин.

— Меня увлекли размышления Макса о картине «Боярыня Морозова», — продолжала Мария Петровых. — Он почти дословно цитировал воспоминания Сурикова: сидит ворона на снегу и крыло откинула, черным пятном на белом сидит; закроешь глаза — ворона на снегу сидит. Потом «Боярыню Морозову» написал...

В Третьяковке я обычно подолгу стою у этой картины. Опальная, истерзанная пытками боярыня в крестьянских розвальнях, вся в черном. Зима.

Загадочен путь замысла, его тайна таилась годы в глубинах сознания художника: белый снег, черная ворона, боярыня в черном...

Волошин изучал каждый шаг любимого мастера. Василий Суриков выкатил у себя во дворе розвальни, оставалась глубокая колея, которую он перенес на картину. И верно: смотришь, и кажется,

будто только что у вас на глазах розвальни с боярыней продавили эту борозду.

«Скажете, пустяк? — спросил меня с вызовом Волошин и сам ответил: — В искусстве нет пустяков».

Потом он рассказал, что крымский журнал виноградарства опубликовал сонет «Полдень», потеснив фотографии и научные описания винограда. Макс сказал: «Я горжусь этой публикацией. Скажете пустяк? Повторю: в искусстве нет пустяков. То, что изобразил честный художник точнее фотографии и убедительнее научных описаний!»

Не знаю, как долго длился наш разговор, между тем «свободный танец руки и кисти» продолжался. Видимо, токи воображения водили рукой мастера.

По свидетельству Марии Сергеевны Волошин ежедневно завершал две-три акварели, раздавал их друзьям, безвозмездно рассылал их в музеи.

— У меня дома хранится подарок от Макса, — призналась Мария Сергеевна, — акварель «Луна на рассвете». Прекрасная акварель! Рассвет слизывает отступающую темень. Луна уже не яркая — белесый серпик, он медленно тает, открывая дорогу зарождающемуся дню.

Еще до разговора с Марией Сергеевной я побывал на выставке волошинских акварелей в Феодосии, наслаждался легкой воздушностью колорита, нежными полутонами красок. И запечатлелось в памяти: частая гостья на белом листе — луна.

— Акварель «Лунное море» в мастерской не случайна, — подтвердила Мария Петровых. — В бессонные ночи Макс выходил на балкон и наблюдал за луной. Ее судьба, по Максусу, схожа с судьбой человеческой. Когда море спокойно, она, как в зеркало, глядится в водную гладь; если разыграется шторм, ее то возносит на вершину вала, то скатывает вниз, а близ берега волна вдрызг разбивается о камни, беспощадно разбрасывая осколки луны; но вот набегают новая волна, и луна снова колышется на вершине вала... А если по воле Эола свирепствует ветер, если он разрывает в клочья облака, она не сдастся, она прорывается в разрывы облаков, чтобы снова посылать свои лучи землянам.

* * *

В оставшиеся до отъезда дни мы старались надышаться, накопаться, насмотреться. Побывали в Старом Крыму, в убогом домике Александра Грина, в Феодосии — в картинной галерее Айвазовского, а вечерами, когда на залив опускался черный полог приближающейся ночи, плавали по лунной дорожке.

Однажды не обошлось без происшествия. Валя, как обычно, заплывала неведомо куда, а когда возвратилась — зуб на зуб не попал, так она дрожала.

— Знаешь, — наконец сказала она, — он толкнул меня...

Я сразу догадался: это проделки злополучного аквалангиста, а оказалось — дельфин. К счастью, он действовал благоразумнее моей жены и толкнул ее в сторону берега. Но страху она набралась выше всякой меры.

Был и такой случай. Свой неукротимый нрав яйцкой казачки она проявила, примкнув к группе из пансионата «Голубой залив», которую повел на Карадаг опытный инструктор. Перед штурмом вершины — Гяуртака из пятнадцати энтузиастов десять повернули назад. Предстояло перешагнуть неширокую расщелину над пропастью. Перешагнули четверо мужчин. Она была пятой. И это при том, что молодость ее прошла в равнинных степях Оренбуржья и горы она увидела впервые...

По утрам после завтрака я отправлялся на мужской пляж, по пути заходил за Ионом Друцэ. Его не застал — Эра сказала, что его увезли на встречу с читателями. Его пьеса «Каса маре» в ту пору шла не только в московских театрах, но и на периферии. Имя Друцэ было на слуху.

Прошел я мимо коттеджа, где обосновалась Петровых. На веранде в плетеных креслах сидела она и ее седоглавая приятельница из Еревана. Мария Сергеевна читала ей, видимо, свои переводы из Сильвы Капутикян.

По походе, по самшитовому пососку в правой руке я узнал удалявшуюся Юлию Друнину. Она каждое утро уходила в горы.

Последний, кого я увидел перед пляжем, был Максим Рыльский, облаченный в пестро расшитую национальную рубашку, украинского классика на фоне тамариска снимали киношники из Симферополя.

На пляже первым я увидел высоченного двухметроворостого Галая. Он неторопливо входил в воду. Я невольно улыбнулся — море ему было по колено. А вокруг Юлиана Семенова, как всегда, теснилась группа любителей острых анекдотов. Среди них был и нарушитель границ бесстыжего пляжа. Нашлепки из белого пластыря он снял, но отметины на лице еще напоминали о недавней баталии.

В тот день купанием я не злоупотреблял и отправился с прощальным визитом к Марии Степановне. Я возвратил ей папку с воспоминаниями друзей Волошина, его книги, изданные до моего рождения. Я чувствовал, что не найду нужных слов, чтобы поблагодарить за оказанное мне внимание, сказал, что три недели я общался с Максимилианом Александровичем, как с живым. Дрогнули ее морщинки на бледном лице, глаза набухли слезами. Шевельнулись ее губы — видно, хотела она что-то сказать, но ничего не сказала и только прижала к груди папку с воспоминаниями о Максе.

Я подумал в эту минуту: доживет ли она, горестная вдова поэта, до тех дней, когда нелепый запрет на издание книг Волошина будет

осужден и вырвутся из заточения пахнущие полынью стихи о Киммерии...

* * *

Дата на календаре из живых цветов, опекаемая садовником Дома творчества, напоминала нам о дне отъезда из Коктебеля. Я пытался как-то упорядочить мысли и впечатления от виденного, услышанного, прочитанного, понятого и недопонятого в эти дни. Что имел в виду Илья Эренбург, когда писал, что в годы испытаний Волошин оказался умнее, зрелее и человечнее многих своих сверстников — писателей?

Не содержится ли ответ в таких стихах Волошина:

В те дни мой дом — слепой и запустелый —
Хранил права убежища, как храм,
И растворялся только беглецам,
Скрывавшимся от петли и расстрела.
И красный вождь, и белый офицер
Искали здесь, под кровлею поэта,
Убежища, защиты и совета.
Я ж делал все, чтоб братьям помешать
Себя губить, друг друга истреблять...

А как отнестись к разноголосице о творчестве Волошина, зная высказывание Ивана Бунина:

«Он был одним из наиболее видных поэтов предреволюционных и революционных лет России...»

Конечно, я не был готов к серьезным обобщениям, их оттеснили, а порой дополнили узнанные эпизоды из жизни Максимилиана Александровича. Меня, например, не оставили равнодушным свидетельства о дуэли Волошина с Николаем Гумилевым.

Гумилев грубо и оскорбительно отозвался о Лиле, отвергнувшей его любовь. Волошин отвесил оскорбителю пощечину. Состоялась дуэль. Волошин никогда до этого не держал в руках пистолета. Защищая честь женщины, он по сути подставил грудь под пули опытного офицера, безукоризненно владевшего оружием.

Думаю, что кровопролитие не состоялось благодаря хитроумным уловкам секундантов. Волошинским секундантом был Алексей Толстой...

Бесчисленные эпизоды из рано оборвавшейся, до предела насыщенной жизни наслаивались один на другой, душу будоражили строки стихов, перед глазами возникали экспонаты мастерской — словом, на гору Кучук-Енишар к могиле поэта я шел наэлектризованный.

Поначалу подъем, поросший колючками, красноголовым будяком, рыжеватой выгоревшей травой, был пологим, в траве — шарики овечьего помета, из-под ног стремительно ускользали вспугнутые ящерицы. Вскоре подъем стал круче, было жарко, солнце нас не щадило. Но вот и вершина горы, и, как завещал Волошин, мы опускаем на могилу голыши, обкатанные волнами Коктебельского залива, кладем их рядом с сотнями, тысячами, десятками тысяч таких же камешков, мерцающих на солнце сердоликов, светлых халцедонов, темных агатов. И кажется — камни говорят голосами тысяч людей, приходивших отдать дань поэту.

Потом мы сидели в каменном кресле, выдолбленном Волошиным в скале, молчаливо вглядывались в зубчатый гребень Карадага, запечатлевший волошинский профиль. Этот справедливый вымысел Максимилиан Александрович подтвердил стихами: «Мой лоб, мой нос, ощечье и надлобье».

Море, такое тихое, дремлющее утром, сейчас взбугрилось, запылало пенными гребешками, волны обрушились на черную громаду Карадага, а из степи набегал ветерок, доносивший звонкую перекличку цикад и пьянящий, горьковато-пряный аромат, который, не купясь, изливала душа тоскующей полыни...

Солнечный круг

Пусть жаркое дыханье солнца
Дрожит над томною землей,
И небо высохнет до донца,
И воздух светится хвоей.

И пусть в сонливом ореоле
Журчит ленивая река,
И, заблудившись в частоколе,
Бредут бесцельно облака.

Пусть ветер, залетевший в поле,
Опустится в сухой ковыль,
Задремлет, будто поневоле,
И спутает со сказкой был.

Но в тишине прозрачной неги
Вдруг потемнеют небеса,
И алой молнии с разбегу
Сверкнет стальная полоса.

Все всколыхнется в одночасье,
Порвется томная струна,
И злобы жгучее всевластье
Пронзит больней веретена.

Жизнь задохнется в гулком мраке,
Исчезнет ветер и ковыль,
Стальным капканом в буераке
Свернется умершая пыль.

Тьма победит... Но пруд забытый,
Что сердце леса сторожит,
Отринет мрак, с тоскою слитый,
И алый отблеск отразит...

Ночная исповедь неспешна —
Прозрачен слог, легка строка.
Земля как будто вновь безгрешна,
И легковерны облака.

А тайны — тайны! — словно птицы,
Кружат под пологом ночей.
Из тайн мелодия родится,
Дрожит в сиянии свечей.

Но человеческой молитвы
Не суждено найти во тьме,
Иных существ иные битвы
Грядут в полночном сладком сне.

Здесь фей беспечных хороводы
И эльфов призрачная рать,
И жажду крови и свободы
Вампир надеется познать.

Здесь феникс тенью горделивой
Скользит над рокотом волны,
И леший бродит сиротливо
Под томным шепотом Луны.

Выглядывая на мгновение,
На цыпочках из облаков,
Луны серебряное пение
Пересыпает пыль веков.

И не дано узнать земному,
Что в лунном зеркале равнин,
Назло всесилию ночному,
Сияет солнце из глубин!

Из цикла «Встреча»

Все напрасно. На мне
Нужной маски нет,
И в груди появился
Молчанья обет,
И пускай лавой льются
Потоки слов —
Эта сцена дешевых
Дурных снов.

Да и пьеса сама по себе
Дрянь,
Театр бедный, костюмы актеров
Рвань,
Не пришлась на подмостках моя
Роль,
Вот, выходит, и я на сегодня
Голь.

Может, где-то другие
Пьесы есть,
Мне из дальних краев
Получить от них весть,
И пойти, позабыв здесь
Обиду и боль,
И сыграть, наконец, до конца
Свою роль!

Из цикла «Бродяги»

Серым горохом — вода,
Кольшками — деревца,
Смотрю — сквозь подтеки окна
Струится Москва-река.

Кибержелезный мост,
Машин газовый хвост,

И те небоскребы вдали
Все повышают свой рост.

Сказали: «Волшебные дни», —
С реклам не утихнуть словам,
На голову натянули гам,
На грудь горой навалили хлам.

А мне зачем этот черный хлам?
Пойду я лучше в Господень храм,
Утру с себя весь душевный срам
Столичный!

Поезд 1959

Душа, рубашкой сжатая, дрожала.
Чудно парами хрюкал паровоз.
Меня в дорогу мама провожала,
Купив билет — судьбу с шипами роз.

Седьмой вагон и место в лунном свете
С загадочным тринадцатым числом, —
Тут верь не верь известной всем примете —
Шутил народ: «Хоть временный, но дом!»

И, утопая в тихом теплом лете,
Увез меня мой поезд в белый свет.
И не беда, что даты нет в билете
И пункта назначения в нем нет.

* * *

Ели да березы, сосны до небес,
На пригорок вышел раскрасавец-лес.
Мимо катит воды быстрая река,
Ей поклон бьют ивы, подперев бока.
А до горизонта — глазом не возьмешь —
Золотой стеною колосится рожь,
Головы склонили васильки-цветы,
Жаворонка песня льется с высоты,
И волнует душу и дает покой
Голосок пичужки, маленькой такой.
Солнце раскалилось, зной вдыхает грудь,
Но не трудно ноги отмеряют путь.
А в бездонном небе сказочная синь —
Не саднило б горло горечью осин.

* * *

Взрослые дети меряют лужи —
Сходят снега.
Темной водою растаявшей стужи

Разведены берега —
Эта речушка вскрылась весной,
Вытянув стан.
Что же над нею стонет седою
Мудрый туман?
Знает туман старый боль не за грош —
Плачет душа,
Но хороша эта новая ложь,
Так хороша!

Ветер поднялся и гонит волну —
Ветру неймется.
Глупый, не знаешь ты, что в глубину
Омут смеется.
Будет опять свою тайну скрывать
Водная муть,
Тихо сверкает всем зеркалом гладь —
Можешь взглянуть.
Сотни веков отражает тот свет
Горе-река.
Дна и конца у реки этой нет —
Так глубока...

* * *

По первому белому снегу,
Следы оставляя, бегу,
И кажется мне, эту зиму
Прожить без тебя не смогу.

Пустое астральное тело
Оставила ты, уходя,
И кровь в нем уже закипела,
А сердце — оно как дитя:

То плачет, то нервно смеется
Над тем, что зовется судьбой,
Из тела вослед тебе рвется —
Не пепел, комочек живой.

Я волей его успокою,
Себя удержу на краю,
И в прошлое двери закрою,
Но песню об этом спою.

Крым, г. Армянск

Ностальгия

Мы большого зеркала осколки.
Что мы ищем в жизни? Кем гонимы?
С берегов любимой нашей Волги
Брошены судьбой на север Крыма.

Здесь пейзаж беднее и попроще.
И закаты здесь совсем другие.
Помнишь те березовые рощи,
Что шумят в далекой нам России?

От березок лес и чист и светел.
Много тайн скрываются в дубравах.
Весело листвою играет ветер,
Затихая в изумрудных травах.

Есть такое чувство — ностальгия,
От него порой влажнеют веки,
А названье нежное — Россия —
В памяти останется навеки.

Под Новый год

Под Новый год мы у родных в гостях.
Коня мой дядя запрягает в сани.
Какая прелесть — прокатиться на санях!
И путешествие, меня волнуя, манит.

Стемнело. Вечер. Что ж, пора нам в путь.
Охапку сена мигом постелили,
И наш возница не забыл стегнуть
Вожжой по крупу «лошадиной силы».

Мы быстро едем. На ухабе вдруг —
Повозка набок — мы в снегу по пояс.
Мне весело, сестру сковал испуг,
Но вновь она смеется, успокоясь.

Мы мчимся дальше. Наш конек легко
Несется рысью по земле морозной.
И в стылом воздухе так слышно далеко,
Как на снегу скрипят саней полозья.

Отары звезд на небо выгнала луна.
Она пасет их, осветив дорогу,
И ширь полей на много верст видна.
Я кутаюсь в тулуп, от холода продрогнув.

Все радует меня: луны лимонный свет,
Мороз, сугробы, тишь родного края.
Отец вскочил с саней, бежит за нами вслед,
То чуть отстав, то снова догоняя.

Я загадал, что я сюда вернусь,
Чтоб та звезда далекая сияла.
Спокойно дремлет на просторах Русь,
Укрывшись белым плотным покрывалом.

Метель

Резвится над равниною метель.
Заснежены и рощи, и долины.
И ветер гнет разлапистую ель,
Березам белым задувает в спины.

В степи сейчас крошечный ад и жуть,
И путникам нужна немалая отвага.
Как трудно тем, кто нынче держит путь,
Когда вокруг не видно на полшага.

Другое дело дом. В избе тепло.
Буран же ставни рвет за нашу стеною,
Швыряет он в оконное стекло
Пригоршни снега манною крупною.

В печной трубе протяжный плач и вой
То жалобней, а то порою злее.
И грезится: живет там домовой,
А, может чудище и пострашнее.

Порывы ветра сотрясают дом, —
Нам кажется, что бегают по крыше.

А мы, напуганные вьюгой за окном,
Сидим в углу притихшие, как мыши.

Усталость пересиливает страх,
И, засыпая под метели всхлипы,
В цветных и ярких утопаем снах,
Вдыхаем запахи душистой липы.

Метель утихла. Снега намело,
Что ветки кленов выгнулись дугою.
В сугробах утопает все село,
Засыпанное яростной пургою.

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Вечереет. Тень крылата.
Солнце клонится ко сну.
Алым краешком заката
Подрумянило сосну.

Небо выкрашено сажей,
И куда ни бросишь взор —
Из прозрачной звездной пряжи
Вяжет месяц свой узор.

В снежных шапках дремлют ели,
Зимний лес сковал мороз.
Снятся им весны капли,
Отголоски дальних гроз.

Побеленные равнины,
Слышен ветки звонкий хруст.
Пышно-мягкие перины
Расстелила всюду Русь.

* * *

Ты любила лето, розы,
На крылечке вечерком
Слушать песни, что березы
Шепчут вместе с ветерком.

Жизни шлях — тернист и зыбок,
Путь прошедший — скверный сон.

Столько не было б ошибок,
Если рядом был бы он.

Он отвел бы бури, грозы
И простил бы все грехи.
Жизнь твоя из скучной прозы
Превратилась бы в стихи.

Родился в 1961 году в г. Энгельсе Саратовской области. По окончании Московского химико-технологического института имени Д. И. Менделеева приехал по распределению в Крым, в г. Армянск, на химический завод, да так здесь и остался.

Стихи писать начал еще в школе.

Зимняя зарисовка

Вот и пришла зима,
Снежных картин подруга.
Елочку у плетня
Запорошила вьюга.

Окна домов мороз
Разрисовал, как в сказке,
Чуть приморозив нос
Девочке на салазках.

Кто-то снежком в меня
Вдруг угодил случайным.
Вот и пришла зима,
Как в моем детстве давнем.

Дорога домой

Опять дорогою домой
Считаю в небе облака,
Теперь уж круглой сиротой
Боюсь достичь ее конца.

Два запорошенных крыла
Перенесут в родимый край,
Где мама с папой у крыльца
Держали теплый каравай.

К бывшему нет возврата, жаль,
Навеки память сохранит
Ноябрь черный и февраль,
Душа по-прежнему болит.

Владимир ПУСТОВИТОВСКИЙ

Герой Конармии

По внешнему виду входной двери можно безошибочно определить, кто за нею живет. За этой — живет одинокий старик. Я попытался найти звонок. Вместо привычной кнопки над головою красовалась плоская железная пластина. Покрутив ее по часовой стрелке, я услышал звон колокольчика. Он напоминал отдаленный церковный звон. Постояв несколько минут у закрытой двери, я покрутил пластинку еще раз. Тишина. С другой стороны хлипкого сооружения никто не отзывался. Я толкнул дверь рукой, она слегка приоткрылась. Из глубины комнат, как из глубины колодца, раздался хриплый голос:

— Хватит трезвонить, черт тебя возьми! Иду.

Я сделал шаг вперед, навстречу голосу. Надо мною, подобно сталактитам, нависали отклеившиеся обои. Хлипкая вешалка покачивалась вместе с кожаным плащом и зимней шапкой, напоминая болтающегося на виселице человека. Возникший страх усиливал звук приближающихся шагов. Он был похож на шаги курицы, скребущие по паркету когтями. Через минуту узкую полосу света, исходящую из комнаты, загородила фигура. Я попытался разглядеть ее, но тут по глазам ударил свет зажегшейся лампочки. Передо мною стоял хозяин лежбища. На шее висела кобура. Из кобуры торчала рукоятка маузера. В правой руке сверкала боевая шашка, а из-под галифе торчали босые ноги с желтыми, загнутыми книзу ногтями, в которые, как мне показалось, можно было схватить добычу.

— Ты кто? — спросил старик.

— Мастер, — ответил я.

— Какой еще мастер?

— По ремонту холодильников.

— А я думал, что ты вор.

Скребя ногтями о паркет, хозяин повел меня на кухню. Шашка, на которую он опирался, слегка изгибалась и от веса старика оставляла в дубовых квадратах паркета рубцы. Старик подошел к холодильнику.

— Шумит, вражья морда. Нам с Любашей спать не дает.

— А давно начал шуметь?

— Давно, — сказал хозяин и посмотрел на меня, — тебя тогда еще на свете не было. Его нам с Любашей на свадьбу подарили.

Я развернул холодильник. За полувековым агрегатом бережно хранилась пыль времен. Выгребая ее обеими руками, я добрался до мотора. Подобно кладоискателю я извлек серебряные ложки, позолоченные вилки, женский гребешок с вензелями на ручке и потускневшую брошь.

«Сплошные реликвии», — подумал я.

Когда я вылез из-под железного громахалы, хозяина рядом не было. Плутая по комнатам, я стал искать старика. Он оказался в дальней комнате. Сидя на стуле, старик размахивал шашкой перед экраном телевизора. В деревянном ящике, словно подражая хозяину квартиры, Василий Иванович Чапаев скакал на коне и размахивал шашкой.

— Я починил ваш холодильник, — отрапортовал я, — больше не шумит.

Не обращая на меня внимания, герой Гражданской войны выхватил из кобуры маузер и начал спускать курок, стреляя разряженным маузером по белогвардейцам.

— Я починил ваш холодильник, — повторил я, — а это все, что я достал из-за агрегата.

Я разложил перед воинствующим стариком пыльные драгоценности и стал ждать благодарной реакции. Старик не отрывался от телевизора, где перед глазами разворачивалась виденная сотни раз сцена. Неожиданно его периферийное зрение увидело выложенные на полу реликвии. Заинтересованные глаза повернули седую голову и, не обращая внимания на золото и серебро, вытаращились на пыльную брошку. Бесцветные зрачки увеличились в размерах, небритое лицо поменяло форму, отвисшая челюсть продолжила овал худого лица. Маузер из рук с грохотом упал на пол, а шашка, воткнутая в серый паркет, стала тихонько покачиваться. Мне показалось, что старик плачет.

— Я что-то не то сказал? — спросил я.

— Эту брошку Любаше Каганович подарил, — скорее не мне, а себе бубнил старик. — А когда брошка пропала, моя Любушка поехала в забитых арестантами вагонах. — Тут, чего-то испугавшись, старик добавил: — Но ты не думай, она вернулась. Каганович не мог обидеть героя Гражданской войны. — Старик ласково посмотрел на висевшую на стене фотографию молодой красавицы в подвенечном платье.

«Каганович давно умер, и бараков уже нет», — хотел сказать я, но промолчал.

— Знай, молокосос, Любаша жива, она со мной, — прочитав мои мысли, вспылит потрепанный красноармеец в галифе с кобурой на шее.

Пожалев обиженного героя, я принес тапочки. Старик взял у меня их, словно у дрессированной собачки.

— Наденьте, вы же простудитесь.

— Да, конечно, — ответил дрогнувший голос, продолжая держать тапочки в худых дрожащих руках. Тут наш разговор отвлек шум из телевизора. Василий Иванович Чапаев переплывал Урал. Белогвардейцы добивали раненого командира.

— Сволочи, — заорал старик, вскочил на стул и запустил в сытую рожу белогвардейца тапочку на твердой подошве. Тапочка стукнулась плашмя о черно-белый экран и отлетела в сторону. Этого показалось мало, и старик вырвал из паркетины шашку и начал ею размахивать над головой. Покидая квартиру, я подумал: «Все-таки я был прав — за этой потрепанной дверью действительно живет одинокий человек».

Кореец

Табачный дым от нескольких сигарет поднимался струйками вверх и перемешивался высоко под потолком. Выпитый алкоголь, отключая полушария, не давал сосредоточиться. Двоих игроков я знал, корейца видел впервые. Зрачки, прятавшиеся в узких щелочках глаз, не давали заглянуть в их глубину, а значит, прочесть, какие карты выбросила узкоглазому противнику судьба я не мог. На кону лежала гора скомканных купюр. Кореец банковал вслепую. Кто-то робко постучал в дверь.

— Что еще? — недовольно прохрипел узкоглазый.

— Пришла проститутка, предлагает услуги, — отрапортовал голос сквозь закрытую дверь.

В брезентовой потертой куртке и в берете с помпончиком женщина, если ее заставляли ждать, доставала из сумочки спицы и начинала вязать детские носочки. Она обижалась, когда ее называли проституткой.

Кореец, не отрывая взгляд от раздачи, бросил сквозь плотную перегородку:

— Пусть ждет.

Сделав ставку, он воткнул в горку денежных банкнот нож. С рукояткой из слоновой кости и сверкающей сталью нож угрожающе замер. Кореец обвел присутствующих темными расщелинами.

— Кто возьмет хоть копейку, убью, — сказал и вышел.

Мы переглянулись и промолчали. Вернулся кореец минут через пятнадцать

— Тоже мне Орлеанская девственница. Так ей нельзя, так не может. За что деньги берет?

Игра продолжилась. Казалось, что где-то включили пылесос и он тянет из наших карманов купюры в одну сторону.

— В долг не играю, — предупредил кореец, глядя на мое проигрышное положение.

Наступила минута молчания. И тут в загадочной душе победителя проснулся филантроп.

— Я слышал, что соседняя дверь ведет в магазин.

— Да, — ответил я.

— И в этом магазине стоит огромная плаха.

— Да, — ответил я.

— А на этой плахе рубят... мороженую рыбу.

— И это правда.

Кореец брезгливо взял с кона за уголок червонец и положил около меня.

— Перерубишь эту дрянь топором, верну проигрыш, — даю тебе три попытки.

— Минутное дело, — обрадовался я и схватил деньги.

С черного хода по узкому коридору я шел мимо коробок с замороженными морепродуктами, мимо грузчиков, распивающих портвейн, мимо директора магазина. Я шел к Сане, здоровенному детине с топором в руках. Он стоял за прилавком и, слегка придавленный алкоголем, ругался с длинной очередью покупателей.

Подвинув здоровяка в сторону, я стряхнул рыбу с отрубленной головой на пол. Покупатели притихли. Кореец облокотился на косяк двери. Сквозь две прорехи на широком лице он следил за происходящим. Бережно разгладив ладонью червонец, я положил его на плаху, испещренную глубокими рубцами. С красной бумажки на меня смотрел вождь мирового пролетариата. Подняв увесистый топор, я размахнулся и опустил орудие на банкноту. Червонец вместе с топором и изображением В. И. Ленина ушел в волокна древесины, оставаясь невредимым. Я опять распрямил красную бумажку и нанес новый удар. Червонец снова ушел в углубление, оставленное топором. Как безумный, я поднимал и опускал тяжелый топор. Мне показалось, что вождь ласково смотрит на меня с красной купюры, и это приводило в бешенство. В этот момент кто-то схватил меня за руку, кто-то вырвал топор, кто-то начал трясти и бить по лицу. И только тут я увидел, что с другой стороны прилавка сгрудилась толпа покупателей. Она смотрит на происходящее как парализованная. И вдруг... молчавшую толпу прорвало, словно немое кино обрело угрожающий звук.

— Какой негодяй! — кричал генерал через прилавок.

— Да я в Сибири его сгною! — орал человек в штатском.

— Самого на плаху, — пищала старушка.

Дальше крики и возгласы слились в общий гул растревоженного улья. Я посмотрел в узкий проем двери. Спрятавшись за косяк, на меня смотрел кореец. Казалось, что я видел лицо В. И. Ленина, сошедшее с червонца и смеющееся над происходящим.

Крутой Серж

1

На столе из красного дерева лежали блюдо с гроздьями винограда и обутое в мокасины ноги Сержа. Остальная часть тела качалась в кресле-качалке. Приближаясь к блюду, Серж отрывал от аппетитной веточки ягоду и посылал в рот, отдаляясь — выплевывал на пол косточки.

— Что ты хочешь мне сказать о мировом кинематографе? — спросил он.

Я начал перечислять, — Феллини, Антониони.

— Достойные ребята.

— А Фрэнсис Форд Коппола, Стэнли Кубрик?

— Эта братия тоже имеется: и «Крестный отец», и «Заводной апельсин». Смотри сколько, — движением головы Серж показал на полки, громоздящиеся до потолка, — сплошные шедевры.

Вдоль стен, вместо увесистых томов книг, тесными рядами стояли кассеты с мировой классикой. Я смотрел и понимал, найдя благодатные уши; Серж щедрыми реками сливал в них и то, что знал, и то, что красиво сочинил.

— Вообще-то найдется двести-триста достойных фильмов, остальное — фанера, — высокомерно произнес Серж.

— А какие самые достойные? — допытывался я.

В это время кресло-качалка приблизилась к столу, и Серж, оторвав от ветки, закинул в рот янтарную, просвечивающуюся до черных косточек, виноградину.

— Какие достойные? — переспросил он и, уйдя от ответа, продолжил: — У меня сейчас намечается событие, я открываю студию, порностудию, — Серж сделал акцент на слове «порно». Ищу актеров и актрис.

Я слушал и смотрел на красные, размером с лесные орехи виноградины, на кассеты с пестрыми наклейками, на Сержа — все это волшебным образом надо мной имело власть.

Серж лениво потянулся и измерил меня взглядом, словно примеряя на роль порнозвезды.

— Ладно, возьми пяток кассет и уходи.

Обнимая драгоценные коробочки с фильмами, я шел на выход в сопровождении Русаны. Расставаясь, она улыбнулась.

«Так могут улыбаться только одинокие женщины», — подумал я.

2

Не знаю, на что рассчитывал я, когда предложил ей провести вечер вдвоем, и не знаю, на что надеялась она, когда согласилась. Ровно через час раздался звонок в дверь. За это время я успел добыть бу-

тылку вина, фрукты и украсить добытым столиком. Гостья переступила порог — наверное, так же переступал Рубикон Юлий Цезарь.

— Пока я ехала, ты не забыл моего имени? — спросила девушка. Она говорила с явным вологодским акцентом. Я окинул ее взглядом с ног до головы:

— Тебя зовут Светланой.

— На первый раз прощаю, — обиженно сказала гостья, — меня зовут Юлия!

Отработанным движением скинув в мои руки легкий плащ, девушка вплыла в комнату.

— Не надейся, у нас ничего не будет, — сказала она, увидев пустую бутылку вина.

Через час Юлия хихикала и пьяным голосом говорила:

— Покóзать тебе белую полоску?

— Какую белую полоску? — переспрашивал я.

— Белую, — язык ее заплетался, — но только полоску и ничего больше.

Подражая забавному оканью, я сказал:

— Покóжи.

Юлия приподняла платье и приспустила трусики.

— Видишь — белая пóлоска? Это я на море загорала.

— Не видно, дай поближе разглядеть, — издевался я и, наклоняясь, касался девичьего тела губами.

Юлия тут же выбрасывала вперед руку:

— Ничего не будет, я предупреждала.

— А наверху белую полоску можешь показать? — подзадоривал я.

— Могу!

Она расстегивала платье и приподнимала лифчик. Убедившись в наличии белой полоски и внизу, и наверху, я разливал остатки вина по бокалам и произносил тост:

— За белую полоску и все, что к ней прилагается.

Ночью я посадил пьяную девственницу на такси и пошел спать.

3

Я часто заходил к Сержу. Долго открывая дверные замки, Русана говорила:

— Хозяина нет дома.

И, не обменяв кассеты, я уходил. Так прошло лето, прошли весна и зима. Однажды, как обычно, Русана открыла дверь. Она стояла и молча смотрела на меня. Я почувствовал, что она не хочет отпустить гостя. Русана предложила чашку чая. Я не отказался. Мы сидели на кухне вдвоем. Русане хотелось выговориться, а я был не против. Отхлебывая кипятком с опустившимися на дно позолоченных чашек чайнками, я слушал.

— Серж открыл студию. Набрал актеров и актрис. Теперь целыми днями снимает кино и отправляет фильмы через океан.

— А для чего так далеко? — спросил я, пытаюсь поддержать разговор.

— За океаном русское порно в диковинку.

— А как же ты? — мой вопрос попал в больное место. Скатившаяся по гладкой женской щеке прозрачная слеза упала в чашку с черным чаем и растворилась. Русана положила руку на стол. Я положил на ее руку свою. Она перевернула крошечную ручку ладонью вверх. Смуглая ладошка была мягкой и теплой. Мне показалось, что на Русану нахлынуло непонятное, короткое по времени чувство благодарного счастья. Нас связала невидимая энергия, бегущая из ладони в ладонь, из сердца в сердце.

В дверях послышался поворот ключа и лязг замка. Русана вырвала руку, согретую теплом чужого человека. Покраснев, она спрятала доказательство минутной неверности под стол. Через минуту на кухню вошел Серж. Его глаза искали любого, кто мог бы помочь ему нести груз его побед в кинематографе.

— Тебе Русана говорила, что я открыл студию?

— Нет, не говорила, — солгал я.

— Так вот, я открыл студию и завтра жду тебя, — Серж протянул визитку с желтыми вензелями и черным оттиском на кусочке картона. Он ждал моих восторгов.

4

Ни на следующий день, ни через месяц я не приезжал. Серж сердился. Он перестал менять мне кассеты. Русана открывала дверь, мы пили чай, и она говорила:

— Съезди на студию, только покажись, и все будет, как раньше.

Я долго колебался и наконец поехал. В двухкомнатной квартире спираль обогревателя, накалившись докрасна, тщетно пыталась бороться с сыростью и холодом. Сначала я услышал голос Сержа и только потом увидел хозяина густого баритона.

— Ну как, нравится? — допытывался он.

— Любопытно, — подыгрывал я.

— Ты еще актерский состав не видел, — гордо заявил и режиссер, и оператор, и зритель в одном лице. — Девочка второй месяц работает, а уже профи.

На съемочную площадку вышел кривоногий актер в наколках и с уголовным прошлым. В зубах он жевал потушенную папироску. Актриса была в валенках и ночной рубашке.

— Юлия, — вырвалось из меня.

Девушка вздрогнула и проткнула меня взглядом. Через секунду ее растерянность переросла в уверенность, а уверенность в агрессию. Делая ударение на букве «о», она произнесла:

— Я совсем не Юлия.

Короткую паузу разрушил Серж, он стукнул в ладоши:

— Не расслабляемся. Всем занять свои места.

Актриса легла на драный диван, сняла валенки и задрала ночную рубашку. Я видел знакомую белую полоску. Актер с потушенной папироской лег между раздвинутых ног женщины — проф. Серж, строя из себя великого Буравчика, громко произнес:

— В студии полная тишина, дубль пятый, мотор, съемка.

5

— Для меня что Филини, что Позалини — все одно, — сказала Русана, — это покойный Серж разбирался в гениях.

Одну слезу Русана вытерла, другая скатилась в чашечку кофе, дымящийся, как остывающий вулкан. Знакомое желание овладело мной, хотелось, как когда-то, накрыть хрупкую женскую ладонь своей рукою.

— Не надо, — сказала Русана, — не к чему.

— Я соболезную, — начал оправдываться я.

— Спасибо, — ответила вдова. По смуглым щекам текли плохо скрываемые слезы счастья.

Лара

Пройдя расстояние от окна до кровати, он растекся неровным овалом на примятой подушке. Казалось, что, проделав короткий путь, лучик устал, лег отдохнуть и уснул. На одной подушке с ним, заехав за границу желтого света, досматривала сны Лара. Ощувив благодатное тепло, Лара проснулась и открыла глаза, но, не готовая к яркой встрече, зажмурилась и спрятала голову под одеяло. Солнцу это не понравилось, и оно стало просовывать свои лучи по хрустящей белой простыне под широкое шерстяное одеяло.

Время приближалось к полудню. Проснувшись окончательно, Лара, словно улитка из тесного домика, высунула из-под одеяла голову, и в это время ветер, влетевший в форточку, сдвинул выцветшую штору, и яркое пятно, увеличиваясь в размерах, залило заспавшуюся хозяйку светом.

«Господи, — подумала она, — отчего так хорошо, отчего такая легкость?» Может, оттого, что муж, умерший год назад, сегодня освободил ее от тяжелых мыслей. А может, оттого, что дочь вышла замуж и уехала жить к своей половинке.

— Я свободна! — сказала она себе, и от этих мыслей живая волна побежала по телу. Она текла от низа живота к голове и, возвращаясь назад, согревала грудь, доходила до кончиков пальцев ног и рук. Равновесие переполненного свободой сердца нарушил телефонный звонок. Он был громким и мерзким.

— Ничего более противного я не слышала, — подумала вслух Лара. Казалось, что звонок, разрастаясь в размерах, сдвигает стену, отделяющую заспавшуюся женщину от телефона. Не выдерживая звуковой осады, Лара сбросила на пол одеяло и, выполняя чужую волю, пошла в соседнюю комнату.

— Специально не буду торопиться, — обиженно бубнила она, — пока подойду и возьму трубку, телефон замолчит.

Проходя мимо зеркала, Лара остановилась и заглянула в презренное стекло. Ничего не скрывая, зеркало показало первые морщины, растянутые двумя бороздками под глазами, потерявшие упругость груди и обвисший живот под ночную рубашку.

— Зато у меня характер веселый, — оправдалась женщина и пошла дальше.

— Алло, слушаю вас, — прокуренным фальцетом сказала в трубку телефона Лара.

— Привет, это Павлина.

— Какая Павлина?

— Соседка с нижнего этажа.

— А, Павлина Павловна, доброе утро.

— Лара, я забегу, у меня подарок для тебя.

— Я еще сплю, — хотела сказать Лара, но короткий зуммер дал понять, что разговор окончен.

Через две минуты раздался звонок в дверь.

— Господи, это не бабка, а метеор, — оговорила соседку Лара.

Накинув на ходу байковый халат, она подошла к двери и отодвинула язычок замка. Перед Ларой стояла маленькая высохшая старушка. Двумя руками соседка бережно прижимала к себе коробку, из-за которой виднелись только голова и ноги, одетые в розовые туфельки с бантиком.

— Вы меня балуете, Павлина Павловна, — сказала Лара, прикидывая, что может лежать в картонной коробке, обклеенной мягким бархатом.

— Лара, это не просто подарок, это подарок с прицелом, — разжигала любопытство старушка. Пройдя на кухню и присев на табуретку, Павлина не спешила показывать обещанное. Заинтригованная таинственным подарком Лара терпеливо ждала.

— Лара, у тебя чай горячий? — тянула время Павлина.

— Сейчас нагреею.

— А мед есть?

— Сейчас принесу.

Придерживая одной рукой коробку, чтобы она случайно не открылась, Павлина Павловна пила чай и громко причмокивала.

«Она же лопнет», — думала Лара, наполняя пятую чашку кипятком и заваркой.

— Когда исполнился год, как Дмитрия закопали? — спросила Павлина.

— Вчера. Это что, имеет отношение к подарку?

— Непосредственное, — произнеся по-философски, старушка выплюнула на стол чайнику и продолжила: — Ко мне приезжала из Амстердама дочь и привезла это, — Павлина ткнула пальцем в коробку, — но то, что там лежит, ей не пригодилось.

Старушка замолчала, отправляя в рот ложку с тягучим медом.

«Господи, когда же, наконец, она откроет эту чертову коробку», — подумала Лара, начиная нервничать.

— Так вот, — повторялась Павлина, — дочурка думала, что здесь ей это пригодится, а все вышло не так. Расейские мужики, они больше по алкоголю... Я бы оставила себе, да мне без надобности.

— Да открой же свою коробку, — не выдержала Лара.

Павлина медленно подняла крышку. Наверное, Пандора так же открывала ларец, полный греховных соблазнов.

От увиденного Лара поперхнулась и закашляла:

— Нет, я это не возьму. У меня траур, я не могу, — сказала она, когда к ней вернулся дар речи.

— Не ври, траур у тебя закончился вчера, сама сказала.

— Да мне такое количество и за две жизни не использовать.

— Ничего, ты постарайся, и все получится, — сказала старуха и, допив остатки чая, растворилась за уличной дверью.

— Ничего, ты постарайся, и все получится, — ехидно передразнивала старуху Лара, перебирая красные, синие, зеленые, желтые пакетики, заполнившие доверху коробку из-под женских сапог, сквозь которые просвечивались презервативы.

СЛОВО СВЕТА

* * *

Здравствуй, Князь — Великий Новгород!
Отчего в тебе так холодно?
Замела пурга твой ветхий древний Кремль,
Ярославово Дворище — набекрень.

Здесь Русский Дух Великой Русью правил,
Не ведая такого вот конца.
Ты выведи беду из общих правил!
И мудро — не оспаривай глупца.

* * *

Незабываемая грусть заполняет сей мир.
В многом знании — много печали.
Полноту этих смыслов нам Бог отворил —
В наказанье. В награду — едва ли.

* * *

Высокая, духовная страна!
В тебя я — словно в детство — улетаю.
Я знаю, ты желаешь мне добра.
В тебе я защищенность обретаю...

Пусть диктатуры злобствует метель,
В лицо впиваясь колкими снегами!..
Я знаю, что живу я — не теперь,
А светлыми, далекими стихами.

Я — словом света вместе с вами.

Богоприимец

Стар был Симеон Богоприимец.
Но не мог из жизни он уйти.
Так как он был праведник-провидец
Мог уйти, приняв лишь Бога на руки.

В сороковой день пришла Мария
Со Христом Младенцем на руках:
— Сей есть Сын Спаситель! — рек провидец.
Сын Того, Кто вечен в Небесах!

Симеон взял на руки Младенца.
Произнес бессмертные слова:
— Благодарен Богу — бесконечно!
В мир иной теперь идти пора!

Он увидел Богочеловека —
Верного Спасителя людей!
А Марию огорчил — до века:
— Стрелам в душу быть от палачей.

* * *

Летать во сне куда-то в синем свете!..
Но сны я эти помню до сих пор.
Прошли десятилетия... Но веки
Смежаются — полетом. Счастья полн!

Я вновь лечу! Откуда в человеке
Такое чудо? Сон — и вдруг — полет!
Летать — могу! Мне то дано навеки!
Какой полет!.. Мечта моя, — вперед!

* * *

Лучит глаза осенняя усталость
Из павшей дремы пышных одеял.
Какая боль в душе... И жалость. Жалость...
Я что-то дорогое потерял.

Мне синь небес платочком легким машет.
В реке — закат. А может — это кровь?
Ведь реки крови!.. «Реки крови — краше!» —
Так думают, ее пуская вновь.

Росистый вечер в тишь кадит туманом.
Сверкает тонко холод в синеве.
А холодеть по возрасту мне рано.
Но с болью я ступаю по листве.

* * *

Как медленно, как грустно, некрасиво
Я двигаюсь по трудному пути.
То чудится: поет мне песни лира.
То — сердца песнь пульсирует в груди.

Но строки не вмещают эти песни.
Печаль и боль — они живут не так.
Я стал другим, совсем не тем, что прежде,
Который строки строил, как пустяк.

* * *

Мерцание тайное. Мягкие блики.
Раскосая полночь гнездится в окне.
А мир — бесконечный, туманный, великий —
Качает луна на двурогой волне.

Вода ошалелая в зеркале жизни
Играет, как истина, в — «нет» или — «да»!
А толки землян заплелись в конформизме,
И всюду: вода, и вода, и — вода...

Набережная Мойки, 12. Первая встреча

Здесь
слышались
шаги его...
Я будто бы по ним
воздушно
продвигаюсь.

Всего лишь десять номеров домов
Отделяют меня от дома,
В котором умирал Пушкин.

Мне вспоминаются
Его последние слова к жене:

— После моей смерти поезжай в деревню,
Носи по мне траур два года,
А затем выходи замуж, непременно
За порядочного человека.

Еще — восемь
номеров
домов.
Набережная, как нынешний мир, уходит вправо.

А мне
почему-то вспоминается
обелиск
на месте дуэли поэта.
На той самой Черной речке.

Еще — четыре
номера,
А мне вспоминается стихотворение:
«Я помню чудное мгновенье...»

Еще — два
номера.
И — я вижу цепь событий,
жертвой которой
Он пал.

И вот он — тот дом.
Во дворике — юный, кудрявый Пушкин.

Мраморному изваянию — холодно.
Дом печали — светел.

Санкт-Петербург, 1985 г.

* * *

А. Кобенкову

Я гуляю по улице Пушкина
В небольшом, но родном городке.
Осень. Ветрено. Листья запущены
В небеса... И так радостно мне.
И мне чудится: штора опущена

На окошке твоём оттого,
Что сейчас ты беседуешь — с Пушкиным
И звезду засветил — для него.

* * *

Осень выдалась длинная.
С соловьем на руке,
Я шагаю по инею,
По щемящей тоске.

В сердце чуткое просится
Радость вместо тоски,
Только песнь не возносится,
Не слетает с руки.

И, печальясь, я думаю,
Не могу рассказать,
Как люблю многострунную
Светлых слов благодать.

Где ж ты, милое, тонкое? —
То рождение слов,
Что звенит — в перепонках,
Без натуги листов.

Я не знаю, чем кончится
Этот поиска стон.
Серебрится околица,
Вьюга вьет за мостом.

Только мучают раны
От печали-тоски.
Скоро грянут бураны,
Не увидеть руки.

Все они такие

— Ефросинья... Ефросинья... — звала Принцесса, сидя на изящном стульчике у большого овального зеркала, и поправила маленькую корону в своих золотых волосах. — Ефросинья! — раздосадованно крикнула она и стукнула кулачком по призеркальному столику.

— Иду! Иду, иду, ваше благородие, — фамильярно ответила за дверью Ефросинья. В королевстве только ей позволялась подобная грубость.

Дверь наконец открылась, и в богатую дворцовую палату вошла Ефросинья — громоздкая деваха в сильно потертом платье. При ходьбе она шлепала по полу, как пингвин, откинув плечи немного назад и выпятив пузо. Ее голос исходил откуда-то из самого нутра. Говорила громко, с замашкой на вселенскую мудрость. И вообще отличалась простецкой нетактичностью.

Принцесса, увидев служанку, довольно улыбнулась и, не прекращая красоваться у зеркала, спросила:

— Ты выполнила, что тебе было велено?

— Что именно, ваше благородие? — не задумываясь, спросила Ефросинья.

— Конверт конюху передала? — с недовольством уточнила Принцесса.

— А! Енто... Да, передала. Только пустое все это! Конюх-то все равно читать не умеет, — ехидно заметила служанка, хитро улыбаясь, и небрежно обтерла об фартук руки.

— Ты ничего в этом не смыслишь, негодница! — возмутилась Принцесса. — Лучше расскажи, что в королевстве нового случилось.

— Господь с вами! Какие тут новости? Брехня, да и только... Ну вот к примеру: Татьяна Никифоровна Евдокии Филипповне рассказывала, будто купец Ставридов — родственник Семена Самойлова, ну, того... у которого жена в прошлом году в лес за ягодами пошла да заблудилась. Мы ее еще всем королевством искать ходили... Она, правда, потом сама нашлась, домой пришла. А двух солдатиков молодых, что искать с нами ходили, до сих пор досчитаться не могут... — сказала она и серьезно задумалась, пытаясь вспомнить, с чего это она начала. — Ах, да! Так вот, купец ентот якобы булавки лечебные продает по десять рублей за штуку. Будто бы приколешь енту булавку к белью нательному да скажешь: «Уходи, хворь, с меня,

да не возвращайси никогда!» — и хворь как рукою снимет! Ага! Снимет, как же! Ставридов енти булавки у портного ящик за рубль купил! Мерзавец, — возмутилась Ефросинья и громко глубоко вздохнула. — Я... три штуки купила! От-т дура.

— Ага. Мерзавец, — тихо сказала Принцесса, думая о конюхе и почти не слыша служанку.

Служанка вдруг опомнилась от своего пылкого рассказа и взглянула на Принцессу, утонувшую в мечтах. Ефросинья обо всем догадалась!

— Но самая главная новость... — сказала она, ухмыляясь и предвкушая колоссальный эффект, который будет произведен на Принцессу. — Все королевство обсуждает новую пассию нашего конюха Еремы...

— Какую еще пассию? — оживилась Принцесса, взволнованно и с нетерпением впитывала она каждое следующее слово служанки.

— Ну, будто бы... — Ефросинья намеренно тянула время, говорила издевательски медленно, — Еремей с красавицей Аленкой под звездным небом в сад ходили яблочки собирать... Будто бы шептались о чем-то, а вернулись только за полночь.

— Мерзавец! Негодяй! Подлец! — Принцесса вскочила со стульчика, а на глазах ее проступили слезы.

Ефросинья даже испугалась. Такой несдержанности от скрытной Принцессы она не ожидала. Эффект превзошел сам себя.

— Да что вы, Принцесса, милая! Брехня все это! Сплетни, бабское судачество. У нас-то в королевстве еще не то додумают!

Принцесса наконец взяла себя в руки, присела и со страданием в лице взглянула на себя в зеркало. Ефросинье от сострадания даже совестно стало за сказанное...

— Я вам скажу по секрету, — тихо открылась она, приобняв бедняжку за плечи. — Я сама слышала, как Еремей говорил: «Лучше и счастья не придумаешь, как на Принцессе жениться...»

— Да? Так и сказал? — спросила Принцесса, выпрямилась, и лицо ее засияло.

Ефросинья пожалела Принцессу, не договорила услышанное до конца. А Ерема сказал так: «Лучше и счастья не придумаешь, как на Принцессе жениться и полцарства у папашки ее оттяпать!»

— Ага. Так и сказал, — ответила Ефросинья, впрочем, немного сконфузившись.

— Мерзавец, — ласково сказала Принцесса, глядя и улыбаясь в зеркало. Затем томно и заигрывающе отвела взгляд от собственного отражения.

Неожиданно в комнату вошел король — в королевской мантии, серьезно насупив брови, скрестив руки за спиной и немного про-

гнувшись вперед. Следом за ним — главный королевский советник. Он со свойственной ему природной честностью и экспрессией докладывал о последних событиях.

Войдя в дверь, король резко остановился и всем корпусом развернулся к советнику, который от неожиданности буквально наткнулся на его величество.

— Нет, ну откуда? Откуда у этого негодяя столько золота? — возмущился король и погрозил перстами левой руки.

Советник, не сводя глаз, следил за каждым движением руки, даже в такт тоже замотал головой. Он всем сердцем был предан своему королю, восхищался им и искренне почитал. Он, пожалуй, был единственным, кто достойно выражал свое почтение, поскольку терпеть не мог лицемерия и подхалимства и сам никогда не поддавался этим жалким состояниям.

— Ваше величие! — воскликнул советник, словно горел каждой фразой и ощущал каждое произносимое слово. Много и ярко жестикулировал. — Дык ворует...

— Что? Прямо из казны?

— Ну почему из казны? — значительно спокойней ответил советник. — Он же конюх. Вот и крутится на то, что имеет. Он овес, негодяй, экономит, лошадям недодает. А потом, естественно, продает...

— Паршивец!

— Это вы верно заметили, ваше величие! И вот ведь что удумал, негодник: коней казенных в аренду крестьянам сдает. Мало того — знает, паршивец, что крестьянам больше пойти не к кому. Так он за время посевной и сбора урожая такие деньжищи сколачивает, не приведи господь озвучить!

— На плаху! — выпалил король, отрывисто кивая головой. — На плаху этого изверга!

— Нельзя, ваше величие! Нельзя! — выпучив глаза, возразил советник. — Ведь в нашем королевстве он один за конями уход знает. И следит он за ними исправно! Воспитывает даже самого резвого и непослушного жеребца. Мастер он в этом деле великий. А что овса недодает, так он меру знает! И работать больную али уставшую лошадь не отправит, — он сделал паузу, а затем с досадой продолжил: — Знает, мерзавец, что замены ему нет. Вот и пользуется!

— Мерзавец, — с восхищением и тяжело дыша, будто задыхаясь, себе под нос сказала Принцесса.

Ефросинья же все это время втихомолку смеялась.

— Нет! Это не королевство — сумасшедший дом! — яростно заявил король. Затем заметно успокоился, опять скрестил за спиной руки, прогнулся вперед и медленно прошел к трону. Уселся на троне,

задумчиво смотрел куда-то сквозь и постукивал перебором пальцев правой руки по подлокотнику. — Привесть ко мне этого мерзавца! — наконец приказал король.

— Слушаюсь, ваше величие! — сказал советник и вышел вон.

— Эх... Ефросинья... — вздохнула Принцесса и говорила тихо, так, чтобы отец не услышал. — И почему вокруг только одни мерзавцы?! А так хочется, чтобы встретился Принц. Такой... статный, красивый, благородный, обходительный... чтобы был на белом коне... чтобы цветы... там, конфеты... чтобы верный, однолюб... чтобы меня любил... — она опять глубоко вздохнула, оперлась локтями на призеркальный столик, аккуратно положила подбородок в обе ладошки и мечтательно подняла взгляд к потолку.

Ефросинья только громко смеялась, при этом ее пузо озорно скакало. Тут в дверь вбежал запыхавшийся советник. Он объявил:

— Конюху с минуты на минуту прикажут явиться... — Затем он подошел ближе к королю и тихо сообщил: — Еще... в парадной ждет Принц. Свататься приехали...

— Ну... пф... зови тогда, — приказал король.

Принцесса на новость отреагировала спокойно, даже излишне холодно.

Вошел Принц. Он был ослепителен! На только ослепителен, что превосходил любые ожидания и мечты Принцессы. Он был тем самым отражением идеала в реальности, о котором так много говорят в сказках. С первого взгляда в него влюбляешься раз и навсегда. Но нет! Принцесса вздрогнула, услышав шаги, но, увидев, что это не Еремей, отвела взгляд в сторону.

Принц же, увидев Принцессу, ощутил прилив сил и взволнованно собрался было уже говорить...

Но тут с гулким грохотом распахнулась дверь от удара ноги. Это был Еремей — высокий молодой мужчина с пустым взглядом и очевидным чувством абсолютной безнаказанности. Он даже не вошел в палату, просто перешагнул через порог, небрежно сунул руки в карманы и прислонился левым плечом к распахнутой двери. Все присутствующие замерли, молча глядя на вошедшего. Только Принцесса ощутила бурный прилив счастья и буквально каждой клеточкой своего существа повернулась к мерзавцу.

Еремей надменным взглядом оценил «всю честную компанию», мамерно выставил левую ногу перед правой и смачно плюнул на пол.

— Ну! И че вызывали? — спросил он у короля.

— Поди вон, мерзавец! — возмущившись, приказал король. — Не видишь, болван, мы заняты! У нас прием!

— А-а! — промычал как-то в нос Еремей. — А потом я буду занят! — заявил он.

— Что... к...как ты смеешь?! — вскипел король.

— А! — отмахнулся от него конюх. Затем обратился к Принцессе с кривой улыбкой, прищурив один глаз: — Ну че? Вечером идем гулять?

— Да! Да, конечно, — ответила Принцесса, задыхаясь от прилива чувств, и вцепилась одной рукой в стул, а другой — в призеркальный столик, готовая вот-вот сорваться в объятия.

— Х-х-х-х... — в нос с открытым ртом посмеялся конюх. — А эт че за хмырь? — спросил он. — К тебе, что ли, женихаться приехал?

— Нет. Нет, что ты... — ответила Принцесса, все так же не видя Принца.

— А! Ну ладно... я пошел.

Принц с болью в душе смотрел за всем происходящим. Он был умен. Он все понял. «Насильно мил не будешь», — молча подумал он. С достоинством раскланялся и вышел.

Ефросинья, единственная понимавшая до конца, какое чудовищное событие только что произошло, стояла, подняв от удивления плечи и расставив руки ладонями кверху. «Для того, чтобы в него влюбиться, достаточно одного взгляда! Но эта дура и его не сделала!» — подумала она.

Принцесса же бросилась к окну, чтобы проводить Еремея взглядом до конюшни. Потом постояла еще чуть-чуть, глядя в небо, и вернулась на стульчик к зеркалу.

— Эх... Ефросинья... Видимо, нет никаких принцев на белом коне! — сказала Принцесса. — Еще матушка моя покойная говорила: «Душенька, они все такие... Бери любого и воспитывай...» — После паузы добавила: — Мерзавцы, все как один.

Ефросинья вздохнула, развела руками и подумала: «Ой, дура!»

Король с досады ладонью сжал свое лицо. «Ой, дура...» — подхватил он мысли Ефросиньи.

— Ой! Все они такие... — повторила Принцесса, будучи абсолютно счастлива.

Метаморфозы

Воробей увидел мир и радостно чирикнул. Он открыл, что есть небо и есть земля, и сделался жаворонком, взмыв в синеву, откуда раздавался его голос — голос Бога. Он стал по-прежнему невидим, скоро и песнь его умолкла, раскатившись далеко над простором, вошла, как нитка в иголку, в ровное гудение пассажирского самолета, которое завладело вскоре всем небом и навело сидящего в среднем ряду на мысль, что частые перелеты прививают навык как разных давлений, так и перемены времени. Что заставляет губы улыбаться? Невозможность дуться. Вызывай приливы из глубины души своей, но не давай им ни восторга, ни злобы; каждый раз пусть гасит волна волну, оправдывая название прилива, а не шторма, прилива как штиля, обученного наступать, мира, напоминающего войну и все-таки прочного, невероломного, что и способно внушить ужас, чаще, чем слезы, переливающиеся в смех. Человеческий больной разум любит расшатанное, трепещущее, подобно осеннему листу, готовому сорваться; больное находит и опору в разбитом, крепость же помутняет разум, как старинное вино, и доводит до сумасшествия. Тому учил меня в комнате с белыми стенами гном в грустной шапочке. Его глаза тонули в морщинках, пальцы играли костяшками деревянных

счетов, а я стоял на пороге, — не смея войти. За спиной бушевал пожар, но мне велено было стоять спокойно, даже когда начнет тлеть моя куртка, — только если обожжет обнаженно, без всяких там прослоек, мне позволялось сделать шаг внутрь комнаты; но что ждало меня там, что ждало нас с гномом?! Комната не имела ни окон, ни мебели. Второго выхода не было, даже под пол. Мы обрекали себя на смерть, оставаясь в комнате с белыми стенами. Гном бубнил под нос свою философию и изредка, опуская нос все ниже, неубедительно призывал к спокойствию, говорил, уже совсем шепотом, что здесь мы не сгорим ни за что на свете; флакончик духов

перед ним выдыхался от все нараставшего жара, а гном, державший пробку до сих пор за щекой, принялся нервно ее грызть и наконец разгрыз всю и вдруг стал плевать кусочками на стены, на пол, воздел ручки с широкими развевающимися рукавами, словно хотел выпустить из них лебедей, — и я очутился посреди расплавленного солнца. Вся пустыня была затоплена им. Возле меня плавала зеленая тетрадка. Титульный лист был уже кем-то заполнен, но чернила быстро, на глазах, выцветали, словно бы тушуясь перед глазами и предлагая коротенькие дистанции, начинавшиеся то словом «для», то полусловом «учени», — пробежать новому перышку. Чернила испугались, я еще первоклассник, десятиклассник — на худой конец, но для меня титульные листы тетрадей уже потеряли всякое значение: я теперь был один, — но даже когда б я не закончил еще школы, все равно вписывать свои данные было бессмысленно здесь: из пустыни не видно было выхода, я мигом повзрослел в пустыне, политый одиночеством убитого солнца и собственной неприкаянностью среди его растекшейся плоти. Да, тетрадка слишком зелена для меня, пожелтевшего, как китаец, от проступившей во мне мудрости. Тут я обнаружил, что без порток. Да, мудрость была без порток. Тетрадка взлетела с поверхности и выпустила лист, который обернул мудрость всю, точно живую рыбу, но скоро взмок. Я полез мудрости за шиворот и начал выдергивать оттуда блоху за блохой. Мягкий звук разламываемого апельсина отвлек меня. Это тетрадка, удобно пристроившись на солнечной глади, как водомер, на свернутой в трубку страничке из нее самой, завтракала, нагло посматривая на меня, и явно находила мое занятие если не дебильным, то комичным наверняка. Ручки, ножки, органы — все было на месте. Это зеленое создание так ловко умело использовать, что бы ни подворачивалось под него, что из самого себя создать какую угодно дуру не составляло для него никакого труда. Глазки, козырек, даже волосики, нарезанные из страничек... Я возненавидел ее. Я сказал, что тоже хочу апельсин и что пусть она не думает, будто выдергивать у мудрости блох из-за шиворота доставляет мне огромное удовольствие, — что такова просто моя обязанность, да, пусть неприятная, неинтересная, но обязанность, и я предан своей обязанности и тем, быть может, выше их всех /хотя никаких «всех» вокруг вовсе не предвиделось/. Тетрадка выслушала меня, потом опустила свою самодельную, тонкую, как спичка, руку в золотую лаву и вытащила золотистый, без кожуры, апельсин. Глазки ее светились так же нагло, в них появилась даже некоторая похотца. Я со злостью укусил апельсин и оказался на трибуне перед волнующейся толпой. Сквозь толпу пробивался мужик с ломом в руках. Я сразу почувствовал опасность: еще когда заломленная набекрень кепка его только замаячила на дальнем крае толпы. Чем ближе пробивался мужик,

тем отчетливее становилась в моей голове мысль, затачиваясь, точно грифель карандаша, то иголочкой, то лопаточкой, то внезапно она ломалась, но я точил ее вновь — и такие же формы приобретало острие лома, для моей головы предназначенного. Впрочем, что такое лом? Помятые каркасы автомобилей, кастрюли, сковородки... Пионеры забавлялись сбором металлолома, пилоты — его производством, сбрасывая самолеты наземь. Но все то было некстати, не по делу, а мужик имел конкретную цель. Ох, и ломота заходила по моему телу... хорошо, что не страх. Предвздошье говорило ею, диафрагма пела так дифирамбы своему распрямлению во вдохе. Вот мужик выступил из толпы и — выронил лом. Он пал на колени, стянул одной рукой глупую свою кепку и неожиданно запел что-то церковное вернее, мелодия была церковная и слеза, дрожавшая в голосе, тоже была литургическая, но слова-то, слова! — совершенно поганые, бранные слова, попадались нецензурные, матерные, причем такими руладами, такими этажами... Сзади к мужику протиснулась тугая бабка, перевязанная цветастым платком крест-накрест. Послушала, послушала и методически стала бить мужика по спине, причитая навзрыд. Мужик продолжал петь, делаясь все торжественней, бабка была его все стервеннее; я растерялся; толпа придвинулась и стала закипать. Раздавались дерзкие выкрики, все чаще в мой адрес... И тут я не выдержал. Я свесился с трибуны и начал отдира́ть от нее государственный герб, а в затылок мне ударили ломом, самым острием, мужика поволокли на трибуну, где-то слева уже вступал в действие ревтрибунал, трещали винтовки расстрела, взметнулось красное знамя; мужик же изошел клекотом, глаза побелели, волосы кудрявые слиплись на лбу; баба уцепилась за его штанину и не пускала, дергала, дергала, дергала, пока кто-то, кто убил меня, не занес над ней и не опустил с таким же хладнокровием иссиня-черный лом.

Вещи

Вещи готовы к ненужности, в отличие от людей. Как отрешенна сахарница на столе; ей все равно, много ли в ней сахара. Как отрешенно трепещет в небе флаг; он знает, что лишь случайность на пути ветра и под рукой у людей, оказавших ему такую высоту. Людям нужна гордость вещей, люди устали от претензии ближнего быть тебе чем-то полезным. Под мольбой о нужности скрывается эгоистический страх оказаться забытым, неспособным к истинному эгоизму — одиночеству. Вещи — все одиноки. Поражает спокойствие скользящей по воде лодочки осеннего листа, спокойствие дерева посреди поля. Правда, и у них есть нечто вроде тяги друг к другу. Только это не размыто-ливное влечение, как у людей. Она более предметна, она — молния. Молния сама чем-то вещь, но служит, помимо своего одиночества,

тому, чтобы вещи воспламенялись или обугливались, познав тщету единения. В молнии, бьющей куда угодно, воплощена мечта о родстве и взаимоперетекании всех предметов, подобно звукам музыки. Она действительно объединяет вещи — вероятностью попадания в каждую, вероятностью, которую бесконечное время делает обязательной когда-нибудь-реальностью; и это суровое родство, оно наказывает тех, кто, забывшись, стремится походить на людей и тянется из своего одиночества, желая быть нужным: дуб — во время бури — траве, дом — стульям в доме. Люди изобрели способ использовать вещи так, чтобы их не наказывало суровое их родство. Они приручают вещи, выводя их из круга ненужных, одиноких, — они, живущие в конечном времени. Создают для вещей свой круг, главное в котором — система защиты от диких вещей, например, громоотвод. Предметы эти живут, однако, меньше, чем неприрученные. Стулья ломаются, дрова — сторают, между тем как палки валяются вечность.

Дерево

Ребенком я посадил дерево. Давно желая что-нибудь посадить, я закапывал в цветочном горшке вишневые и апельсиновые косточки, но ни росточка не было моего, в целом мире — ни одного моего росточка. Чтобы я не ревел, папа срезал на охоте ветку вербы, а мама поставила ее в вазочку, как цветок. Вскоре ветка пустила в воде корни. Они были словно пушок. На веточке набухли зеленые почки, и тогда мама сказала, что это — саженец. Рядом с нашим двором стоял деревянный дом. Потом его снесли, так как по постановлению все дома должны быть каменные. Маме жалко было дерева деревянного дома, обидно, что сперва дерево лишили жизни, потом наполнили — жизнью жильцов, а затем снова отобрали — все насильственно, не дав дереву ни разу умереть своей смертью. Мама говорила, мы посадим дерево на том месте, сделав какое-нибудь потом «вторсырье». Мы были бедные, хотя жили в кирпичном доме авиаторов; у меня не было даже лопатки. Папа сходил еще раз на охоту и срубил деревце, из которого смастерил мне лопату. Родители звали меня философом за очень умные рассуждения на ночном горшке, и на этот раз «устаи младенца глаголила истина», когда я, смятая туалетную бумажку в удобный комок, заметил, мол, мама, хоть и собирается посадить дерево за то, что его срубили и несколько раз убили, — срубил-то дерево, причем, не только для лопатки, но это самое дерево срубил не кто иной, как папа, потому что ветка не ветка, а все вышло дерево. Мы с мамой вкопали наш саженец у квасного ларька. А пивной стоял через дорогу, квасной ларек красовался возле садика, образовавшегося после снесенного дома, так что, сплевывая, когда пили квас, сплевывали как бы вдогонку тем, кто снес.

Другие зверушки

Бегемот заставил меня переродиться: я увидел, какие тупые у него зубы, он ими пе-ре-ти-рает. Омоним гиппопотама, он как вертолет для геликоптера. Бегемоту все одно: что бегемот, что омоним, — перетрет, как камушки перетирают зерно в курином желудке. Риторика ж, Цицерон! Ведь назвал Аристотель человека двуногим существом. Вот говорливые греки и были курицами со ртом вместо желудка. Бегемот гнался за гусыней. Наконец она догадалась взлететь, он притормозил в недоумении. Я вскочил на бегемота и стал погонять, но недоумение бегемота увеличилось: гнаться-то теперь было не за кем. Человек лишает животных целесообразности. Тогда проще помыкать ими. Бегемоты под нашими пятками служат целям людским. Однако ж какие это цели, ежели предполагают отсутствие целенаправленности /бегемотьей/. Человек! Всяк к своей цели идти сам должен — не перебивая чужих целей. А перебивает — значит, уже не целью занят — но целеперебиванием. Прикрывать это человек может какой угодно попоною, каким угодно жеребцом бегемота звать, а бегемот все ж таки бегемотом быть не перестанет: зубы его так же перетирать созданы, губы — гусынь ловить, ноги — почву топтать, точно зубами птицу... Бегемот идет плетни крушить, за козла себя принимать. Но вот он пластмассовый, синенький, колечко изо рта — но не дыма табачного, а тоже из пластмассы, с ниточкой, к синему языку гладкому привязанной, чтоб дергать, когда захочется пасть гиппопотаму разинуть и палец туда положить, вытащить, отпустить кольцо — ножками задрыгает, как жук, по паркету проползти не проползет по гладкому, зато пасть захлопнет, очки со лба, хоть и низко — глупого, не для очков, но упадут на нос — и наслаждение бегемоту на пианино так лежать: покойно, бездетно, возле флакона духов, ластика, вазочки, нотной стопы и носового платка.

Кольца

Вместо сыра нарисуеться кошка, ее испугаеться мышшка, спрячеться в норку, задрожит-задрожит — земля ходуном заходит, люстра об пол — по углам осколки, зато чертям свистопляска — разевай ворота! выпускай листву осеннюю на простор заиндевелый, где уж лужи обтянулись зимой. Публика разломит театры, как орехи. Разольется по мостовой, по булочным — есть круглые бублики. И на горизонте вырастает белая стена, наклоняется и вытягивается по небу, точно тень по потолку, только нестерпимо белая. И из щели в ней цепь из колец свесилась: круглa ружья кора. Круглое — солнце. Круглые дырочки, через кои шиты листы тетради. Круглы циферблаты-циклоблаты. Круглы табуреты баров. Да мало ли где круг прошел-пробежал! Вот у меня — настоящий круг: обруч, — он закручивается на моей тонкой

талии, развеваются на нем красненькие ленточки, — замедляется и падает со стуком у моих ног, как верный. Я спокойно сплю, свернувшись клубком внутри моего обруча. Круг — это много-много квадратов. Или один квадрат, но приведенный в движение. Лихая штука движение, созидательная. Процесс есть сумма результатов. Результат, не удовлетворенный собой, — это процесс. Сами по себе результаты ничего не значат, ибо они — конец движения; а мир — либо движется, либо не мир. Квадратура круга. Результат, превзошедший себя, дабы породить бесчетное множество результатов, — вот что такое мир. Чем больше крутится в его круге квадратов, тем он шире. А пока я вычерчиваю круг шариковой ручкой. Всякое движение оказывается кругом. Чем больше я пишу, тем больше кругов в разрезе пружины, спирали — в конце концов — шара — моей головы. Я создаю шариком ручки собственную башку с моими мыслями.

Чернота

Перед светом зрачки сужают их черноту до точки. Перед тьмой чернота расширяется, стараясь с ней поравняться. Но чернота — не темнота, истинную тьму ей не пробить. Хотя как лакмус тьмы она. О, я хочу утопить черноту зрачков твоих в зелени глаз твоих, как сон утапливает их во лбу, выкатывая под веко белок. В глазах у тебя я словно в лесу. Точно дерево в поперечном разрезе — твой глаз, только годовых колец не разобрать в черноте. Они растут в тебе, далекие эти деревья, и я смотрю на них снизу вверх. Черно-то! — простонал дед: к нему было уважение за опыт, но не любовь. Угорел дедушка. В могиле ему та же чернота, зато без надежды, навечно — оттого-то и позволил он червякам съесть его. А сам куда — душу? Если злое общество не принимает в свою любовь человека, так примет космос. Но цель человека — самому стать космосом. Который много милосерднее общества. Ибо дает слабым жить в себе, как дед /червякам/, взятый в космос из черноты. Космос настолько могуществен, что может заставить не бояться его. Это слабое общество — живет за счет страха граждан, выдумав для них ад и рай. Космос всеблаг: умри, не бойся, — говорит он, — если люди кажутся тебе злыми, не будь с ними, не то распочтут... Но ты сам мог бы стать всеблагим, человек! Чернота. Ее преодолевать — красным-красным стать, переплыв все моря, на холмах взойти сизарями и подпрыгу нанять копотью. Влезть в черноту, что из утра себя воздух выдохнуть, скуку жизни по лугам распустить осеннюю паутиною, сохнуть, сохнуть пауком, терять в черноте сознание, отращивая черные усы и бороду. Бакенбарды тож. Непременно румяны здесь дети, обязательно пьют валидол старики, девки губы черной помадой чернят, а по правде говоря, едят чернику. Здравствуй, чернота! — если твое дело здрав-

ствовать — тебе, отученной от бытия, но сущей в коже портмоне и кротовых глазах, занятых ходами невидимыми.

Белизна

Свету доступно то, что дает ему увидеть глаз, которому он, в свою очередь, дает усмотреть лишь то, что проглядывает само. Глаз и свет встречаются в вещах, но не могут посмотреть в лицо друг другу, ибо лицо друг друга — для них та же вещь. Они совместно создают всегда предмет — и предмет встает между ними. Даже если убрать насильно все вещи с их пути, все равно останется предмет глаза — свет, желтый ли, белый, и предмет света — глаз, ибо в нем свет — отражает себя. Одна тьма может убрать их самих. Но и в темноте их будет объединять — отсутствие. Только осознав отсутствие друг друга, они встанут лицом к лицу и вложат руку в РУКУ. Свет мешал нам нащупывать песнь наших тел, тыкая в глаза то прекрасно-нежное, то влекуче-безобразное слизкое, соленое. Губы находили верней, чем руки. Но сложить из тела ответный поцелуй мешал проклятый свет: ведь губы не пускают внутрь себя взгляд, смыкаясь... Цветы же тянутся навстречу свету — стеблю всех цветов. Огромный бутон солнца мучительно разворачивает свои лепестки на лугах земли и берет отданную росу, счастливо туманясь. Я, золотоискатель, ищу свет; его блики — моя загадка. Я разыскиваю потерявшегося того, кто выточил бы ключ к свету, посаженному под арест отражений. Я знал этого мастера; но он сам придумал замок, под который посадил свет, и выкинул ключ внутрь света. Не скрылся ли он сам под тем же арестом? Я хорошо искал вокруг, я почти ослеп — до того, что песок печений тает быстрее сахара у меня во рту; но нигде нет ни ключа, ни мастера. Мастер, если ты внутри света, отзовись! Открой и впусти, заперев за мной, — или выйди, чтобы впускать всех желающих. А может, попавший внутрь света не способен открыть его? Что ж. Я буду ходить по всем мастерским, перепробую все виды отмычек — пусть на это уйдет целая жизнь. Ее, слава Богу, и так уж немного...

Феликсу Шведовскому 40 лет. Москвич: мальчишка Тверских-Ямских переулков.

Окончил журфак МГУ. Кандидат исторических наук, диссертацию защитил в Институте востоковедения РАН. Состоит в Союзе журналистов России и в Союзе писателей России.

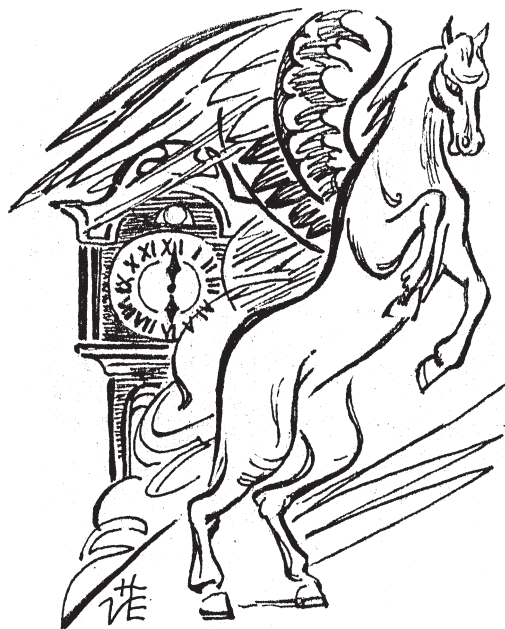
Во время войны в Чечне неоднократно бывал там, выступая против нее. Участвовал в международных форумах в Гааге, Женеве, Страсбурге, Париже против войны в Чечне.

Его привлекает восточная буддийская философия: путешествовал по Китаю, Японии, Индии, Непалу. Бывал в Пакистане, горах Тянь-Шаня, Памира, в Гималаях, в Тибете.

У Феликса Шведовского вышла книга стихов «Отражение». Проза: «Литерософия», «Ученическая тетрадь», «Комарики». В издательстве «Юность» вышли: «Мозаика» и «Синдром юнца» (в двух изданиях – второе дополненное). В Петербурге вышла книга «Махапаринирвана сутра».

Печатался в «Литературной учебе», на страницах «Московской правды», в «Орфее», в «Лире», в журналах «Человек», «Вопросы философии» и других.

Прозаические миниатюры Феликса напечатаны в 2002 году в «Истоках».

Уильям Шекспир

Сонет 1

Потомства ждем мы от созданий чудных,
Чтоб не угасла роза красоты.
Бутоны созреет, отцветет, но юный
Наследник сохранит его черты.
А ты, на красоте своей помешан,
Сам пламя, сам огниво в коробке,
Где изобилье — голодом утешен,
Жестокий в наслажденьи, враг себе.
Сейчас ты свежесть миру источаешь,
Ты только вестник праздничной весны,
И сам в своем бутоне увядаешь.
Дни скряги в скупердьяйстве сочтены.

Мир пожалей, чревоугодник милый,
Отдай, что должен, — не зарой в могилу.

Сонет 91

Кто предком хвалится, а кто искусством,
Кто в силе, кто в богатстве преуспел.
Одет по моде этот, но безвкусно,
Тот разводиться коней вдруг захотел.
У каждого свое есть увлеченье,
И эта радость выше остальных.
Но это — не моей души волнение,
Мне лучшее досталось от других.
Твоя любовь прекрасней славы предков,
Одежд богатых более ценней,
Великолепней сокола на ветке.
С любовью той намного я сильней.

Отнять все можешь — в этом лишь беда,
Несчастливым самым стану я тогда.

Сонет 130

Глаза моей любимой на солнце не похожи,
Коралл гораздо краше ее чуть алых губ,
И белый снег белее ее невзрачной кожи,
Когда волос касаюсь, на похвалу я скуп.
Был розою дамасской я прежде очарован,

Но не горит румянец той розой на щеках.
И тонкими духами был больше я взволнован,
Чем свежестью дыхания у милой на устах.
Я слушать ее голос люблю, однако знаю,
Что музыка гораздо нежнее его звучит,
И как богиня ходит, не видел — допускаю,
Ко мне земной походкой любимая спешит.

И все ж, ей-богу, знаю: любовь моя одна,
И ложные сравненья перечеркнет она.

Сонет 153

Прилег близ факела уставший Купидон.
Лишь он уснул, одна из нимф Дианы
Похитила огонь, был тайно брошен он
В холодные объятия фонтана.
Животворящий жар источник приобрел,
Вода в нем забурилась, закипела.
И вот болящий люд к долине той побрел
Лечить в фонтане немощное тело.
Когда же Купидон свой светоч вновь зажжет
Огнем любви от глаз моей любимой,
Коснулся факелом меня — я занемог
И поспешил к воде, тоской гонимый.

Но вот беда — в фонтане нет спасенья,
В очах моей любимой исцеленье.

Перевела с английского Татьяна Хачумова

Сонет 14

По звездам я предсказывать не смог,
Но думаю, я все же звездочет.
Чума, погода, голод или рок —
Не мой астрологический расчет,
Не мне и по минутам расписать,
Где грянет гром, каким ветрам черед.
Астрологам придворным не гадать,
Удачная ли сделка принцев ждёт
Но в небе глаз твоих
Читаю я с листа,
Их звезды изучаю день за днем.
Что если правда их и красота
Из детских глаз осветят и наш дом?
Прогноз другой:

Уйдешь туда, где сны —
И правда с красотой обречены.

Перевела с английского Галина Козырева

ИЗ ИТАЛЬЯНСКОЙ ПОЭЗИИ

Эдоардо САНГВИНЕТТИ

(1930–2010)

Баллада о женщинах

Когда я думаю о том, что время миновало
сперва для старых матерей, чья сила жизнь давала,
потом для девушек, любовь даривших без повесток,
потом для жен и дочерей, золовок и невесток,
когда я думаю о них, то радости взыскую,
а размышляя про мужчин, как правило, тоскую.

Когда я думаю, что час урочный пробил в драме
для партизанки, что вела неравный бой с годами
и понесла от них урон, чью грудь они пробили,
о той, которая теперь уже лежит в могиле,
когда я думаю о ней, то думаю о мире,
который для самих мужчин сродни мишени в тире.

Когда я думаю, что вновь придет зима за летом,
за ночью день и что закат сменяется рассветом,
я думаю про круг времен с уступкой за уступку,
про ставший люлькою живот, что распирает юбку.
В нем и начало, и конец как облегченье тягот,
и колыбель, и гроб, куда, прощаясь с жизнью, лягут.

Не небо женщина, а твердь, вода ее не точит,
она как кровь и плоть земли, войны она не хочет,
зерном в нее я брошен был, пророс, посеял всходы
и всюду я теперь ищу тепло ее природы.
Она рассеивает мрак от полноты сердечной,
она развеивает ночь, что мне казалась вечной,
и не предаст, и не солжет, и бросит круг в затоне.
Я руку женщины моей беру в свои ладони.

Подражание Горацию

Не ищи незаконного знания
о конце, нам с тобой уготованном,
Левконой, богами бессмертными,
брось таблицы свои вавилонские,
не пытайся с их помощью вычислить,
сколько зим суждено нам Юпитером
или, может, вот эта — последняя?
Бурей вспенилось море Тирренское,
бьет волнами о скалы прибрежные.
Так плесни же вина и будь мудрою,
ограничив надежды чрезмерные.
Ведь пока говорим, время мчится вперед,
не заглядывай вдаль — настоящим живи.

Лоренцо СТЕККЕТТИ
(1845–1916)

В вечернем воздухе

В вечернем воздухе, который сеновалом,
Ночную сыростью и пашнями пропах,
Мы поднимались горным перевалом,
Пока цикады стрекотали на лугах.

Глядела ввысь ты голубиным взглядом,
Молясь безмолвно звездам, бывшим рядом.
И я, поняв без слов твои печали,
Влюбился, потому что мы молчали.

* * *

Когда с деревьев листья опадут
И ты придешь разглядывать кресты,
Чтобы мое увидеть имя тут,
Вокруг тебя распустятся цветы.

Ты, в косы их вплетая, собери,
Проросшие из сердца, изнутри:
То песни, что остались тишиной,
Слова любви, не сказанные мной.

* * *

Всем существом душа к тебе стремится,
Как ладан от кадила к алтарю,
Как в небеса — душа над кромкой бора,
К Господнему престолу — звуки хора
Из бездны мрака, чуждой фонарю.
Всем существом душа к тебе стремится.

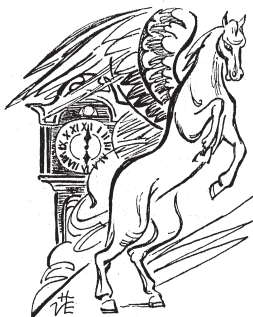
* * *

Тебя не видеть больше никогда! Уж лучше быть
Распятым на кресте меж днем и ночью,
Разодранным, как гладиатор, в клочья,
Чем больше никогда тебя не видеть!

Тебя не видеть! Не услышать мне
В зените знойном радостные трели,
Не вспомнить чувств, что в сердце отгорели,
И больше никогда тебя не видеть!

Тебя не видеть — не обнять, не звать
По имени последовать словью,
Превыше сил, что мне даны любовью, —
Тебя не видеть больше никогда!..

Перевела с итальянского Дарья Белокрылова

МИЛОСЕРДИЕ

(Рассказ из сборника новелл «Биение сердца»)

Старик, похлопывая больную поясницу, выпрямился и оперся на черенок лопаты. Болела не только спина, время от времени пошаливало и сердце. Но ведь без работы никак, пока человек в силах, он обязан постоянно что-то делать — это было его философией. Вот и сейчас лишь немного передохнул, «отдышался», как он называл эти недолгие минуты отдыха. Взгляд его прошелся по всему двору. Старик был доволен. Хутор обнесен со всех сторон забором, траву во внутреннем дворе младший сын вчера скошил газонокосилкой. Повсюду была чистота, образцовый порядок. Так было всегда, этого требовал от всех и его отец. А когда и он сам стал хозяином, уже в крови была

любовь к порядку, что можно как-то по-другому — даже и не представлял. А ведь тогда труднее было содержать в порядке двор, потому что в нем всегда копалась какая-то мелкая живность, бегали поросята, а крупный скот то и дело подходил к колодцу на водопой. Всего этого уже нет. Давно нет. Хотя есть и скотина, но все уже совсем другое. За домом, в новом хлеву откармливают сотню подсвинков, там же, в задней части двора, держат и стадо баранов. Дети занимаются всем этим уже по-серьезному, у них крупное хозяйство, а иначе невыгодно, как они объясняют, — ну а кто знает, так ли это. Баранов держат по старой привычке, но для них это скорее хобби, чем источник дохода.

«Какой счастливой была бы моя старость, если бедная моя жена была б еще жива, — вздохнул он негромко. — Я всегда жил на хуторе, это была моя жизнь. В городе или в деревне уже и не смог бы жить, такая жизнь не по мне. Хотя дети и зовут к себе в деревню.

Места там у них достаточно, хватит и для меня. Но не поеду, что мне там делать? Места себе потом не найду. Здесь мне лучше. Скоро пройдет и та пара лет, что еще впереди. Умру спокойно, потому что вижу: и хутор, и хозяйство в хороших руках. А ведь могло бы быть и по-другому, если вспомнить, что происходило здесь за прошедшие десятилетия. Господи, и подумать-то страшно! В этих краях раньше стояли опрятные, чистые, ухоженные хутора. Полные жизни, а скота сколько было! А что сейчас? Брошенные строения с протекающими крышами, обвалившимися стенами, а многие и совсем обрушились. На их месте сплошной бурьян, только сохранившиеся деревья говорят о том, что на этом месте когда-то был цветущий хутор. А те немногие, где и сейчас живут, как правило, неухоженные, грязные, вокруг полно ржавой брошенной сельскохозяйственной техники. Таких хуторов, как ихний, по пальцам пересчитать. Даже среди тех, что купили под дачу, есть такие, за которыми совсем не ухаживают. Те, кто посвятил жизнь сельскому хозяйству, как правило, живут в деревне. Бывший хутор разобрали или используют, скажем, под склад, совсем забросили, ведь это больше не жилье, это уже только одно из сохранных из нужды орудий производства.

У моих детей тоже есть дом в деревне, там и живут. Оно и лучше, ведь ребятишкам надо ходить в школу, ну а ведут хозяйство здесь, живут землей. Кто-то из них всегда здесь, а если нужно, то и все, вся семья. Вот и хутор привели постепенно в порядок. Краше стал, чем прежде. Сверху новая крыша, провели электричество, из крана вода бежит. Не думал, что это возможно, что доживу и до такого».

Из раздумий его вывел голос внука.

— Смотри, дедушка, какую рыбину я поймал! — пронзительно прокричал мальчик и, счастливый, показал улов. Его девятилетний младший братишка тоже таким гордым стоял за спиной державшего в руках добычу старшего брата, как будто произошло событие всемирной важности.

— Поздравляю, сынок. Рыба и вправду отличная!

— Килограмма три будет, не меньше?

— Ну, столько-то вряд ли, но больше двух уж точно. В любом случае, что надо! Все же для хорошего обеда маловато, надо бы поймать еще!

— Хорошо. Пойдем еще ловить. А ты, дедушка, что здесь делаешь? Сажаешь цветы сюда, возле ворот, прямо у забора?

— Да. Знаешь, что здесь? Вернее, кто здесь, под землей?

— Конечно. Ты сам сказал, что один русский солдат.

— Да. Знаете, ребята, во время войны, в 1944-м, в этом месте проходила линия фронта. Здесь тянулись позиции русских. Больших боев, правда, не было, все произошло за полдня. Обе сражавшиеся

стороны вели обстрел из винтовок, минометов. Были, конечно, и погибшие, у русских гораздо больше, чем в оборонявшихся немецких и венгерских подразделениях. Больше всего убитых русских было у школы, человек этак восемь-десять. Точно не знаю. Их похоронили тогда у подножья стоящего там распятия. После войны провели эксгумацию и место их вечного покоя перенесли на кладбище. Там они лежат и сейчас. На могилах погибших русских солдат бетонные плиты с указанием их имен, званий. Но не всех перенесли тогда на кладбище, только тех, кто был похоронен в братской могиле. Тут тоже погиб один. Его похоронили на этом месте, в двух метрах от ворот, прямо у забора. Вот сюда. И с тех пор он здесь. Здесь и останется навечно. Знаете, русские сейчас уже разрешили нам ухаживать за братскими могилами венгерских солдат, нашедших покой на далекой русской земле. Там можно делать надгробные надписи, чтить их память. Это благородный жест. Потому что смерть заставила молчать бывших врагов. И мертвые стали равными, стали героями. Ведь солдат, все равно, был ли он бесстрашным или трусом, если погиб в бою — становится героем. Это ему причитается, этого он достоин. Порядочный человек не делает различия между погибшими солдатами: воевал ли тот за справедливость, может быть, был добровольцем или против своей воли пошел воевать. Определить это очень нелегко, зависит и оттого, с какой точки зрения рассматривать вопрос. За всю историю человечества миллионы людей погибли невинно, по принуждению, обманутыми, которым даже и в голову не пришло бы идти воевать, но они обязаны были идти. Я подумал, что и на могилы погибших на территории бывшего Советского Союза венгерских воинов — вот так же все взвесив — кто-то, пожалуй, тоже иногда положит цветы.

Я не знаю, кем был этот человек. Знаю только, что советский солдат. Он мог быть грузинским крестьянином, азербайджанским пастухом, украинским учителем, русским рабочим. Может, был добровольцем, а может, попал в армию по призыву. Может, он ненавидел нас как врагов, но, может быть, стрелял под давлением обстоятельств, потому что и в него стреляли. Ненавидел войну, а может, воодушевленно выступал за победу коммунизма во всем мире. Возможно, он был плохим человеком, а возможно, мечтательным, поэтичным. Может, у него были дети, дома ждала жена, а может, только мать или девушка с задумчивыми глазами. Не знаю. Знаю только одно: он был человеком. А человек заслуживает того, чтобы о нем думали, помнили о нем, чтобы положили цветок на его могилу и прочитали молитву.

*Перевела с венгерского
Наталья Афанасьева*

Эрне БАКАЧИ родился 17 апреля 1938 года, в пасхальное воскресенье, на крестьянской ферме в окрестностях венгерского села Лайошмиже под городом Кечкеметом. Его родители были фермерами. Он и сам трудился в сельском хозяйстве, будучи заместителем директора по коммерческим вопросам на одном крупном областном предприятии. После смены общественно-политического строя в Венгрии в 1989 году стал индивидуальным предпринимателем.

Благодаря своей писательской жилке регулярно публиковал материалы в специализированных изданиях, но собственно художественной литературой более плотно занимается последние четырнадцать лет. С этого времени у него постоянно выходят произведения и отдельные книги. Последний, четырнадцатый по счету, роман «Пылающая весна» увидел свет в 2012 году, издан будапештским издательством «Хунгаровокс».

За книгу «Возвышаю голос за правду» Комиссия по увековечению памяти венгерских участников революции 1956 года и эмиграции удостоила его почетной бронзовой медали. Он также является обладателем награды «За развитие культуры Лайошмиже».

Переводчик рассказа «Милосердие»

Наталья Николаевна Афанасьева родилась в 1955 году в России (Горьковская обл.). Детство и юность провела в одном из поселков на берегу реки Ветлуги. В 1978 году закончила филфак Ленинградского университета, где училась на венгерском отделении кафедры финно-угроведения, получила диплом по специальности филолог-унгарист, переводчик, преподаватель русского языка и литературы. С 1978 года живет в Венгрии, в г. Эгер, где более 20 лет преподавала русский язык в одной из гимназий. В настоящее время занимается спецпереводами, работает гидом, преподает русский язык. Более 10 лет является бессменным председателем Эгерского клуба русского языка, в рамках этой деятельности занималась организацией различных культурных мероприятий, связанных с пропагандой славянской, русской культуры: это и ежегодные Рождественские концерты, и благотворительные концерты в пользу эгерской православной сербской церкви Рац, и конкурсы чтецов для учеников города, изучающих русский язык, и выступления фольклорных, музыкальных коллективов из России, Украины, артистов Будапештского Русского театра, и Дни русской культуры в Эгере, которые проводятся уже третий год, и молодежные творческие фестивали, в которых принимают участие венгерские и российские коллективы.

Редакция альманаха «Истоки» сердечно поздравляет Людмилу Авдееву, Лию Елфимову, Вадима Максимова и Анри Марковича с юбилеем.

Желаем здоровья, бодрости, творческих удач и плодотворного сотрудничества с альманахом!

Людмила АВДЕЕВА

Их имена шептала Муза

*(Из цикла «Бессмертна музыка,
поэзия, любовь»)*

Я славлю тех, в ком Слово пело,
Всех тех, кто дарит свет душе,
Всех, кто строкой призывно-смелой
Оставил память на земле.
Их имена шептала Муза,
И повторял Парнас не раз,
И крепче не было союза.
Поэт — пророк. В нем — Божий глас.
Я воспую стихом и прозой
Всех тех, в ком дар небесный жив,
Чьи строки, как любимой слезы,
Как сердца стук, души мотив,

Кто верен дружбе, предан чувствам.
Найду для них слова любви.
Литературе и Искусству
Гимн возложу на алтари.

Вспоминая Александра Грина

Солнце приласкает окна на рассвете.
Распахнешь их настезь — словно паруса,
Тюлевые шторы вдруг натянет ветер,
Захмелеть заставит юности мечта.
Вспомнишь южный город — град, где жил чудесник,
Где бесшумно сказки бродят у дверей.
Налетевший ветер, от кого ты вестник?
Может, постучится долгожданный Грея.
Бирюза морская под шатрами неба
Не скрывает тайны голубых глубин,
Ждать прихода Грея столько лет нелепо,
Но дарил надежды нежным девам Грин.

На заре вечерней открывались дали,
Улетала птицей в неизвестность боль.

И забыв про слезы и про все печали,
Шла Любви навстречу юная Асоль.

Во весь голос

(Триптих к 120-летию В. В. Маяковского)

1

Во весь голос, до хрипа он страну воспевал.
Нет, не ради гранита. Что ему пьедестал
С его «мраморной слизию», если верил Поэт,
Что взойдёт над Отчизной Солнца яростный свет.
Он беседовал с Солнцем. Звал «прекрасною» жизнь,
«До последнего донца» призывая светить.
Он потомкам оставил то надежное слово,
Что вести полководцем в бой последний готово,
То, что дарит свободу, веру, мужество, силу.
Поэт — голос народа. Поэт — голос России.
Он приходит с рассветом золотыми лучами.
Слышу сердце Поэта. Маяковский здесь, с нами!

2

О Боже, как же много грязных рук,
Как щупальца, к его душе тянулись.
Стих вызывал презренье и испуг,
Когда кричал и харкал кровью улиц.

Он безъязыким в рот вставлял слова,
Глухих заставил голос свой услышать.
Шёл во весь рост, и карликов толпа
Под натиском строфы пыталась выжить
И уцелеть в осиновом гнезде,
В тепле и благе с канарейкой рядом.
А он шагал свободный по Земле,
И планов громадьё под зорким взглядом
Поэта, горлопана, главаря
В реальность превращалось, в бурю жизни.
Что ж, «*время трудноато для пера*».
Но не убить стихов и свежей мысли.

Стихи пробьются через все века
И, будоража разум поколений,

Как горная прозрачная река,
Очистят мир от тлена, Вдохновеньем
Наполнив души, напоив сердца,
Чтоб и слепой увидел блики света.
Светить везде. Светить во тьме всегда
Отныне и в веках стихам Поэта.

3

Господи! На долгие лета
Пошли планете равного Маяковскому Поэта,
Чтобы встал с ним плечом к плечу, вровень,
Глаза в глаза, брови в брови.
Господи, прошу о любви и терпении.
Пошли Земле нового Гения.
Ведь Поэт — пророк, он мессия.
А Слово тоже Бог для России.
За людей прошу, за Отечество,
Чтоб планете всей по-человечески
Жить без войн, без драк, без позора.
Не нужны Земле кровь да ссоры.
Нужен ей покой, небо звездное
И размах стихов Маяковского.

Розы Константину Паустовскому

Старый Крым. Тихий город с закатами,
Что краснеют, как виноватые,
От обид, от непролитых слез.
В тихом доме средь шумных берез,
Открывая нам таинство вечности,
Где законы царят бесконечности
И в любви, и в прозрачности ночи,
Когда звезды всем счастье пророчат,
Снова бродит с пером Паустовский
И решает вопрос философский:
Сможет россыпь ночная из звезд
Стать кустом его сказочных роз,
Чтоб рассеялась вечная мгла,
Словно роза, строка расцвела,
Над Россией потоками света
Возрожденья бы встали рассветы.

* * *

Соседям: Лене, Наде, Сереже...

Пес-барбос, черный нос!
Друг ты человека...
Где хозяин? — вот вопрос, —
Он твой бог и лекарь...

Заходи во двор ко мне,
Накормлю я мясом...
Если холодно тебе,
Дверь открою разом!

Не грусти по вечерам,
Не тревожь соседей...
Остальное просто хлам,
Остальное —
ветер!

* * *

В ночь на Крещение,
в лютые морозы
Воды холодной наберу...
И расцветут в душе моей
 мимозы
От радости, и кажется,
 сверну

Все горы дел,
 что предстоит
 мне сделать,
Что Бог послал,
 и, видимо, Ему
Я не кажусь такою неумелой —
Раз полюбил меня Он наяву!

Вадим МАКСИМОВ — автор около двадцати книг прозы, поэзии, социально-философских исследований. Старейший автор «Истоков», член редакционного совета альманаха, член Союза писателей России, член Российского философского общества при РАН.

Елочный шарик

Фосфорный сон, новогодняя явь,
Елочный шарик зеленый,
Ночи и годы он тихо объял
Светлым пятном мимолетным.

В тихих раздумьях узришь фонари —
В снег или зимы пустые;
Гаснет пятно. Поздний сон разморил
Судеб дороги крутые.

Милый приметный фонарь под мостом —
Вежа на чьей-то дороге,
Жизни горенье последним огнем
Гаснущим стало порогом.

Факелом будь или тихим огнем —
Что-то хранит наши крылья —
Крылья судьбы, припорошенной сном,
Светлое наше всеилье!

Бледный фонарь. Ты над чьей ли судьбой?
Шарик на ветке еловой
К году от года восходит, живой,
Светом извечным и новым.

Великий и корявый тихий дуб

Неухоженный дуб, моха тихий пушок
И корней задубелые пятки.
Добрым сном замыкает тихоня-снежок
Мир нелегкий, нелетный, несладкий.
Великий и корявый тихий дуб.
Велик и тих полиственно, пожелудно,
Покапельно, поснежно,
Не ведает кора ни бури, ни смиренья.
Запоем свищет молодость листвы.
Гремит надежных желудей казна.
И бел, и хмур для глаза и души снег —
Колыбель, и отдых, и прапамять.
В корнях — родной чулан и —
Тайный ход до сердца мира.
Будь счастлив, дуб! Живи за человека,
Лишенного и света, и земли!

...Страна огромная, страна никчемная,
Гора безумная и горе темное,
Своим безумием стократ сожженная,
В добре — незримая, во зле — бездонная —
Шагаешь ты и давишь ты,
Но без души тебе не встать вовек!
Бездомный и беспохоронный,
Тобою обездушен человек!
Он — караульный на пустом посту,
И в хрипе маетном весь мир — глухое «ду!»
А пост — бессонный путь до края жизни.
Страна огромная, страна никчемная,
Заслужишь памятник — бомжовый дуб.
Ничейный дуб. Великий дуб.
В грядущей древности ты дубом прорастешь,
И обретешь Великой Осенью прощенье.
Прости ее, Великий Тихий Дуб!

Оранжерея в Царицыно

В Царицыно оранжерея
Из редких привозных цветов —
Дары Японии, Кореи.
Здесь пальмам несколько веков —
Ровесницы самой Екатерины.
Мушмула из Японии. Гранат.
Качаются из Греции маслины,
Хамеропс, Аукуба — целый сад
Диковинных растений из-за моря, —
Нарциссы, батифлора, плющ.
Зима за окнами, и словно с вьюгой споря,
Воркуют голуби из этих райских кущ...
С шипами вижу винтовую пальму —
Панданус называется она.
Бегонии я раскрываю тайну,
Обозреваю рядом Форчуна.
Трахикарпус и кофе арабийский,
Монстера и японский бересклет,
Причудливый цветок сирийский,
Тюльпаны из Голландии. Браслет
Напоминают листья земляники.
Императрица в дар их приняла.
Из тьмы веков вновь проступают лики, —
И роза чайная, как солнце, расцвела.

Бородино

Недаром помнит вся Россия...

М. Ю. Лермонтов

Овраг. Семеновские флешы.
Над узкой речкою Колач
Вокруг — кустарники и бреши,
Как будто над убитым плач.

Редут воздвигнут Шевардинский,
И по нему палит Фуше.

Бой продолжался исполинский —
Французам вставили «клише»!

Надгробный памятник, ограда:
Покоится Багратион.
Ждал Бонапарт ключей, парада, —
Москва не вышла на поклон.

Давно «не жарят батареи»...
Державный видится простор...
Моей России знамя реет
С орлом, что крылья распростер.

РОССЫПИ МЫСЛЕЙ

* * *

Измученная, задавленная работой, красивая женщина присела передохнуть. Душа плакала от жалости к себе. Вся жизнь прошла в работе, а сейчас... ну, просто нет сил. В задумчивости подняла голову к небу. Две ласточки стремительно летели к ее дому. «Матушки! — радостно воскликнула женщина. — Из теплых краев прилетели. Такой путь проделали, чтобы вернуться домой». Соскочив с порога, женщина побежала отворять чердак. Окно открылось, и ласточки влетели в свою родную обитель, гнездо, которое они свили в том году. По щекам женщины текли слезы. «Устали, родимые, но ведь долетели, вернулись». Радость, трепет переполняли ее сердце. «А я-то, нюни распустила», — рассердилась она на себя. Сколько сил и жизни внесли эти ласточки! Взбодренная и просветленная, принялась она за свою обычную работу...

* * *

Сухонькая, сморщенная женщина в длинной юбке, повязанном по-старушечьи платочке, с босыми ногами, радушно встречает гостей-горожан, приехавших в очередной отпуск в деревню. Она всем рада, всегда ждет, улыбается и смущается. В деревне от мала до велика над ней посмеиваются, подтрунивают, иногда жалеют. Без образования, не приспособленная к труду, не имеющая семьи, беззащитная и доверчивая. Вот уж, действительно, «дитя природы».

Когда ранним летним утром просыпаетесь, как правило, солнце уже ослепительно сияет, роса уже подсыхает, а она уже возвращается из леса, часто с грибами и ягодами, иногда ни с чем. Усталая, но всегда жизнерадостная. Она разная, но всегда естественная, такая, какая есть. «Святая простота», — говорят про таких. Она любит ходить в гости, имея при этом врожденную деликатность. Робко заходит она в дом, просовывая свое острое, лисье личико и насто-роженным взглядом определяет: не помешала ли? Иногда залетает вся в слезах, поскуливая, жалуется, как ее обидели. Иногда пройдет мимо — хмурая и сердитая. Ее наивность, открытость кого-то умиляет, кого-то раздражает. Людей, любящих цивилизацию, ее внеш-

ний вид и поведение возмущает и отталкивает. С раздражением и ироничной снисходительностью они встречают ее. Правда, от ее бескорыстной помощи никогда не отказываются: прополоть грядки, сложить дрова, принести воды, ...а она, она всегда рада услужить и рада любому подарочку — кусочку пирога, старенькому платочку. Все с благодарностью, с поклонами и радостью.

«Я себя под Лениным чищу», — провозглашал Маяковский. Возможно, определенную чистку пробуждают и люди, подобные этой немолодой деревенской юродивой, но чистой, как ребенок, женщине, свободной от предрассудков, стремления казаться лучше. Невольно замечаешь в себе огромных размеров зависимость от всех и от всего, лицемерие, тщеславие, гордыню...

* * *

«Ну, с новосельем тебя! Это твой новый сад, твой новый дом», — ласково приговаривал мой отец, выкапывая ямку для молодой груши. — Ничего, приживешься здесь. Вон тебе сколько простору!» Он умело делал жилище для груши, подсыпая в углубление чернозем и подкормку. Наконец, взяв молодой саженец, бережно опустил в ямку, натруженными руками нежно разровнял землю. Молодая груша прочно и смело укоренилась в земле, приветливо шелестя листьями. Казалось, благодарила его за уютный дом. Он, немного отойдя, смотрел на нее влажными глазами. Обошел вокруг. Трепетно, ласково и гордо произнес: «Солнышко обогреет, дождик польет, помочит, земелька примет, хорошо тебе будет. В добрый час, в добрый путь!»

Долго еще смотрел он на молодое дерево. Грустил и радовался одновременно. То ли осознал, что, возможно, не дождетя он взросления груши, не отведаст ее плодов, то ли вспомнил, как сам недавно был молодым, а сейчас уже в преклонном возрасте... Налет грусти сменила радость. Радовался, что посадил деревце, дал ему жизнь, а оно будет радовать детей и внуков еще много лет.

СКАЗКИ ИЗ ЖИЗНИ

Лень и Труд

«Как ты некрасив и тощ», — сокрушалась пышнотелая Лень, с жалостью поглядывая на поджарую фигурку Труда. — И ведь не любит тебя человек, не замечаешь? Постоянно принуждаешь и заставляешь его что-то делать. Оставь его, зануда! Будь ласков к нему, желей его, почаще желай ему сытости и отдыха, увидишь, как полюбит он тебя и начнет холить», — наставляла разомлевшая

Лень ясноглазого и быстрого мальчишку-трудыгу. «Не люблю я тебя, — ответил он, — ведь ты губишь человека, из-за тебя он болеет, теряет хорошую работу, друзей. Впрочем, почему-то он, и впрямь, тебя любит. Наверное, не догадывается, что ты — причина его неудач». — «И не догадается, если не начнешь ему докучать», — хитро проговорила Лень и, подмигнув Труду, нежно прошептала: «Оставь, не дергай никого делами, прижмись лучше ко мне». — «Ох, и коварная ты», — оттолкнул ее Труд. — Сколько бед от тебя! Впрочем, ты все равно слабей меня». — «Я?» — возмутилась Лень. В это время в комнату вошел Человек. «Доброе утро! Открывай окно и сделай зарядку!» — предложил трудолюбивый мальчишка. «За окном ветер, а здесь так тепло и уютно, садись поешь», — ласково предложила Лень и выставила на стол булочки, масло, чай. Человек, услышав сладострастную Лень, заулыбался и сел за стол в теплой кухне, аппетитно поглощая вкусную пищу. Не давая Человеку опомниться, Лень убеждала: «Не торопись, отдохни после завтрака, полежи, послушай музыку». Человек, слушая вкрадчивый голос, с удовольствием развалился на диване. «Отдыхай», — усыпляла его Лень. Возмущенный Труд пробовал ему напомнить: «Тебе надо написать статью, отнести в редакцию». — «Успокойся, успеешь, отдыхай», — неумоимо напевала Лень, и Человек вновь погружался в сладкую истому. Нарушал его блаженство неумолимый Труд, напоминающий ему вновь и вновь об обязанностях. Но Человек отмахивался от этих увещаний. Довольная Лень победоносно смотрела на неудачника — трудыгу. Рассердился Труд, стал тормозить Человека и стаскивать его с дивана. Недовольный Человек подошел к компьютеру. Вспомнил Человек о своем обещании, о работе. Подошел к окну, открыл форточку, бодрящий воздух освежил его, мысли осенили его, и он стал писать... Быстро стучали клавиши при наборе текста, Человек, не разгибая спины, работал. Удовлетворенный мальчишка-трудыга посмотрел по сторонам и заметил, что коварная и сладкая Лень сбежала...

О Страхе

Проник Страх в Человека, ну никакого житья не дает ему, вся жизнь Человека пошла наперекосяк. Руководит Страх его путями и поступками. Упирается Человек, но бессилён бороться со Страхом.

Познакомился Человек с девушкой, полюбил ее, а Страх шепчет: «Не пара она тебе, хитрая она, не любит тебя, хочет воспользоваться твоей квартирой, твоим положением, брось ее, пока не поздно». Взволновал Страх Человека, не дает и минуты ему подумать о другом, только шепчет и шепчет. Бросил Человек подругу.

В путешествие собрался. Страх тут как тут: «Ты что? В своем уме? Самолеты разбиваются, поезда с рельсов сходят, аварии всякие, сиди дома, не ездь никуда». Пугает и пугает Человека. Махнул Человек рукой, да и просидел отпуск дома у телевизора.

Заболел Человек, слег. Страх злорадно шипит: «Все, видно, конец тебе. Так же твой друг не выжил, сил-то нет у тебя и помощи ждать неоткуда». Зажал страх сердце Человека, Ужас и Отчаяние подоспели, Страху помогают, угрожают. Собрал Человек остатки сил, взмолился к Богу, плакал и просил помощи. Бог услышал просьбу, послал ему своих помощников — Веру, Любовь, Силу воли. Лежит больной человек, опутанный Страхом, вдруг в легком дуновении ветра услышал Человек: «Не оставлен ты Богом, услышан. Верь, обязательно поможет». Взяла Вера Человека за руку: «Вставай!» За другую руку поддерживает его Сила воли. «Ты все можешь, шагай уверенней. Ты будешь здоров и бодр!» Почувствовав прилив сил духа в Человеке, задрожал Страх, но все еще не отпускает его. Вспомнил Человек свою девушку, понял, что любит ее и верит ей. Нашел ее, попросил прощения. Ощутив силу его любви, простила его девушка, и стали они жить счастливо.

Обессилел совсем Страх, но все еще страшит Человека: «Туда не ходи, опасно, это не делай, погибнешь». А Человек в ответ: «Чего мне бояться? Верю я, что Бог помогает мне, дает силу и спокойствие». После этих слов выполз Страх из Человека, весь, без остатка.

Здоровье

Родился Человек с чудеснейшим даром — Здоровьем. Свежим, розовым, всегда радостным было оно в Человеке. Такая благодать! Человек вырос, познавал жизнь, учился строить отношения с людьми и постепенно стали наступать его обиды, зависть, которые ловко проникали в его сердце. И от этих непрощенных гостей Здоровью становилось как-то неуютно. Раздражение, Злобу впустил Человек, и те начали тумачами да пинками выгонять Здоровье, теснить его. Компания становилась все больше и злей. Доверчивому Здоровью было непонятно, почему так неуютно становится ему с Человеком, почему исчезает его радость, румянец? Человек же, познавая мир все больше и глубже, научился еще и хитрить, ловчить, обманывать.. Все больше поводов для посещения его сердца получали Зависть, Злоба, Жадность. Стало чахнуть Здоровье в Человеке. А вот уж когда Человек впустил в себя Ненависть, совсем худо стало Здоровью, слегло оно совсем, запряталось от агрессивных гостей в укромный уголок. Человек почувствовал себя плохо. Он вдруг заметил, что Здоровье, его природный чудесный дар, куда-то исчезло. Задумался Человек: где же оно, куда делось? И невдомек было ему, что непрощенные гости —

Злоба, Обида, Зависть — заполонили всю его сущность, вытеснив совсем доверчивое Здоровье. Решил Человек найти свое исчезнувшее Здоровье. Вот только где оно? Куда пойти? Пошел в больницу. Искали его иглами да рентгенами. Нет, не нашли его. Решил купить его в аптеке. Но и таблетки не помогли отыскать Здоровье. «Может, придет оно, если начну правильно питаться?» — подумал Человек. Фрукты, овощи, молоко — все полезное, витаминное, а оно не приходит. В этом-то состоянии еще и Уныние проشمыгнуло в сердце Человека. Совсем плохо стало ему. Задумался Человек, пошел в лес. Деревья шумят, птички поют, ягодки в рот просятся. Мимо звонкого ручья прошел, умылся прохладной чистой водой, легче стало, успокоился немного. Увидел ежика, запутавшегося в сухих ветках, освободил его, покатился еж по тропинке. Человеку радостно стало, тепло. От этой радости шарахнулась Ненависть, выскочила из сердца. Вспомнил Человек, что давно не навещал он свою родственницу. Пошел к ней, обрадовались они встрече. Заметил Человек, что жильё стало ветхим, подремонтировал, подкрасил его, соседей навестил, помог и им чем мог. С ребяташками малыми поиграл, со стариками посидел, побеседовал... Хорошо стало Человеку. С радостью вбежали в его сердце Веселье, Чуткость, Доброта. Здоровье, увидев свет и тепло, распрямило затекшие ноги, плечи, вдохнуло полной грудью чистоту сердца, вышло из своего укромного места на свет, потягиваясь и улыбаясь. Почувствовал сразу Человек, что вернулось Здоровье, радовался, смеялся и плакал от счастья...

Вот только понял ли он, почему Здоровье вернулось?

Татьяна БАКЛАШКИНА*Осенняя пастораль*

Утром 5 октября 2011 года после тяжелой и быстротечной болезни перестало биться сердце моей дочери — Татьяны. 14 сентября ей исполнилось 27 лет. Любимая, хорошая дочь. Светлый, открытый, легкий, талантливый, тонкий, душевный и глубоко верующий человек. Она спешила жить, любить, про таких говорят: «Отдавала себя людям». Она жила, как будто находилась в полете, словно знала, что полет вот-вот может прерваться. Ощущение полета было во всех ее движениях и фразах, в поступках и мыслях.

А вечером мне позвонили из издательства «Полиграф-Информ» и сообщили, что вышел из печати сборник ее стихов — «Осенняя пастораль».

«...Все тихо. Бесконечно и светло,
Ведет меня дорога дальше ввысь...»

Татьяна Викторовна Баклашкина родилась 14 сентября 1984 года в г. Калуге в простой советской семье: мама инженер и экономист, папа рабочий — кавалер ордена Трудовой Славы. И, может быть, неслучайно день рождения совпал с именинами: 14 сентября — тоже Татьянин день.

Она росла необыкновенным ребенком. Рано начала говорить. Одновременно училась в 3-х школах: общеобразовательной, музыкальной, художественной — в основном на «отлично». Много читала. «Три толстяка» Олеси и «Дети капитана Гранта» Жюль Верна прочитала уже после 1-го класса. Первые стихи написала еще в детстве, сочиняла музыку. Сохранились ее рисунки, записи ее детских выступлений в школьных концертах как музыканта и концертмейстера.

Получила музыкальное образование сначала в музыкальной школе № 1 им. Н. П. Ракова (г. Калуга), затем в Калужском музыкальном училище им. С. И. Танеева и в Государственной Классической академии им. Маймонида (г. Москва). Печаталась в альманахе «Истоки» за 2009 г. в рубрике «Новое имя». В том же 2009 году вышел первый сборник стихов «Шаг до любви».

Татьяна постоянно находилась в поиске жизненного пути. Трудилась в стройотряде, учась в академии, работала официантом и пела в бильярд-клубе, работала в главном книжном магазине «Библио-Глобус» консультантом, менеджером в музыкальном отделе. Фотограф Наталья Василишина сделала с ней фотосессию. Попробовала себя Таня и в журналистике — ее интервью с музыкантами белорусского ансамбля «Ляпис Трубецкой» было опубликовано в бесплатной студенческой печатной газете в г. Москве.

Ее поступление в Московский институт журналистики и литературного творчества (ИЖЛТ) в 2010 году на факультет ПТС (искусство) было осознанным, и пришла она с определенным багажом. Но здоровье дало сбой. Учиться в ИЖЛТ она не смогла из-за болезни. Но то, что она смогла учиться на подготовительных курсах, посещать отдельные семинары, заходить на сайт ИЖЛТ, дало ей много (как считала сама Татьяна) и отразилось на ее творчестве.

За свои 27 лет ей многое удалось успеть, но многое осталось незавершенным. Прервался полет. Знатоки и любители поэзии считают ее стихи философскими, с сильными чувствами и энергетикой, плодом ее творческой трепетной души, признавая ее поэтом.

Сборник «Осенняя пастораль» явился очередным этапом ее творчества.

«Они уходят, не допев куплета,
Когда в их честь оркестр играет туш.
Актеры, музыканты и поэты —
Целители усталых наших душ...»

(Игорь Тальков. «Памяти Виктора Цоя»)

«...И в песнях, и в стихах своих живут...»

Это же можно отнести и к Татьяне Баклашкиной. Она будет жить в своих стихах, в рисунках, в музыке, которую исполняла.

Вечная и светлая память ей. Хочется закончить стихами самобытного калужского поэта и друга семьи Валерия Желыбенцева, написанными в день памяти Татьяны и посвященными ей.

Лидия Баклашкина

* * *

В разгаре осень золотая,
А на душе моей зима...
Зачем ушла так рано Таня?
Вопрос сведет меня с ума.
Я знаю, что виновных нет
И все случилось, как случилось...
«Зачем?» вопрос и в нем ответ,
Зачем жить рано разучилась.

5 октября 2011 г.

* * *

«Бог дал, Бог взял...»

Все просто и понятно.
Вопросы лишние: «Зачем и почему?»
И жить легко тому, кто ВЕРИТ свято —
Есть вещи, недоступные уму.

Кому какой срок жизненный отмерен,
Никто не знает.

Планы строить глупо,
И вспять не повернуть невидимое время,
Судьба — не лошадь, не похлопаешь по крупу.

Мне очень жаль — уходят молодые
В тот лучший мир, где большие смерти нет,
Не быть им старыми, больными и седыми.
Я всех прошу — живите до ста лет.

5 октября 2011 г.

Валерий Желыбенцев

Ты и я

В душевной комнате этой
тебе не уснуть —
Нужно лунному свету
окно распахнуть!

Свежий ветер ворвется —
хлопнет окно,
И тебе остается
только одно:

В эту ночь убежать,
 не закрыв даже дверь,
Я уже буду ждать —
 ты только поверь!
Прямо к морю ты выйдешь,
 там, где шепчет прибой.
Ты меня не увидишь,
 но я рядом с тобой.

Под твоими шагами
 я — шуршанье песка.
Я — улыбка печали
 и в сердце тоска.

Но когда ты смеешься,
 то слышишь мой смех!
Ты всегда остаешься
 самым лучшим из всех.

И сейчас ты захочешь
 быть ближе ко мне,
Свое тело утопишь
 в прибрежной волне;

Пенным шумным прибоем
 я тебя обниму
И полночной звездой
 в глаза загляну.

Я ночным теплым ветром
 буду плечи ласкать
И луны бледным светом
 на губах застывать,

Пылью звезд засвечусь
 я в твоих волосах.
А потом растворюсь
 в твоих снах и в мечтах.

Я рассвет разбужу
 и уйду в никуда:
Не забудь, я прошу —
 я с тобой навсегда!

Ночь

Я слышу ночь, ее звенящий шепот,
Гул поездов, несущихся во тьму,
Дня уходящего далекий ропот
Почти умолк, день стал подобен сну.

А ночь живет, она стоит за дверью,
Она зовет, и власть ее сильна,
Я так ждала ее и так ей верю —
На все способна для меня она!

В ее кострах сгорают все печали,
В ее огнях не тонет блеск луны,
Она на все вопросы отвечает,
В ее ошибках нет моей вины,

В ее глазах — сияющая бездна,
В ее улыбке — вечность облаков!
Ночь так проста, безумна и чудесна,
И молчалива — с ней не надо слов...

Я с ней прощаюсь каждое мгновенье,
Хотя пока еще она со мной,
Ночь для любви и ночь для примиренья,
Любви без мер и примирения с собой.

Осень

Осень входит в город неслышно,
И шаги ее — листопад...
Ночью дождь шелестит по крышам,
И туман обнимает сад.

И уже вспоминаю о снеге,
О студеной глади воды,
А в бездонно-прозрачном небе
Самолетов тают следы.

* * *

Расставались мы без печали:
Тихо-мирно — прощай и прости...
Но я слышала: стены кричали:
«Оставайся, не уходи!»

А в окне прозрачное небо.
В моей комнате тихо, светло.
Ты ушел, как будто и не был.
И с тобою лето ушло.

Лунная

он входит беззаботной тенью
в мои сияющие сны,
когда по каменным ступеням
танцуют блики от луны.

и мы одни. под небесами
все стало на круги своя,
и обнаженными сердцами
играет лунная заря.

и все обиды и ошибки,
так зло лелеемые мной,
затмит волшебный свет улыбки —
его улыбки озорной.

он никогда мне не был ближе,
чем в этом странном лунном сне.
но я забуду, что увижу,
как он не помнит обо мне.

Конец времени

А дороги прочь разойдутся,
И начнется новый рассвет,
И никто не сможет вернуться
В это место, которого нет.

И задышит земля, и властно,
Расплетая объятья травы,
День настанет, безмерно прекрасный
Глубиной своей синевы.

А потом в приятной прохладе
Засверкают алмазы звезд,
Всадник в черном, как ночь, наряде
Наведет через небо мост.

Вот тогда завершится время,
И с последним ударом часов
Мы исчезнем, как будто тени,
В отдаленье чужих миров.

Как-то так

когда луна утонула в бухте,
ты вглядывался в небо —
в нем утонуло твое сердце.
я была рядом.
это чудо.

* * *

Ты светлый и теряешь форму,
Являя сущность.
Каким ты был, уже не вспомню —
Так даже лучше.

Что мы узнали в этом мире —
Что нужно выжить.
Какими близкими мы были —
Так даже ближе

К тебе, ко мне и осторожно,
Перо вдоль шеи,
Но сильно просто нежно можно
Вдруг стать сильнее,

Смесь смешнее, легчить легкость
И печь печали.
Как мы молчать умели порознь,
Но так молчальней.

* * *

есть день и ночь, а между ними
молчание. оно сейчас
плывет, как гром, в моей квартире,
so strong, как звон, как стон, как джаз.
здесь просто тихо. тихо звуки
переступают за черту,
где их невидимые руки
затягивают в темноту.

и время здесь остановилось,
и словно водоросль на дне,
оно капризно искривилось
и отразилось в сонной мне.
и я сама лишь отраженье.
дневной победной суеты
успокоенье, растворенье,
во мне — свечение темноты.

* * *

Я словно осязаю пустоту —
Она вокруг меня со всех сторон —
И с большей осторожностью иду
Дорогой исчезающих времен.

И никого навстречу, никого!
Здесь есть хоть кто-то, кто здесь? Отзовись!
Все тихо. Бесконечно и светло
Ведет меня дорога дальше, ввысь,

И, может быть, пора побыть одной,
Но все сопротивляется во мне —
Так страшно вдруг наедине с собой
В извечных пустоте и тишине.

Ангел ли?

Как в душе у меня темно...
Но теперь уже все равно.
И сияния крыльев твоих
Не вместит мой последний стих.
Помню, как занимался день
И как гордая пала тень,
Я увидела сквозь стекло —
Солнце скрыло твоё крыло.
Что же стало со мной сейчас,
Ярость этих прекрасных глаз
Мое сердце сожгла дотла,
Мое сердце теперь — зола!
Все теперь пропади и сгинь,
Только ты меня не покинь!
Свои руки в твои вложу,
Я о малом тебя прошу:

В час последний, час смертный мой
Ты постой за моей спиной,
До последней моей зари
Тихо-тихо со мной говори
И, когда смерть войдет в мой дом, —
Нежно-нежно укрой крылом.

* * *

Мелькают дни и, подводя к черте,
Стремятся к точке нового отсчета.
Я в несуразной этой суете
Такое важное забыла что-то.

Пора бежать, и взглядом на часы
Я закрепляю время и пространство.
А где-то там, у взлетной полосы,
Корабль ждал и вот теперь дождался.

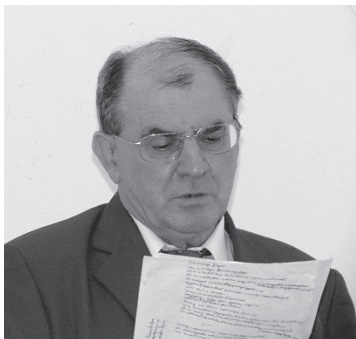
Кто был мне дорог, кто со мной сейчас,
Все отдалятся, размывая лица.
И ниточки, безмерно истончась,
Вдруг перестанут между нами виться.

Я рада, рада. Наступил покой,
Тот, что не знала или позабыла.
И нету сил, и взгляд уже такой,
Которым жизнь смотреть не научила.

10.05.11

УШЕЛ КАРОЙ ЧЕХ

Имя этого венгерского поэта стало известно русскому читателю, в том числе и читателю «Истоков», совсем недавно. Особенно стала заметна публикация в «Литературной газете» весной прошлого года. Его стихи сразу же обратили на себя внимание естественной интонацией, доверительностью и одновременно каким-то вселенским охватом мышления. Именно потому редколлегия «Истоков» и признала его лучшим ино-

странным автором альманаха. А он, в свою очередь, принялся переводить авторов «Истоков». Успел даже подготовить подборку стихов и вместе с врезом сдать ее в производство. Так что венгерский журнал с русскими авторами должен выйти совсем скоро.

Он, вообще, куда больше переводил русских поэтов, чем переводили его. Не зря же другой венгерский поэт и он же заместитель Председателя парламента Венгрии Шандор Лежак в беседе со мной назвал его «истинными подвижником поэзии»!

Он был болен, очень болен, но его физически больное сердце было полно духовной энергии и пламенного энтузиазма. Он успел представить венгерскому читателю и Татьяну Кузовлеву, и Сергея Белорусца, и Ирину Ковалеву, и Ивана Белокрылова, и Елену Исаеву, и Александра Тимофеевского, и других поэтов.

Он дружил с Равилем Бухараевым, который знал венгерский язык, переводил его и даже выпустил с ним совместную книгу.

Когда я сказал ему летом, что Равиля Бухараева больше нет среди нас, он был поражен настолько, что переспрашивал меня об этом несколько раз, надеясь, что чего-то не понял. Но понял он все правильно...

Последний раз он позвонил мне 7 января, поздравил с православным Рождеством и сказал, что на следующий день едет на празднование «Русского Рождества» в старинный и легендарный город Эгер.

И выступил там. Радостный вернулся домой, чтобы уже никогда не выйти к людям. Его нашли утром 9 января. Вернее, нашли его тело. А душа его уже стучалась в двери другого Дома, открытого для всех нас...

6 декабря он ярко отметил свой 60-летний юбилей. Подарки же умещались в машине его друга Ласло Сабо.

Он активно работал над составлением антологии современной русской поэзии. Перед Новым годом вдруг спросил меня о возможности вступления в Союз писателей Москвы. А 7 января неожиданно заметил, что ночью ему очень явственно приснился Равиль Бухараев.

Что ж, это хороший провожатый ТАМ! Особенно, если верить в то, что у поэтов на тех планах бытия есть особый слой, особая страна, астральная Страна Ликнодия, как ее называют эзотерики.

А здесь, на нашем земном плане бытия он был в начале своего жизненного пути сельским учителем, истинным коренным мадьяром, рожденным в деревне Боргшодгест. А потом жил рядом с ней в небольшом городе Мезекевешд, выезжая куда-то только по необходимости.

Теперь настала необходимость в переходе через Великие Границы, из трехмерного мира в Миры Творца.

На похороны поэта, которые состоялись в его родной деревне, пришли сотни людей, в том числе, конечно, и писатели.

Он ушел, успев проложить дорогу в пространство творческого сотрудничества «Истоков» и венгерских изданий.

Низкий поклон ему за это!

От имени знавших венгерского поэта и подвижника поэзии Кароя Чеха

*Леонид Володарский,
дважды лауреат Международного
литературного фонда
им. Милана Фюшита
при Венгерской академии наук*

КАРОЙ ЧЕХ

Памятка любителям выпить, или Ода вину
«Леанька», что значит по-русски «Девица»

Здесь богачское девственно, пока
оно в бутылке на столе искрится.

Но пробку вынь,
увидишь, как девица,

Теряя девственность,
в своей любви ловка.

Перевел с венгерского Леонид Володарский

Чудесное спасение

Евгения с нетерпением ждала окончания последней рабочей недели. Они с Филиппом совсем недавно поженились, буквально три месяца назад, но свадебное путешествие решили совместить с очередным отпуском. И вот, наконец, они на Белорусском вокзале в ожидании поезда. Легкий сентябрьский ветерок колышет пушистые волосы Евгении, а ее душа кричит от радости: «Ура! Впереди целых две недели отдыха, да еще какого!» Филипп отправился покупать кроссворды в дорогу, а Евгения осталась ждать мужа на перроне. Вокруг сновали люди с сумками, тюками, чемоданами на колесах, время от времени раздавался голос диктора, вещающий о прибытии или отправлении поезда. Евгения наблюдала за всем происходящим с нескрываемой улыбкой. Молодожены решили взять автобусный экскурсионный тур с отдыхом. До Польши им предстояло добраться поездом, а там автобусом через Германию, Францию и Испанию, напрямую в Португалию, к великому Атлантическому океану, высоким пальмам, оливковым рощам и загадочным средневековым замкам и монастырям, хранящим огромное количество тайн.

«Женя! Я здесь!» — услышала Евгения, наконец, голос Филиппа, и они поспешили на посадку. Почти вся экскурсионная группа ехала в одном вагоне. Люди были отовсюду, в основном, преклонного возраста, но веселые и компанейские, поэтому очень быстро перезнакомились. В общем, компания собралась что надо. Весь вечер пели песни и рассказывали анекдоты, а утром начиналось все самое интересное...

Евгении с Филиппом достались последние места в салоне автобуса, но молодожены не переживали по этому поводу. Они, вместе с другими туристами, фотографировали уникальные памятники архитектуры в городах, где останавливались, с интересом слушали гида, ходили в кафе и рестораны, купались, загорали и делились впечатлениями друг с другом и окружающими. Так, без особых приключений, они пересекли почти всю Европу и добрались до Порту, родины портвейна, города с узкими переплетенными улочками вдоль берега реки Дору, большим количеством памятников старины и знаменитых мостов. А на следующий день им предстояла экскурсия в таинственный замок тамплиеров, а также в Фатиму — место паломничества верующих.

Ночь перед поездкой выдалась какая-то необычная. Евгении не спалось. Она встала с кровати, накинула на себя халат и вышла на балкон своего номера в отеле. Перед ней открылась панорама города, утопающего в огнях. Евгения подняла голову вверх и увидела, что небо тоже все светилось и переливалось. Оно было просто усыпано звездами. Девушка попеременно переводила взгляд то на небосвод, то на ярко освещенные улицы Порту. Она вернулась в номер за фотоаппаратом и, достав его из сумочки, попыталась разбудить мужа: «Филипп, Филипп! Вставай! Дома выспишься, взгляни, какая красота за окном!» Но Филипп, уже получивший за день массу впечатлений и почти погрузившийся к тому времени в сон, чуть приоткрыл глаза, и, потянув девушку за руку, ответил спросонья: «Завтра, все завтра, иди ко мне». Однако Евгении совсем не хотелось спать. Высвободившись из объятий мужа, она снова вышла на балкон и стала снимать город в огнях, звездное небо, а потом еще долго и жадно глотала чистый воздух и любовалась всем, что ее окружало.

Заснула девушка под утро. Ей приснился очень странный сон. Она видит все то же звездное небо, на фоне которого четко вырисовывается необычное свечение. Сквозь него просматривается силуэт женщины. «Все будет хорошо!» — предрекает она и освящает Евгению крестным знаменем. Внезапно все исчезло. Девушка проснулась, вскочила с кровати и стала оглядываться вокруг. Филипп был уже в ванной, откуда слышалось журчание воды, а в окно ярко светило солнце. «Какой странный сон», — подумала Евгения. И в ее сознание закралась мысль: «Что-то сегодня должно произойти!»

После завтрака, загрузив в очередной раз багаж в автобус, туристическая группа отправилась в Томар, город, основанный первым магистром ордена тамплиеров в Португалии. Погода была просто чудесная. Всю дорогу светило яркое солнце. Евгения никогда не видела столько света. Может, судьба благоволила молодоженам во время свадебного путешествия, а может, им просто везло, но за всю поездку дождь был всего лишь раз, да и то немного покапал, и тут же опять выглянуло солнышко.

Экскурсионный автобус остановился возле сооружения, очень похожего на крепость. Выйдя из автобуса, группа последовала за гидом. «Прошу внимания! Перед вами знаменитый замок-монастырь тамплиеров», — начала свой рассказ Анна Петровна. — Как видите, он расположился на высоком холме и доминирует над городом. Согласно легенде, на это место тамплиерам было указано в видении. «Сердцем» этого комплекса является церковь, известная как Шарола или Ротонда», — продолжала она, а Евгения никак не могла сосредоточиться на рассказе. Она все думала и думала о сегодняшнем сне, тем более, место, где они сейчас находились, было какое-то мистиче-

ское и окутано множеством тайн. «Женя, ты где витаешь?» — нежно обняв жену, спросил Филипп. «Да так, просто не выспалась», — задумчиво ответила девушка и, чтобы отогнать от себя непонятные мысли, взялась за фотоаппарат. После осмотра замка и города группа отправилась в Фатиму.

Евгения немного расслабилась и сквозь окно автобуса оглядывала здешнюю местность. С одной стороны это были высокие горы, с другой — зияла глубокая пропасть. Девушка время от времени бросала взгляд вниз, но страха почему-то не испытывала. Видимо, эвкалипты, что величественно раскинулись на дне пропасти и по ее склонам, своей красотой сглаживали устрашающую картину. Настроение у туристов было приподнятое. Анна Петровна предложила вспомнить родной дом и русские песни. Группа затынула «Подмосковные вечера». Евгения неплохо пела и с удовольствием приняла участие в этом мероприятии. Дорога-серпантин шла в гору. Автобус уже почти поднялся на вершину горы и должен был преодолеть перевал, как вдруг из-за поворота вылетел длинный автофургон. Это было так неожиданно! Приличных размеров автобус и огромный неуклюжий фургон не смогли разъехаться на узкой извилистой дороге. Водитель экскурсионного автобуса не успел сориентироваться, как автофургон ударил машину с туристами в бок. От удара в автобусе посыпались стекла. Его отбросило в сторону, он откатился назад и правым задним колесом завис над зловещей пропастью. Какая-то неведомая сила удержала его и не дала слететь вниз. Парадоксально, но туристы очутились почти на самой вершине горы, на краю пропасти, между мистическим городом Томар и святым местом — Фатимой.

Евгения в первый момент не могла понять, что произошло. Она только увидела, как водитель и Анна Петровна, предварительно попросив людей не поддаваться панике и оставаться на своих местах, выскочили из машины, как в салоне автобуса кто-то побелел, кто-то стал хвататься за сердце, а кто-то судорожно старался найти сотовый телефон, чтобы сообщить родным о происшедшем. Одна женщина попыталась встать. «Сидеть!» — жестко выкрикнул Филипп. Затем он, уже более мягко, сказал: «Вы что, не понимаете, любое неосторожное движение может спровоцировать падение автобуса в пропасть? Водитель и Анна Петровна сейчас вызовут спасателей. Я уверен, все будет хорошо!» Он крепко обнял Евгению и уже не выпускал ее до конца операции освобождения, время от времени приговаривая: «Все будет хорошо, родная!» А Евгения чувствовала, что так и будет. Ведь эти же самые слова девушка слышала сегодня во сне. Она крепко прижалась к мужу и, стараясь не глядеть в окно, ведь она сидела как раз на той стороне автобуса, где колесо угрожающе свисало над пропастью, стала ждать помощи.

Сколько прошло времени с момента злополучного удара, никто не помнил, казалось, что бесконечно много. Но вот дверь автобуса отворилась, в проеме показался крепкий молодой человек, обвязанный веревкой, в форме спасателя, и попросил пассажиров, по-одному, медленно и осторожно, без резких движений, встать и подходить к выходу. Он очень аккуратно ловил каждого, кто подходил к двери автобуса, чтобы тот случайно не свалился в пропасть, и затем передавал его на попечение другим спасателям, уже укрепившим к тому времени автобус. Люди выходили в полуобморочном состоянии, у многих просто подкашивались ноги. Рядом стояла «скорая». Но, слава Богу, тяжелых физических травм никто не получил, в основном, были небольшие порезы и ссадины. Тут же стояла полиция. Освобожденные пассажиры, которым не понадобилась медицинская помощь, отходили подальше от места происшествия и бессильно опускались на раскаленные от зноя камни. Солнце теперь не казалось таким ласковым и приветливым. Оно палило безжалостно. В воздухе стояла ужасная духота, на небе не было ни облачка. Люди обливались потом от жары и от перенесенного стресса. Недалеко от места происшествия, на склоне над дорогой, росли колючие кусты, на которых краснели ягоды. Инга, девушка, что сидела сразу за водителем, стала с жадностью их есть, и некоторые туристы потянулись за ней. Они машинально протягивали руки к кустам, срывали и ели ягоды, насыщаясь живительной влагой и постепенно приходя в себя.

Евгения с Филиппом вышли из автобуса самыми последними. Филипп сидел ближе к проходу, он должен был выходить предпоследним, но ни за что не хотел оставлять жену, поэтому молодые люди пробирались к выходу вместе, крепко взявшись за руки. После освобождения Филипп долго обнимал Евгению, целовал ее волосы, глаза, губы. «Все позади, милая, все хорошо!» — приговаривал он. А девушка поддакивала ему и плакала от счастья. Большинство туристов уже оправались от пережитого. Они тоже обнимались, целовались и благодарили спасателей. А Евгения еще очень долго мысленно благодарила Богородицу. Девушка всем сердцем чувствовала, что это именно Она спасла группу от неминуемой гибели и не допустила, чтобы автобус с туристами скатился в пропасть.

Вскоре подали другой транспорт, и экскурсионная группа отправилась в Фатиму. Всю дорогу Анна Петровна рассказывала историю этого уникального места: «Каждый месяц тринадцатого числа, с мая по октябрь 1917 года являлась трем детям-пастушкам Дева Мария. И каждый раз Ее видели все больше и больше людей. Она сделала три пророчества, которые впоследствии сбылись. На месте явления сейчас выстроен архитектурный комплекс Святилище Богоматери», — объясняла Анна Петровна. А по салону в это время пополз

шепот: «А ведь сегодня тринадцатое сентября! Похоже, это Богородица нас спасла!»

Автобус остановился перед огромной площадью, на которой возвышался высокий белый собор с колокольней и золотым куполом. «Ну что, все в порядке, как вы себя чувствуете? Продолжим нашу экскурсию?» — поинтересовалась Анна Петровна. «Да!» — дружно ответили туристы. Всем очень хотелось поскорей попасть в храм. «Тогда выходим из автобуса и следуем за мной», — скомандовала она. Группа, во главе с гидом, пересекла площадь и приблизилась к собору. «Перед вами знаменитая базилика Святой Девы! Как видите, с двух сторон от нее арочные колоннады, которые словно обнимают площадь», — с гордостью сказала Анна Петровна. Она еще кое-что поведала о событиях, связанных с этим святым местом, затем объявила: «Внимание! На осмотр храма вам отводится полчаса». Еще она объяснила, где находится капелла Явления Богоматери (место явления Девы Марии трем детям-пастушкам), она также показала, где продаются свечи (они здесь были очень длинные и толстые) и удалилась. Молодожены вместе с остальными туристами вошли в храм. Евгения подошла к образу Богоматери и стала молиться....

На следующий день туристы из России побывали на мысе Рока, были еще и другие интересные места и незабываемые моменты во время этой поездки, но случай с чудесным спасением перевесил все остальное и глубоко затронул мысли и душу путешественников из России. Дома Филипп и Евгения рассказывали родным, друзьям и знакомым об их необычном свадебном путешествии и о случае на перевале. А когда Евгения напечатала некоторые фотографии из поездки, то обнаружила, что на фото звездного неба, которое девушка сделала в ночь перед аварией, просматривается размытое пятно со светящимся обрамлением. Кто его знает, может, это дефект пленки, а может быть, и нет...

Профессией своей послужить Отчизне

Помню, как пять лет назад написал рассказ
О России, о себе и... про первый класс.
Все читали. А отец
Так, прочтя, сказал:
«Ты, сынок мой, молодец!
Я об этом знал».

И с тех пор пишу всегда,
Где бы ни был я.
Парки, небо, города —
Вот судьба моя.

В самолете не до страха...
Достаю блокнот —
Мед, конфеты он и сахар,
Даже лучше! Вот...

Облака... Крылами машет
Чудо-самолет.

Крохотность домов и пашен
Сказку создает.

Я пишу! В блокноте — судьбы
Тех, с кем говорю.
«Ну, писатель, очерк будет?»
«Будет», — говорю.

Похвалы и пожеланья.
Только знаю я,
Что нужны мне опыт, знанья,
Чтоб мечта моя —

Стать писателем — сбылась и,
Я хочу, скорей.
А пока в седьмом я классе,
Я — юнкор Андрей.

Каждый день мой полон счастья:
Я пишу о тех,
Разгоняет кто ненастья,
Кто нам дарит смех.

Я пишу о ветеранах,
Слушаю рассказы
О Победе, боли, ранах.
Но их слез ни разу

Я не видел. А всегда —
Только их улыбки.
Им — поклон за все года!
Не могу ошибки

В тексте, в песне допустить,
Подвиг прославляя!
Слушать, слушать, жадно пить,
Чашу наполняя.

Чашу знаний о стране
И о людях чудных.
Журналистика — по мне!
Журналистом буду!

Слушать — главное!
И пусть говорят мне люди
Про веселье, счастье, грусть —
Глубже очерк будет.

Трудолюбие — оно
Тоже очень важно.
Журналист? Так суждено
Смелым быть, отважным!

В облака — так в облака,
В шахту — да, конечно!
На корабль, на мачту — да!
А с людьми — быть нежным.

Отдавать им сердце, душу,
Грамотно писать.
Я хочу быть людям нужным!
Писателем бы стать...

Скромность — вот критерий мой
И девиз по жизни.
А профессией своей —
Послужить Отчизне!

КНИГА, ПЕРЕВЕРНУВШАЯ МОЮ ЖИЗНЬ

...С первых строк чтение повести Льва Николаевича Толстого так захватило меня, что я не заметил, как подошел к последней странице. Мне жаль было расставаться с главным ее героем Николенькой. Знакомство с ним началось у меня с первых страниц, на которых автор рассказывает об учебе Николеньки в селе Петровское. Николеньке в ту пору было десять лет. Впечатлило меня то, как рассказывает Л. Н. Толстой о друзьях главного героя, сверстниках Николеньки, об их доверительном друг к другу отношении. Например, когда Николенька влюбился в Сонечку, он поведал о своих высоких чувствах Володе. Трогателен их разговор о Сонечке, в которую, как я понял, они влюбились оба. Самые лучшие слова адресованы ей, Сонечке. Думаю, нам, современникам, следует поучиться отношению к девочкам, будущим женщинам — такому, как у юных героев повести «Детство».

И, конечно же, до глубины души трогает большое горе, пережитое Николенькой, — смерть матери, необыкновенно нежной женщины,

которая передала эту нежность герою повести. Эта нежность, на мой взгляд, и определила главные черты характера Николеньки. Ведь, согласитесь, только человек, способный на глубокие переживания, может сказать такие слова, которые говорит Николенька, сильно скорбя по близким умершим людям: «Иногда я молча останавливаюсь между часовней и черной решеткой. В душе моей вдруг пробуждаются тяжелые воспоминания. Мне приходит мысль: неужели провидение для того только соединило меня с этими двумя существами, чтобы вечно заставить сожалеть о них?»

Именно эти строки великого писателя Льва Николаевича Толстого оказали на меня наиболее сильное воздействие. Я попробовал применить их к нашей жизни. И вот что понял: в нашей жизни нередко происходит то, что и с героями полюбившегося мне произведения «Детство». Мы ценим дружбу, влюбляемся, взрослеем, преодолеваем трудные ситуации, жалеем и сожалеем... Точно так же, как Николенька! И главное, на мой взгляд, не испытать сожаления от отсутствия любви близких тебе людей. К счастью, у Николеньки такого не произошло, как не произошло этого и у писателя Толстого. Их характеры и дальнейший успех в жизни сформировались благодаря любви окружающих их людей.

Это произведение перевернуло всю мою жизнь. Я в каждом своем успехе, пусть даже самом маленьком, стал больше ценить тех, кто рядом со мной. Ценить и бояться их потерять.

03.02.2013 г.

Андрей Касперов — ученик седьмого класса одной из московских школ, автор нескольких книг (рассказы, очерки, юморески), юнкор районных газет, лауреат многих литературных конкурсов.

**ЛЮБОВЬ МОЯ, ДУША МОЯ,
ИЛИ СЕМЕЙНЫЕ ТАЙНЫ***Отрывок из романа в трех частях***Часть 3. Двое**

Они стремились к одной цели, но всякими путями.
Они почитали предков и мечтали о продлении
рода.

И милостивый Господь послал им радость на зем-
ле — семью.

Рассказ о двух одиноких**Глава 1**

Когда он вошел в помещение, все сидели, уткнувшись в документы, в папки. Лампы и ноутбуки включены. Он посмотрел направо и увидел новое лицо. На месте Майи Ильиничны сидела красивая девушка, склонившаяся над журналом каких-то записей, ее каштановые или скорее — темно-русые волосы легкой волной закрывали белоснежный лоб. Красота ее была безусловна — правильные, даже классические черты, какие встречаются на Новгородской и Тверской земле.

У Павла недавно начала развиваться дальновзоркость, которая в данном случае оказалась кстати, — он хорошо разглядел изящную линию шеи, плеч, нежный вырез губ. Матовость кожи наталкивала на мысль о детскости, беззащитности. Он поймал себя на мысли, что так — с желанием защитить — у него когда-то начинались влюбленности. Но для того, чтобы полностью очароваться женщиной, ему надо поговорить с ней.

Подняв голову от журнала, куда записывала темы запросов, она увидела вошедшего мужчину лет сорока с синими глазами. Высокий, с благородной осанкой, стройный, но не худой, одетый в отлично сшитый костюм стального цвета, он производил впечатление чело- века искусства. Но какого? В артистах, в режиссерах, даже в маститых писателях обычно всегда видно желание произвести впечатление, подавить окружающих или понравиться им, но нет свободной уверенности, какая сквозила в том, как держался он.

Наверное, так держатся принцы крови, — подумала Варя и поздоровалась, выхватив взглядом особенности облика. — Глаза у него ярко-синие. Волосы темно-русые без седины.

— Здравствуйте, — негромко произнес он и улыбнулся.

И она поняла, что таких людей она здесь никогда не встречала. Он явно не научный червь. Что привело его сюда? Он сразу скрасил монотонность зала. И ей захотелось видеть его часто, всегда... От этих мыслей она смутилась.

Его синие глаза, в которых зажегся какой-то дополнительный свет изнутри, взглянули с интересом.

Она произнесла то, что принято, преодолевая неловкость от своих мыслей:

— Здравствуйте. Присаживайтесь. Я вас слушаю.

Он слушал ее. Голос был ни высокий, ни низкий — мелодичный. Он предъявил билет и вкратце рассказал о предыдущей работе. Заявку он подавал, но смог прийти в архив только через полтора месяца, то есть сегодня. Она отошла посмотреть в журнале, сделала несколько шагов — видно было — прихрамывает.

Но это ее не портит, — подумал он. — Странно получается, в библиотеках, в архивах часто работают люди с инвалидностью. Считается, что на более легкой работе, но им приходится нелегко — долго бьются на ногах, носят тяжелое.

Она почувствовала, что он смотрит, и подумала: он видит, что она хромает, и, наверное, больше не захочет смотреть на нее. Но врач обещал после серии массажей улучшение работы мышц, кровообращения, скоро она хромать перестанет. А если он перестанет к тому времени ходить в архив? И она сама себя остановила: Варвара, ты не о том думаешь!

Он подумал: эта девушка не бездушна, с ней можно будет разговаривать, не то что с предыдущим работником, она воспитанна, у нее добрые, умные глаза, здесь приятно будет работать, и результат не замедлит явиться. Жаль, не так часто сможет он сюда приходить, а поручать кому-то поиск бесполезно. Однажды он посылал запрос в один из архивов, ему ответили формально, а пришел сам — и все нашел.

— Павел Петрович, — обратилась к нему она. — У вас тут две разные заявки. Пока вам будут доставать из фонда чертежи храма, давайте посмотрим вторую заявку, там у вас дела Смольного института за определенные годы, вы их пока не получили. Может быть, мы посмотрим на нашем компьютере? Кто вам нужен?

Ей хотелось бы помочь ему, но Елизаветы Беляевой в Смольном институте не было. На его вопрос, можно ли посмотреть теперь в фондах других институтов, она ответила, что здесь представлено все, в компьютер старались внести все фамилии, встречающиеся в за-

головках архивных дел. Но, может быть, подавалось какое-то прошение о поступлении, а его отклонили, и оно оказалось в общей папке, или фамилия есть только в списке. Правильно, что он заказал общие дела института. Кроме того, сведения могли быть ошибочными. Откуда у него эта фамилия и название института?

Она старалась помочь ему — он видел. Видел, что у нее, кроме его вопроса, еще немало дел. Между тем рабочий день подходил к концу. Но он уже не мог ждать, все надо было решать поскорее, и он попросил разрешения рассказать ей свою историю подробнее — или провозжая ее, или где-то в кафе поблизости, ему для этого нужно полчаса. Она сказала, что пока не знает, сможет ли с ним поговорить. А заявку на дела Смольного института нужных ему лет оставляет в силе, дела поступят на следующей неделе.

Варя вышла не сразу, специально немного задержалась. Если ему действительно надо, пусть ждет. И увидела, как открылась дверца черного «форда», он несколькими большими шагами нагнал Варю.

— Могу я вас подвезти?

— С некоторых пор предпочитаю ходить пешком, потом — на метро.

— Но до метро отсюда далековато. Я водитель со стажем, даже без единого штрафа. Ну, пожалуйста!

На улице было скользко, и она согласилась. Они поехали тихими улицами старой петербургской Коломны, куда все-таки проникали современные веяния в виде кафе и баров, и когда машина почти поравнялась с вывеской «У Светланы», он спросил: «Мы можем здесь поговорить?» «Хорошо», — ответила она. Он помог ей выйти, открыл дверь, вошел и протянул руку, потому что внутрь вели ступеньки. Рука ее дрогнула.

Он начал говорить, по пути рассказа сделав какой-то заказ. Павел видел ее участливые глаза, их цвет и свет вселяли надежду. Он объяснил, что его покойная бабушка своим интеллектом выше, чем дед. Потому он заинтересовался Смольным институтом, где, по его предположению, могла учиться его бабушка, но личного дела Елизаветы Беляевой, как они уже убедились, в архиве нет. Наверное, есть еще фамилии, которые могут натолкнуть на правильное направление поиска. Он постарается еще поискать в письмах бабушкиной подруги. Если они — смолянки и между собой не ровесницы, возможно, у них разные классы.

Павел с трудом перевел дыхание: первый раз он рассказывал кому-то, что переживал наедине вот уже полгода.

Варя подумала, что Павел Петрович напоминает ее отца: сдержанностью и достоинством. И, пожалуй, замкнутостью, которую он сегодня в себе преодолел ради важного дела. Она поняла, что должна

поддержать этого необыкновенного человека. Почему необыкновенного? Она не знала. Она не знала ни его профессии, ни увлечений, но почувствовала, что от сведений, которые он ищет, зависит его судьба и что он — очень хороший, — так по-детски охарактеризовала она его для себя.

Дальше он пока не стал рассказывать, а предложил все-таки выпить чаю, который остывал. И вдруг отчего-то им обоим показалось, что они не раз уже так сидели, пили чай и говаривали, и никакой неловкости или чуждости не осталось между ними.

— А еще, Варвара Алексеевна, — начал он вторую часть рассказа...

— Варя, — поправила его она.

— Спасибо. А еще совсем недавно я наткнулся на данные о фамилии, которую ношу. В списке офицеров приведены сведения о пяти офицерах с такой фамилией, и, возможно, кто-то из них — мой родственник. И еще. Тоже совсем недавно вдруг выяснилось, что мой отец — сын репрессированного, расстрелянного бывшего офицера царской армии, которого однажды зачислили в заговорщики. В 1961 году он посмертно реабилитирован.

Варя слушала и понимала, что от нее и от сидящего сейчас рядом с ней потомка этих когда-то живших, любивших, страдавших и погибших людей зависит и реабилитация Истории. Пусть это малоизвестный, небольшой пласт. Она сказала, что тема ее работы — стык двух направлений в русской политике, когда народная традиция была сломлена революционными идеями, русский дух был подорван. Еще она сказала, что не сомневается в успехе его поиска, что по мере сил будет помогать ему. Ведь ей от деда передалось это чувство истории как чувство родной земли, родной крови. Дед был учителем истории в школе и сумел воспитать несколько поколений. По мысли все было выражено именно так, но Варя волновалась, и получались отдельные, разорванные, но идущие от сердца фразы.

Павел не верил тому, что происходит. Эта милая Варя, единственная в мире, смогла выслушать его и понять, не перебила бестактным вопросом и, словно бы уже с ним заодно, во все вникла и разыщет нужные ему сведения. Везучий, оказывается, он человек.

Обоим не хотелось уходить. Но и говорить теперь совсем не хотелось. Ведь они знали уже мысли друг друга. Могли просто сидеть и смотреть друг на друга, и пить чай.

«Правильно я сделал, что пригласил ее сюда», — думал Павел.

«Правильно он сделал, что настоял на своем», — думала Варя.

Глава 2

Варя ехала в метро и вспоминала о сегодняшней встрече. Оказалось, что он, архитектор по образованию, вынужден заниматься совсем другими делами. Но хочет помочь знакомому батюшке восстановить церковь в окрестностях города. Значит, он не чужд православию, — порадовалась тогда она. Однако, сказав ему, что в читальный зал дело по храму поступит не раньше, чем после Крещения, она поняла — он не знает, когда Крещенье. Выходит — не воцерковлен. Сидя в кафе, она ждала, что он предложит заказать: если какое-нибудь мясо, ей будет неприятно — ведь среда. Есть бы она не стала, но неприятно... Он заказал все постное. Хотя ясно, что пост он не держит. А ведь огромный мужчина, весь в работе, ему и не продержаться, если постничать.

Все еще ощущая свое недостоинство, Варя мучительно и мечтательно подумала: если бы такой человек полюбил ее, что бы она стала делать?

А в это время Павел, выехав на набережную Невы, вспоминал все жесты Варвары, ее интонации. И чем-то она необъяснимо напомнила ему Анну: скорее всего, тем, что у него возникло к ней доверие. Анна была умна, но чисто житейски, а культура и интересы Варвары на более высоком уровне. Именно Варвара, думал он, может разделить с ним все, чем он сейчас дышит. Особое обаяние придавала ей в его глазах профессия — историк. Видно по летучим замечаниям, что знает русскую историю, но ни разу за весь разговор не показала какого-то превосходства перед ним. Это, — сказал он себе, — возродившийся непонятно откуда тактичный и благородный стиль, какой присущ был его бабушке. Варвара держится просто. Двигается грациозно, хотя и прихрамывает. Похоже, была травма. Глаза чудесные, зеленоватые, глубокие.

Перебирая в уме впечатления дня, Варя ехала в квартиру родителей. Она снова теперь жила там, опекаемая Ганной. Родители, как планировали, уехали за границу, в Цюрих. Отец сказал: пока востребован, отказываться не будет. А мать устраивал стиль заграничной жизни. Она владела французским, немецким, выучилась и английскому, статус жены известного ученого придавал ей вес, она всегда могла войти почти в любое приличное общество, правда, только со своим мужем.

Брата Варя видела редко, Виктор что-то все время ремонтировал в квартире Ванды, украшал ее. У самой Ванды времени на это не хватало: она писала четвертый роман Дана Виткевича.

Варя осталась в одиночестве. Даже Лены нет. От своей научной работы Варя отошла, и это делало все ее дни бесцветными, слов-

но бы ожиданием чего-то. Но так жить она не могла. Рассказ Павла Глинского увлек ее. Что, если она станет помогать ему? Что, если ее поиск увенчается успехом?

Павел с надеждой повторял в уме один и тот же вопрос: неужели в лице этой милой девушки из архива он нашел себе соратника? Может быть, она как историк поможет ему? Надо расспросить поподробнее, узнать содержание фондов. Она все терпеливо выслушала и не осталась равнодушной. Возможно, их отношения будут теплее? Хотелось поскорее увидеть ее. Жаль, в архив он пойдет только через неделю.

Но пока нужно еще и еще поискать в старых бумагах. Он так и не знает фамилий возможных соучениц бабушки. Павел решил пересмотреть все открытки, какие были у мамы в альбомах. Раньше он обращал внимание только на адреса. А теперь надо почитать текст, вдруг найдет что-то важное. Он позвонил Нине Ивановне, маме нездоровилось, но он поехал.

Нина Ивановна вышла навстречу, сказала, что мама заснула. И он сразу прошел в свою комнату и достал из книжного шкафа альбом с открытками. Начинать надо с тех, которые адресовались бабушке. Бабушка умерла, когда он учился в институте, в 1981 году. Оттуда он и пошел в глубь времени. Решил ничего не пропускать. Повторялись известные ему имена. Тексты были стандартные. Попалась открытка с выражением соболезнования по поводу смерти деда в 1977 году. Подумал, что надо быть внимательным к промежутку времени между двумя смертями.

Но вот письмо, где сверху рукой, скорее всего — мамы, написан год 1982, то есть уже наверняка после смерти бабушки. Почерк твердый, не старческий. А главное, есть подпись: «Твоя Мими». Он стал читать.

Дорогая Лиза! Пишет тебе под мою диктовку Верочка, я уже почти ничего не вижу, и руки дрожат. Наверное, надо нам прощаться. Господь милостив, и мы, моля Его о милости этой, встретимся с тобой на небесах. Хочу сказать то, что сравнительно недавно узнала. Тебе это будет интересно: младшая сестра жениха Лизы Аболимовой, с которой ты была знакома, Катя, жива, ее фамилия теперь Осипова. Ну, Господь с тобой, живи для своих — для дочки и внука. Жаль только, что к храму их не удалось привести. Благослови тебя Господь. Мария Симонова (в девичестве — Кольцова-Ржевская). Твоя Мими.

Павел был рад: его настойчивость увенчалась успехом. Он нашел фамилии двух — скорее всего — институтских подруг бабушки — Аболимовой и Кольцовой. Теперь пойдет в архив не с пустыми руками. Он ждал этого понедельника, представлял, как возьмет в руки старые страницы, — и там... Но вдруг он вспомнил, что он сможет

только посмотреть, есть ли эти фамилии в компьютере, а дела надо еще выписывать из фонда. И настроение испортилось. А ждать еще несколько дней. Бездействие угнетало.

Но все же он узнал еще две фамилии — Осипова и Симонова, надо попытаться найти их среди сегодняшних жителей Петербурга.

Все эти мысли теснились, не давая уснуть.

Приехав в фирму, Павел по поводу Симоновой и Осиповой обратился к Яне, она уже знала все пути поиска фамилий. Яна на время отпуска Милы замещала ее и пока ни в чем не подвела как секретарь. «Все-таки есть у меня чутье на работников!» — похвастался сам себе Павел.

Работы хватало, он не выходил из кабинета, пока не приехал из Сертолова Вадим. А Вадим был весел. Как видно, произошло у него что-то особенное.

— Ну, что там в Сертолове? Большие успехи? — спросил Павел.

— Все нормально, — ответил Вадим, а сам сиял, как медный самовар.

— Да что с тобой? Выиграл на бегах, что ли? — Павел догадывался, что тут успехи на личном фронте.

— Мне Настя сейчас дала согласие. Я как во сне.

— Вижу, что как во сне. А сама Настя где? Когда ты с ней говорил?

— Да сейчас. По телефону.

Удивительна стала жизнь. Если сравнить медленное продвижение Павла в глубину лет, чтобы узнать судьбу одного человека, и мгновенное решение судьбы его друга по мобильному телефону — это несоизмеримо. Но и там, и там — любовь.

Варя, придя на работу, с огорчением подумала, что порадовать Глинского чертежами планов церкви сможет только через пять дней. Только через пять дней увидит она человека, который совсем не типичен как исследователь в ее скромном зале. Сюда приходят люди, словно бы припорошенные пылью или покрытые патиной. И они одеты скромно хотя бы потому, что им приходится ворочать огромные пропыленные папки, опыт работы подсказывает им удобную одежду.

Глинский в его элегантном костюме и белой рубашке, с его свободной, даже величавой, манерой держаться, сюда «не вписывался». Она думала, какая у него может быть жена. Наверное, яркая, модно одетая, ухоженная, гордая своим положением супруги такого человека. Но он-то совсем не гордый, значит, и комплексов у него нет. То ли такое верное получил в семье воспитание, то ли изжил комплексы с годами, будучи умным человеком.

По аналогии Варя вспомнились манеры Ванды. Среди своих — друзей и новых родственников — она была проста, мила, и с Витей никаких сцен до сих пор у них не происходило. А в передачах, в этих шоу, она глядела горделиво, вела себя иногда заносчиво, и все вокруг слушали ее, были подобострастны. Ванда объясняла ситуацию на телевидении психологией масс: они сами жаждут, чтобы ими помыкали, даже унижали, и ей приходится играть эту роль, которая отвратительна.

Варя однажды откровенно высказала Ванде то, что думала: почему она так гордо держится, смотрит на всех свысока? А Ванда усмехнулась: «Что ж ты хочешь — польская кровь! *Гонор польски*». А потом припомнила, как ее отец иногда восклицал: «Я — Томашевский!» И критически заметила, что причин особенно гордиться не было: если хотя бы шляхтичи были в роду, но, как ей известно, это не так, и сам он — рядовой инженер. Национальный характер — особое явление. И добавила, что с Варей-то она другая.

Варя думала о Ванде, и Ванда тут как тут — позвонила, что хочет заехать. Зная, что Ванде всегда некогда готовить, Варя попросила Ганну повкуснее накормить любимую родственницу.

Ванда выглядела не как всегда, осунулась, побледнела. Всячески отказывалась от угощения: «Я бы соку попила». А у Ганны сготовлен ее фирменный борщ. Все-таки гостя села обедать вместе с Варей. На второе предлагались котлеты по-киевски. После первого же кусочка котлеты Ванда выбежала из-за стола.

Ганна сказала: це хлопчик. Варя не сразу поняла, о чем она: сама Варя во время прошлой беременности ничего подобного не испытывала.

Ванда вернулась еще более бледная:

— Ну, вы все поняли? Очень тяжело мне. Не знаю, как работать. В студии бывает душно, всякие запахи. Прямо — хоть уходи.

Варя сказала, что если верить народным приметам, то тошнота бывает, когда мальчик, значит, надо ждать маленького Никольского. И спросила невестку:

— А ты хоть раз за это время причастилась?

Варя вспомнила себя во время беременности и все свои надежды, переживания, муки. Она тогда исповедовалась отцу Павлу. Муки физические она могла бы еще перенести, но душевные больше терпеть не станет. А для этого не отступит никогда от молитвы и причастия. И тут Варя подумала: почему она не спросила врача, кто у нее был? Если верить бабушкам, то — девочка. Если бы эта девочка осталась жить, какая бы она была? Подумать страшно! Если страшно думать о прошлом, значит, и не надо.

А теперь она будет ждать рождения племянника, отдавать ему любовь и радоваться. И еще у нее есть интересная работа — архив,

куда приходят необыкновенные люди, такие, как Глинский. Но Варя честно призналась себе: таких, как он, до сих пор не встречала. Глинский — единственный.

Глава 3

Наконец наступил день, когда Павел смог снова поехать в архив. По пути он представлял, как встретит Варвару, ее открытый, чистый взгляд. Такое впечатление, что она не интересуется мужчинами, словно она — монашка или синий чулок. Но она вполне женственна, грациозна, одета с изяществом. Совсем даже не синий чулок. Когда она говорит с ним, в ней появляется что-то особенное, но не то, что он привык замечать в женщинах при общении с собой. Даже Анна кокетничала с ним при знакомстве, правда, это ее не портило.

Охранник был тот самый, не умеющий себя вести. Народ почему-то почти отсутствовал. Предъявив пропуск, Павел тихо вошел в зал. Варвара сразу поднялась из-за компьютера. Ответила на приветствие, стараясь — он видел — сдерживать улыбку. Но не смогла скрыть радость, говоря: «Материалы по храму здесь. И мы еще с вами забыли дело Смольного за 1916 год, там общие материалы. Будете смотреть?»

На общие материалы Павел особенно не надеялся. Но он понял, что Варвара разделит еще одну его радость — по поводу найденных фамилий — Аболимовой и Кольцовой. Варя повернулась к компьютеру и нажала клавиши. Он не видел, стоя с другой стороны, что там. Она смотрела внимательно, потом произнесла: «Есть». Он подошел ближе к монитору и прочел: «Дело воспитанницы Аболимовой Елизаветы. Дело №...Опись...»

Она стала нажимать клавиши дальше, и вышло: «Дело воспитанницы Кольцовой-Ржевской Марии...» Варя повернулась к нему с улыбкой — они чувствовали одинаково.

В нем смешались разные чувства: радость от удачного поиска, радость видеть Варвару, радость оттого, что она понимает его. Они смотрели друг на друга, ничего не говоря. Наконец она, взяв себя в руки, попросила:

— Надо все эти дела заказать сегодня же, чтобы через неделю были точно. Вы по каким дням будете ходить? А сегодня посмотрите дело Смольного института за 1916 год и дело о строительстве храма. Можно сделать копию чертежей, если они там есть.

Наконец он держит папку с чертежами, разворачивает пожелтевшую бумагу, читает надпись: «План Скорбященской церкви». Вычерчено идеально, подписи и цифры — каллиграфические. Но он обращает внимание на главное — верхнюю часть храма — и видит, что пропорции на чертеже совпадают с пропорциями на его рисунке.

Да, не изменило ему чувство гармонии. Он духом своим остался архитектором. Варя смотрит на Глинского, видит сменяющееся выражение его лица — от сосредоточенного, раздумчивого — до радостного, почти детского. Он весь перед ней в своей радости — искренний, увлеченный, творческий человек. Она говорит, что копии чертежей можно будет получить в тот же день, когда поступят дела из хранилища, или раньше.

— А можно раньше? Отвезу батюшке — вот обрадуется!

Времени в обрез, пора в офис, но надо глянуть в общие материалы Смольного института за 1916 год. Он начинает смотреть — и почти сразу наталкивается на список выпускного класса. Ищет Аболимову Елизавету, не находит, зато есть Кольцова-Ржевская Мария. Никаких данных здесь о ней нет. Но и это уже немало, он показывает свой улов Варваре и благодарит. Она возражает: дело выбрал он, то есть нашел его он сам.

Павел хотел бы проводить Варю, посидеть с ней в кафе, поговорить, но он и так еле вырвался. Благодарит. Прощается. Снова благодарит.

И вот последний взгляд его синих глаз при закрывающейся двери... Варя возвращается к мыслям о его семье. Наверное, у него умная, красивая, статная жена, двое детей, мальчик и девочка. Он очень выдержанный и добрый, поэтому ссор в семье никогда не бывает. Жена часто капризничает, и он исполняет ее капризы. Если бы Варя могла с ним общаться, она бы не капризничала, а ловила каждое слово, поперек ничего бы не сказала. Ведь он — идеальный.

Через день сделают копию чертежа церкви. Удивительно, что церковь — Скорбященская, имя церкви тоже связывает Варю с ним. Она позвонит ему, что копия чертежа церкви готова. Теперь у нее есть его телефон. Но это ничего не меняет. И у него будет ее телефон после ее звонка. И это тоже ничего не меняет.

Павел получил через две недели после запроса справку о Кате Осиповой, младшей сестре жениха Лизы Аболимовой. Эти данные нашла Яна — через адресные, справочные. Осипова проживала в центре, на улице Герцена, сейчас улица называется Большая Морская. Павел отправился туда, надеясь: если она уже не здесь, то соседи помогут. Старых жильцов оставалась одна семья. У Екатерины Андреевны, как Павлу рассказали, очень хорошие внуки. Она живет вместе с ними в большой квартире на Васильевском острове, пребывая в добром здравии, будучи рождена в 1914 году. Фамилия внуков редкая — Финистовы, можно, наверное, найти их, не зная имен. Район-то известен.

Времени было в обрез, но Павел поехал по адресу Финистовых, найденному Яной. В квартире пребывала, как видно, только домработница, сказавшая по переговорному устройству: «Они во Франции». На удивленный возглас Павла: «И Екатерина Андреевна?» — ответ был — «Да».

Оставалось молить Бога, чтобы дал девяностолетней женщине здоровья и можно было с ней поговорить.

Тут же он подумал, что и маме его уже немало лет, что с каждым годом более непредсказуема реакция старого человека на любое известие. Он решил как-то исправить ложь — не затягивать сообщение о смерти Анны. Павел приехал к матери, надев черный галстук к черному костюму, привез кагор. Войдя в комнату, где Нина Ивановна накрывала стол к чаю, Павел сказал: «Мама, мы должны сегодня помянуть мою жену Анну. — Он открыл кагор и, налив по капле, подал женщинам, сам только поднял рюмку. — Царство ей небесное!» «Царство небесное! — повторила мама. — Я давно ждала этого, ты ведь говорил, что безнадежна. Да, она всегда была как-то грустна, как будто хронически больна. А какой диагноз?» «Мама! Мне тяжело об этом, потом, попозже...»

Весь этот разговор не о тех, несколько месяцев назад, а о вымышленных, якобы только что совершенных похоронах, поверг его в уныние. «Господи, помилуй!» — произнес про себя Павел.

А реальная жизнь кипит. В фирме дела как будто идут неплохо. Продукция, которую заказала фирма «Браво», готова, скоро начнут вывозить и окончательно рассчитаются.

А Вадим раза два под предлогом планирования восстановительных работ в Скорбященской церкви уезжал за город и там виделся с Настей. Но это не отражается на его работе, наоборот — он старается все делать в срок, приходит рано, ездит в Сертолово, уходит чуть раньше, чтобы успеть за город на службу — слушать ангельское пение Насти.

Павлу позвонил отец Павел: «Что с чертежами?» Павел несколько удивился его настойчивости, ведь он никогда не звонит. Но потом понял. Батюшку смущали частые приезды Вадима, он, как видно, не знал, что тот сделал Насте предложение. Разве Настя не исповедуется? Павел сказал, что завтра в архиве возьмет готовые копии и привезет.

Варя только собралась звонить Глинскому, как он появился. Она не успела позвонить. И хорошо. Он смотрел на нее, и в глазах его она замечала радость. Но эта радость — не от встречи с ней, а от чертежей, она не обольщалась. Ну, ничего, главное — она видит его. Он пришел довольно поздно, к концу работы, сейчас уйдет. А когда придет

работать с делами — она будет видеть его час или два. Вот он получает пропуск, расписывается в книге посещений. Вот оборачивается к ней, сейчас попрощается...

— Я подожду вас, если не торопитесь? На улице.

Она не показывает вида, что рада. Говорит спокойно: «Не тороплюсь».

Он уже развернулся у подъезда и ждет, открывает дверцу, помогает Варя, закрывает. Едут. Знакомым маршрутом. Такое впечатление, что оба еле переводят дух, словно перешли через что-то опасное. Он спрашивает: «К Светлане?» Она кивает: нет сил говорить. Входят в кафе. Запах жареного мяса. Она очень проголодалась.

Павел видит, что Варвара с удовольствием вдыхает запах шашлыка, и говорит, что у него аппетит, что сегодня вторник и можно заказать по шашлыку. Она на него благодарно взглядывает. Диалог у них получается странный: он — словами, она — взглядами. Но ему это не мешает, ей как будто — тоже.

Он, не спрашивая, заказывает яблочный сок, греческий салат, шашлыки. Правильно заказывает. А потом все-таки спрашивает, чай или кофе. Обоим нужен чай. Говорить по-прежнему не хочется. Он и так все знает. Может быть, он даже все-все про нее знает? Да, вот опять догадался.

— У вас уже поменьше болит нога?

— Интенсивный массаж. Да и пора. Два месяца, как произошла авария.

— Значит, авария? А что с машиной?

— Не знаю. Но водитель жив, — говорит Варя, понимая, что следующий вопрос водящего машину Глинского неминуем. Своим ответом она показывает, что водитель — человек чужой, машина чужая.

Павел чувствует, что ей неприятно об этом вспоминать, и извиняется.

— Я не об этом хотел говорить, простите. Хотел, чтобы вы разделили мою радость. Теперь я порадую батюшку. Можно будет сделать проект восстановления храма, расчет материалов, начать целевой сбор средств. Другие храмы собирают по именному кирпичику. А эти стены крепкие, можно жертвовать так: на кровлю, на главки, на кресты. Каждый выберет, что по душе.

Варя слушает его рассказ про пригородную Скорбященскую церковь, про священника, у которого пятеро детей: старшей дочери — двадцать семь, а младшей — четыре. Видит, как он загорается, говоря о младшей.

— А ваши дети какого возраста? — спрашивает она, полагая, что при любви к детям, которую не спрятать, и его зрелых годах, у него должен быть не один ребенок.

— Детей у меня нет, милая Варя, и я вдовец. Так что можете мне посочувствовать.

— Простите, я не так как-то спросила. А жалеть вас невозможно: у вас будет все, что необходимо. Не то, что — как вы думаете — вам надо, а то, что Господь даст.

Речи Варвары напомнили Павлу рассуждения отца Павла. Вправду, он в последнее время стал невольно меньше полагаться на себя. Значит, не сознавая того, полагается на волю Бога. И меньше стал думать об Анне. Пребывая в каком-то бесплотном состоянии, все мысли и чувства устремив в далекое прошлое, он как будто даже не замечал женщин. Однако это не относилось к Варваре.

Ее нельзя было не замечать: красивая, нежная и чуткая. Но то, что он чувствовал к ней, не сравнить с его былыми привязанностями. С ней хотелось как можно дольше просто находиться рядом. Можно разговаривать, а можно и молчать. Как будто им все известно друг о друге. Но ведь она не знает даже, зачем он ищет дела каких-то Аболимовой и Кольцовой-Ржевской. И он начинает объяснять, что пытается разобраться в своих предках, что от документов бабушки осталась одна ветхая справка времен революции.

Варя сочувствует ему. И говорит, что она-то про своих родных все знает. Отец — ученый, академик. Дед — учитель истории. «А прадед?» — спрашивает Глинский. Тоже учитель в селе, где-то в нынешней Калининской области, в районе Кашина. «А где?» — спрашивает Глинский. Действительно, где? Она не знает. «Неужели история — только глобальное понятие? А разве родословная своей семьи — нужное знание, уже не история?» — восклицает он.

Варя обескуражена. Правда, он серьезней смотрит на все. Какой он основательный и в то же время — романтик. Он призывает ее расспросить всех родных, пока это возможно. Если нет родных — знакомых. Он спрашивает, знает ли она фамилии всех родственников. Если не знает, надо узнать. И тут же интересуется ее фамилией.

— Никольская? — повторяет Павел. — Вполне церковная фамилия, это даже я теперь знаю. Вот наш батюшка — Троицкий. Значит, и предок его был священником. Хотите, вместе поищем тот храм, где ваш прадед служил? Как его имя? Значит, Петр Никольский. А про Скорбященскую церковь, к примеру, можно узнать? Кто в ней служил?

— Если клировые ведомости сохранились, то можно, — соглашается Варя. Ей приятно, что ему не все равно. Действительно, почему она не искала прадеда? Искать надо в Тверском архиве. Но кто станет искать? Разве что попробовать сделать запрос. Она говорит это Глинскому.

— Вам, простите, сколько лет? — вдруг спрашивает он. Она, смущаясь, отвечает. За этой цифрой — двадцать девять, — кажется ей, видна неприглядная сторона ее личной жизни, ее ужасный брак...

— Вы молоды, а выглядите еще моложе, обычно в эти годы не думают о прошлом. Потому и не интересовались прадедом. Думаю, что ваш прадед и мой дед — одних лет.

Вдруг они спохватываются, что забыли и про сок, и про салат, а им уже несут шашлык. Они набрасываются на еду, как голодные студенты. Улыбаются, стирают жир с губ и снова вгрызаются в мясо.

Но, наконец, чай. Можно еще поговорить. Он спрашивает, не возражает ли она, если он подвезет ее до самого дома, уже поздно. Она — не против.

Они остановились возле дома ее родителей. Ей не хочется выходить из машины. И он ее не торопит. Нежно берет ее за руку, молчит некоторое время, потом говорит:

— Варя, я чувствую себя вашим другом. Странная фраза? Но это так. Ничего мне не отвечайте, кроме одного: вы свободны? Ваше сердце свободно?

Она хочет что-то сказать, но он опять просит ответить только одно: оно свободно? Тогда она утвердительно наклоняет голову. А он, не выпуская ее руки, подносит ее к губам и осторожно целует.

Выходя из машины, она смотрит ему прямо в глаза и говорит: «Но я была в браке». Говорит — и быстро уходит.

А Павел едет медленно. Редкий снежок падает на стекло, растекается слезами. Но при чем тут чьи-то слезы? Сегодня хороший день.

Глава 4

Варя не может прийти в себя. Трудно поверить: он чувствует то же, что она. Именно другом чувствует. Ее совесть спокойна: она не отрывает его от семьи, он свободен. Потому и спрашивал ее так настойчиво, как человек честный. Варя сможет довериться ему почти во всем. Почти... Трудно было сказать ему о замужестве, но все должно быть сказано вовремя. Ей так не хватало взаимного доверия с достойным человеком. С Димулей было совсем не так. Детская доверчивость, и только, ведь они не знали жизни. Если бы они прожили какое-то время с ним вместе, возможно, возник бы такой же настрой чувств, как сейчас с Глинским.

Она называет его про себя — «Глинский», пока — так. Павлом Петровичем звать — не поворачивается язык. Павел — как-то сухо. Какие есть от этого имени уменьшительные? На это, конечно, надо иметь право. И все-таки какие? Павлик? — невозможно при его росте. Паша? — тоже не идет. Павлуша! — вот и отлично. Ласково, от всей души. Но она расфантазировалась совсем.

Дома она, переполненная чувствами, вошла к Ганне, обняла ее и потребовала попить с ней чаю. Ганна только рада была. Обычно Варя приходила усталая, почти не ела, рано уходила к себе.

По дороге Павел думал над этой фразой Вари: «Я была в браке». Она не сказала, как говорят все, «замужем», а использовала официальное слово. Или это, действительно, был «брак»? Но она с самого начала производила впечатление чистой души, не знавшей мужчин. Хотя умом Павел понимал, что к такому возрасту в личной жизни женщины должны произойти какие-то события. Но даже после этого признания Варя представлялась Павлу невестой на выданье, немного, правда, засидевшейся в девках. Она выглядела года на двадцать четыре, а рядом с Павлом — просто юной.

Приехав домой, Павел впервые обратил внимание на свою квартиру. Как будто завтра к нему в гости придет она. Передняя-холл — пространство без убранства. Надо бы панно какое-нибудь, зеркало, кресло, вешалку декоративную. Кухня — как кухня.

Лучшая комната — его кабинет, нет сомнения. Гостиная какая-то казенная. А ведь именно в гостиной он должен принимать ее. Размечтался! — сказал он себе с интонацией Вадима. Нет, все-таки какой-нибудь коврик надо бы к дивану бросить. К желто-коричневому дивану — зеленое пятно. Ковер с густым ворсом. Но шторы отсутствуют. Шторы надо тоже зеленые. И вазу на середину овального стола. Есть такие, причудливо изогнутые, широкие, в них каждый цветок находит себе выемку, гнездо. Надо, когда она придет, чтоб цветы стояли, белые. А когда она придет? Летом? Осенью? Неизвестно. Но детали, придуманные им, надо в интерьер внести.

Спальню он даже мыслью обходил. Надо все вещи, до которых он и дотронуться не может, перевезти к маме. Пусть Нина Ивановна разберет. Завтра же он созвонится с нею. И попросит Вадима отвезти. «Анна! Прости меня!» — произнес он в уме.

Павел, как приехал из Череповца, стал молиться перед сном ежедневно. Доставал иконку, подаренную отцом Павлом, ставил ее на полку шкафа вровень со своим ростом и читал молитвы по книге. Сегодня он подумал: надо сделать как положено, чтобы икона видна была всегда. Сказано, в правом углу надо ставить иконы. У него как раз там угловые полки. Надо все-таки посоветоваться с отцом Павлом. Завтра с утра так он и поступит, отвезя ему копии чертежей.

Варя, придя на другой день в архив, представила Глинского, как он тут стоял, как повернулся, чтобы уйти... Не скоро еще он придет снова. Он добр и умен, и прав, что напомнил ей про прадеда. Она позвонила в Тверской архив, спросив, может ли заказать справку.

Как коллега, Варя надеется на внимательное отношение. Послала по факсу запрос: «В какой церкви Кашинского уезда Тверской губернии в конце 19 — начале 20 в. служил священник Петр Никольский». Варя предполагает, что в Тверском архиве тоже уже все описи выведены на компьютер, и можно найти деда по фамилии.

День ее проходит в раздумьях и сомненьях: как ей относиться теперь к Глинскому. Рано доверять. На этом она уже обожглась. Но ведь она не собирается встречаться с ним помимо работы... А вчера — было именно «помимо». Он произнес: «Чувствую себя вашим другом» — сказано удивительно. Она чувствует себя не то что другом — родственницей, только очень боится продолжать отношения. И неизвестно, как он отнесся к ее признанию о замужестве.

Батюшку Павел застал в Казанской церкви задолго до начала службы, он еще не ушел в алтарь, а находился в своей маленькой комнатке при церкви. Опять в руках у Павла была папка, священник все понял и достал из шкафчика другую папку — с рисунками Павла. Когда листы сравнили, создалось впечатление, что церковь не воссоздана воображением Павла, а нарисована с натуры. План из архива — словно бы и есть проект этой церкви. Отец Павел только и сказал: «Ну и ну!»

И был у Павла к священнику вопрос: разве Вадим как-то не так поступает? Вадим за шестнадцать лет, как знает его Павел, в первый раз говорит о законном браке. Тут все честно. Притом, что Настя сказала «да», она без венчания жить не станет. Но венчание, как известно, без регистрации брака не совершают.

Отец Павел посетовал, что Анастасия давно уже не была у исповеди. И тоже спросил: «А ты, Паша?» Павел хотел посоветоваться, он так и сказал. Но все события еще впереди. «Смотри не опоздай! Приходи пораньше», — предупредил батюшка. У него Павел узнал, где лучше всего делают домашние иконостасы и уголки для икон.

В офис Павел собирался пойти после обеда. Утром поехал в мастерскую. Мастерская находилась рядом с иконной лавкой Павел сначала зашел туда и увидел поразивший его образ Христа. Христос изображен был на полотнище и смотрел на Павла тепло, словно прощая его. «Это — Спас Нерукотворный, но дорогой, потому что написан красками. Продается вместе с киотом», — сказала продавец. Глазомер подсказал Павлу, что образ можно поместить в кабинете на угловой стеллаж. Павел видел давно в чьем-то доме икону, стоящую среди безделушек и фотографий на полке в серванте. Его, крещеного, хотя и не знавшего тонкостей православного быта, такое неуважение резануло тогда по сердцу. У себя дома в кабинете место на стеллаже он освободил заранее, как будто знал, что именно этот образ встретится

ему. А для образа Христа, подаренного бабушкой, Павел выбрал киот с широким обрамлением, который можно было поставить на стол, как иные ставят фотографии родных. Но кто родней для сердца православного, чем Господь? — произнес Павел про себя где-то прочитанную фразу.

Рядом он увидел магазин православной книги, не мог не зайти. Полгода он не покупал книг. А тут, как по заказу, увидел большой том: «Храмы Тверской земли». Раскрыл — книга скорее об архитектуре храмов, чем об истории, но не может не понравиться Варе. Купил два экземпляра — ей и себе, а сам подумал: «Ведь мы все равно будем вместе, зачем два?»

Обратил внимание еще на одну книгу. В черной суперобложке, изданная в Твери, она содержала имена священников, которые были репрессированы — заключены в тюрьмы, расстреляны. Том седьмой — справочный. Сами сведения о мучениках — в остальных шести томах.

Павел почему-то решил поискать фамилию Никольский. Никольских было имен десять. И — что подсказало? — среди них Петр, служивший в селе Никольском-Благом под Кашином. Никакой не сельский учитель Варин прадед, а протоиерей и законоучитель. Даже те, кто знал про его судьбу, как видно, молчали. Лишнего тогда не принято было говорить. Потому и правнучка, историк, не знает. Как хорошо, что он раскрыл эту книгу: теперь Варвара захочет начать поиски. А ведь и думать не могла о таком. Для скольких еще русских людей навсегда оборвались эти нити родства! Он-то еще надеется разыскать своих. Теперь Павлу надо найти тот том издания, где все подробно про Петра Никольского написано, и порадовать, и опечалить его правнучку. Этот мученик — причислен к лику святых. Невероятно! А поиск подробностей его жизни и смерти совпадет с днями Великого поста.

Ничего не найдя в Интернете, Павел не поленился позвонить, а потом — заехать в Публичную библиотеку, как он продолжал ее называть. Из нужного тома он сделал копию. В протоколе допроса записаны честным секретарем бесчестного суда слова, что заявил в лицо судьям несправедным Петр Никольский. Он считает эту власть безбожной, потому признать такую власть не может. Ведь он служит Богу и всегда будет Ему служить. Речь смелая. Но вне зависимости от нее отца Петра бы расстреляли. Оказывается, был план расстрелять определенное число священнослужителей к концу года. Некоторые районы даже перевыполняли план. Отца Петра расстреляли 29 декабря 1937 года в городе Кашине.

В удрученном настроении вернулся Павел в офис. Наконец Павел с Вадимом собрались поговорить о работе и о жизни. В последнее

время фирма еле дышала. Новых договоров не было. Павел извел почти все свои личные свободные ресурсы. Вадим, потратившийся на вольную жизнь за границей, — тоже. Оставались только средства, лежащие у каждого в банке, заработанные года два назад на одной спекуляции с металлом. Средства эти друзья трогать не хотели, они давали проценты, которых хватало на очень скромную жизнь одиноких мужчин. Но в планах Вадима была женитьба, и он стал проявлять инициативу.

Вадим, встречаясь в выходные дни с Анастасией, не только посещал храм и слушал ее пение. Он уже побывал в доме ее родителей, познакомился с ними и понравился им, поговорил с ее отцом.

— Виталий Александрович — крепкий мужик, у него много знакомых в правительстве области, — с удовольствием рассказывал Вадим. — Дом у них, правда, не очень современный — наследство мамы. Отцу бы хотелось что-то сделать для дочки: расширить дом, перестроить. Первый муж ее, певец, ему никогда не нравился, а я подошел по всем статьям. Я рассказал ему про «Монолит», про свою долю в нем, сказал, что машину мою он видит, а в Питере у меня современная благоустроенная квартира, пока двухкомнатная. Стали мы с ним думать о делах. Я обещал поговорить с тобой. Ну, думаю, ты одобришь. Ты не хочешь оживить фирму?

Павел именно об этом все время думал, но ничего не подвертывалось. Сейчас пришло время задействовать вложенное с самого начала, но не реализованное фирмой дело — строительство. Поселок, где живет семья Богатыревых, скоро расширится за счет продажи новых участков земли. Будет вестись строительство коттеджей. Их фирме надо вовремя стать главным застройщиком, понравиться своими предложениями.

— Возьмем двух ребят, молодых архитекторов, пусть оформят проекты, — подхватил идею Павел. — Распечатаем картинки в рекламных газетах.

— Для части домов придется использовать более дешевые материалы, готовые панели, чтобы привлечь ценой. Важно, что рабочие руки найдутся на месте. Занятость местного народа — это уже пункт для программы депутата, тогда и он поддержит. И Богатырев одобрит, он — патриот поселка.

— И надо продвигать идею экологически чистого строительства. Тоже — пункт программы. Там неплохая природа, есть речка. Молодого архитектора, у которого больше фантазии, поставим на VIP-проекты. Я войду в курс дела, новых идей, стану контролировать.

Решили вместе съездить в поселок, повидаться с Богатыревым и посетить храм. Кстати, восстановление храма сделает привлекательным общий вид поселка.

— Что же ты к отцу Павлу не зайдешь? — укорил друга Павел. — И Анастасия ничего ему не говорит. А народ видит ваши отношения, может плохо подумать. Не надо людей в грех вводить.

— Согласен, — ответил Вадим. — Это мы исправим.

Глава 5

Варя знала, что ей пора на исповедь. Душа жаждала поддержки.

Пошла в субботу. Начала говорить, как положено, называя только грехи, без подробностей: давно не была в храме и на исповеди — больше месяца, унывала, осуждала в помыслах, не уповала на Господа, предавалась мечтаниям.

Отец Павел допустил к причастию — благословил и тут же спросил:

— Что-то хочешь спросить, дочка? Я слушаю.

— Вы помните, батюшка, что со мной было, как я с мужем в грехе жила. И вдруг появляется человек, который начинает мне очень нравиться, совсем по-иному. Он вдовец, детей нет, старше меня больше чем на десять лет. Кажется, я ему тоже нравлюсь. Я думала, что ни на кого уже не посмотрю. А этот человек умный, интересный. Бывает в храме, хотя не очень воцерковлен, но он собирается восстанавливать церковь в области, всей душой этим занят. У меня двойственность какая-то. Во-первых, иногда боюсь доверять. Во-вторых, не знаю, могу ли я рассчитывать на чье-то доброе отношение, ведь я такая грешная, а он — человек честный. Если он узнает, как я жила, он отвернется, и мне будет очень больно, выходит, я его обманула. Так, может быть, надо все оборвать как можно скорей?

— Твой грех, Варвара, в твоём браке был, он в том, что поспешила, не рассудила как следует, но ты в нём уже покаялась, и я за тебя молился. Надо будет — ещё усердней станем молиться. Скажи мне, а ты этого человека не завлекаешь?

— Отец Павел, да упаси Господи! Я так не умею. Но как только мы стали разговаривать, мы поняли, что очень похожи в мыслях. И он мне сказал: «Я чувствую себя вашим другом». А я, отец Павел, чувствую себя его родным человеком — сестрой, наверно.

— Когда с молитвой да с причащением, все будет правильно. Да поможет тебе Господь! — сказал батюшка, ещё раз благословляя.

Варя успокоилась. Субботу провела безмятежно.

Но в воскресенье стала думать: Глинский, возможно, не знает, что архив закрыт в последнюю неделю месяца. Конец февраля как раз весь пропадает: с 22-го по 28-е. Надо позвонить ему, чтобы зря не ездил, приходил через неделю.

Павел погрузился в работу, стал реализовывать планы. Обратился к работающим по профилю однокурсникам, чтобы порекомендовали молодых достойных архитекторов. Если у них нет места для работы — потесним инженеров в офисе, у них сейчас меньше дел. А сам подумал: может, лучше конкурс объявить — на типовой коттедж двух вариантов — целиком кирпичный и с частичным применением дерева?

И тут зазвонил мобильник. И это была Варя. Он не верил своим ушам. Она напоминала, что на следующей неделе архив закрыт, и ему надо прийти в четверг на последующей неделе. Столько ждать он не мог. Он не дал ей прекратить разговор и быстро спросил, как она намеревается провести Масленицу. Если у нее планов нет, он приглашает ее покататься — не на тройке, к сожалению, — на машине и объесться блинами. Варя молчала. Павел позвал: «Варвара Алексеевна! Что вы молчите?» «Я думаю», — ответила она. «И каков ответ?» «А когда и куда?» — недоверчиво прозвучал ее голос. «В субботу, к “Станционному зрителю”. Это далековато, но там будут широко праздновать Масленицу. И я за вами заеду». «Хорошо. Я смогу в час дня», — уже оптимистичнее согласилась она.

Павел был доволен: у него остался номер ее телефона.

— Уже почти весна. Вы любите весну? — спросил Павел по дороге. Варя не могла забыть, как он провожал ее в прошлый раз, как поцеловал руку. Наверное, она должна сейчас дать понять, что тоже расположена к нему. Но как? И она только сказала, что любит, очень любит осень, что она родилась в конце августа и потому любит.

Они ехали в сторону Выры.

— А какого числа? Я тоже в конце, но сентября. — Павел назвал дату и сразу подумал о смерти Анны, она не позволяла себя забыть.

— Я — двадцать девятого августа. Мне это в школе всегда не нравилось. Надо отмечать день рождения, но не все еще собрались, и эта суматоха перед началом занятий...

Разговор был несколько напряжен. Она молчала. Вдруг Павлу показалось, будто что-то ушло безвозвратно, — что незримо присутствовало при прощании их в машине. Этого он не мог допустить. Что он неправильного сделал?

Варя сожалела, что поехала. Ей не по себе. Не хотелось сидеть в машине — она не видела его. Чтобы видеть его, надо повернуться, но ехать так неудобно.

Разговор иссяк. Они уже проезжали какие-то интересные пейзажные места, и Варя стала смотреть по сторонам.

— Вы словно сердитесь на меня. Что я неправильно сделал? Чем обидел? Или я просто уже в таком возрасте, что не понимаю

молодежь? Но у меня в фирме бывают корпоративы, и молодые меня понимают.

Варю словно что-то кольнуло при его словах о молодых. Неужели она ревнует? Она представила, как всякие модные, покрашенные современные девчонки лет по двадцать так и вьются вокруг Глинского. Это не шло ему, он среди этих воображаемых девчонок смотрелся, подобно Гулливеру среди лилипутов. Ей стало смешно, но она подавила смешок.

— Считаете, что не могу понять?

— Нет, просто у меня воображение разыгралось, и я представила, как множество девиц водит вокруг вас хоровод.

— Что ж, вполне в духе Масленицы: водят хоровод, а потом сжигают.

— Ну, я этого не допущу, — перекрестилась Варя, ей показалось, что она видит его в последний раз, что теряет его. Разве может кто-то, кто нам необходим, гореть или тонуть? Да, он ей необходим. И тут же вся неловкость улетучилась. «Как странно, — подумала она, — от чего все зависит? Что за подспудные настроения возникают и чуть не ссорят людей между собой?» — Я не допущу, чтобы мы поссорились непонятно из-за чего, — закончила она мысль с иной интонацией.

— Ну, слава Богу, а то я не знал, что и подумать. Сейчас приедем, поглядим, как люди веселятся. Я так занят всегда, вижу многих людей, это тоже своего рода хоровод — хоровод дел.

Они въезжали на территорию, отведенную под гулянье. Там и сям виднелись соломенные чучела, толпа народа. Огромная очередь стояла в надежде покататься на тройке. Ходили какие-то персонажи на ходулях. Толстые, словно обложенные подушками, женщины продавали баранки, сбитень, пирожки. «Баранки! Баранки!» — кричали они. «А кому сбитень?» «Кому пирожки с брусничкой?» Варе сразу всего этого захотелось. Но до блинов они еще не добрались. Надо было выйти из машины.

И только Варя вышла — столкнулась с женщиной, опирающейся на палку. Да это же Ганна!

— Ганна, ты здесь! — обрадовалась Варя. Ее мучила мысль, что она оставила Ганну дома одну. И вот она здесь, все хорошо. Ганна смотрела смущенно. И вдруг к Ганне, не заметив Варю, подошла Ванда, и Варе стало понятно: брат «пасет» ее. Ванда растерялась, она не ожидала встречи с Варей. А Варя оглянулась — где Глинский. Он специально отошел и как будто что-то разглядывал, стоя у переносной витрины, а сам смотрел на Варю.

Павел, как только увидел женщину с палкой, вспомнил Казанскую церковь вскоре после Рождества. Значит, та девушка в норковой шубке — Варя? Он тогда обратил внимание, как шла она, изящно при-

поднимая пред собой голубое платье. И эту шатенку, что появилась сейчас, вспомнил — тогда всю в жемчугах, невесту. А вот и жених. Варя не то растеряна, не то сердита на него. Павел хотел подойти. Варя сама позвала.

— Павел Петрович, где вы? — будто не видела, где. Павел приблизился. Представился: Павел. «Жених» тоже представился и представил остальных.

— Виктор, брат Варвары. Моя жена Ванда. Наша родная няня Ганна... Николаевна, — неуверенно проговорил он.

— Миколаевна, Миколаевна, — подтвердила, улыбаясь, украинка.

Варя стояла, словно бы обиженная, одинокая. Павлу хотелось быть поближе к ней, защитить. От кого? Он не знал. Он подошел сколь возможно близко. А брат Вари бодро объявил:

— Коли нас собралась неожиданно такая хорошая компания, предлагаю пойти есть блины — они там, в большом красном шатре. Сейчас я вас догоню, только проверю машину.

Павел проследил взглядом, куда пошел Виктор, — к черно-синей новенькой «хонде». Эту «хонду» он видел всю дорогу от самого дома Вари. Ему стало понятно: брат опекает сестру.

Варя все еще выглядела одинокой, и Павел решил — шагнул и поддержал ее под локоть. Она не возразила: асфальта вокруг не было, попадались неровности. Няня и невестка Вари шли под руку.

Павел с удовлетворением отметил, что здесь шатры, торговые палатки, переносные прилавки, столики, скамьи — все сделано его фирмой. И в шатре-блинной — тоже все было обставлено заключившей с ними договор фирмой «Браво». Очень своевременно филиал из Сертолова поторопился с выпуском партии изделий.

Они расселись за длинным столом, а Павел с Виктором пошли к поварам заказывать и получать блины и начинку. Взяли и сбитень, и чай. Павел стал платить, но Виктор спокойно сказал, что позволит ему заплатить только за его даму. Красиво выразился.

У всех разыгрался аппетит. В одежде есть было неудобно. Павлу доставляло удовольствие помогать Варе, передавать то икру, то сметану. Она не дотягивалась до середины стола. Общая трапеза сблизила, внесла какое-то веселье. А на молодых супругов приятно было смотреть, они разве что не ворковали. Брат Вари пришелся Павлу по душе. Такие решительные парни ему нравились. Конечно, по возрасту в сыновья Павлу он не годился, но как младший брат — подходил. Несмотря на принципиальность брата Вари, Павлу захотелось угостить дам чем-нибудь особенным. Отойдя к отдельному прилавку, он заказал пунш, и они очень вовремя вспомнили Пушкина: «И пунша пламень огневой». Но угоститься согласились только

Варя и Ганна. А Павлу это и надо было — порадовать ее. Няня Ганна заметно разделяла радость своих питомцев. Ванда тоже была мила, но по-современному напориста.

— А я, Варечка, почти ушла в творческий отпуск, муж настоял. На студии станут крутить мои старые передачи и изучать «отдаленные результаты», как говорят медики, но в юридическом плане. Я свяжусь с героями моих передач, кто-то, возможно, придет на студию. Знаешь, кому я поручаю вести свое шоу? Никогда не догадаешься! Володе!

— Как хорошо! Я рада. А то он, мне казалось, слишком увлекся оперативной работой. Говорил, что это — его призвание. Но диапазон его личности — шире.

Павел ревниво подумал: о ком это она с таким знанием этой личности? Но никаких разъясняющих фраз не последовало.

Когда они вышли из блинной, их атаковал смуглый человек с антрацитовыми глазами. В одной руке он держал пластмассовый полузакрытый кубик, как для лотереи, а на другой — сидел попугай, привязанный за лапку. Смуглый обещал, что за пятьдесят рублей, каждый при помощи попугая найдет свое счастье. Дешевое счастье! Ванда, Ганна и Виктор поддались гипнотическому взгляду. Смеясь, брали у птицы свернутые записочки, читали и снова смеялись.

Варя — как глянула — будто что-то страшное вспомнила и сказала Павлу тихо:

— Идемте скорей, пока они там веселятся... Едемте домой, прошу вас! — И быстро двинулась в сторону машины.

Павел только рад был, он подхватил ее под руку, и через пять минут они уже ехали в бледных мартовских сумерках.

Глава 6

Варе сделалось не по себе сразу, при виде глаз гадателя с попугаем. Поспешив домой, она долго молилась у себя в комнате. Потом позвонила Владимиру. Он сразу откликнулся, сказав, что с удовольствием заедет. Варя зашла к Ганне, которая смотрела в кухне телевизор, попросила испечь блинов для Володи. Ганна всегда жалела Володю, мол, его и накормить-то некому, и сейчас сразу принялась за работу.

— Ну, как тебе Павел Петрович? — Варя доверяла чутью няни.

— Гарный, дуже гарный, — Ганна всегда переходила на украинский, когда давала кому-нибудь характеристику.

— Гарный-то гарный, но как он тебе как человек?

— Чоловик добрый, щирый, — только и сказала Ганна.

Но вот раздался звонок снизу. Приехал Володя. Варя была рада ему, не виделись больше месяца.

— Ну что, сестренка? — сказал он и расцеловал Варю в обе щеки. — Как твоя архивная жизнь? — Варя заметила что-то новое

в нем. Какую-то веселость, бодрость. Прежде он бывал с ней серьезным и озабоченным.

— Сегодня за городом мне показалось, что встретила экстрасенса, который воздействовал тогда на меня гипнозом. Потому я и позволила.

— Этот вопрос закрыт, я наведу справки. Не волнуйся. Но теперь мне придется заниматься совсем другими делами.

— Ванда сказала, что ты поведешь ее шоу. Тебе интересно?

— Не так уж интересно, но надо друзьям помогать. Да и время у меня появилось свободное. Я ведь закончил расследование дела об одном брачном аферисте, тебе известном. Теперь он не станет тебе мешать. Я припер его в угол фактами, доказательствами. Мне надо было, чтобы он подал на развод, отказался от претензий на твою квартиру, это все на днях оформят. Ты немного поторопилась, позвав меня, я хотел сделать тебе сюрприз к Пасхе. Машину, посоветовавшись с Виктором, мы аферисту пока оставили. Или забрать?

— Я на ней все равно ездить не буду и жить там не буду, порог не переступлю.

— Сможешь продать и купишь что захочешь. Не век же тебе родительской дочкой тут пребывать. Теперь на него заведено дело по фактам подобных походов за Уралом. У него не один паспорт был. А там обманутая женщина — злая, как фурия. Найдя его, теперь не выпустит. Он ее, дуру, можно сказать, по миру пустил. У нее и фирма имелась.

Все это Володя говорил, поглощая блин за блином: блин с икрой, блин со сметаной, потом с медом и начинал сначала. Видно, все силы потратил на расследование. Наконец, повернувшись в сторону Ганны и благодарно взглянув, приложил руку к сердцу, не в силах говорить. Потом, отхлебнув чаю, сказал Варя:

— Мне твои родители прислали премию за благополучное решение дела — помогают купить новую машину, старую я продаю.

— И ничего вы мне с Витей не говорили. Жаль, я очень волновалась, а временами впадала в панику. Мне нечего опасаться? Точно? Он где?

— Ему теперь не до тебя. А машину мы ему специально оставили, радиомаячок к ней пристроили. Так что всегда знаем, где он.

К счастью, Володя в этот вечер о чувствах своих не заговаривал. Слава Богу, его влюбленность, которую он, скорее всего, выдумал, прошла. Может быть, нашел себе девушку?

Вот она, Варя, кажется, нашла своего человека, но он не знает, что она его нашла.

Варя долго не могла заснуть на любимом диване. Протянув руку, достала наугад книгу и так же — наугад — раскрыла ее. В школе под-

руги так гадали. Сейчас перед Варей оказались чьи-то стихи, которых она не помнила.

И сегодня любовь зовет...
И от радости тает снег,
Если брови твои — вразлет,
Если чувства мои — в разбег.

Дай немножечко порулю
В направлении грешных нег!..
Не скрываю, что я люблю
Этот вешний автопробег.

Это было для нее и о ней, точно передавало и какие-то подробности сегодняшнего дня, и ее состояние. Но о будущем в стихах не говорилось ни слова.

День для Павла был удачен: он был рядом с Варей и познакомился с ее братом, знает номер его телефона. Правда, родителей неизвестно когда увидит, но уже по брату ясно, какова семья. Есть у него чувство собственного достоинства, а хамства точно нет.

У Анны родители умерли рано, с братом ее Павел в первый раз встретился только после ее смерти. Человек он неплохой, но простоват, по мнению Павла, не хватает ему культуры. Хотя у кого она сегодня в избытке? Женщины в быту более пластичны, умеют применяться к обстановке. Помалкивают, когда не знают, что говорить, приглядываются к среде, учатся.

Анна всегда старалась ему соответствовать. Но уже после женитьбы, когда стали жить под одним кровом, он начал замечать у нее какие-то черточки, которые его шокировали. Она мало читала и всегда загибала страницы. Одним и тем же полотенцем вытирала и посуду, и руки. Никогда не стелила скатерть, если не было гостей. Забывала класть ложку для сахара, а если не забывала, то потом окунала ее в свой чай, и сахар противно налипал и застывал. Этих мелочей набралось за семь лет их жизни достаточно. Он деликатно говорил, что не привык так. Она смеялась и просила его не быть занудой.

А через два года жизни раз в полгода у нее начались периоды замкнутости, какой-то прострации, она на неделю закрывалась в спальне, отправляя его ночевать на диван. Брала отпуск за свой счет или бюллетень, ходила в халате, не разговаривала, правда, попросив не обращать на нее внимания.

Вспоминая сейчас жизнь с Анной, Павел подумал, не тиранил ли он свою жену. Потому, наверное, в наказание она от него периодически

отгораживалась. Остальные люди живут, не придавая мелочам значения. Но он так был воспитан, знал, что правила этикета — не глупость, а веками выработанные полезные действия. Почему нужно хлеб, лежащий на твоей тарелке, отламывать по кусочку, а не кусать от целого куска? — потому что неудобно и потому что сотрапезникам неприятно на это смотреть, как на заокеанскую рекламу, когда ее «герой», как животное, рвет зубами гамбургер... Что тут скажешь? Хамство.

Павлу пришлось по душе манеры Вари, все в ней было гармонично и естественно. А он эстет, и для него это важно. Возможно, ему трудно угодить. Впрочем, жены и не старались. Никто не старался, кроме мамы. Но мама и он — люди, воспитанные бабушкой. Варя была похожа на «его» женщин, словно принадлежала, как бы сказали раньше, к его кругу. Хотя после семнадцатого года ни о каких «кругах» говорить не приходилось.

Как хорошо они с Варей сидели сегодня за общим столом! Она выглядела оживленной. Но когда Павел с ней прощался, настроение ее изменилось. И причиной, пожалуй, стал человек с попугаем.

Посреди недели над Варей грянул гром. Ее посылали на курсы усовершенствования молодых работников архивов в Москву на целый месяц. Плохо то, что Пасху она проведет вне дома. Варя позвонила маме, не собирается ли она на Пасху в Петербург, и узнала, что и она в это время будет в Москве на юбилее своей подруги. Отца она не упоминала, но он всегда при ней. Уловив уныние в голосе дочери, мама сказала, что они наконец-то смогут поговорить, пожив в гостях в особняке у ее подруги-юбилярши. Но Варя знала, что за все время едва ли час побудут они вместе. Зато с отцом поговорить ей удастся.

Отъезд Вари намечался через три недели. А потом она целый месяц не сможет видеть Глинского, это ее удручало, хотя вообще-то виделись они всего четыре раза в жизни. Глинскому предстоит прийти в следующий четверг, его ждут два дела смолянок — Аболимовой и Кольцовой. Варя, думая о них, слишком переживает, как о своих близких, но они Павлу не родственницы. Кстати, надо переспросить имя и отчество его деда-офицера. Все фамилии, имена и даже отчества в памяти Вари отпечатывались надолго, если не навсегда, и в определенный момент нужные нити сами в уме соединялись, и приходило верное решение поиска.

Курсы работников архивов дадут возможность посетить все главные хранилища документов Москвы. Не ФСБ, конечно. Если Варя сумеет, она поищет дело деда Глинского. Он — офицер, должен остаться его формулярный список в полку, где служил, и в училище,

где учился. Документы хранятся в Военно-историческом архиве. Могли их изъять при расследовании «антигосударственного заговора», участие в котором приписали Глинскому. Но, Бог даст, остались.

Почему до сих пор она не посмотрела в своем архиве? Да, военных дел здесь нет, но Глинские жили в Петербурге, и юноша должен был где-то учиться. Адрес или адреса можно проверить даже в справочнике «Весь Петербург» или «Весь Петроград». Однако Глинскому о предках известно очень мало. Точно знает, что вся фамилия — потомственные военные: отец — дед — прадед. А о предках матери он что-то недоговаривает. Придет время — скажет, если пожелает. Варя посмотрела в компьютере архива: есть дело студента Сергея Глинского, оно в фонде университета. Сейчас она закажет дело из фонда — для себя. И завтра, если попросит хорошо, ей дадут дело, и она использует время обеда, чтобы посмотреть документы и выписать все, что надо.

Павла захватила идея развития нового направления работы фирмы. К тому же, любя красивые ландшафты, он уже предвкушал, как можно будет привязать коттеджи к перепадам высоты участков, к извилистому руслу речки, к пятнам леса по краям площади под застройку. Вадим хотя и готовится к свадьбе, но увлекся работой.

Пока много времени у него занимала возня с бумагами.

В фирме появились присланные друзьями Павла два молодых архитектора. Павел побеседовал с ними и остался доволен. Особенно понравился своим умом русский уроженец Молдавии загорелый блондин Максим Герасимов, в нем чувствовалась энергия южного солнца. Как видно, то же в нем приглянулось и Яне. И не раз уже во время обеденного перерыва Павел видел молодых людей беседующих в холле.

Максим закончил университет, был полон новых идей. Через неделю работы уже выдвинул несколько здравых, практичных мыслей по общей планировке коттеджного поселка.

А отец Павел беспокоится о покупке стройматериалов. Один из прихожан Казанской церкви собирается пожертвовать на храм, хочет поселиться неподалеку. Уже зная про участки, мечтает возвести дом одного архитектурного стиля с храмом, заказав Павлу проект дома. Однако что-то подсказывает Павлу, что не надо этого заказа. Ему рассказали, что в соседнем приходе батюшка принял помощь от богатого — и этот человек пытается чуть ли благочинного собой подменить: диктует батюшке, что и как надо.

«У богатых — свои причуды» — верно сказано. Но так и Вадим теперь шутит над Павлом, узнав, что тот решил строить дом на давно приобретенной здесь земле. Купить крупным оптом кирпич для себя

и для храма Павел уже договорился и поставил на продажу второй участок.

«Что это ты развил такую бурную деятельность? Гнездо строишь? — спрашивал себя Павел. — А где орлица или голубица? Кого и когда еще Бог пошлет? Или уже прислал и ее зовут Варвара? Так она еще даже и не догадывается о твоих, неясных и тебе, планах».

Обломки старого гнезда остро ранят и мешают жить. Вадим по его просьбе перевозил постепенно из квартиры Павла кофры и чемоданы Анны и передавал их Нине Ивановне, которая их разбирала, раздавая вещи по общежитиям в дальние районы. Наконец в комнате не осталось ничего. Что за чувство владело Павлом, когда он даже дверь боялся открыть? Ведь Анна ни разу не зашла сюда. Но сейчас ему полегчало. От самих вещей, что ли, исходила какая-то определенная inferнальная сила, действующая на него угнетающе? Какая сила? Уж точно — не ангельская. Наверное, надо освятить квартиру?

За время общения с отцом Павлом и посещения церкви Павел как-то изменился, он сам это чувствовал. В него вошло понимание основных, необходимых для православного человека правил. И это понимание постепенно переходило в необходимость.

Если он хотя б раз в день не помолился, ему становилось не по себе. Крест он, конечно, не снимал — тот самый, простой, на простом шнурочке, что когда-то в машине дал ему отец Павел. Стал заглядывать в церковный календарь, который повесил над столом в кухне. Про пост он иногда забывал, и сегодня, вдруг очнувшись, спохватился: не нарушил ли.

Ему легче было бы вести тот образ жизни, какой в идеале он принимал, если бы рядом с ним жил верующий человек. Павел теперь понимал, кто перед ним — верующий, кто — нет. Просто глядя на человека, пообщавшись с ним пять минут... Вадим, например, был не безнадежен, но пока еще только шел к вере. Да и сам Павел делал только первые шаги.

И тут приходили тяжелые мысли о матери. Дед с его верой в Октябрь воспитал ее так, как считал правильным. Она, только в последние месяцы поддаваясь спокойной доброте Нины Ивановны, прекратила повторять дедовы сентенции, провозглашать его лозунги. Павел вспомнил, что колдун или ведьма, умирая, должны передать кому-то свою силу. Случай с дедом и мамой очень напоминал мистическую передачу такой темной силы. В маминой комнате по-прежнему не было иконы, и это уж была полностью вина Павла.

Павел, заезжая к матери, видел ее — то перед телевизором, то за пасьянсом, с книгой — тоже. Книги она читала всю жизнь. Но теперь пора уже хоть житие святого раскрыть, однако она к жи-

тиям не тянулась. И это была вина Павла. Надо всегда приносить ей то, что прочитал сам.

Пост Павел держал, и можно пойти завтра на исповедь и к причастию в Казанскую церковь. Каноны Павел прочитал и Последование. Был бы только отец Павел. Он вошел в храм и увидел своего батюшку, исповедующего последнюю из ожидавших прихожанок. Павел шагнул к аналою.

Исповедавшись, как положено, получив отпущение грехов, Павел глянул в такие понимающие глаза священника.

— Отец Павел, вы знаете мою Анну, она обманывала меня, и я ее простил. Еще год не прошел, а я встретил чудесную девушку и жду только срока. Чувствую, что девушка — чистая душа, и она ко мне расположена, но что-то ей мешает, и что-то мешает быть со мной откровенной. У нее случилась какая-то авария и травма, что, как я понимаю, стало и травмой душевной. Но я не хочу больше никаких тайн и обманов. Спрашивать ее, я чувствую, не нужно. Что делать, отец Павел?

— Спрашивать не нужно. Время придет — сама расскажет. А ей можно доверять. Новых обманов в твоей жизни не будет. И, даст Бог, поженитесь скоро.

Глава 7

— Я понял, что устал, — в таком доверительном тоне отец говорил с Варей впервые — словно с человеком своего поколения. С кем бы мог он еще говорить? Не с мамой же! Она умела только пропеть-процebetать: «Бедненький мой Алешечка! Дай поцелую! Дай помассирую спинку!» Смотря сейчас на отца, Варя видела не какого-то хорошо одетого, немного утомленного европейца, а родного, стареющего работягу-папу с затаенной тревогой в глазах. А он продолжал:

— Нет, не от работы устал — от монотонности жизни, от внешней ее устроенности, стерильности, безэмоциональности. И я решил: в нынешнем году отпуск — никаких Ницц и Канар. Если ты меня поддержишь и поедешь с нами, Варюша, это будет наша Тверская губерния. У меня там дружок школьный остался, он в результате аварии давно стал инвалидом, не работает, но хозяйствовать может. Я ему полностью доверяю. Он все эти годы следил за моим родным домом. Друг мне помогал, а я — ему. Мы с ним по Интернету переписываемся. Я получал от него фотографии, решал, что надо ремонтировать, а потом — видел фото уже после ремонта. Места там достаточно, дом с пристройкой, в позапрошлом веке построен. Приедем, и в июле — августе я с другом буду рыбачить, ездить в лес за грибами на его стареньких «жигулях». На Витьку я не рассчитываю, не поедет. А маме придется готовить и убирать. Надо же ей вспомнить,

наконец, что она женщина, русская женщина. Да и ты со своей наукой совсем белоручкой выросла, может, чему и научишься, занимаясь хозяйством. Глядишь, пригодится, если замуж выйдешь за приличного человека, а не за какого-то...

Варя с упреком посмотрела на отца, хотя упрекать должна была только себя, и спросила:

— Папа, ты как считаешь, может ли женщина моего возраста выйти замуж за мужчину, которому за сорок? Если четырнадцать лет разницы?

— Ты мне его покажи, и я тебе отвечу.

Варя рада была бы увидеть сейчас Павла, теперь она называла Глинского в мыслях по имени. Где он, что делает? Она вообще ничего не знает про него, хотя отыскала кое-что про его деда. Рассказ отца о том, что бабушкин дом цел, идея его туда поехать и пожить порадовали ее. Тверская земля не так далеко от Петербурга, не будет угнетать расстояние. Она имела в виду расстояние до Павла. Сама не понимая, как это случилось, Варя стала теперь свою жизнь соотносить с жизнью Павла. Мысль, что можно быстро уехать, приехать, увидеть, даже не увидеть, а знать, что он не так далеко, создаст совсем другое настроение.

Сейчас в Москве Варя казалась себе на тысячи километров удаленной от Павла. Позвонил бы! Может быть, в Пасху он и вспомнит. Если нет, она сама позвонит: ведь должна же она его поздравить и порадовать добытыми в архиве сведениями. Так она уговаривала себя, но на душе было пасмурно. В душе мелькали неясные чувства, в голове — обрывки мыслей. Неожиданно стали складываться строки. Взяв карандаш и записную книжку, Варя начала записывать эти обрывки. Получились стихи о любви.

Нет тебя возле меня.
Нет ни ночи, нет ни дня —
Чтобы я не тосковала...
А надежд на встречу мало...
Нет меня возле тебя...
Где ты? С кем ты, не любя?..
Для кого синеют очи?..
Без тебя — ни дня, ни ночи.

Павел выехал в среду, рано, почти ночью. Не позавтракал, выезжая, и теперь примеривался, где бы на трассе выбрать кафе поприличнее. Приглянулось одно в виде избушки. На стоянке рядом легковых машин было немного, Павел легко нашел место поставить

«тойоту». На крылечке стояли и курили две официантки в накинутых на плечи жакетах, с белоснежными, на старомодный манер, крахмальными наколками в пышных волосах. Павел поздоровался и мимоходом спросил, что у них самое свежее. Одна сразу устремилась вслед за ним и проводила за столик. Пока Павел ждал свой заказ, проглядывая рекламные брошюры, он почувствовал на себе чей-то взгляд. Подняв к лицу книжицу, увидел: за дальним столиком у окна девушка яркой южной внешности быстро рисовала в блокноте — рисовала, глядя на Павла. Он больше не стал маскироваться, опустил книжку.

Принесли заказ, Павел расправлялся с курицей, не глядя на девушку, но взгляд ее чувствовал. Он уже пил свой кофе, когда рисовальщица подошла к его столу. Он поднял глаза.

— Нет, здесь нужна только акварель! — сказала девушка, сверкая глазами и улыбкой. Она была красива, стройна, одета в узкие джинсы. Расстегнутая куртка не скрывала обтянутой свитером высокой груди.

— Акварели, к сожалению, у меня нет, — отозвался Павел, хотя понял, что она говорит о цвете его глаз. И, надеясь смутить ее, чтобы не продолжать разговор, он, выразительно глядя на ее грудь, сказал, что согласен изваять ее, но только обнаженной. Смутить девушку было невозможно. Она уселась за его столик.

— Не могу пройти равнодушно мимо красоты. Такой, как ваша, например. Не могу и не прохожу! — воскликнула она. — Красоту я всегда рисую, пишу и не только. Кстати, меня зовут Любовь.

— Павел, — назвал он себя, потому что не почувствовал за ее словами ничего, кроме юношеского эпатажа.

— Крещена я этим именем, но по паспорту я — Луиза, папа у меня грузин, правда, я его никогда не видела. Зовите меня Любой, если нравится, но я предпочитаю полное имя — Любовь. А сейчас у меня к вам деловое предложение: я рисую ваш портрет, а вы отвозите меня в Новгород. Понимаю, что предлагать вам плату — бесполезно. На автобусе тащиться не собираюсь и не знаю, как на них ездят. Видите, там «козлик» стоит, он сломался. Мы — репинцы. Наша группа расписывает восстановленный храм в Новгороде. Ребята взяли все для работы, загрузили и уехали на другой машине, их ждут уже сегодня, опаздывать нельзя. Один должен вернуться сюда попуткой или автобусом, привезти какую-то деталь, которую уже не производят, поставит ее, и мы уедем. Но мне надоело ждать. Ну, отвезите меня, пожалуйста, — закончила она свою речь совершенно по-детски.

Павел не был прагматиком, но никогда ничего не упускал из виду, он подумал, что неплохо посмотреть, как сейчас расписывают храмы. Если ему понравится, можно будет пригласить художников в Скорбященскую. Он спросил у девушки:

— А вы в храм ходите?

— Редко, в наш академический. Мы Пасху здесь встретим, все этого ждем.

Роспись возрожденного храма восстановить было невозможно: его еще во время войны разрушили почти до основания. Археологические изыскания, исследование грунта, споры, согласование с начальством и строительство длились более двух десятилетий. Молодые художники писали все заново. Кроме преподавателя из Академии художеств руководил ими бородатый человек, по виду монах. Монаха звали Георгий. Несколько фрагментов было уже готово. Монах Георгий все поведал Павлу. А про росписи сказал, что когда есть хотя бы черно-белые фотографии, то воссоздают, опираясь на них. В этой церкви будут воспроизводить обобщенный стиль росписи новгородских храмов 12–15 веков.

Павел поблагодарил и монаха, и Любу, обменялся с ними телефонами, сказал, что рад был бы хотя бы на фото увидеть результаты работы художников, что, может быть, предложит им поработать на следующий год в церкви под Петербургом.

Он не пожалел, что завернул в Новгород. В Москву он успевал до Пасхи. И он изменил свой план: решил заехать в Тверь, в архив. Варваре пока не звонил. Она ему говорила, что поселится где-то на окраине в дешевой гостинице. У ее брата Павел уточнил, что родители приедут чуть раньше праздников, и она будет гостить с отцом и матерью в коттедже в ближнем Подмоскovie, в Солнечногорске. Виктор объяснил, как туда ехать, назвал адрес. Павел позвонит, но не скажет, что подъезжает к Москве. Сюрприз — так сюрприз. А когда они увидятся, сделает Варе пасхальный подарок — сообщение о ее прадедушке.

У Павла обычно вызвало досаду, если где-то его встречали с подострастием, начинали суетиться и, как сказал бы Вадим, были на все готовы. Это относилось, конечно, к женщинам, даже если он обращался по делу. Ему становилось неприятно, обидно за них, но так уж действовала его внешность. Особенно подвержена этому категория молодых, ожидающих пенсии дам. Сейчас, придя в Тверской архив, он не досадовал, а радовался, что сможет быстрее все сделать. Действительно, он получил ответ в полчаса.

Полноватая шатенка оказалась именно той сотрудницей архива, с которой он говорил по телефону, обращаясь с просьбой поискать священника, что с середины 19 века служил в Никольском-Благом. Эта милостивая дама действовала весьма компетентно: материалы о Николае Никольском, протоиерее и украшателе церкви, члене археологического общества, авторе двух трудов по истории края, ею найдены и скопированы. Павел щедро расплатился и простился

с этой удивительно толковой женщиной очень сердечно. Теперь он знал многое и о прапрадедушке Варвары.

Копии документов Вале сделали в последний день работы Военно-исторического архива перед санитарными днями. До Пасхи оставалось несколько дней. Но Варя не сможет вручить Павлу эти копии, не порадует его. Когда еще она вернется в родной город!

Зазвонил мобильник, номер высветился незнакомый. Она откликнулась и услышала голос, который сразу узнала, но не поверила, ведь она только что о нем думала. «Я вас приветствую! Хотел бы увидеться». Слышимость была хорошая. Варя подумала: «Какая абстрактная фраза!» И ответила откровенно: «Я тоже. Но до конца курсов еще две недели. Спасибо, что вспомнили меня». «Не забывал ни на минуту и намерен лично поздравить с Пасхой!» Опять странная, нереальная фраза. Варя стала нервничать: «Павел Петрович! Вы что? Приезжаете в Москву?» Он подтвердил и спросил, в какой гостинице она живет. Она объяснила, что сейчас в гостях и не знает, как...

Павел не мог дальше ломать комедию и сказал, что он знает, где она, адрес ему продиктовал ее брат. Сам Павел здесь, рядом, на Ленинградском шоссе, уже подъезжает и просит ее подойти к границе участка, где кусты шиповника. Там есть место для парковки.

Варя не шла — бежала ему навстречу, ругая себя. Неужели все повторяется и она — просто влюбчивая дура? Он вышел из машины. Стоял, в распахнутой куртке на ветру. Она сбегала с горки. И он раскрыл ей объятия. Как будто для того, чтобы она не упала. И почему-то это не было ни странно, ни неприлично.

— Варя, я не мог ждать больше! — шептал Павел, обнимая ее.

— А я совсем не ждала. Я думала, что не скоро. Как хорошо, что ты приехал!

За минуту их отношения стали другими, изменились и они сами.

Они прошли в дом. Хозяева коттеджа и мать Вари уехали в Москву, оставался только отец. Мужчины обменялись рукопожатием и доброжелательными взглядами. По лицу отца Варя поняла, что ее выбор понравился.

— Алексей Иванович! Ваша чудесная дочь очень помогла мне в поисках родных. И Сам Бог помог мне: в нужный момент я увидел в магазине необходимую, как оказалось, книгу. В книге — алфавитный указатель фамилий. Почему-то мне захотелось поискать вашу фамилию. С такой фамилией там было около десятка человек. Но только один носил имя Петр, это был ваш дед. Варя упомянула прежде, что он учительствовал в районе Кашина, названия села она не знала, как, наверное, и вы. Так вот: ваш дед Петр Николаевич

Никольский не только учитель, но законоучитель и протоиерей Никольской церкви в селе Никольское-Благое Кашинского района. Простите, скажу горькую правду: его расстреляли в декабре 1937 года. Но он пострадал за Христа: перед смертью не промолчал, а исповедал свою веру, сказав, что не может признать безбожную власть. Среди тысячи других, верных Христу, он недавно причислен к лику святых. Знайте: у вас теперь есть родной по крови святой — новомученик Петр. И ему вы можете молиться.

Сидевшая прежде в кресле Варя бросилась к отцу и обняла его, по ее лицу текли слезы. Отец успокаивал ее, но сам, как видно, был потрясен. «Спасибо!» — только и мог выговорить он.

Глядя на двоих, не чужих ему теперь, людей, Павел думал, что Никольские могут сейчас, печалась, радоваться, а он — только мучиться и стыдиться за деда, отца своей матери. В то же время ему казалось, что история с дедом — какое-то недоразумение и никого он не расстреливал. Может быть, у него была шизофрения, и тот случай, о котором рассказала соседка с Мытнинской, — проявление болезни — и только. Но тогда Павлу уже точно нельзя думать о детях. И надо, пока не поздно, расставаться с Варей, которая неожиданно стала ему очень дорога.

В это время Варя, вытирая слезы и сквозь слезы улыбаясь, сказала Павлу:

— Я тоже хочу сделать подарок к Пасхе. В архиве нашего с вами города я нашла бумаги студента исторического факультета университета Сергея Александровича Глинского. Там — свидетельство о крещении, прошение его отца генерал-майора Александра Станиславовича Глинского о причислении сына к дворянскому сословию (???) и прошение самого студента об увольнении его в связи с зачислением на военную службу вольноопределяющимся: началась война с Германией.

Думается, генерал-майор всегда хотел видеть сына военным, а тот выбрал иное. Здесь, в Москве, в Военно-историческом архиве, я нашла дела 139-го пехотного Моршанского полка, он стоял в городе Егорьевске Рязанской губернии. В Рязани находился и штаб 1-й пехотной бригады, которой командовал генерал-майор Александр Станиславович Глинский. Не потому ли и начал службу подпоручик Сергей Глинский именно здесь? Отец, конечно, хотел присмотреть за первыми шагами на военном поприще своего, такого штатского по профессии, сына. А все же наследственные черты в нем проявились. И в начале 1915 года подпоручик Глинский уже отправляется на фронт. У меня для вас — копия его формулярного списка.

Варя все это произнесла вдохновенно и достала из небольшого портфельчика прозрачную папку.

Павел не ожидал такого подарка. Он подошел к Варе, низко поклонился, взял из ее руки папку и поцеловал эту руку, потом поцеловал другую. Держа ее драгоценную папку, он произнес:

— Нет слов, как я благодарен. У меня по маминной линии данных еще нет. И эти неожиданные сведения по линии отцовской подтверждают: я уже не Иван, не помнящий родства.

Все трое находились в странном состоянии, в душах смешались радость и скорбь. Они словно бы сразу стали родственниками: предки их одинаково пострадали, их это сблизило. Павел сказал, что завтра или даже сегодня, в среду, пока еще не забиты дороги, готов ехать искать село Никольское-Благое и взять с собой Варю и ее отца. Павел не стал пока говорить Варе о прапрадедушке: нельзя столько всего в один день.

Алексей Иванович поблагодарил за приглашение ехать в Кашин, он спешил на работу, им с женой в понедельник надо быть в Цюрихе. «Варя, езжай! Сфотографируй все, потом пришьешь мне, — сказал он. — Павел, доверяю вам это семейное дело. Поедете в Кашин, там на окраине домик моих родителей, в нем живет мой друг. В дальнейших поисках, надеюсь, он вам поможет. Если надо будет ночевать — две приличные комнаты приготовить».

Павел понял высказанный не впрямую отцовский наказ дочери. Потом он попрощался до завтрашнего утра и отправился ночевать в кемпинг, который видел по дороге где-то неподалеку. Когда он приехал утром в четверг за Варей и позвонил по телефону, она попросила его зайти в дом на чашку кофе. С ним хотела познакомиться ее мать. Он увидел женщину, кажущуюся его ровесницей, даже моложе, с волосами, выкрашенными в золотистый цвет, с зеленоватыми глазами, обрамленными огромными искусственными ресницами. Вспомнил, Варя говорила, что мама — актриса. Сейчас Елена Владимировна играла роль светской дамы — для Павла. Она спросила: «Вы посетили уже выставку новых европейских шедевров? — и, не слушая ответа, продолжила. — Мы с друзьями пробыли там три часа. Понимаете, дневной свет, меняясь, придает работам совершенно новые эффекты!»

«Мама, — вмешалась Варя, — Павел Петрович только вчера приехал, можно сказать, по нашему делу. Тебе папа не говорил?» «Мы вернулись поздно, и я его не видела», — высокомерно произнесла мама. Павел подумал, что Варя точно от мамы дурного артистизма не наследовала. «Так знай, что Павел Петрович отыскал с Божьей помощью моего прадедушку — священника Петра Никольского, и я, оказывается, — внучка святого, новомученика!»

Лицо мамы как будто остановилось, не зная, какое принять выражение, а потом Елена Владимировна стала очень простой, милой

и воскликнула: «Бедный! И никто в семье не знал, не вспоминал! А где могила?»

Павел ответил, что те, кого убили в Бутове, упомянуты в списках при тамошнем храме. А Петра Никольского расстреляли где-то под Кашином, и там таких списков нет, нет и храма, а место неизвестно. Но он постарается что-нибудь выяснить.

Елена Владимировна только и сказала: «Ох, как же мы нехорошо жили!» И вышла из комнаты, кивнув им головой.

Они не медлили, попрощались с Алексеем Ивановичем и отправились. Варя заметила, что отец особенно сердечно пожимал руку Павлу.

Глава 8

Едет она на родину бабушки, в места, где жил и принял праведную кончину прадед, священномученик Петр! Все чувства Вари были обострены. Ей особенно дорого, что человек, которого она всем сердцем принимает, с ней рядом. Не будь его — не было бы и этого счастливо-горького состояния нереальности происходящего и ожидания чего-то. В дороге они с Павлом почти не разговаривали, видно, и ему пали на сердце сообщенные Варей сведения. Каждый думал о своем и о том, что их двоих соединяет.

— Бабушкин дом! Да он совсем как новый стал! — воскликнула Варя. Перед ними красовался самый настоящий домик-пряник из сказки. Улица была узкая, припаркованных машин на ней и во дворах не видно. Павел на всякий случай развернул машину в обратном направлении. На шум колыхнулись занавески в домике напротив. А дверь Вариного дома открылась, и на крыльцо, хромя, вышел худощавый человек в ватнике, ватных брюках и в валенках. «Варюшка, — воскликнул он, стоя на крыльце, — помнишь дядю Гену?» Варя выскочила из машины, подбежала к нему, чмокнула в щеку. «Велено вас оставить здесь на день погостить и вместе с вами съездить на кладбище к дедушке с бабушкой. А сейчас — руки мыть. И к столу. Обед готов. Мне ведь Алеша позвонил, как вы только выехали».

Геннадий Степанович сам ел мало, все подкладывал гостям, зато много рассказывал. Дом он планомерно восстанавливал в первоначальном виде. Сначала заменил нижние венцы, потом перекрыл крышу, здесь пришлось прибегнуть к помощи других. Пропитал новым составом бревна, снял обветшавшее «полотенце», «подзоры» с фронтона, снял наличники. Стал сам реставрировать — по этим образцам выпиливать. Научился.

— Вы сколько лет учились? — спросил Павел. — Видно, что овладели мастерством в совершенстве. Киоты не пробовали?

— Два года портил материал, потом пошло. Нет, киты — это не мое. Сейчас для дач вовсе машиной гоняют, и резьба совсем простая. Но здесь-то все наособицу. Домик небольшой, а хозяину хотелось, чтобы чем-то радовал глаз, — вот и старался. Ивану Петровичу дом достался по завещанию дальней родственницы его матери. Он вырос сиротой. Когда он вернулся после учебы в родные места, поселился у этой старушки, помогал ей. Женился на Марфе Ивановне, Вариной бабушке, тогда просто Марфиньке, которая только что закончила медучилище.

Варе рассказ этот показался каким-то курым, обкромсанным. Ей-то ясно, почему дедушка когда-то уехал из родного села. Учился он где-то далеко, потом приехал сюда, в Кашин, учительствовал, женился. Здесь и родился Варин папа. Теперь ей понятна жизнь деда. Она его никогда не видела. А бабушка ей ничего не рассказывала, не принято было. Завтра она поклонится бабушке и дедушке, они на земле не узнали, кем оказался Петр Никольский.

— Дядя Гена, а что отец Глеб? Наверное, уже тоже не здесь? — Варя чувствовала свою вину, она несколько лет ни разу ни письмом, ни посылкой не приветила старого священника, который теперь, наверное, скончался.

— Почему не здесь? — Геннадий Степанович, видно, не понял опасения Вари. — Он здесь, и можешь позвонить ему. Он к старушке напротив заходит и со мной иногда душеспасительные беседы ведет. И телефон продиктовал, сказал: если понадобится, могу звонить.

Варе было очень стыдно. Павел почувствовал, что ей не по себе, он пришел ей на помощь:

— Покаянную голову меч не сечет. Звони сразу сейчас. Если примет, поедем к нему. А что не писала, ни в чем не помогла никогда, постараемся теперь исправить. Сколько лет батюшке?

Варе отец Глеб всегда казался очень старым, она подумала, что ему, должно быть, лет восемьдесят с лишним. А Геннадий Степанович ответил сразу:

— Лет ему семьдесят, служит уже сорок пять лет. Недавно его юбилей даже город отмечал, в газете было. Он много делает для увековечения памяти ушедших, ребят организовал для ухода за могилами забытыми. Журналисты это подхватили, даже для ТВ сняли. Я, правда, не видел.

Варя и рада была, и стыдилась-мучилась. Павел протянул ей телефон, чтобы скорее звонила.

— Отец Глеб, это грешная Варвара наконец приехала. Простите меня ради Христа.

— А ты где? Дома? — как ни в чем не бывало, бодро откликнулся отец Глеб.

— Да, в бабушкином доме. Приехала с одним хорошим человеком и хотела бы его с вами познакомить. Нужно поговорить по серьезному вопросу. Сейчас можно?

Отец Глеб сказал, что станет ждать их у себя дома.

Домик — почти как бабушкин, только ветхий, Варя сюда приходила. Дом, то есть изба, которую делила пополам русская печь, своим убранством напоминал правой половиной часовню, а левой мог соперничать с краеведческим музеем.

Там же, слева, на дощатом столе лежали какие-то чертежи, рулоны, картоны. Это напомнило Павлу его архитектурную юность. Он спросил хозяина, что за работы тут у него. Отец Глеб сказал, что здесь проекты часовни для здешнего кладбища. Павел стал все смотреть, увидел неточность пропорций и сказал, что помог бы переделать, набросав сейчас же в карандаше. Священник обрадовался, сказал, что и у него не лежала душа к сделанным проектам, он чувствовал их несовершенство.

А потом Павел спросил у батюшки главное: известно ли ему, где расстреливали в декабре 1937 года.

— Называют два места, в которых это предположительно происходило: овраг за городом и пустырь по дороге от тюрьмы. А пустырь этот сейчас начинают постепенно застраивать, не проводя никаких изысканий. Когда там рыли котлован, будто бы нашли много костей, но поспешили об этом замолчать.

Варя сказала, что хотела бы как-то отметить память о своем дедушке.

Отец Глеб удивился: разве это связано с 37-м годом? И тогда Павел рассказал о Петре Никольском. Рассказ взволновал священника. Но Павел на этом не остановился, попросил отца Глеба поехать с ними на место служения Вариных предков-священников, в том числе и новомученика, в село Никольское-Благое. Отец Глеб не отказался, но сказал, что долго задерживаться не сможет.

Решили завтра поехать, взяв Геннадия Степановича, послужить литию на могиле рабов Божиих Ивана и Марфы и — сразу в Никольское-Благое. Варя позвонила отцу — отчиталась.

Вернулись домой, попили чаю. Усталость звала спать. Геннадий Степанович проводил Павла в свой домик-сторожку, где все было отделано светлым деревом, а кровать — в том же деревенском стиле — покрыта лоскутным одеялом. Варя он отвел комнатку в пристройке, беленую светелку, — как видно, только что после ремонта, дверь из которой выходила в одни сени с дверьми из комнаты.

Ночь шла, но Павел спать не мог. Он вышел во двор, ходил под деревьями, его охватил жар. Он сел на скамью. И вдруг вышла Варя. Не видя его, прошла в дальний угол двора. Вернувшись, останови-

лась, не доходя до дома, долго смотрела на небо, перекрестилась. Он тихонько, чтоб не напугать, позвал: «Варенька!»

Она оглянулась, увидела, подошла: «Я не могу спать!» Он поднялся, обнял за плечи, поцеловал ее волосы: «Я люблю тебя». Она не отстранилась, ничего не сказала, только вздохнула.

Павел взял ее на руки и покачал, как ребенка: «Барби моя!» Варя запротестовала: разве похожа она на куклу? «Лицом — нет, но ты такая тоненькая, длинненькая, и тебя легко и удобно носить на руках, девочка моя чистая!» На последних словах Варя вырвалась от него, в отчаянии думая: он обманывается в ней, ей жаль, что это так. Но разве может она рассказать ему, как жила перед встречей с ним, что пережила? Если расскажет — все кончится. «Не говори так обо мне!» — только и могла прошептать она срывающимся голосом.

Павел подумал, возможно, Варе неприятно, когда ее, взрослую женщину, так называют. Неужели это так? Что ее задело? Или он коснулся той стороны ее жизни, которой пока касаться нельзя? Но, что бы там ни было, он знает: она — чистая душа, и он любит ее. Она не способна обмануть, предать, изменить. Такое он получал от жен уже не раз, достаточно. Единственное, что может Варя, — просто уйти. Ни к кому. И тогда он потеряет свое единственное счастье.

Варя почувствовала его терпение, нежность, любовь. Потом она что-то расскажет ему, совсем немного. Расскажет, но потом. «Прости, — сказала она, — лучше сейчас мне уйти, — не надо подводить дядю Гену».

Варя все не спала в своей комнатке — думала. Павел не напоминал ей ни Диму, ни другого. Димины ласки были мальчишеские, неловкие, хотя и искренние. Другой — просто животное, он и вел себя как животное, обо всех его действиях даже вспоминать жутко, тем более что она в этих действиях участвовала. Пусть — там был гипноз! А до гипноза?

Права Ванда. Помнится, она говорила: «Девы! Надо знать в жизни одного мужчину, и вы будете счастливы. Сравнения губят чувства». И представлялась эдаким Дон Жуаном в юбке. А ведь сама только одного и знает Виктора, его, оказывается, дождалась все двадцать шесть лет жизни, притворщица. А теперь ждет дочку.

У Вари жизнь сложилась иначе. Но она знает одно: лучше, чем Павел, ей человека не найти. Его нежность может излечить ее. Она не представляет, что будет: сможет ли она душой ответить на его чувства, не испытывая страха перед прошлым? Она понимает, что он вот-вот должен сделать ей предложение, но он почему-то медлит. А когда слова будут сказаны, ей нельзя его оскорбить, отказывая. И потом нельзя будет отказать ему в близости. Хотя он когда-то сказал мимоходом, что в браке все должно случиться после венчания. А вдруг

он не выдержит? А вдруг — она? А если потом, наоборот, окажется, что она не в состоянии превозмочь ужасные воспоминания?

Павел проводил Варю до крыльца и вернулся на скамейку. Удивительно, как по душе ему Варя, и в то же время он испытывает к ней физическое влечение, которое забирает его постепенно. Он не стремился жадно тотчас обладать ею, а мечтал испытать этот напиток любви, принимая по капле ответное чувство. Кто знает, если б она страстно тотчас ответила ему, что бы произошло с ним, учитывая его отрицательный любовный опыт. Нет, это не случится. Он уже знает ее нежную душу. Она — истинно верующая, такую впервые в жизни ему послал Бог. Потому-то она одновременно и доверяет ему, и нет. Видно, понимает, что он еще не способен жить по совести. Ведь его связь с Мариной, хотя ее он, кажется, ничем не оскорбил, по сути, тонкий разврат души.

Глава 9

Утром в пятницу Геннадий Степанович подозрительно посмотрел на Павла и сухо поздоровался. Но Варя вышла к столу в хорошем настроении и спросила, где они возьмут цветы для бабушки и дедушки. Это отвлекло блюстителя нравственности от дурных мыслей, и он удивил их маленькой тепличкой на веранде для таких случаев, там растут нарциссы.

Варя сказала, что после того как они отвезут дядю Гену домой, они вместе с отцом Глебом поедут в Никольское-Благое.

Павел заметил, что надо все делать поскорее, дорога неизвестная, на карте обозначена пунктиром, наверняка непроезжая, но он надеется на свою «тойоту», хотя тамошняя земля может преподнести сюрпризы.

С Павлом по дороге Варя не говорила, только с Геннадием Степановичем, с которым сидела рядом, но он все время, пока ехали, чувствовал ее взгляды у себя на затылке и ее особое настроение.

Заехав за священником, направились на кладбище, а километра через три отец Глеб сказал:

— Вот тот бывший пустырь, о котором я говорил. Что тут можно сделать? Видите, какое строительство развернулось.

— А может быть, стоит хотя бы маленькую деревянную церковь построить, даже если не здесь точно место расстрела? — с надеждой в голосе спросила Варя. — Здешние жители будут ходить.

— Все дело в земле, — ответил за батюшку Павел. — Пусть власти дадут землю, хоть двадцать соток, и можно срубить. Я уже начал набрасывать для отца Глеба часовню сегодня ночью. Увеличить масштаб в два или в три раза, смотря, как средства позволяют, и все. Вот вам и церковь.

На могилах бабушки и дедушки Вари поставлены были два одинаковых красивых резных креста, и Павел понял, что это дело рук Геннадия Степановича. Зажгли свечи, отец Глеб стал служить литию. А Павел думал, что скоро год со дня смерти Анны, но он после похорон ни разу не был у нее на могиле и уже месяц не поминал ее. Свести нет или любви не осталось?

Положив у подножия крестов цветы, Варя расплакалась. Утешая ее, отец Глеб сказал:

— Твоя бабушка-праведница и дедушка-мученик видят нас сейчас и за нас молятся. А мы, грешные, — отец Глеб имел в виду, конечно, Варю, — редко их поминаем, не помним их наставлений.

И тут Варя зарыдала. Еле успокоившись, спросила священника:

— Батюшка, можно, я потом приду поговорить? — На Павла она не смотрела, как-то все время старалась отдалиться от него.

Через сорок минут они уже ехали в Никольское-Благое.

Дорога, действительно, была ужасная. С каждым ста метрами, казалось, дальше — нельзя, будет топь. Жилья вокруг — никакого. И вдруг перед ними предстало обширное поле, в конце которого, вдалеке виднелся стройный, многоглавый храм.

По мере приближения становилось ясно, что здание разрушено, а малые главки надломлены. Кресты, правда, на трех из пяти глав сохранились. Возле храма стояло два дома: один вполне современный, простой, другой старинный, с прихотливым кирпичным узором на фронтоне, посередине которого выложен крест. Два дома — все, что осталось от села, в котором, как Павел читал, было прежде двести дворов. Примерно в километре виднелся кубический массив деревьев, так обычно выглядят старые кладбища.

Они вышли из машины. На Варю, видно было, картина произвела удручающее впечатление, она не сказала ни слова, но и не сделала ни шага. Павел поддержал ее под руку. Они пошли внутрь храма, с трудом продираясь сквозь кусты, перелезая через груды кирпичей.

— Осторожно! — предупредил отец Глеб. — Может что-то обрушиться. Давайте я послужу здесь, возле церкви.

Павел с Варей вернулись. И тут из кирпичного дома вышла женщина и двое детей — мальчик и девочка дошкольного возраста. Они подошли, поздоровались, и женщина спросила:

— Будете нашу церковь восстанавливать?

Отец Глеб ответил, что они приехали посмотреть место, где служили прапрадед и прадед девушки. И кивнул на Варю. Сам же спросил, чем живет население этих двух домов.

— У нас тут охотничье хозяйство. Из города приезжают, муж ездит с ними на зайца, на лисицу. Продукты раз в две недели закупаем в Твери, картошка своя, заготовки разные. Козу держим, кур.

— А церковь действующая далеко?

— Километров десять, да дороги туда теперь нет. А раньше, говорят, наша церковь внутри красивая была, сюда все ездили с округи. Потом из церкви склад сделали для зерна. Потом колхоз ликвидировали. Теперь вот охотничье хозяйство.

По просьбе отца Глеба женщина принесла из дома столик, чтобы положить крест и Евангелие. Священник спросил Павла, как звали его деда. Павел понял, что Варя с ним говорила о его расстрелянном деде Сергее Глинском. Отец Глеб зажег кадило.

Над ними возвышалась полуразрушенная церковь, вся заросшая деревцами и кустами. Два дома стояли рядом как нежилые. Чернел деревьями массив старого кладбища. И далеко во все стороны шли пустынные пространства. Картина казалась Павлу сном, фантастикой. Менее невероятным такое представлялось бы, если бы он об этом услышал. Но сейчас, видя все воочию, в деталях, он впал в странное состояние: хоть ущипни себя, что ли, чтобы очнуться. Он взглянул на Варю — она, кажется, чувствовала что-то подобное.

Тут батюшка начал литию.

И прозвучали два имени: раба Божия Николая и убиенного Сергия.

Варя вся была в молитве. Здесь же стояла женщина с детьми, она неловко крестилась. А детишки, косясь на батюшку, успешно подражали и к концу литии уже могли бы преподать урок матери. Отец Глеб потушил свечу.

И Варя сразу спросила, а как же прадед?

— А прадед твой — святой. За него не молятся, ему служат. Надо ему составить акафист. Я, по правде сказать, упустил это. Есть образцы составления акафистов. Надо будет с благочинным обсудить. Сейчас мы можем только пропеть: «Святой мучениче Петре, моли Бога о нас!»

Женщина быстро убежала в дом, позвав детей. Вернулись они с банкой молока, тремя стаканами, ломтями хлеба, чищенной картошкой и огурцами на тарелке. Отец Глеб сказал с улыбкой:

— Ну, молочко мы не будем. Пост. А остальное пойдет. Спаси вас Господь! Вы крещеная?

— Да. И ребята.

— Как зовут?

— Катя и Ваня.

— А вас?

— Диана.

Повисла пауза. Охотничье хозяйство вместо большого села, разрушенный православный храм и русская женщина с именем языческой богини охоты...

Павел посмотрел на Варю: она тоже была опечалена. Но отец Глеб что-то почувствовал, он спросил:

— А крестил кто?

— Бабушка...

— Ну, матушка, креститься надо в храме, и не медля! Не медля! А детей в храме крестили?

— Да, в Кашине, в соборе.

— У вас тут все вокруг храма заросло, ничего не найти, — вновь обратился к женщине отец Глеб, — а нет ли могилки? Может, видели? Прапрадед твой протоиерей Николай, — сказал он Варе, — как настоятель, должен быть похоронен со стороны алтаря. Пойдем — посмотрим.

— Есть там могилки, давно еще видела. Я сейчас топор принесу, — откликнулась женщина.

Павел срубил кусты, заслонявшие две плиты возле алтарной части церкви.

На одной можно было разглядеть крест и прочесть четко только: Мария... Плита была совсем тонкая, покрылась мхом. Год смерти не читался, но скончалась матушка, возможно, уже после переворота.

Вторая плита — мощная, на ней вырезано: «Николай Никольский, протоиерей... 189... год...» Основное пространство занято крупно написанными строчками, Павел разобрал и читал вслух:

человек яко трава жизнь его яко цвет сельный тако оцветет

— Из Псалтыри, — сказал батюшка, — а «сельный» — значит — полевой. — И заметил Варя: — Наверняка твой прадед выбирал.

И тут Павел вспомнил про свой фотоаппарат, миниатюрный, почти без веса, он лежал в левом кармане куртки. Павел снял кадров десять, потом решил снять церковь с разных ракурсов.

Диане — по всему видно — неловко было, что могилы в таком состоянии, и она завершила:

— Мы все расчистим тут, я стану ухаживать и цветы посажу, не беспокойтесь.

Варя подошла к Диане, поцеловала ее: «Помогай вам Господь!» В записной книжке записала ее телефон и, вырвав листок, оставила свой. — «Скоро увидимся. Я с папой приеду».

Глава 10

Настроение у Вари, когда поехали, исправилось. Видно, появилась надежда, что память о предках не сотрется, и этому может помочь она сама, вместе со своим отцом. Наверняка, она уже строила планы.

Но Павел понимал: о восстановлении Никольского храма в селе Благоем не может идти речи. Насколько Скорбященская церковь крепче, и то — неизвестно, сколько времени уйдет на ее восстановление и сколько средств.

А тут, можно сказать, руины. И надо все сначала разобрать. А второй вопрос — для кого эта церковь? Вокруг — нет сел. Грустно стало за храм, за Варю, за православную веру.

Миновав трудную часть пути, Павел увеличил скорость, и через час они въезжали в границы города. Помня, что про фото они совсем забыли, Павел завернул на кладбище и сфотографировал могилы, и Варю возле, и отца Глеба. И тут раздался звонок его мобильного первый раз за три дня. Они договорились с Вадимом, что он все дела будет решать самостоятельно. Но это была Нина Ивановна. Он встревожился, хотя и с ней договорился о том же. Она сообщила, что все в порядке, но мама ждет его тридцатого, чтобы вместе встретить Пасху. Сама она уже все приготовила по желанию Александры Трофимовны.

Мама впервые сама предложила ему вместе отметить Пасху, прежде она отмечала Первомай. И ведь в этом году дни совпали. Надо было ехать. Тут же у Павла возникла идея пригласить к маме на Пасхальной неделе отца Павла. Да, надо ехать.

Пока он слушал телефон, Варя с тревогой смотрела на него. Он позвал Варю и повел вперед, обводя рукой рядом стоящие кресты, будто показывая, чтобы их разговор не показался отцу Глебу слишком интимным. А ей сказал, что мама ждет его на Пасху, что это неожиданно, отказать ей он не может и должен срочно ехать. О том, чтобы ему самому попасть на всенощную, речь уже не шла.

И тут Варя открыла секрет, что отец Глеб зовет их обоих ехать вместе по приглашению с группой прихожан на всенощную в Храм Христа Спасителя, им есть два входных билета. Говорить раньше она не хотела, боялась — вдруг что-то сорвется. Она нежно взяла его за руку и сказала:

— Не обращай внимание на мое настроение, это все только мои, мои переживания. Я очень тебе благодарна за все. Жди меня, я приеду через две недели, семнадцатого выхожу на работу. А сейчас, пожалуйста, поцелуй меня незаметно для отца Глеба.

Павел незамедлительно прижал Варю к груди и поцеловал в губы, от чего она вздрогнула и отстранилась. Отец Глеб в это время уже сидел на заднем сиденье.

Доставив отца Глеба домой, Павел впервые в Кашине остался в машине с Варей один на один. Он решительно вырулил в обратном от города направлении. Не очень далеко нашел группу деревьев и полянку, поставил машину, открыл дверь и взял на руки Варю. Она не возражала. Он сразу стал целовать ее.

Губы ее мягкие, не покрашенные, все лицо нежное, родное. Она уютно помещалась в его объятиях. «Павлуша!» — неуверенно произнесла она, когда он на секунду оторвался от ее губ. Он не поверил своим ушам, испытывая несказанное счастье.

— Варечка, я люблю тебя! Только бы ты была счастлива! Скажи, что тебя мучит, я же чувствую.

— Я тебе не говорю, но и ты ведь — тоже. Оставим все на волю Божию.

— Да, оставим, но я тебя не оставлю, — он опять обнял ее, но уже со всей страстью, которая разгоралась в нем все ярче. Чувствуя изгибы ее тела и ответные — помимо ее воли — порывы, опять стал целовать, но уже властно, проникая и тут же требуя от нее ответных поцелуев.

Варя еле нашла в себе силы оттолкнуть его. Стало страшно. Она боялась потерять Павла и боялась находиться с ним. Он опомнился, отошел от нее, стал садиться в машину. Она тоже села, закрыла дверь. Он включил зажигание.

— Сделаем так, — сказал он, — заедем в какое-нибудь кафе, там поужинаем, успокоимся.

Кафе встретилось им сразу, очень бедненькое, простое. Они попросили гречневой каши. Павел предложил:

— Ты позвони Геннадию Степановичу, скажи, что я тебя привезу и сразу поеду. А пока посидим без свидетелей хоть полчаса. — Он взял ее руку и поцеловал несколько раз, повернул и поцеловал в ладонь. Это сразу взволновало, и она убрала руку. Стала говорить о делах, об архиве, что заказы поступят после Пасхи, что пока ее замещает предшественница.

— Нет, без тебя я в архив не пойду. Ждал столько времени и еще подожду.

— Тогда позвони туда и скажи, чтобы не возвращали в фонд дела смолянок. Иначе вся их работа насмарку пойдет. Звони мне, когда нужно... И не нужно — тоже, — засмеялась она, — а то мне грустно.

Он опять целовал ее руку. Потом отвез домой, попрощался с Геннадием Степановичем и помчался.

По дороге он думал, что все силы направит сейчас на улучшение работы фирмы, устройство квартиры, продаст, наконец, лишний участок и начнет строительство загородного дома. Пора было увидеться с матерью, но важнее — с отцом Павлом. Время отсутствия его дома показалось ему очень долгим: слишком много событий и чувств.

Не заезжая к себе, Павел закупил продукты для мамы и поехал к ней.

— Ох, Павлик, как я соскучилась, — сказала мама. — Пасху отметим, службу посмотрим в Храме Христа Спасителя.

У Павла дрогнуло сердце: может, Варю увидит? Он поцеловал маму и поехал домой — привести себя в порядок.

Всю ночь он смотрел у мамы службу, но Варю не увидел. Такое лицо оператор не мог не заметить.

На второй день, как собирался, он привез отца Павла к маме, спасибо — он согласился. Священник понял, на что надеялся Павел, хотя тот ему ничего не говорил. Отец Павел прочел молитву, благословил стол. Нина Ивановна, как видно, в церкви все же бывала, потому что крестилась в нужные моменты. Мама была — как скованная. Отец Павел спросил ее:

— Александра Трофимовна, вы, я думаю, крещеная. Крестик носите?

— Да вот никак мне Павлик не купит уж столько времени...

— Да, — согласился Павел, — это я виноват. — А сам подумал: «Ох, мама, лукавство какое! Как ребенок...»

— А мы это сейчас исправим, — отозвался священник и извлек, как в случае с Павлом, из внутреннего кармана крестик с тесемочкой, притом тесемочка была какая-то особенная. Мама потянулась взять, но батюшка сам надел ей крест, трижды перекрестив ее.

Все, что наготовила Нина Ивановна, было отменного качества. Отец Павел угощался да нахваливал. Стол был накрыт, как при бабушке: крахмальная скатерть и салфетки, фарфор, хрусталь. Тут мама, обычно отрешенная от хозяйства, видимо, все-таки проявила инициативу. Женщины выпили по глотку кагора.

Отец Павел рассказал, как идут работы в Скорбященской церкви, что недавно сняли гнилые доски пола, а там под низкими сводами цокольной части обнаружили надгробия. Скорее всего, захоронения были сделаны в прежней, старой церкви, на фундаменте которой построена нынешняя, кирпичная. И принадлежат могилы тем, кто основал первую церковь.

Нужно теперь посмотреть в архиве клировые ведомости. Павел обещал постараться.

Мама все слушала с интересом, потом вдруг сказала, что лучше ей полежать. Отец Павел обещал к маме заглядывать, оставил телефон со словами: «Нужен буду — звоните. Приеду, вместе помолимся».

Собрался домой и Павел. Тут Нина Ивановна, помявшись, сказала, что, когда занималась по поручению Павла разборкой вещей, в большой сумке обнаружила маленькую, а в ней разные бумаги. Их она не трогала и хочет передать Павлу.

С тяжелым сердцем взял эту сумочку Павел. Дома не стал пока смотреть, отложил. «Анна, что ты от меня прятала?» — почему-то ему представилось, что там содержится какая-то тайна. Еще одна тайна.

Звонков от Вадима все не было. Пора бы позвонить, хоть с Пасхой поздравить. И от Вари не было сообщений.

Помня о своем решении обставить квартиру, Павел посмотрел рекламные издания «Аквилона», оставленные ему при покупке мебели для кабинета. Выбрал спальню по каталогу. Заказ выполнят не раньше чем через десять дней. А пока в необставленную комнату он купит карниз, шторы нежного кремового цвета. Пора было распаковать картины и вызвать кого-то, кто придет, повесит их... Хотя это он и сам сделает, только нужен инструмент и взгляд со стороны. «Вадим — необходим», — вспомнил он, как его друг когда-то шутливо рекламировал себя дамам.

Все-таки он позвонил Вадиму. Рабочий день будет только через сутки. Друг обрадовался. Оказывается, хотел дать Павлу возможность побыть подольше в спокойной обстановке. Павел объяснил, какая нужна помощь, и Вадим приехал. Он сразу стал рассказывать, как идут дела в фирме. Попутно он сказал:

— Свадьба будет второго.

— Второго чего?

— Июня.

Глава 11

Ехать в Москву должны были двенадцать человек на небольшом стареньком автобусе. Отправились рано утром тридцатого. На трассе — поток машин. Но ехали не колонной, не сплошняком, а тесня и объезжая друг друга. Все хотели в Москву. Их автобусу не на что было рассчитывать. Водитель пожилой, солидный, правил не нарушал. Но нарушителей хватало. Только благодаря опыту старого водителя они как-то все время увертывались от ударов лихачей. И тут еще пошел дождь. Плохая видимость усугубила обстановку на дороге. И вдруг несколько машин сбились в кучу, наезжая на автобус, автобус затрясло... Никто не удержался на сиденьях, Варя — тоже, успев подумать: «Четвертый раз... А как же Павлуша?..»

Поздно вечером позвонила Нина Ивановна. Маме с сердцем плохо. Павел ехал, а сам думал, что все слишком уж хорошо было в последнее время. Маме — как будто новые силы кто давал. И вчера не по какому-то своему особому каналу Первомай захотела смотреть, а пасхальную службу по каналу «Спас». Смотрела и, может быть, в это время переживала что-то, вспоминала бабушку, свою маму, жизнь свою перелистывала?.. Сердцем все перечувствовала...

Возле подъезда стояла «скорая». Павел помчался по лестнице, не стал ждать лифт. Мама лежала бледная, безучастная. Врачи — целая команда — что-то кололи, снимали кардиограмму. Павел испугался по-настоящему: «Вы уж спасите мне мою блокадницу!» Нина Ивановна прошептала, что был момент, ей показалось — не было дыхания, а сейчас — уже лучше.

— Ну, что? В больницу? — бодро спросил Павла врач, по виду — его ровесник. Павел вывел его в другую комнату, прося ответить честно, каковы дела.

— Честно — не знаю. Бывает, отвезем — и все, конец, а у кого дома оставим — наоборот — все хорошо. Можно поддержать несколько дней, интенсивно полечить — и справится организм. Сейчас дежурит хорошая больница, вашего района. Давайте отвезем, а? — как-то просительно сказал врач. Павел посмотрел на него — и вовсе он не бодрый, а очень-очень усталый, а голосом он сам себя взбадривал.

Павел спросил, можно ли там оставить своего человека, профессиональную медсестру, здесь она, рядом стоит. Врач сказал: если взять палату, где сиделка сможет отдохнуть, будет просто прекрасно. Павел еще раз спросил, что врачу подсказывает его опыт, его чутье. Врач ответил, прямо глядя в глаза: «Думаю, справится!» Павел достал тысячную — сунул в карман его халата: «Помолитесь Пантелеимону за болящую Александру!» — как будто это не врач был, а священник. Но он видел шнурок на шее врача. И ровесник, посмотрев на него понижающим взглядом, кивнул. А Павел дал ему две визитки. И на обороте одной врач, ничего не спрашивая, записал для Павла свой телефон.

Нина Ивановна сразу, пока еще все стояли вокруг мамы, походила по квартире, пооткрывала шкафы, подоставала сумки — и через пятнадцать минут была готова сопровождать маму и остаться в больнице. Павел поехал вместе с ней вслед за «скорой» и долго еще утрясал вопрос, в какую палату, какие удобства.

Только в середине ночи Павел вернулся домой и кое-как уснул к утру, послав сообщение Вадиму, что произошло и почему задержится. Но часа через два его разбудил звонок брата Вари. У Павла сжалось сердце. «Не волнуйтесь, — сказал Виктор. — Было столкновение по дороге в Москву. У Вари сотрясение, она в больнице. Отец Глеб отделался ушибами. Но есть среди них и серьезно раненные. Мама завтра будет у Вари и завтра же вам позвонит, Варе пока разговаривать нельзя».

Павел сказал о том, что за это время случилось у него, что он не может поехать и не знает, когда сможет, просил как можно чаще ему звонить.

Спать уже было некогда. Он поехал в больницу. Было время позвонить отцу Павлу. Тот сказал, что все — промыслительно и он

сегодня хорошо помолится. Что «промыслительно» — Павел не понял, но помнил, что бабушка все знает про жизнь и смерть, и скажет правду, не скроет от него.

До больницы ехать десять минут. Нина Ивановна вышла из палаты и сказала, что ночь прошла спокойно, что и она сама сумела подремать.

Маме чуть лучше, но на сновторных. Он не стал заходить к ней. Поехал в фирму.

Вадим очень расстроился. Рано лишившийся родителей, друг почитал пожилых, особенно тетю Сашу, как когда-то он назвал маму, но она не приняла такого обращения и настояла на имени и отчестве.

На очереди стояли рабочие вопросы. О коттеджах Вадим сказал, что дачное время упущено. Упор должен быть сейчас на зимние дома. Чтобы построить дом, надо месяцев пять, значит, можно запустить серию в мае, а результат будет как раз к зиме. Он так и сказал — «серию». Павел переспросил: ведь это значит хотя бы четыре-пять домов одновременно. Вадим сказал, что надо — ступенчатым способом, тогда не будет перебоев. Копать под фундаменты можно сразу, а все остальное — именно ступенчато. Бригады разные: каменщики-бетонщики, кровельщики, отделочники. А время — как раз для найма приезжих. Кстати, под один дом фундамент уже есть, вот и вторая бригада сможет работать.

Павел напомнил: шла речь о рабочих местах для населения области. Но Вадим сказал, что это уже старые данные, надо думать по-новому.

— А что Настя? — спросил Павел.

— Настя — мое счастье! — умеющий сказать кратко и емко Вадим при этом просиял. — Платье купили. Жить будем пока у тещи. Эту квартиру сдадим. Дом перестраивать не будем. Тесть даст деньги, вложусь и я: пятьдесят на пятьдесят. Возьмем коттедж. Свадьба не бедная, но и сорить деньгами не станем. Венчаться хорошо бы в Скорбященской, но выходит — в Казанской. Отсюда кортеж пронесется до поселка — прямо в местное кафе-ресторан. А оттуда молодожены уедут на три дня в Суоми. Все.

Павел заслушался Вадима: все рассчитано, выверено и, наверное, будет красиво и весело. Для Вадима еще очень важно было, что тесть его понимает.

Не последнюю роль тут играло материальное положение семьи невесты, хотя Вадима нельзя было назвать меркантильным. Когда в его планах не было женитьбы, он тратил, не задумываясь, а тут все было разложено по полочкам — по статьям расхода и дохода.

Прошло несколько дней. Мама постепенно выправлялась. Но инфаркт все-таки «имел место», как сказала лечащий врач. Павел один раз показался на пороге палаты, мама слабо помахала ему ладошкой из стороны в сторону. В этом жесте угадывалась присущая ей, когда она была здоровой, шутливость. Юмор — Павел знал — залог выздоровления.

О Варе сведения поступали от Елены Владимировны по городскому телефону вечерами. А на седьмой день Павел, наконец, дождался звонка мобильника от нее самой.

— Павлуша, — раздался слабый голос Вари, — я даже не успела поговорить с отцом Глебом о себе, обидно. Но он уже дома, в Кашине. Мама позвонила Генриетте, подруге, которая директор архива. Там обещана зеленая улица. И не удивляйся: тебе передадут конверт с фотографией, ее я заказала скопировать, тогда они не успели, сейчас готова, она — из университетского дела, на ней — твой дедушка-студент. Про твою маму я знаю, но даст Бог, она поправится. Мне хотелось бы с ней познакомиться. Выбирай время, смотри дела. А мне придется взять отпуск месяца на два. Отсюда мы с мамой отправимся в Кашин, а потом приедет и папа. Все, больше не могу говорить. Позвоню через неделю.

Павел только и успел сказать: «Целую тебя». И подумал: два месяца — это почти столько, сколько они знакомы. Что будет? Не отвыкнет ли Варя? А возможно, мама начнет влиять. Но отец-то, Алексей Иванович, на его стороне!

Решил съездить в архив, пока мама в больнице и он не так боится за нее. На Варином месте сидела уже знакомая ему железная женщина. Но на сей раз никаких резких слов от нее не последовало. Когда он предъявил билет, она спокойно передала ему конверт и сказала, что для него есть два дела, сейчас принесет.

С трепетом сердечным открывал Павел конверт, на котором стояло: Глинский Сергей Александрович. Хорошее лицо было у его деда, взгляд прямой, исполненный скрытой силы, похожий на взгляд его сына, Петра.

А глаза довольно светлые. Может быть, синие, такие, как глаза Павла? Значит, есть фамильное сходство. Может, не зря отец говорил когда-то Павлу, что он — настоящий Глинский?

Павел положил конверт во внутренний карман пиджака, к сердцу. А дела смолянок уже ждали на столе, очень тоненькие. И тут он волновался: что ждет? Фотографий, как видно, не полагалось в отличие от университета.

Он перелистывал страницы, затаив дыхание. Фонд, опись, номер дела...

Дело о воспитаннице Императорского Воспитательного Общества благородных девиц, определена с Всемилостивейшего соизволения Госуда-

ря Императора от 14 окт. 1912 за № ... Княжна Аболимова Елизавета Георгиевна. Рядом стояло — чин или звание отца: штаб-ротмистр, князь. Вероисповедания православного. Родилась 15 июля 1899.

Представлена в 6 кл. 15 ноября 1912 г.

Павел читал не подряд. Его сначала привлек такой документ:

С Всемилостивейшего соизволения Государыни Императрицы на бесплатную вакансию, открывшуюся в Императорском Воспитательном обществе, перечислена назначенная к приему в это заведение пансионеркою Государя Императора дочь штаб-ротмистра князя Аболимова Елизавета рожд. 15 июля 1899.

Дальше следовали справки о том, что княжна Аболимова воспитывается пансионеркою Государя Императора и состоит: в декабре 1912 — в шестом классе, потом справка от 25 ноября 1913 года, потом февраля 1915-го — и послана по адресу Екатерининский канал, д. 8, кв. 6, потом — апреля 1916-го и, наконец, 11 марта 1917-го. Значит, эта выпускница только успела получить все свои справки, как подошел переворот.

Дальше шло самое главное:

Выпись из метрической книги. Часть первая о родившихся за 1899, выданная из Николаевской церкви села Заозерье Тверской губернии. Июль, 15–25, Елизавета, штаб-ротмистр 47-го драгунского Татарского полка князь Георгий Васильевич Аболимов и законная жена его Екатерина Владимировна, оба православного вероисповедания. Звание, имя, отчество и фамилия приемников: отставной штаб-ротмистр Владимир Павлович Березин и фрейлина Е. И. В. княжна Варвара Газарина. Кто совершал Таинство крещения: священник Иоанн Базилев с причтом.

Значит, кроме деда, Елизавету крестила фрейлина? Возможно, она родственница.

Дальше была «Краткая записка», составленная 17 января 1902 года, о службе штабсротмистра 7-го запасного кавалерийского полка Георгия князя Аболимова, где значилось: родился 2 июля 1868, из князей С.-Петербур. губернии. Перечислены все перипетии службы от юнкера до штабсротмистра. Получал содержания в год: жалованья 780 руб., квартирных 150 руб., всего 930 и фуражных по положению на одну лошадь. Эта фраза о фуражных особенно тронула Павла. Женат на дочери дворянина Владимира Павловича Березина, девице Екатерине Владимировне. Имущества родового или благоприобретенного ни за ним, ни за женой не значилось.

Да, князь Аболимов был небогат, возможно, и женился в некотором расчете на имущество родителей невесты, как сейчас Вадим. Наверное, где-то возле села Заозерье находилось имение дворян Березиных, ведь там крестили Елизавету. Раньше Павел как-то не задумывался о том, каково может быть состояние князей, на что они жили. Понятно, что драгуну немало средств нужно было на экипировку и на содержание хорошей лошади. Павел перенесся во времена своих прадедов, дедов. И тут же его кольнула мысль о деде-чекисте.

Следующим было дело пансионерки княжны Кольцовой-Ржевской Марии. Она родилась 2 января 1898 года.

В 22 августа 1911 со Всемилостивейшего соизволения принята экстерною в третий класс и 21 мая 1916 выпущена из французского класса. Чин или звание отца: князь, коллежский регистратор.

А дальше такая удивившая Павла бумага — подписка при поступлении девицы.

Я, нижеподписавшийся, сим удостоверяю, что августа 22 дня 1911 года предоставил в третий класс Императорского Воспитательного Общества княжну Марию Кольцову-Ржевскую — родную мою дочь, которую обязуюсь по окончанию ею курса учения принять обратно. Князь Василий Кольцов-Ржевский.

Каменноостровск. пр., 50, кв. 6.

И еще одна бумага, тоже подписанная князем, но она расстроила Павла, так как документы, указанные в списке, были возвращены отцу, и копий не осталось. Где Мария родилась и крестилась, кто были восприемники — неизвестно. Но то, что училась Мария на средства отца, говорило об их определенном достатке.

Желяя определить дочь мою княжну Марию Кольцову-Ржевскую, родившуюся 1898 января 2-го дня, в Императорское Воспитательное общество благородных девиц на собственное мое иждивение, прошу совет учинить о том зависящее распоряжение на основании прилагаемых документов:

1. метрического о рождении и крещении свидетельства, выданного из С.-Петербургского окружного суда № 869,

2. медицинского о здоровье,

3. а /копии формулярного списка о службе отца девицы или б/свидетельства о дворянском происхождении, выданного из Ржевского Дворянского Депутатского собрания. Князь Василий Кольцов-Ржевский.

Что же узнал благодаря архиву Павел? Что обе девицы — и Елизавета Аболимова, и Мария Кольцова-Ржевская — княжны. Учились

несколько лет в одном институте — в Смольном, но выпущены из него в разные годы: Мария — в 1916, Елизавета — в 1917, и разница в возрасте у них — один год. Родились они в одной губернии — Тверской. Обеих их знала бабушка Павла — Елизавета, чья фамилия — Беляева — явно не настоящая. Так, может быть, это Елизавета Аболимова скрывалась под именем Елизаветы Беляевой? Если это так, то подруга детства Мими должна была это знать. Но почему в письме от Мими, написанном рукой ее дочери Веры, Елизавета Аболимова упомянута только как знакомая бабушки? Или они обе скрывали эту тайну? Неужели чекист-дед не догадался об этом? Или не хотел знать, потому что любил? Если бы поговорить с мамой! Но сейчас нельзя, она еще слаба — разволнуется. Спросить бы Вареньку, просто поговорить, ведь больше, чем она, никто не знает про его личную историю... И Варя в больнице, надо ждать.

Глава 12

Варя, наконец, вышла, из больницы. Сотрясение мозга было легкое, просто родители, напуганные прошлыми травмами, боялись за нее. Мама, приехав, как считалось, ради дочери, посещала знакомых в Москве. Но теперь они обе мчались в Кашин на машине маминых друзей с их водителем, и мама с тоской спрашивала: «А жить там можно?» «Мам, ты уж прости, — отвечала Варя, — что так получилось, все из-за меня. Но ты там только здоровее и моложе станешь».

Геннадий Степанович рад был Варваре. Он рассказал, что теперь помогает отцу Глебу строить часовню на кладбище, что, кажется, город дает под церковь именно двадцать соток, как и говорил Павел. «Вообще, твой Павел — мужик толковый: надо же — нашел нашего священномученика! Может, у вас все и сладится. Отец Глеб хочет освятить церковь во имя новомученика Петра. Собирается соотнести строительство с круглой датой — семидесятилетием со времени массового уничтожения священников в тридцать седьмом. Неизвестно, конечно, благословит ли владыка. А он хочет уже не деревянную церковь, а каменную. Нужно успеть построить за два года».

Варя слушала, отвечала, а сама думала, что, если бы не Павел, никаких бы планов не сложилось. И нежность охватывала ее при воспоминании об этом большом, красивом и теперь уже родном человеке. Ей казалось, что его надо защищать, мысль выглядела так нелепо, что она тихо засмеялась. Но ведь, похоже, именно подобное чувство и называется любовью, когда заботишься о человеке, хочешь помочь во всем. Но звонить Павлу до разговора с отцом Глебом она пока не решалась.

Павел ждал звонка Вари: она обещала через неделю звонить. Шел восьмой день. Что с ней? А его мама до сих пор в больнице, он оплатил

палату еще на пять дней. Ей стало гораздо лучше, но так ему спокойней: так сказать, плата за страх. Пока он должен закончить меблировку своей квартиры и начать первый этаж дома за городом. Ему нужно каждый день находиться на стройке, хотя прорабом на строительстве коттеджей работает Вадим. Скоро придется его подменить на неделю: у человека свадьба! А у него-то самого когда свадьба?

Думы осаждали Павла. Варя далеко. Там рядом ее мать и Геннадий Степанович, который на него косился. Неизвестно, что получится, если эти двое возьмутся за Варю, пойдут против Павла. Все сплелось и не расплеталось. Одно радовало реально: портрет деда. Спасибо Варю! Хозяйственные вопросы, правда, постепенно решались: была привезена и расставлена мебель. Все как будто должно тешить глаз. Тахту он отдал соседям, чтобы ничто не напоминало о прошлом. Павел прошелся по комнатам: понравится ли здесь Варю? И вдруг на угловом кресле в кабинете заметил сумку. Он как бросил ее, привезя от мамы, — так не касался. Надо взглянуть, хотя сердце-вещун противилось.

Бумаги и бумажки, справки из поликлиники, рецепты, очень много, он даже не видел, чтобы Анна что-то принимала. Впрочем, когда он мог видеть, если он до ночи был на работе! Фотографии в пакете — на работе, в компании, нет никого из мужчин, кто бы обнимал Анну или был все время рядом. Отдельно в паспорту — фотография их вдвоем на пляже во время свадебного путешествия, очень удачная: они — красивая пара, Анна необыкновенно хороша, фигура точеная, он обнимает ее, как видно, не может оторваться. На дне сумки — брелоки, карандаш, ручка сувенирная. И записная книжка, которую он не стал просматривать. Что он — следователь? Но как обычно делают, чтобы посмотреть, не осталось ли чего среди страниц, он машинально нажал на срез книжки, и ветхая обложка отошла, под ней была какая-то сложенная вчетверо бумажка. Там было написано от руки: «Справка. Дана Петровой...» Кто такая Петрова? — подумал Павел, но вспомнил, что это девичья фамилия Анны. «Дана Петровой А. В. в том, что она находилась на излечении в ПБ с 3 апреля по 31 марта 1995 года. Астенический синдром. Дана для предъявления в институт». Штамп. Подпись неразборчива. А в середине этой сложенной справки — вырезка из какого-то справочника, где мелко напечатано:

Шизофрения — психическое заболевание, основные проявления: изменение личности (снижение активности, эмоциональное опустошение, аутизм и др.), разнообразные т. н. патологически продуктивные симптомы (бред, галлюцинации, аффективные расстройства, кататония и др.). Течение преим. хронич. (в виде приступов или непрерывное). Возникает чаще в молодом возрасте.

Так, значит, еще одна ложь, изначальная! Павел без сил опустился в кресло.

А сказала ли Анна священнику и про эту свою ложь? И может ли священник сейчас открыть все Павлу? Наверное, не может. Впрочем, это неважно. Но Павел потерял несколько лет жизни из-за лжи Анны. Еще когда они только познакомились, он, измученный художествами Виктории, признался Анне, что хочет полную семью с двумя детьми. Она-то знала, что ее заболевание — наследственное, но выбрала ложь, зная, что Павел обеспечит ей комфортную жизнь, притом что не была жадной до денег. Сложится ли у него сейчас новая семья, родятся ли дети? А если родятся, успеет ли он дорастить их, поставить на ноги? 1995 год! Значит, Анна с юности была больна. Возможно, и лживость — проявление ее болезни.

Чтобы как-то разобраться в себе и во всем происходящем, Павлу надо поговорить с батюшкой. Он поехал в храм на следующее утро пораньше. Отец Павел был в своей комнатке при храме. Рассказав, что его мучит, Павел с нетерпением ждал ответа.

Священник уже не раз удивлял его своей мудростью, и сейчас он понял все лучше, чем сам Павел:

— Жениться хочешь. Не можешь ждать года, который себе назначил. Понимаю, что для тебя стремление к своей избраннице как к женщине — не все. Ты ее любишь и уважаешь, но продление рода для тебя — главное. Кто ж тебя за это осудит? Бог да благословит!

Тут подошел день свадьбы Вадима и Насти. В Казанской церкви, где Павел уже однажды случайно видел начало свадьбы Виктора и впервые, сам того не зная, повстречал Варю, Павел держал венец над головой Вадима. А рядом — где они такую отыскали? — над головой Насти держала венец девица ростом, наверное, метр восемьдесят. Павел и девица выглядели парой. Настя — в белом с незабудками по подолу платье, на корсаже — тоже букетик. Глаза ее, естественно, тоже были как незабудки, глядели из-под фаты. Вадим, наверное, чувствовал себя как во сне: движения не координированы, взгляд блуждает. В эйфории.

Народу собралось человек сорок, их повезут на маленьких новых фордовских автобусах. Для молодоженов подан длинный белый «опарыш», как прежде называл его, смеясь, Вадим. Павел думал, что сейчас своего рода репетиция для него, и старался все заметить, чтобы потом меньше было хлопот. Хор пел ангельски, хотя и без Насти. Отец Павел был бодр. Помогал ему сын Иван. В кафе Павел не поехал, отдав подарок другу наличными в конверте.

Вадим съездил в свадебное путешествие, вернулся утомленный, но счастливый. И опять потянулись будни. В фирме все шло хорошо,

денег на стройку хватало. Первый коттедж обрел привлекательный товарный вид, уже можно было демонстрировать следующим заказчикам. Дом Павла выглядел пока как план, обозначенный фундаментом. У Вадима начали класть первый ряд кирпича.

Варя дождалась приезда отца, который взял отпуск пораньше: Геннадий Степанович звал поскорее приехать. Они уже обговорили все по телефону и по скайпу, как подать прошение владыке о строительстве церкви на месте предполагаемого расстрела, как ее строить. Не остался в стороне и отец Глеб. Вспомнили, что часовня на кладбище когда-то была, но разрушилась или ее разрушили. Отец сказал, что в доме где-то хранилось фото, и стал искать. Нашел где-то за стрехой чердака фотографии, завернутые в рассыпающуюся газету и в клеенку, смогли разобрать год — 1937. На снимках — бородатые мужчины, кто — неизвестно, возможно, священники в советские годы, не в подрясниках. Одна фотография с крестным ходом, где впереди священник, но снимали сзади, лица не угадать, а церковь — узнаваемая, Никольская из села Благое, еще не тронутая руками вандалов. Даты нигде не указаны. И еще на одном снимке сняты трое за столом под иконами, как видно, отец, мать и сын. В сыне Варя узнала молодого дедушку Ивана Петровича, значит, второй — новомученик Петр Никольский, ее прадед!

— Теперь и для иконы есть образец, есть с чего писать — с этой фотографии! Вот радость нам! — воскликнул отец Глеб. И снова мужчины, полные планов, вели между собой разговоры, не посвящая ни во что Варю, и она оказалась словно бы в стороне. Но за главное благое дело она была спокойна — мученика Петра не забудут. Сердце теперь звало ее к Павлу, и она сказала:

— Мам, давай сбежим в Питер. Они и не заметят. А Геннадий Степанович кашеварит получше тебя. Сядем в поезд Сонково — Петербург и наутро будем дома.

Когда сказали папе, он не возражал. Варя хотела, чтобы приезд стал сюрпризом для Павла, но потом все же позвонила.

Павел, встретив их на вокзале, подвез к дому родителей и сказал, когда они выходили из машины:

— Елена Владимировна, приглашаю вас и Варвару на освящение моей квартиры, завтра в два часа дня, — Варя только широко раскрыла глаза. — Виктора с супругой я тоже зову — мы знакомы — и Ганну Николаевну. Ждал только вашего приезда, и так все удачно совпало. Я заеду за вами.

Ни Варя, ни ее мать ничего сказать не успели. А Елена Владимировна, падкая на всякие фуршеты, приемы, позже заметила: «Посмотреть квартиру — всегда интересно».

На следующий день было воскресенье. Павел подал к подъезду родительского дома Вари машину. Усадил дам, в том числе и Ганну, но Варя сама села рядом с ним. Двигались, словно это была экскурсия, по лучшим местам города. Переехали Литейный мост, миновали Финляндский. Здесь красоты особой не наблюдалось, но все было пристойно. Когда стали пересекать проспект Блюхера, Варя резко спросила: «Ты куда меня везешь?» «Я вас пригласил к себе на освящение квартиры», — спокойно ответил Павел.

Какие только мысли не посетили Варю в одно мгновение! Что Павел — знакомый Юрия, что они приедут, а их будет ждать банда, что Павел купил ее квартиру, сговорившись с Виктором, и хочет сделать ей сюрприз, и многие другие, самые нелепые. Но в это время, вместо того чтобы завернуть налево, как если бы они ехали в квартиру Вари, они проехали вперед и оказались с наружной стороны их огромного жилого комплекса, похожего на замок.

Поднявшись на седьмой этаж, Павел с гостями прошел в правую часть этажа. Трехкомнатная квартира повторяла планировку Вариной, но зеркально. Передняя-холл с большим трюмо под старину и удобным канаве возле раскидистой деревянной вешалки. Павел провел их налево в гостиную, усадил на диван, и в это время раздался сигнал снизу. Павел пошел открывать.

В комнату шагнул коренастый мужчина с коротко стриженной головой и правильными чертами лица, напомнив Варе римского императора, а вслед за ним — девушка в длинной юбке и кофте, как носят близкие церкви женщины, цвета небеленого льна, на шее светло-зеленый платочек.

— Вадим и Анастасия, друзья и сотрудники Павла Петровича, — представился вошедший. Варе оба сразу стали симпатичны, а с девушкой она переглянулась: они поняли, что есть общие темы для разговоров. Варя подвинулась на диване, и Анастасия села с нею рядом. Варя назвала свое имя и спросила, куда подевался хозяин.

— Вслед за нами еще одна пара пришла, она — беременна, похоже, месяцев семь, муж ее очень к ней внимателен. А вот и он, — в это время Виктор заглянул в гостиную, поздоровался и вызвал Ганну, назвав ее по имени-отчеству.

Павла все не было. Наконец вошли Ванда и Виктор, она — в кресло, рядом с Варей. И Ванда сказала, что пока нет священника, Павел поскорее решил приготовить фуршет, попросил помочь, но они не сумели и потому вызвали Ганну. Павел и Ганна в четыре руки сейчас загружают сервировочный столик, чтобы потом всех угостить.

— Ну, как тебе квартира? — спросила Ванда Варю. — Нет ассоциаций? А вам как? — обратилась она к Насте.

У Вари ассоциаций с прошлым не было. Гостиная обставлена со вкусом, остальных комнат она еще не видела. Настя сказала, что ей нравятся высокие потолки, что сюда даже старинный шкаф вошел. Ванда возразила, что это новодел, но очень хорошего качества. Настя, глядя на большую Казанскую икону в резном киоте, помещенную в красном углу, спросила: «Но икона-то старинная?» «Думаю, что нет», — ответила Варя, не это сейчас ее занимало. Она заметила возле Казанской две маленькие, но разглядеть — кто на иконах — не смогла, только увидела, что это образки святого и святой. Кто там?

Но вот раздался еще сигнал снизу. «Должно быть, батюшка», — заметила Настя. И минут через десять в гостиную — к радости Вари — вошел священник Казанской церкви отец Павел, уже в епитрахили и в поручах, неся в руках небольшой портфель. Какое совпадение, — думала Варя, — Павел пригласил священника из ближнего храма, а для нее это очень знаменательно, и, возможно, она хоть два слова скажет батюшке.

Батюшка достал из портфеля бутылочку, как видно, со святой водой. Все стояли вокруг. Тут в комнату вернулся Павел, неся хрустальную чашу-крюшонницу, — она как раз подходила для того, чтоб кропить.

— Паша, будешь помогать, — сказал отец Павел, выливая святую воду в хрустальную чашу. Варя поняла, что Павел знает батюшку давно. А почему же он никогда ей ничего не говорил? — возмутилась она сначала, а потом образумила себя: да разве они когда-нибудь разговаривали на тему приходскую, кто в какую церковь ходит? Давно, в самом начале, она обратила внимание, что он не чужд церкви, — и все. А потом их занимали дела строительства часовни, строительства церкви — ни слова о молитве, исповеди они не сказали.

— Благословен Бог наш!.. — начал отец Павел. Потом было «Трисвятое», потом «Приидите, поклонимся»... Потом 90-й псалом...

Павел принес стаканчик с маслом, и отец Павел прочитал молитву на освящение елея.

И стал кропить святой водой гостиную со словами: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Аминь!» Каждое слово приходилось на одну стену комнаты. Он двинулся в глубь квартиры, с ним — Павел. Варя подумала, что она никогда не была на освящении жилища, что так и не решилась освятить свой грешный дом...

Потом надо было елеем начертать крест на каждой из стен, для чего Павел принес лестницу-стремянку. Варя взглянула на мать: та с ужасом смотрела, как батюшка проводит кисточкой по стенам с евроремонтом.

Священник раскрыл Евангелие, а Павел держал перед ним книгу, и отец Павел начал:

Потом Иисус вошел в Иерихон и проходил через него. И вот, некто, именем Закхей, начальник мытарей и человек богатый, искал видеть Иисуса, кто Он...

Варя не знала, что из Евангелия читал батюшка, она этого как будто никогда не читала.

Потом всем присутствующим Павел дал по свече. Варе он вложил свечу в ладонь, задержав ее в своей, и улыбнулся. Пошли по квартире с горящими свечами крестным ходом. Батюшка кадил и пел молитвы. Начали справа, где кухня, миновали переднюю, ванную, очень большую. Дошли до конца, пошли в обратном направлении и оказались в спальне. Мама смотрела заинтересованно. Варя увидела большую и широкую кровать, шкаф, трельяж с пустым подзеркальником. Все было очень красиво — в абрикосовых тонах, но присутствия женщины не ощущалось. Икона в правом углу изображала две фигуры — мужскую и женскую. Варя подумала, что, наверное, это Петр и Феврония.

Потом был кабинет. Здесь Варе особенно понравилось. Спас Не-рукотворный сиял в киоте на угловом, свободном сверху стеллаже, снизу видны были сочинения святителя Игнатия (Брянчанинова), молитвословы. Стол был удобен, сделанный явно под хозяина: высокий, большой, с одной стороны — с выдвигной доской. Она отвлеклась от действий священника. И тут почувствовала рядом Павла, он чуть касался ее, а взглядом спросил: «Ну как? Понравилось?» Она взглядом же ответила: «Очень!»

Павел увидел ответ Вари и попытался глазами сказать ей: «Все это — наше с тобой. Все это и твое, тебе здесь понравится. Я горы сверну, чтобы ты была счастлива!»

Их маленький крестный ход вернулся назад в гостиную. Варя очнулась от своих переживаний, услышав: «Еще молимся о милости, жизни, мире и здравии, спасении, посещении и оставлении грехов и о еже сохранить их от глада, труса, потопа, мора, нашествия ино-племенников, междоусобной брани, и о еже даровати им здравие и спасение, и о еже умножити лета жития их».

Ганна вкатила многоэтажный сервировочный столик, застелив овальный стол, выставила угощение. Все с упоением набросились на питье и еду. Видно, пережив прежде редко, а может быть, и никогда не испытываемые чувства, должны были хорошо подкрепиться. Павел подвел к Елене Владимировне своего друга с Настей, они сели на диван, и друг стал рассказывать о строительстве. Что их последний проект с коттеджами дает им хороший заработок. Что загородные зимние дома у них с Павлом стоят в одном ряду, они построены будут со всеми современными удобствами. Что Настя и он недавно поженились, дом их будет готов к осени, они пока живут у тестя.

— А Пашин дом даже больше нашего, — сказал он без зависти. — Да ведь Паша и сам большой... Готов дом будет месяца через три... Павел счел эту информацию достаточной для будущей тещи и отошел.

Варя, подкараулив отца Павла, стала с ним разговаривать, встав возле окна.

— Ну что ты обиделась на него, дочка? Не знал он, что ты ко мне ходишь. Мы и не скажем ему, а потом вместе ходить будете. Ты, главное, молись, а Бог милостив.

— Отец Павел, — сказала, смущаясь и оглядываясь, нет ли близости Павла, Варя, — он меня чуть ли девственницей считает, но вы же знаете, каково мне пришлось. Боюсь я, что разочарую его. А он мне еще и предложение не сделал.

— Перед Господом ты покаялась, а пред будущим мужем у тебя грехов нет и, даст Бог, не будет. Люби мужа всем сердцем и молись, и семья будет у вас крепкая. Сколько предки претерпели, надо, чтобы род продлился, — и отец Павел, видя, что Варя просит благословения, благословил. Тут подошел оживленный Павел и спросил, почему они ничего не взяли перекусить, предложил чаю или кофе. Все в это время устроились — кто у стола, кто у сервировочного столика. Мама забрасывала вопросами о коттеджах Вадима. Настя говорила с Ганной про Чернигов. Ванда и Виктор рассматривали каталог детской мебели.

Батюшка принял приглашение на чай, и они втроем перешли в кухню, где было удобно и уютно.

— Павел, я понял, что предложение ты, собственно говоря, Варваре еще не сделал. Это так? — строго спросил отец Павел.

— Да, батюшка, правда. Боюсь: вдруг откажет, — Павел вопросительно посмотрел в глаза Варе, она взглянула на него с нежной улыбкой, и он продолжал: — А потом, разве не перед обоими родителями я должен просить ее руки? Но Алексея Ивановича нет, он придет только на день рождения Вари. Что вы посоветуете, отец Павел?

— По традиции нужно, конечно, так. Но вот ты уже дом освятил, показал его своей избраннице и своей будущей родне, все правильно. Теперь-то и сделай предложение, слова-то скажи! Как без слов-то?

Варя чувствовала себя не в своей тарелке, словно Павла надо было уговаривать жениться на ней. И тут он со всем своим огромным ростом рухнул перед ней на колени и сказал по-простецки: «Выходи за меня!» Варя, не стесняясь отца Павла, обхватила его голову руками и поцеловала лицо, куда пришлось, и стала поднимать его с колен. И в это время в кухню вошла Елена Владимировна со словами: «А чаю...» И запнулась на полужае, увидев всю сцену.

— Вот, Елена Владимировна, сделал предложение вашей дочери, она согласна, благословите! Так получилось, что без Алексея Ивановича, жаль...

— Благословляю вас, дети мои! — театрально сказала Варина мама и добавила деловито: — Остальное можно исправить. — Набрал номер на мобильнике, она передала его Павлу.

Павел поздоровался и сказал, что сделал сейчас Варе предложение, что его супруга их благословила и слово за Алексеем Ивановичем. Ответ он ушел слушать в холл.

— Павел, мы же с тобой сразу поняли друг друга. Рад за вас. Когда женитесь?

— Если вы, Алексей Иванович, приедете на тридцатилетие Вари, то вскоре после этого и свадьбу сыграем. Не возражаете?

— Не возражаю, а приветствую, до встречи, — ответил будущий тесть.

Глава 13

Павел был рад, что так все случилось, словно само собой. Нет, тут видна роль отца Павла. И Божий Промысел. Ведь священник сказал еще раньше, когда Павел его спрашивал про женитьбу: «Бог да благословит!»

Батюшка освятил квартиру, Павел показал ее Варе — это главное. И продемонстрировал, как положено, будущим родственникам, где станет жить Варя. А теперь надо познакомить с Варей маму.

Они вошли к маме в комнату. Она полулежала в постели на груди подушек. Выглядела неплохо. Нина Ивановна сообщила при входе в квартиру, что и давление, и пульс в норме.

— Кто же это такая милая? — спросила мама, когда Варя показала на пороге. У мамы была дальнорзкость.

— Моя невеста.

— Красивая. Юная. Совсем девочка.

— Я тоже думаю — девочка, но она сердится, когда я так говорю. Моей невесте, мама, скоро тридцать. Мы пришли за твоим благословением. А зовут ее Варвара.

— Ах, как я люблю это имя! От него веет русской классикой. Когда мой папа умер, тогда мама мне все рассказала. Что ее крестила тетя подруги, она была фрейлина, ее звали Варвара Гагарина. Мамина семья была небогата, и мама подруги брала мою маму на рождественские каникулы в их имение, им так хорошо было играть с Мими. А в восемнадцатом имение разграбили, отца Мими убили, а они спаслись.

Павел посмотрел на Варю, мол, не надо обращать внимание, мама иногда что-то сочиняет. Но тут он вспомнил, что читал в документе смолянки — княжны Елизаветы Аболимовой. Ее крестной была

именно фрейлина Варвара Гагарина. Но и его бабушку звали Елизавета. По паспорту она была Беляева, а Беляева умерла в 1918 году, он видел могилу в Череповце. Все постепенно выстраивалось в логичную линию. Но пока это предположения, нужны доказательства, что документы поддельные. И у Павла мелькнула мысль: на могиле бабушки написать ее истинную фамилию. Но какую?

А мама продолжала:

— Вот, мои дорогие, как страшно было. А вы живите в любви, как мы с твоим папой, Павлуша. Но и он тоже погиб, и тоже ничего не осталось от него, да еще и не здесь, а где-то в Кандагаре.

Мама говорила вполне здраво, и, наверное, пришло то мгновение, которого Павел давно ждал: он узнает от мамы новые факты. Но уж слишком невероятны они. В маминой короткой речи соединились нити жизни и смерти разных поколений, и блеснула горькой слезой капля из океана русской истории.

Варя смотрела на старую женщину, очень похожую на ее бабушку. Так могут быть похожи русские Новгородской или Тверской земли: белая кожа, серо-голубые глаза, русые волосы. Правда, сейчас волосы из русских стали седыми, но особым, красивым оттенком. Здесь старость была красива, потому что не забыта, ухожена. Видно, Павел заботится о матери, да и у Нины Ивановны, находившейся при ней, во взгляде и движениях искренняя забота и доброта.

Маму Павла зовут Александрой Трофимовной, это отчество как-то не идет к имени и ее внешности. В кресле перед Варей сидела представительница старого дворянского рода. Так что ее слова о фрейлине Варя восприняла как должное и подумала: старость — проявитель, все становится ясным в человеке. Только год рождения не очень счастливый — 1918. А какой год в России очень счастливый? Она не смогла сама себе ответить.

Павел принес маме белые лилии — королевский цветок для благородной дамы. Это были ее любимые цветы.

— Белые лилии — Богородичные цветы, — сказала Варя, — их в церквях всегда ставят к Ее иконам.

— Мама мне говорила, когда мы уже с ней стали подолгу разговаривать, когда уже умер мой папа, — уточнила Александра Трофимовна, — что в доме ее детства была комната для молитв, вроде часовни или маленькой домашней церкви, туда приходил священник и служил. Главной иконой был Спас Нерукотворный, потому что в Зимнем дворце у государя церковь во имя иконы Спаса Нерукотворного, а Богородичная икона в доме ее родителей — Казанская.

Варя подумала о совпадении, ведь она родилась в день празднования иконы Спаса Нерукотворного и всегда чувствовала необходимость присутствия ее в доме.

Павел молча слушал их разговор, а потом спросил маму, как фамилия фрейлины.

— Варвара Гагарина, родная сестра Софии Гагариной — Кольцовой-Ржевской в замужестве, дочку которой звали Мария, то есть — Мими. Князь Кольцов-Ржевский вернулся с германского фронта и лежал, израненный, в имении. Пришли, князя убили, имение разграбили, а Мими с мамой бежали в Петроград.

— Мама, я ведь тебя спрашивал про Мими, и не раз! Но фамилию ты не назвала. И Верочкину фамилию не назвала.

— Верочка — дочка Мими, значит, ее фамилия Симонова, по отцу. Неужели непонятно?

Павлу многое стало понятно, фактов хватало с избытком, не было нескольких звеньев цепи.

Мама немного рассердилась, но потом, попив с ними чаю и поговорив с Варей о ее родителях, пришла в хорошее расположение духа. Когда Павел с Варей уходили, она улыбалась. Павел был спокоен: кажется, будто никакого инфаркта не было. Главное — ее не волновать. Они были уже в передней, когда мама позвала его, одновременно — и Нину Ивановну.

— Ниночка, — сказала мама, — достаньте мне, пожалуйста, шка-тулку, где у меня всякое вышивание, вязание. А Варенька пусть пять минут подождет в той комнате. Паша, дай ей альбомы посмотреть. Теперь достаньте куколку, в которую иголки, булавки натканы. Ее моя мама сшила. Голову отпорите! Там ножнички. Так. Встряхните. Сюда мне в руки.

Их глазам предстало изумительное изделие — колье в виде перевитых золотых, не тонких нитей. В середине нити сходились, образуя вензель с буквами «В» и «Г», а в центре красовался большой изумруд. Ответвления от вензеля в виде бутонов включали еще четыре изумруда поменьше. У Павла не нашлось слов. А мама сказала:

— Варенька твоя — достойная наследница этого украшения. Я дарю его вам на свадьбу. Тоже на свадьбу подарила это колье своей крестнице, моей маме, ее крестная, княгиня Варвара Голицына. Мама тогда надела его, но один раз. Не только потому, что уже нельзя было, но и из-за несовпадения букв. А тут получается, что буквы совпадают. Чудо! Варвара Глинская.

Павел положил колье в глубокий внутренний карман пиджака, расцеловал маму. — Спасибо! А ведь он ломал голову, думая, чем украсит Варю, что подарит к свадьбе. На такое колье у него денег не было уж точно.

Они вышли из двери квартиры, и он обнял Варю. Снова оставшись наедине, они не могли не приблизиться друг к другу так, словно не было на них никаких одежд. Но этого Павлу уже было мало, хоте-

лось продолжения. В последнее время все чаще пробегала между ними искра, уводящая их от нежности к страсти. Или искра была только у него одного? Нет, надо держаться, он не даст воли рукам. Огонь, который горел в нем, не давал говорить, думать. Павел поспешил скорее сесть в машину, отвезти Варю и проститься с ней, поцеловав ее пушистые волосы. Возможно, она поняла его состояние.

Вернувшись домой, он принял холодный душ. Хотел лечь на новую кровать в спальне, но раздумал: только вместе. Устроился на любимом диване в кабинете. Читать не мог. Выключил свет, закрыл глаза — увидел Варю, ее тонкие руки, обнимающие его голову.

Воображение нарисовало ее всю, без одежды: очень тоненькая, но грудь не худая, хочется ее целовать, красивый переход от талии к бедрам... Вот он обнимает ее за талию, она откидывается назад — и перед ним ее бедра... Нет, он не мог спать!..

Варя не знала, что делать. Снова повторялась эта картина — он на коленях, и его слова — «Выходи за меня!» Эта простонародная фраза не вязалась с его аристократической внешностью... «Но и аристократы были русскими людьми, известно, что мы, русские, способны на неожиданные поступки», — думала Варя. Ей тоже хотелось тогда встать перед ним на колени, чтобы его глаза и рот были рядом, и целовать, целовать... Еле удержалась. А сегодня они чудом оторвались друг от друга, он сам остановился, сумел... А если бы — нет?

Утром Павел поехал на работу, о которой он все меньше думал, хотя там присутствовал.

Позвонил Варе и сказал, что до воскресенья не сможет с нею увидеться. Она огорчилась, глупенькая. Все-таки у женщин чувства совсем по-другому развиваются. Варе дан темперамент и чувственность, но на первом месте у нее нежность, сочувствие, воображение, мечтательность. Варя, он постепенно это понял, милосердна, сострадательна, понимает других людей. Эти качества и должны присутствовать в женщине, которая будет матерью. Он не мог сравнить с Варей ни одну из тех, с которыми когда-либо был знаком. Об Анне тоже говорить не приходилось... Да, все-таки он помимо воли вспоминал Анну.

И ночью она пришла к нему. Желанная, страстная, импульсивная, откликающаяся на каждый его порыв, дала ему сладость, которой он так долго ждал. Разрядка остудила его ум, и он спросил: «Обманщица, зачем ты беспокоишь меня?» Она ответила: «Ты здесь, а я там, мы соединяемся для обмена энергией». Он проснулся без сил, как будто всю ночь таскал пудовые мешки, и подумал: почему так, ведь квартира освящена? И ответил себе: потому что лег без молитвы.

Варе, по сути, нечем было заняться, она стала разбирать материалы диссертации, отдельно откладывая то, что пригодится в дальнейшей

работе. Мама зашла к ней в комнату и начала разговор, подобного которому у них никогда не бывало прежде.

— Павел — совершенно уникальное явление. Тебе повезло. Вы очень похожи. Вот мы с твоим папой — нет. И мне трудно, надеюсь, ты понимаешь? Но он тоже замечательный человек, незаурядный, я этот почувствовала еще в институте. За мной ведь многие ухаживали, и с одним выпускником мы уже подали заявление в загс. И вот как-то раз на студенческом спектакле случайно оказывается твой папа, он тогда уже был очень успешный, не сводит с меня глаз, потом куда-то исчезает, снова появляется и осыпает меня розами, увозит на машине к себе. А утром делает мне предложение. Он никогда до этого ни в кого не влюблялся, ведь он — однолюб. Тот, с кем мы подали заявление в загс, не находит меня в общежитии, а увидев на следующий день, избивает меня ногами, так, что я теряю ребенка, которому было несколько недель. Я, вся в синяках, попадаю в больницу, скрываюсь от Алеши, уезжаю домой к маме. Ну, потом я возвращаюсь, и мы с твоим папой женимся. Жениха я пожалела, и под суд он не попал, теперь он очень известный актер, играет благородных героев, защитников слабых. Я, конечно, поступила с ним ужасно. Но ты знаешь, Алеша — он же гений, и хорош собой, и настоящий великодушный, добрый человек, а не играющий благородную роль. Вот так, доченька. И я рада, если ты, наконец, найдешь свое счастье. Я долг выполнила, двух детей мужу родила, никогда ему не изменяла. А то, что готовить не умею и не люблю домашнее хозяйство, так ведь всю жизнь хотела играть на сцене.

Варе стало до слез жаль мать, она обняла ее, гладила и целовала. Они поплакали вместе, потом пошли пить чай. И Варя поняла, что теперь у них будут очень теплые отношения, которых ей так не хватало всю жизнь.

Неделя кое-как прошла, наступило воскресенье, которое назначил для встречи Павел.

— Мы же с тобой нигде вместе не бывали — ни в театре, ни в музее! Все архив, да развалины церквей, да кладбища! Сейчас в корпусе Бенуа выставка живописи из частных коллекций. Любишь частные коллекции?

Варя только с любовью смотрела на него и кивала головой, ей так нравилось, когда он увлекался чем-то. Увлекаясь, он, обычно спокойный, выдержанный, весь преображался.

Например, когда он рисовал проект часовни.

Выставка, как всегда из частных коллекций, была небольшая. Посмотрели первый зал: там были Бакст и Бенуа, Сомов и Малявин, один этюд Коровина, небольшой набросок Васнецова, на нем и задержал

внимание Павел. В это время Варя переходила в другой зал, и тут же с порога раздался ее вздох-крик: «Ах!» Павел бросился к ней: ей плохо? Наверняка ее рано выписали! Варя стояла, молчала и рукой указывала направо — Павел повернул голову и тоже в удивлении произнес: «Вот это да!..» Прямо на него глядел изображенный во весь рост он сам: такой же высокий, одетый в темно-зеленый мундир.

Фоном служил какой-то дворцовый зал. Они с Варей вместе оказались у портрета, и Варя прочитала вслух: «И. Г. Мясоедов. Портрет неизвестного в парадном мундире. 1914...»

Павел застыл, Варя — тоже. Несколько посетителей обратили внимание на них и, остановившись, переводили глаза с портрета на Павла и обратно. Тогда Варя поскорее потянула его за руку в первый зал: «Подождем чуть-чуть и вернемся: ведь мы не прочитали, кто владелец».

Вернулись. Павел все не мог прийти в себя. Наконец, посмотрел табличку: «...из собрания Н. Финистовой». Ему стало ясно, что надо ехать к Финистовым на Васильевский.

«Поедем?» — спросил он Варю, хотя мог не спрашивать. Жажда видеть владельца, чтобы узнать имя «неизвестного в парадном мундире», была ей понятна и очень близка. Но опять ему из квартиры Финистовых ответил тот же женский голос, что хозяев нет, что Екатерина Андреевна здорова, что приедут все недели через три.

Ждать Павел не мог. Есть еще один источник — Симоновы. Мария, скончавшаяся в восьмидесятых годах, и Вера — «Верочка». Почему он не занялся ими до сих пор?

Глава 14

— Павлуша, мы уезжаем! — раздался в телефоне полный отчаяния Варин голос. — Папа требует нашего с мамой возвращения. Говорит, мол, твой жених — мужик самостоятельный, к тому же, в офисе сидит, не пропадет, а мы тут без еды пропадаем. Мы физической работой занимаемся, говорит, часовню строим во имя Успенья Божией Матери. Проводишь? Или пусть Витя? Сегодня вечером. Поезд сонковский.

Павел забрал их от подъезда, все уже было снесено вниз — четыре объемистые сумки.

Ганна была при этом, но она тотчас же уезжала к Ванде, которая неважно себя чувствовала, чтобы остаться там надолго.

Времени до поезда было много. На вокзале Елена Владимировна попросила дочь купить ей какие-то особые салфетки, которые могут быть только в определенном киоске. Когда Павел вызвался сделать это сам, она ответила, что лучше — Варя. И только дочь ушла, она начала разговор с Павлом, он понял, что салфетки — отвлекающий маневр.

— Павел, я вижу, вы делаете для Вари все наилучшим образом, но вы не Крез, а наша дочь — не бесприданница. И мы с Алексеем Ивановичем решили, что можем предложить на выбор два проекта. Деньги на постройку дома, определенную часть, как решим. Или — от квартиры Вари в вашем доме, трехкомнатной, после продажи — половину. Думаю, что трехкомнатная ваша для вас маловата. Там, на том же этаже, я заметила, есть примыкающая к вашей какая-то безхозная одно-двухкомнатная, возможно, даже невыкупленная. Подумайте и нам позвоните. Вон Варя уже бежит, ей говорить не надо.

И она сделала вид, что роется в сумочке.

Павлу предстояло опять быть в одиночестве месяц. Но он даже облегченно вздохнул: лучше ждать свадьбы на расстоянии от невесты, а то совсем неспособно.

Надо было навестить маму, и после работы он отправился к ней с цветами и с продуктами.

Она только и ждала:

— Так хочется поговорить, Павлик. Хорошая твоя Варвара, воспитанная, вовремя отвечает, вовремя промолчит. И видно, что умница. Родители, по ее рассказам, — культурные люди. И красивая неброской красотой, и добра. Я заметила, как она хотела побежать мне за водой для лекарства, но Нина Ивановна принесла сама. Вот эту девушку ты, Павлик, любишь по-настоящему, я вижу. А те — просто заместительницы были, чтобы скрасить ожидание этой.

— Мама, про Викторию я не говорю. А разве Анна тебе не нравилась?

— Нравилось, что она тебе служила... Нет, не нравилась. В ней что-то такое сидело внутри, от чего мне всегда было неудобно. И я за тебя боялась.

Ах, какая у него мама прозорливая, мудрая, а он и не знал, — думал Павел. — Она мудра уже потому, что свою мудрость скрывает. Иногда она как ребенок. И все же сказанное ею накануне — не фантастика, и он сейчас посмотрит еще раз письмо от Мими, написанное рукой Веры. Там ведь должен быть адрес!

Он вышел в бывшую свою комнату и достал письма. Нужно письмо, на удивление, было без конверта — просто обернуто тетрадным листком — он-то и забыл. Значит, мама все еще боялась тогда чего-то. Ну, правильно, дочь чекиста научена правилам конспирации. Конверт уничтожила. Хотя не всегда нормальный человек может выдерживать подобное напряжение всю жизнь. Пример тому — его дед, генерал КГБ Трофим Николаевич Калинин, которого перед смертью одолевали видения.

Упорный, как всегда, Павел взялся снова просматривать открытки, чтобы выписать все обратные адреса с фамилиями — Симоновыми

и Кольцовыми-Ржевскими.

Кольцовых-то быть не должно, так и есть. А Симонова В. написала на открытках за все время два адреса. Павел попробовал отыскать по адресу нынешний телефон, чтобы сократить поездки. Справочное после разных ухищрений Павла дало два телефона. По одному никто не ответил. По другому телефону истеричная женщина закричала ему: «Да вы бы еще через сто лет позвонили! Съехали они». А когда Павел попытался спросить время их отъезда, женщина крикнула: «Да отстаньте вы!» — и бросила трубку.

Павел понимал: время летнее, вполне возможно отсутствие хозъяев. Но положил себе за правило: звонить каждый час. Так прошло несколько недель.

Пока нет Вари, многое надо успеть сделать. С утра он работал в офисе, с обеда — ехал в поселок или наоборот. Иногда он даже, обнажившись по пояс, зачищал лопатой площадки, уже разровненные бульдозером. Его это очень взбадривало. Они менялись местами с Вадимом. Но Вадим, когда освобождался, сразу бежал к своему личному объекту, а уже там был и прорабом, и рабочим. Дом его вырос заметно.

У Павла дом пока застрял на нулевом цикле. Кончился красный кирпич. Он, не жадничая, отдал его на общее строительство, но вдруг с завода перестали отгружать заказанное заранее. Стройка Павла остановилась. Зато в церкви дела шли хорошо. Шатер стоял, ожидалось торжественное освящение золотистого шара и креста. Они, уже привезенные, находились во дворе церкви под возведенным навесом. Их доставили заранее.

А внутри храма обнаружили дверь, ведущую в подклеть, которую в давние годы засыпали. Теперь же — отрыли и сделали спуск-вход. Внизу, где были захоронения, все почистили и покрасили еще до настилания пола. Надгробия тоже расчистили и промыли, сделали снимки с них. Павел помнил, что обещал узнать в архиве историю храма, но пока не был уверен, что до осени сделает это. Остались считанные дни. Весь август архив закрыт. А двадцать девятого августа — тридцатилетие Вари.

Тем временем первый коттедж был готов, а коммуникации были проведены раньше, одновременно по всей линии застройки. По замыслу Вадима дорогу, подъезд к коттеджам делали очень аккуратно, а по отдельным договорам — еще и окультуривали: сразу же огораживали газоны, внешние небольшие площадки-стоянки, ставили вазы, чтобы осенью завезти грунт. Первый коттедж купил сын известного адвоката, родившийся здесь же, в области, патриот края, приятель тестя Вадима по общественной организации. Поэтому его вселение устроили помпезно, с оркестром, прессой, разрекламировали в га-

зетах и на телевидении. Сразу после этого было заключено четыре новых договора.

Павел, методично звонивший по молчавшему телефону, вдруг услышал старческое:

— Алле! Я вас слушаю.

Он не поверил своим ушам и громко произнес:

— Мне нужна Вера Симонова. Могу я с ней связаться?

— Да-а, я слушаю.

— Ваша подруга Александра Глинская... Вы ее помните? Я ее сын... Павел...

— Пашенька... Я тебя видела маленького... А Сашенька?..

— Она сейчас из дома не выходит. А вы как себя чувствуете?

В голосе собеседницы появилась энергия, бодрость, и она сказала:

— Приезжайте немедленно! Диктую адрес...

— Я выезжаю.

Адрес оказался одним из тех, что он списал с поздравительных открыток двадцатилетней давности. Кстати, район неподалеку от дома Павла. На втором этаже пятиэтажки дверь ему открыла очень старая женщина. По его подсчетам, ей должно было быть без малого девяносто. Павел, извинившись, спросил отчество, оказалось — Вера Васильевна. Она давно уже живет у внучки в Озерках, только иногда ее сюда привозят на день-два «побыть в родной обстановке», как сказала она, ведь здесь скончалась ее мама.

— И вот, наконец, Пашенька, я исполню волю моей мамы, она передала мне письмо, которое нельзя было держать в вашем доме из-за Трофима Николаевича. Написала письмо твоя бабушка Елизавета Георгиевна. И сейчас я тебе его вручу. Слава Богу, теперь смогу быть спокойна.

Старая женщина была собранна, четка в своих действиях, помнила, где хранила письмо. Она достала его из небольшой старинной шкапулки в изголовье дивана. Письмо было заклеено, на нем не стояло ни имени, ни фамилии — только: «Моему внуку».

— Вот как она жила, бедная тетя Лиза, лишнее слово боялась сказать. Наши мамы очень дружили, любили друг друга. Мы с мамой могли разговаривать, ничего не скрывая. А твою маму тетя Лиза боялась потерять, потому все так случилось. Ну, открывай, читай!

Павел с трепетом душевным взял и распечатал письмо.

Мой дорогой внук! Не сомневаюсь, что ты получишь это письмо. Господь не попустит, чтобы ты не узнал правду о своем происхождении. Я, твоя бабушка, урожденная княжна Аболимова Елизавета Георгиевна, родилась в имении моих родителей Заозерье Тверской губернии 12 июня

1899 года по старому стилю. В сегодняшних моих документах значится: Беляева Елизавета Федоровна, родилась в Вологодской губернии, в деревне Сытно, в крестьянской семье 1 января 1900 года. Это сделал мой муж Трофим Николаевич Малинин, спасая меня и скрыв мое происхождение и мое особое положение.

Мой первый муж — князь Павел Андреевич Головин, поручик лейб-гвардии Преображенского полка — был арестован и обвинен в сопротивлении рабоче-крестьянской власти и как участник заговора расстрелян в 1918 году. К тому времени я уже два месяца ждала ребенка — твою маму. Трофим подобрал меня на улице, когда я теряла сознание от голода и от переживаний — в тот день был объявлен приговор. Я шла с Гороховой, 2. Трофим доставил меня, больную, к себе домой, на Мытнинскую, и его мать Марфа Тихоновна, чудесная жениcina, Царство ей Небесное, вывела меня, вошла в мои обстоятельства и подсказала сыну, как сделать, чтобы меня не арестовали, вспомнив о своей односельчанке, которая незадолго до того умерла. Троша — человек не плохой, но он жертва обстоятельств, обманутый, как весь народ, он полюбил меня, согласился признать твою маму своей дочерью. Вряд ли родной отец мог сделать для нее в тех условиях больше, чем сделал он, и он дал нам обeim свою фамилию. Я постепенно узнала его и, можно сказать, полюбила за простодушие, бескорыстие. Моя вина в том, что не воспитала в твоей маме веру во Христа. Но бесконечна милость Божия, прошу Господа, чтобы вложил в тебя эту веру.

Твой дед Павел Андреевич Головин — несравненный образец русского дворянского достоинства, чести, благородства. Не сумев сама сохранить его фамилию, я крестила тебя именем твоего деда. Ты в чем-то похожа на него — глубиной ума, правдивостью, своими искренними, возвышенными порывами, даже внешностью. Дорогой мой! У твоего отца был неженатый брат-близнец Андрей. Он ушел с Белой армией. О нем я ничего не знаю. Возможно, фамилия Головиных не угасла. Найди всех, кого можешь, наших родственников. Отпой невинно убиенных, поставь моленные кресты. Венчайся с деvушкой, ровней тебе, роди с ней детей. Посылаю тебе как твоя крестная мое благословение!

Княгиня Елизавета Головина

Павел не мог произнести ни слова. А потом прочитал вслух это необыкновенное завещание. Вера Васильевна промокнула платочком глаза и сказала:

— Знаешь, Пашенька, у меня и слез уж нет, у нас у всех их нет. Только иногда, если молишься — вдруг заплачешь. А ты как? Пришел к Богу?

— Да, слава Богу! Вот, наконец, нашел невесту верующую, может быть, еще успею детей родить и воспитать. И что-то им передать главное.

— А что Сашенька, твоя мама? В здравом уме, в памяти?

— Мама только сейчас начинает думать о церкви, я даже не скажу, что о Боге. В нынешнюю Пасху срочно позвала смотреть передачу из Храма Христа Спасителя. Это на нее очень подействовало, даже в больницу попала. Сейчас ей лучше, она дома. Буду молиться. А недавно она вас вспоминала и передавала воспоминания своей мамы о вашей маме Мими, о детстве.

— Но она, я думаю, не знает, кто мой отец, мама моя не говорила лишнего. Его не сослали, потому что его отец-священник сам Богу душу отдал перед переворотом. Но как сына «церковника», папу куда не принимали, он сумел закончить только техникум по поддельной справке. Всю жизнь был простым советским служащим, а меня в вере воспитал.

— Главное, чтобы моя мама к Богу пришла. Но как теперь ей все рассказать — не знаю. И надо ли? Я вам оставлю свои телефоны. Спасибо вам за моих будущих детей да и за меня: ведь сошел с меня смертный грех того, которого я считал своим дедом. И все же он сохранил жизнь маме и, по сути, мне.

— Да, Пашенька, сложна жизнь русских людей, жизнь нашей России. Все живут, не задумываясь, не пытаюсь ничего узнать. А мы, слава Богу, знаем своих предков, прочитали свой правдивый листок истории. — Она дотронулась до конверта в руках Павла.

Павел расцеловался с Верой Васильевной троюкратно, поклонился ей в пояс и пошел, все еще не в состоянии прийти в себя. Так вот кто он! Вот откуда возникают у него порой какие-то странные образы, чувства. Как будто он не отсюда, случайный здесь человек. А мама, бедная, напитанная идеями своего приемного отца, только сейчас, даст Бог, что-то поймет и почувствует. Какое счастье, что не родился он раньше. Ведь если бы раньше, то больше вылил бы на его детский ум своих идей Трофим Николаевич. Но есть еще иное в человеке, что, помимо ума, ищет правду, — это душа. И души рождаются по неведомым человеку законам.

Глава 15

Варина жизнь в Кашине текла внешне спокойно, монотонно. Они с мамой вставали рано и начинали готовить пищу на всех на весь день. В перерывах занимались огородом. Мама похудела за месяц от трудов. Варя тоже — от тоски по Павлу. Перезванивались они, как он установил, раз в неделю по субботам. Он ей отчитывался очень подробно, нежных слов не говорил, только в конце разговора: «Целую». Варя порой даже сомневалась: было ли предложение руки и сердца? Но существовала у нее некая отдушина — ее светелка. Там она молилась, там стоял образ великомученицы Варвары, в изголовье — житие.

Старые книги хранились в простом фанерном шкафу, написанные полвека назад. Они назвались красиво: «Белая береза», «Каменный пояс». Читалось трудновато, но все-таки она находила отголоски недалекого прошлого — свидетельства истории. Ведь и сейчас, думала Варя, во славу Божию, мы творим историю. Вот поставим храм — маленькую часть возрожденной России — и впишем свою строку в книгу Жизни. И Павел под Петербургом восстанавливает церковь... Тут Варю снова охватывало чувство к Павлу, было уже не до истории. Мечталось, чтобы он находился рядом.

Но без откровенного разговора с отцом Глебом дальше жить нельзя. Хотя теперь Варя во всем доверяется отцу Павлу из Казанской церкви, ее первые шаги в храме видел отец Глеб, он знал Диму. Возможно, он как-то по-другому посмотрит на ее поступки. Надо к нему идти.

И вдруг отец Глеб сам приехал — за рулем «жигуленка». Папа с дядей Геней что-то монтировали в сарае. Варя с батюшкой вспомнили свою неудавшуюся поездку в Москву. «Видно, от чего-то худшего Господь нас уберет», — оценил событие отец Глеб. Но для Вари самое худшее — то, что случилось с ней полгода назад, а длилось до этого почти год, мешая жить дальше. И она поведала свои сомнения в возможности отношений с Павлом. Имеет ли она право быть его женой? Но отец Глеб сказал, что были и больше согрешившие — Мария Египетская, например, — и спаслись... И объяснил Варе характер Павла: «С Павлом тебе по пути. У вас же с ним одни мысли! Это же Дима, только взрослый, надежный, умелый в жизни, но такой же романтик!»

Мама пришла звать обедать, она была усталая, в большом переднике дяди Гены и в косыночке. Потом уже разговор Вари с отцом Глебом не возобновлялся. Когда все сидели за столом, Варя подумала: как хорошо за трапезой, благословленной священником, и мама выглядит спокойней. Вдруг возле дома просигналила машина.

— Никак инок Симон приехал? — воскликнул отец Глеб и пошел встречать. В дом, сняв обувь, черную свою скуфью и перекрестившись на иконы, вошел молодой худощавый монах.

— Брат Симон, вот матушка Елена щи постные нам сварила, угощайся, — предложил отец Глеб. — Здесь у нас хозяин этого дома, внук новомученика Петра Никольского, Алексей Никольский, и его правнучка Варвара. А Геннадия ты видел в часовне.

Инок скромно сел сбоку, перекрестившись и перекрестив миску со щами, и стал неторопливо есть, а когда нес ложку ко рту, подставлял под нее кусок хлеба.

Окончил он первое вместе со всеми, от второго отказался.

Варя чувствовала, что инок этот не простой, что сейчас произойдет что-то значительное. Когда со стола было убрано, Симон достал

из сумки, которую он, оказывается, поставил в красный угол, довольно большой сверток и развернул на столе холщовое полотнище. И Варя увидела своего прадеда в золотом нимбе, в одежде, напоминающей подрясник. В правой руке перед собой он держал крест. Он был и похож на фотографию, и не похож, в изможденном, строгом его лице передавалось то, что зафиксировал протокол допроса: «Признаю только власть Бога и всегда буду Ему служить».

И Варя сразу подумала, что надо всем им — отцу, Виктору и ей — сделать по списку с этой иконы, чтобы каждый мог молиться новомученику Петру.

— Теперь киот надо, — сказал отец Глеб. — Денег у нас нет. Тебе-то, брат Симон, мы вторую часть вот-вот заплатим, мы понимаем, что на одни краски сколько уходит.

— Покупные краски я, отец Глеб, не использую, готовлю из натуральных материалов, растираю, смешиваю. И доски тоже стараюсь делать сам, долго дерево выбираю, сушу... Но на подготовку очень много времени уходит... От хорошего дерева не откажусь, если найдете. Главный расход для меня — сусальное золото, его в Твери покупаю. Лак тоже сам делаю, грунтовку, составляющие, конечно, приходится покупать.

— Да, к такой иконе киот надо достойный, — повторил отец Глеб. И Варя стало ясно, что батюшка ждет ответа от Геннадия Степановича, а резчику надо еще поразмыслить...

На родителей, видела Варя, икона очень подействовала, и подумала, что их воцерковление — вполне возможно, особенно отца.

Павел не помнил, когда он так интенсивно работал, все успевал и чувствовал себя хорошо. В воображении своем рисовал Варю — нарочито — в архиве, среди папок и бумаг, серьезную. Отец Павел, к которому он ходил на исповедь и заглядывал в почти восстановленную церковь, однажды спросил, когда же все-таки свадьба. Павел ответил, что Варвара возвращается к двадцать девятому августа, у нее тридцатилетие, а первого сентября ей надо на работу. Тут же надо и регистрироваться. Но там срок установят, чтобы невеста одумалась, — он усмехнулся, — ведь разница большая в возрасте, да и брак у него второй.

— А вы регистрируетесь в нашем поселке, — нашел выход отец Павел, — проблем не будет, и повенчаетесь в возрожденном храме самые первые. К Вадимовой свадьбе мы не успели все закончить. Сейчас-то, сам видел, остались мелочи. Работы там было года на три, сделали за год. Чудо! Жаль, для застолья в поселке места нет.

— Да, спасибо за идею. Думаю, Варя не будет против. Возвращаться в город все равно придется почти всем. Здесь где-то и пригляжу приличный ресторан.

— Все-таки ты, Паша, решил не дожидаться той даты, — подтвердил действия Павла батюшка.

— Сделал, что мог, что совесть требовала: поехал все-таки на Смоленское, еле могилу нашел, пригласил тамошнего священника, отслужили панихиду на могиле, заказал поминовение на полгода.

— Слава Богу! Что же Варенька?

— Слышу, что нервничает, я с ней раз в неделю говорю. Строго говорю, чтобы не сорваться и к ней не поехать. А у самого сердце болит. Осталось немного до ее приезда, приедет — мне еще хуже будет. Не дожидаться свадьбы.

— Ты, Паша, будь разумным. Сейчас много не работай. Нельзя без выходных. Взял бы на один день путевку куда-нибудь, хоть в Зеленогорск — отоспался, наплавался, чтоб к свадьбе в лучшей форме быть.

— Вы простите, батюшка, я даже слишком в форме.

— Надо здоровым быть, чтобы дети здоровые получились. Вот я о чем. Кстати, о Зеленогорске: Вадима тесть что-то говорил про путевку выходного дня, позвони ему.

На пятницу Вадим привез от тестя гарантийное письмо для дома отдыха, чтобы в воскресенье Павел мог сразу ехать в Зеленогорск, оплатив путевку на месте. Дни стояли жаркие, так и тянуло в воду, хотя по народным приметам после Ильина дня купаться нельзя. Павел, поставив машину на стоянку, оформил путевку. В номере его все устраивало. Одевшись для пляжа, он отправился к заливу. Пляж принадлежал дому отдыха, посторонних не было. Людей, однако, хватало, особенно женщин. Когда, наплававшись вволю, Павел вернулся к своему месту, рядом оказались две молодые, минимально одетые девушки. Одна даже топless. Павел невольно среагировал на нее.

— Мы видим, что вам понравились, — сказала она, глядя на его плавки.

— Вы нам — тоже, и приглашаем вас провести вечер втроем. Можно у вас, — продолжила другая.

Павел разозлился. На себя. Знал же, что нельзя ему появляться нигде одному — сразу пристанут. Он взял одежду и ушел на край пляжа, где были клочки травы и кочки, и снова пошел плавать. Когда вернулся, девиц рядом не было. На обеде они маячили поблизости, строили глазки, принимали призывные позы, но сейчас он собой владел. Ушел в номер, отдохнул. Потом пошел на спортивную площадку, позанимался на турнике. Встретил отдыхающего спортивного вида, поиграл с ним в теннис. Опять пошел на пляж, девиц там не было. Снова поплавал вдосталь, посидел, посмотрел на залив и подумал: он давно так полезно не проводил время. Решил не ходить на ужин —

заглянул в стоящую рядом с пляжем палатку, там были фирменные соки и запаянные крекеры. Обошелся этим.

Спать еще было рано. Наверняка основная масса отдыхающих толчется где-то под музыку или выпивает в дымном баре. Павел не умел быть без дела. Хорошо хоть — поплавал, вспомнил юность. Пока он не чувствовал свой возраст, но мысли обременяли.

Ему нравилось, если все было под рукой — и для работы, и для отдыха. В этом отношении дом за городом должен дать то, что нужно. Но понятно, что на строительство еще надо зарабатывать, а готово жилье его мечты будет не раньше Рождества.

Павел в раздумьях прилег, не раздеваясь, и незаметно для себя задремал. Проснулся, не понимая, что происходит. Рядом с ним были девицы. Одна взялась за его кисть, стараясь связать ему руки полотенцем. Другая расстегивала ремень на брюках. Павел рассвирепел. — Он схватил ту, что возилась с пряжкой, за волосы, скрутил их, потянул вверх и держал крепко, она заверещала. Первая, что хотела связать руки, выпустила полотенце и, приблизившись к его лицу, пыталась поцеловать. Он заломил ей ногу свободной уже от полотенца рукой так, что от боли она онемела и отпрянула от него.

— Вот что, красотки, — прорычал Павел, — бить сам я вас не буду, вызывать своих охранников — лень. Сейчас быстро отправляетесь по одной обратно той же дорогой, которой пришли. У вас соседний номер? Двадцатый? Хорошо. Считаю до трех: первая — пошла! — Он отпустил ногу, и девица, прихрамывая, двинулась к балкону. На счет «три» ее уже не было. Вторую Павел, не выпуская ее гривы, подвел к двери, открыл и посмотрел, куда она двинется. Она, действительно, подошла к двадцатому номеру и постучала, ей открыла подружка.

Настроение Павла стало — хуже некуда. Отдохнул, называется... Идиот, еще и балкон открыл... Он собрал вещи, посмотрел на часы: два. Значит, нигде им не отломилось, как говорит Вадим, решили заняться скромным одиноким интеллигентом. Он спустился к консержке, она не спала, спросил, что за девицы занимают двадцатый номер, они мешают ему отдыхать, и он уезжает. Консержка разразилась гневной речью, что уже были жалобы на этих... Обозначения девиц — «шалавы», «сучки», «проститутки» — в ее речи были самыми мягкими.

На следующий день невыспавшийся Павел в офисе повторял про себя самые нелестные слова в свой адрес, говоря, что совсем отстал от жизни. Но жизнь открывалась ему не только дурной стороной. Вдруг сама позвонила Варя. Вот молодец! Какой свет во мгле!

— Павлуша! У нас большая радость — икону написали для будущего храма.

— Какую? Успения?

— Пока поставят в Успенской, но это — новомученик Петр Никольский. Спасибо тебе от папы, низкий поклон от меня. Нимб золотой, и от него самого свет исходит. Я уже молилась ему за всех нас.

— Ну, я тоже рад. А увидеть-то ее как? Сфотографировала?

— Икона большая, храмовая. Я заказала три списка, поменьше, для дома.

— Вот правильно, значит, увижу.

— Вместе молиться будем. Целую тебя, мой любимый. Все. Больше не могу говорить.

Павел начал считать дни до Вариного приезда: три. Она приедет за день до рождения. А вот что дальше? Она еще не знает, что отец Павел договорился о регистрации в поселке и совершит венчание в Скорбященской, уже полностью готовой к их свадьбе, церкви.

Павел позвонил батюшке о праздновании тридцатилетия Вари, тот только спросил, много ли неверующих будет, а когда услышал ответ, что у него-то, у отца Павла, все сразу верующими становятся, сказал: «Правда, чудеса, Паша! Мы ведь с тобой год назад только познакомились. А разве ты такой был?» Узнав, что, кроме родителей, будут только молодые Никольские и Ганна, отец Павел сказал, что обязательно приедет, спросив адрес и время.

Дел было немало. Найти подвенечное платье. Это, не теряя времени, приглядеть можно и сейчас, предварительно, а потом уже привезти Варю примерить и купить. Ему тоже надо купить — костюм на такой случай нужен непременно новый, это он сейчас и сделает.

Объехать ближайшие к своему дому рестораны, посмотреть меню, предварительно договориться. И главное — наверняка уже вернулись из Франции Финистовы — съездить к ним.

Он поехал на Васильевский, жалея, что не смог узнать у нелюбезной домохранительницы телефон. Время было почти пиковое, надо спешить, и Финистовы, если они работают, могли быть уже дома. Он позвонил снизу. Отозвался все тот же голос:

«Да, они дома, а кого надо?» Он ответил, что хозяина. Мужской голос был довольно молодой. Павел сказал, что хочет поговорить по поводу портрета на выставке, но не ради покупки, а что это важно для Екатерины Андреевны.

Мужчина сказал просто, чтобы поднимался. Но Павел возразил: «Когда вы меня увидите, поймете, что мне пока в доме лучше не появляться. Может быть, встретимся на углу в кафе?» «Как я вас узнаю?» — спросил мужчина. «Легко», — ответил Павел, сразу вспомнив любимое словечко Вадима.

Когда через десять минут в дверях кафе появился новый посетитель и Павел встал, то по оторопелому виду вошедшего он понял:

это тот, кто ему нужен. Павел сделал шаг ему навстречу и протянул руку для пожатия, назвав свое имя и фамилию. Тот все еще не мог прийти в себя. Чуть погодя, произнес: «Александр Финистов». Ему было между сорока и пятьюдесятью.

— Вы, наверняка, догадались, что я родственник князей Головиных, — давая возможность Финистову прийти в себя, стал рассказывать Павел. — Моя бабушка — жена Павла Андреевича, он — мой дед. Не стану вспоминать о своих сложных поисках. И отец мой, Петр Глинский, тоже был расстрелян, как дед, только не в восемнадцатом, а в тридцать первом году. Об этом говорить и говорить. Скажите мне, как здоровье Екатерины Андреевны. Для меня — это бесценный человек, хотя я никогда ее не видел. Вы понимаете, что, если я явлюсь перед ней так, вдруг, может случиться непоправимое. Скажите, как она?

— Екатерина Андреевна в порядке. Я — муж ее внучки Натальи. Мы два дня, как приехали из Франции, где гостили. Мы с Натой — три недели, а Екатерина Андреевна — два месяца, мы с ней вместе вернулись. А туда ее отправляли со знакомыми. Там, как вы догадались, живут Головины, потомки Андрея Головина: Андрей Андреевич, ему в этом году восемьдесят, его дети — Андрэ и Кэт, им по пятьдесят, у Андрэ — сын, ему тридцать, он еще не женат, его зовут Поль. Мужскую линию я вам всю рассказал, остальное — потом. Кстати, Поль чем-то напоминает вас, по крайней мере, такой же высокий. Да, он прилетает через несколько дней. И он говорит по-русски, как это ни странно.

После этих рассказов обоим собеседникам стало легче. Каждая из сторон знала что-то свое, им было чем поделиться. Но сейчас необходимо решить, как и когда устроить встречу Екатерины Андреевны с ее внучатым племянником, носящим имя ее брата и невероятно похожим на него. Решили, что надо начать с рассказа о том, что на выставке кто-то из знакомых видел человека, очень похожего не портрет. Высказать предположение: может быть, это родственник? Потом, когда она привыкнет к мысли, что это правда, послать на выставку человека, хотя бы Поля, когда он приедет. Выставка все еще открыта. Поль ведь должен пойти туда, Александр будет знать, когда, сообщит Павлу. А там вдруг как бы случайно они у портрета встретятся и познакомятся. Решили, что Александр будет регулярно звонить Павлу и детально сообщать, как идут дела. Расставаясь, они договорились через неделю снова увидеться — столько общего было у них теперь, столько надо было сделать!

Глава 16

Павел нашел себе костюм по росту в магазине «Великан», отдал подогнать по фигуре. Цвет костюма был темно-серый, впадающий

в синеву. На следующий день все было готово. Когда он примерил костюм, сбежался весь персонал магазина. Женщины охали и ахали, молодые строили ему глазки. Потом позвали директора. Солидный, не полный мужчина посмотрел все линии, швы, остался доволен работой. Изрек: когда фигура есть, костюм испортить трудно. И удалился. Там же Павел купил себе тонкую белоснежную рубашку и галстук-бабочку сливового цвета. Туфли у него стояли в шкафу, ненадеванные.

Встречал Варю и Алексея Ивановича Виктор. Павел не стал мешать встрече родных. Он только позвонил Вале и спросил, хочет ли она его видеть. Она ответила: «Очень!» А Павел сказал, что хочет не только видеть... И «очень-очень». Добавил, что завтра будет батюшка. Варя очень обрадовалась и сказала, что день для нее сразу становится по-настоящему праздничным. И Павел даже словно бы заревновал.

Назавтра наступил день их регистрации и тридцатилетие Вари. Павел подъехал как раз, когда Варя распахнула дверь подъезда. Он вышел из машины и со словами: «Садись, дорогая!» — открыл заднюю дверцу. Варя хотела сесть, но не смогла: все сиденье было в цветах. Она благодарно подняла на него глаза: «Какой ты!» Он нежно поцеловал ее в висок и усадил уже рядом с собой: «С праздником!» А Варя достала из сумочки небольшой сверток, развернула ткань — это был, как понял Павел, образ новомученика Петра Никольского — и сказала: «Это специально только для тебя, пусть хранит». И поцеловала образок. Павел взял иконку из ее рук, тоже приложился, завернул снова и положил во внутренний карман пиджака, к сердцу.

Хотя для них главным было венчание, регистрация тоже была определенным этапом, они ехали, и каждый думал о том, как все это будет... В поселковом загсе их уже ждали — отец и мать Насти, она сама и Вадим. Женщина-чиновник говорила чиновничьи слова, они еле вытерпели эту канитель, но ее было жаль, она старалась, и коробку конфет от Вадима она заслужила. Главное, что Павел и Варя уже обменялись кольцами.

Они вышли из маленького зала регистрации. Настя вручила Вале ромашки. Та засмеялась: «Мне гадать не надо, я и так все знаю».

— Ладно, ребята, — сказал Вадим, — все главное — впереди, поверьте нашему опыту. Осталось немного — пять дней. А нам сейчас на стройку надо — проверить, как там. Ты ведь довезешь жену в целости и сохранности до дома ее родителей, Павел? Дашь слово?

Павел хрипло засмеялся. Получилось зловеще.

— Буду ехать очень осторожно, — заверил он. А сам думал, куда ехать — к ее родителям или к себе?

Варя что-то почувствовала и сказала, что если он намерен ехать к себе, то она сейчас же с ним разведется. Павел засмеялся:

— Ну, конечно, к тебе — к родителям поедем, как положено, ведь они ждут.

Ехали молча. Оба переживали, но по-разному. Подъехав к парадной, он закрыл машину и вошел вместе с Варей. Когда за ними захлопнулась дверь, он задержал Варю у лифта, загородив собой от возможных входящих и выходящих. Поцеловал ее в волосы, потом в лоб, в глаза, в подбородок... Она увернулась.

— Варя, милая. Не могу больше! Ждать не могу!

— И я...

— Ты тоже? Правда? Как же быть? — он осторожно отстранил шарфик с ее груди. Она вся подалась к нему. Он почувствовал ее грудь своей грудью и быстро взял обеими руками эти упругие грудки и сжал их. Но не ожидал последовавшей реакции.

— Уйди! — как безумная, закричала Варя. — И не подходи ко мне! Не смей со мной так... — И она зарыдала.

Павел не знал, что делать.

— Варенька, ну прости, ну что я сделал плохого? Ведь ты же сказала, что — тоже...

— Ты меня прости, — всхлипывала Варя. — Павлуша, ты не беспокойся, просто у меня вот так... не могу... не делай мне больно...

Да, он грубый, так нельзя, — думал Павел. Подождав, пока она успокоится и высохнут слезы на ее щеках, поднялся с Варей на ее этаж. Он не знал, что делать: ведь дома, наверное, мать или отец. Как вести себя? Ведь они — теперь муж и жена, а сейчас даже не поцеловались ни разу. Он был не в своей тарелке, его состояние не соответствовало состоянию молодожена.

Но когда они вошли, Елена Владимировна и Алексей Иванович ничего не заметили.

Они расцеловали обоих и позвали за накрытый стол. Тут Варя вспомнила: «А цветы?»

Павел спустился вниз и принес охапку роз, лилий, ирисов, гвоздик. Мать Вари быстро расставила цветы по стоящим вокруг вазам, словно ждала именно такое число букетов. И Варя оказалась в цветущем саду. Это разрядило напряжение в душе Павла.

Приехали молодые Никольские с Ганной. Наконец вошел отец Павел, благословил Варю особо, подарил образок Спаса Нерукотворного, прочел молитвы перед застольем.

Когда все сидели за столом, Павел встал и сказал:

— Варенька, сегодня мы, конечно, зарегистрировались, но еще и обменялись кольцами. В день твоего рождения, чтобы кольцо с твоего тонкого пальчика не соскользнуло, прими еще такое, которое его поддержит, — и Павел достал из кармана пиджака бархатную коробочку. Он терпеть не мог эти новомодные навороты, то есть, действительно, бесконечные обертки, в которые для повыше-

ния интереса одариваемого помещали подарки. Протянул коробочку Варю. Она быстро открыла: там было колечко с изумрудом. Теща Павла воскликнула:

— Разве теперь это можно купить?

Алексей Иванович заметил иронично:

— Ты обвиняешь нашего зятя в клеptomании?

Все засмеялись.

Потом они заговорили о подвенечном платье, и Павел был отстранен от покупки полностью. Платье было заранее куплено в Цюрихе. И фата. И туфли. Но видеть платье жениху до свадьбы согласно приметам нельзя. Когда он заикнулся о ресторане, теща изрекла, что лучше всего — в Доме архитектора. Он согласился, что там достаточно места, хорошее расположение, но он не уверен, что сохранилась хоть какая-то кухня. Она заверила, что с кухней все в порядке, что директором там — ее школьная подруга. Варя воскликнула: «Опять у тебя в нужном месте подруга, мама! Как ты их сохраняешь?»

До венчания оставалось пять суток. Хорошо, что не надо заниматься застольем, — подумал Павел. У него сегодня было еще одно ответственное дело.

— А теперь я заранее должен вручить свадебный подарок от моей мамы и в какой-то степени от бабушки, чтобы вам знать, как с ним поступить дальше, — Павел достал замшевый длинный футляр, который по его просьбе купили и принесли в офис, в него было помещено кольцо. — Здесь инициалы В. и Г. — вензель Варвары Голицыной, крестной моей бабушки, которая подарила это бабушке ко дню свадьбы с моим дедом. Чудесным образом кольцо сохранилось и подходит моей невесте, а по документам — жене, Варваре Глинской.

Мама Вари ахнула и захлопала в ладоши. Ванда тоже обрадовалась за Варю, она не была завистлива. Ганна промолвила: «Це чудово...» Все долго удивлялись искусству ювелира и стечению обстоятельств.

Вечерело. Уехали отец Павел, Виктор с Вандой и Ганной. Павел, как жених, немного задержался. Варя пошла проводить его до лифта.

— Варенька, я тут пораздумывал и понял по разным приметам, недоговоренным фразам: твой муж был груб, плохо с тобой обращался. Наверное, он садист. Ты мне ничего не говори, чтобы не бередить душу. Давай, потихоньку привыкай ко мне, к нормальным отношениям мужа и жены. Я люблю тебя, дорожу тобой, ценю твою красоту и ум, уважаю тебя. У нас не должно быть ничего неясного. Ты не представляешь, как я жажду тебя. Мы познакомились с тобой в марте, а сейчас первое сентября. Спроси мужчин: кто согласился бы так долго пребывать в воздержании? Только православный человек, только любящий мужчина. Я могут еще потерпеть, но пожалей меня. И я очень хочу, чтобы ты была мамой моих детей.

Пока он говорил, Варя стояла, улыбалась и плакала, а потом начала целовать его лицо, а он поцеловал ее в губы, страстно, и она ответила, не оттолкнула. Но он не усердствовал, заключением стал мимолетный поцелуй. Варя дотронулась нежно до его щеки. И у Павла появилась надежда на полное счастье.

На другой день было много работы в офисе. Поговорить с Варей они ни о чем не смогли. Разве по телефону что скажешь? Павел даже не сообщил главные новости, что он встречался с Александром, что из Франции приезжает потомок брата его деда. Сам он постарался разобраться, кем приходится ему Поль, то есть тоже Павел, но Головин.

Посчитал поколения, годы — получился троюродный племянник. Но что-то этот племянник не спешил появляться. Главной для Павла была сестра его деда Екатерина Андреевна, но без этого племянника дело не сдвинется. Плохо, если Александр позвонит, а в это время будет идти венчание и телефон Павел выключит.

И тут, как часто бывает, когда настойчиво думаешь о человеке, Александр позвонил.

Они с Натальей уже начали вести работу по подготовке встречи ее бабушки с Павлом.

Рассказали историю номер один. Она высказалась, что такое вполне возможно, выразила надежду, что этого человека еще можно будет встретить на выставке. Словом, все, как они планировали. Поль прилетает сегодня, завтра Саша его отправит на выставку, туда, на выставку, он Полю позвонит, узнавая о результатах. Все это время Екатерина Андреевна периодически будет информироваться им о событиях. Когда Поль увидит Павла, он должен позвонить Саше, и Саша велит ему подойти к Павлу и начать разговор. А потом Екатерина Андреевна, узнав от Саши это все, естественным образом пригласит Поля срочно взять Павла к себе. Точнее, тогда Павел посадит Поля в машину и привезет к Финистовым. Павел был поражен четкой, даже несколько казенной, речью Александра и спросил, кто он по профессии. Оказалось — математик.

Пора было звонить Варе, спросить, как настроение, как идет подготовка к свадьбе, поговорить с Еленой Владимировной. А у Павла сложился целый сценарий и совсем на другую тему.

— Варюша, ты как? Не обижаешься, что редко звоню? Неожиданно свалилось столько всего... Я расскажу при встрече. Надо сейчас все вопросы решить, чтобы хоть несколько дней мы без хлопот с тобой побыли.

— Ну, мы с мамой одни. У папы важные встречи. У Виктора — какое-то таинственное, запутанное дело. Ванда с Ганной караулят начало родов. А как там Вадим и Настя?

— Вадим и Настя строят свое счастье, — сказал он неожиданно почти в рифму. — С ним мы на стройке встречаемся. Когда с тобой увидимся — непонятно.

— Решай, пожалуйста, свои дела, не думай, что тут. Первого и второго — я на работе. Отвезет и привезет меня Виктор. Я помню про Скорбященскую, закажу клировые ведомости.

— Бесценный ты работник! Все помнишь. Ну, это все ради отца Павла, понятно, — пошутил он. А сам опять заревновал и подумал, что это какое-то новое чувство. Значит, он ревнует не из-за ее отношения к мужчине? Просто ревнует, что она думает о ком-то, кроме него.

Следующий день Павел собирался посвятить подготовке своей встречи с Екатериной Андреевной. Снова, как обещал, позвонил Александр. Он встретил Поля, тот с подружкой. Поселились в гостинице, дешевой. Девушка — тоже из эмигрантов, из Швейцарии, немного владеет русским. Значит, завтра от двенадцати до часа Павлу надо ориентироваться на встречу с парочкой. Александр намекнул Полю, что в музее его ждет сюрприз, кое-что рассказал из истории здешней половины семьи.

И вот после всех перезвонов с Александром Павел пришел на выставку. Народ отсутствовал. Он походил по первому залу, посмотрел на часы: половина первого. Послышались шаги в предыдущих помещениях, и он переместился поближе к портрету деда. Смотрительница сразу уставилась на него во все глаза. Он стоял вполборота, чтобы можно яснее заметить сходство. И они заметили. Девушка, высокая, стройная, в брюках и кроссовках, в свободной рубашке с затянутыми в хвостик светлыми волосами, остановилась как вкопанная. Обернувшись к спутнику, который входил, воскликнула только: «Поль!» Она не ожидала такого, а Поль явно ждал. Он сразу подошел к Павлу и сказал на русском с небольшим акцентом, но очень четко:

— Здравствуйте, дядя Павел!

А Павел, по какому-то наитию, обнял его и трижды поцеловал. И все сразу стало просто.

Поль сказал, что девушку зовут Ани. Совсем не похожа, — подумал Павел, вспомнив Анну.

Поль не забыл, что ему надо звонить домой и рассказать о неожиданной встрече. Слышно было, как Екатерина Андреевна звала вновь обретенного родственника в гости.

Павел с Полем встали по обе стороны портрета, и Ани их сфотографировала.

Павел вел машину очень осторожно, отчего-то боясь случайностей.

Наконец они входят в комнату. Свет падает на кресло, где сидит седая, но красивая в своей старости, женщина. Павла против света она не может хорошо разглядеть.

Павел делает шаг, второй и оказывается возле Екатерины Андреевны. Он становится перед ней на колени, берет ее руки в свои и целует. А она крестит его, и целует в лоб, и говорит: «Слава Богу! Слава Богу!» И они обнимаются, она плачет, он еле сдержался. Павла охватывает непередаваемое чувство: вот она, кровная связь с дедом. Он должен прочитать тетушке письмо-завещание, должен посоветоваться, как рассказать все матери. И поделиться радостью, что он, наконец, нашел себе ровню и через два дня с ней венчается.

Их встрече никто не мешает. Потом на зов бабушки приходит Наташа и несет им чай.

«Как же вы скрылись? Вы уже были Симонова?» — спрашивает Павел. Оказывается, именно благодаря замужеству. Павел сразу думает о своей бабушке и о матери, как спаслись они. Фамилия мужа — Симонова и отъезд с ним на север по месту службы помогли Екатерине Андреевне. Сейчас сына уже нет. Когда он умер, невестка снова вышла замуж. Наташа — ангел-хранитель своей бабушки, теперь есть еще и Александр. А еще и Муся — та, что отвечала на звонки Павла.

Потом уставшая от переживаний и принявшая лекарства Екатерина Андреевна отправляется отдохнуть. А все остальные садятся за стол — поговорить. Поль оказывается очень свойским парнем, и Ани славная. И Павлу приходит мысль позвать их на свадьбу вместе с Александром и Наташей. Значит, и его родственники будут на свадьбе. Мама едва ли сможет поехать. И опять встал нерешенный вопрос, как сообщить обо всем маме.

— Поль, ты был когда-нибудь в русской церкви? — спрашивает Павел.

— Был, в Париже, а здесь — нет.

— А твоя девушка православная?

— Она очень православная, православнее меня, — свободно образует формы русского языка Поль. — У нее папа регент, она и сама может петь.

— Приглашаю вас на свою свадьбу, будете венцы держать. И Александра с Наташей — конечно, тоже. Как ехать — я объясню.

Павлу в пору было самому принимать лекарство. Но постепенно мысли успокоились.

На следующий день он встретил Варю с работы. Они поцеловались, но не страстно, мимолетно. И, не трогаясь с места, в машине, стали обсуждать, как проведут следующие дни. Ведь им надо в день

венчания или накануне исповедаться и причаститься. Утром в воскресенье отец Павел служит в Казанской церкви.

— Я думаю, если я заеду за тобой, мы поедем на литургию, потом я отвезу тебя домой. Венчание у нас в три часа. Ты немного отдохнешь. Оденешься. И с папой поедешь в Скорбященскую. Не знаю, как Виктор, ведь он не отходит от Ванды. Но срок только в конце сентября, и она, я полагаю, родит девочку мне в подарок на день рождения, не раньше. Думаю, из них троих, включая Ганну, на венчании сможет быть только Виктор. Значит, Виктор повезет твою маму. Кто еще будет?

— Мама пригласила Генриетту Михайловну, мою начальницу.

— Ну, тогда пусть и Генриетту берет в свою машину.

А потом они заехали в их кафе «У Светланы». И он рассказал, наконец, свою удивительную историю с найденными родственниками. Варя немного обиделась, что до сих пор не говорил ей ничего. Но когда? Но она очень рада была за него, выспрашивала подробности. И называла его «мой княжич».

Пребывание в кафе как-то странно подействовало на Павла. Его опять окатила волна страсти. Когда они подъехали к родительскому дому, он попросил Варю уйти поскорей, иначе он может сорваться. Она бросила на него испуганный взгляд и вбежала в подъезд.

Глава 17

Накануне венчания Павел навестил маму. Он не был у нее уже неделю, но она не обижалась. В который раз похвалила его выбор: «Скромная, умная. Надеюсь, внуки будут замечательные». Он тоже надеялся. Павел рассказал, где пройдет венчание, спросил, не хочет ли мама присутствовать, хотя признался, что ей будет тяжело. Он опять раздумывал, как сообщить ей про найденную родню, и ничего не придумал. Сказал маме, что позвонит после венчания, а потом дня через три они приедут вместе с Варей.

А вечером дома он прошелся по квартире. Все выглядело идеально. Даже в спальне на кресле розовел купленный им для Вари пеньюар. На тумбочке трельяжа — гребенки и гребни, ручное зеркальце — мелочи, приобретенные по совету Ванды.

Времени оставалось немного. Павел прочел каноны и Последование, в уме перебрал грехи последних дней. Его угнетало непроходившее желание, картины близости с Варей рисовались ему каждый вечер, и он долго не засыпал. И сейчас не помог холодный душ. Решил, смеясь над собой, принять успокоительное, чем часто перед сном поила маму Нина Ивановна, тогда, наконец, заснул.

Но сон его был ужасен. Будто бы шел он с цветами к Варе на интимнее свидание. И он уже открыл дверь в какую-то комнату. И тут

на него налетели две девицы, похожие на тех, из Зеленогорска. Одна набросила на него лассо. И вот он уже где-то лежит, и они — обе в кожаных брюках — почти раздели его. Одна уже трется об него голой грудью, и он вот-вот получит удовольствие, но не может, а вторая кричит: «Дай, лучше я» — и ее способ результативен, ему хорошо. Девицы исчезают. И тут появляется Варя и говорит грустно: «Я тоже грешница, но не такая, как ты». И он просыпается.

Наутро Павел, в несколько расстроенных чувствах, исповедался отцу Павлу. Исповедь получилась очень тяжелая, с надрывом в душе, но батюшка отпустил грехи, кроме обычных слов добавив: «Бог милостив!» И на душе просветлело. Он вошел в основное помещение Казанской церкви. Варя стояла на исповедь где-то позади него. Когда она показалась среди молящихся, лицо ее было заплаканное, но просветленное.

Они выстояли литургию. Выходя из церкви, Павел спросил Варю, как самочувствие. Она ответила: «Хочу венчаться!» А уж как хотел этого Павел! Если в Вариных чувствах он всегда слышал отголоски девических мечтаний, то в своих — приходилось усмирять буйные инстинкты, слишком долго он ждал. В нем всегда сочеталось противоположное: страсть и воля. В предстоящую ночь он постарается быть нежным. Он же любит ее.

Домой Варю Павел отвез и уехал, поцеловав у порога. Она поднялась в квартиру, прилегла, но подремать не смогла, хотя мама уговаривала. Вскоре надо было одеваться. Платье белое, разлетающееся, с зеленоватым чехлом, на корсаже — букетик ландышей. Рукава — как белые крылья. Фату прикрепить можно, почти закрыв ею лицо. Это ей понравилось. До того, как она оделась, Варя что-то еще понимала, а потом двигалась как во сне. С Павлом у нее так и должно быть: слишком он необыкновенный, не похожий на всех.

Папа повез ее в поселок, в Скорбященскую, они еле успели. Вся церковь была в цветах — это она заметила.

Отец Павел венчал их. Когда батюшка задал вопрос, Варя услышала, как глухо прозвучало «да» Павла, и она сказала «да». Батюшка надел им кольца, взял их за руки и поставил на расстеленное поверх ковра расшитое полотенце. Звучат молитвы. Выносят венцы. Венцы, наверное, держат над ними. Отец Павел благословляет: «Господи Боже...» Трижды осеняет крестом. Читает по книге, читает... «Отче наш» — поет хор. Батюшка дает им пить из одной чаши трижды: он — потом она. Батюшка благословляет: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа...» Соединил им руки и повел вокруг аналая... Они стоят отдельно от всех перед Царскими вратами. Вот хор поет «Многолетие»... Сын батюшки Иван выносит иконы из алтаря... Варя прикладывается... и ощущает, словно кто-то свыше касается ее...

Павел видел, что Варя задумчива, она почти не смотрела на него. И фата закрывала ей лицо. Платье с летящими, как крылья, рукавами подошло к маминому подарку своим зеленым отсветом сквозь белое. Отец Павел молится, обручает... Берет их за руки и ставит на полотенце... Молится... Но Павел не слышал слов батюшки, не слышал хора, а думал, что у Вари может заболеть нога в этих швейцарских туфлях. Ему хотелось взять ее на руки. Они пили из одной чаши, с соединенными руками обходили вокруг аналая, стояли перед Царскими воротами, целовали икону, которую держал батюшка, а ему хотелось обнять Варю...

Наконец-то они выходят. Рука об руку. Их осыпают цветами, лепестками, конфетами... Белая длинная машина. Варя рядом с ним. Он обнимает ее тихонько, а хочется сжать по сильнее. Едут, едут... Сколько можно? Вот и город. И пробки. Невский. Морская. Дом архитектора. «Варенька, как ты? Что? Много народу? Куда деваться! Придется терпеть...»

Длинный заставленный стол с крахмальной скатертью. Горько! Горько! Он целует, а сладости не чувствует. Горько! Горько! Варя не возражает, подставляет губы... Какой дурак там кричит — раз, два, три, четыре, пять?... Вадим, прекрати! Замолчали. Пить не стоит. Есть тоже. Какие-то пожелания... Горько! Горько! Ну, хватит!

Как ты, моя маленькая? Ну, еще полчаса — и уедем, а они пусть тут...

Новобрачных провожали до самых дверей квартиры целой свитой: Виктор, Вадим с Настей, Поль и Ани. Каждый нес охапку цветов. Павел повернул ключ. Вдруг откуда-то сверху на их полетели розовые лепестки — это Поль с высоты своего роста осыпал их из бонбоньерки. Павел распахнул дверь, подхватил на руки Варю и внес ее в квартиру. Все стали кричать: «Счастья вам! Счастья!» Пока Павел нес Варю, а нес он ее в спальню, дверь захлопнулась.

Варя, когда Павел ее держал, не чувствовала ничего. Но вот он отпустил Варю и сказал: «Ну, здравствуй, моя любимая! Жена моя! Хозяйка этого дома!» Варя смотрела на него, и он вдруг показался ей совсем другим человеком, не тем, кого она знала, опять другим, каким-то таинственным незнакомцем. Но синие глаза были его. Он опустился перед ней на колени и зарылся лицом в платье, то есть начал через платье целовать ей колени, бедра, живот, руки его при этом держали ее за бедра, вырваться она не могла.

Но разве она хотела вырваться? Эти поцелуи были особенные, потому что через платье. Потом он встал, сбросил пиджак, снял с нее фату и поцеловал волосы, растянул кольцо с изумрудами, поцеловав шею под волосами. И все это время Павел говорил: «Красавица моя! Любимая! Жизнь моя!» И снова: «Любимая! Красавица! Жена моя!»

Он был нежен и нетороплив. Она обняла его, но слова не шли, она слушала и слушалась. Вот он начал расстегивать ей молнию на платье и сказал: «Помоги мне!» И Варя помогла — потянула еще, и тогда платье просто упало с нее. И она осталась почти обнаженной. Он сказал: «Сейчас!» Взял откуда-то розовый пеньюар и накинул на нее. Снял с себя рубашку, и Варя увидела безукоризненный загорелый торс, к которому ей захотелось прикинуться. И она прикинула. И тогда только он поцеловал ее в губы так, что она чуть не потеряла сознание, ей показалось, что с ней уже все произошло, что должно.

Он опять взял ее на руки и положил на постель, и стал целовать уже и лицо, и плечи, и, освободив ее от остатков одежды, дальше и дальше. Грудь ее напряглась, он поцеловал и тут. Но не сжимал, а только трогал языком, и она почувствовала блаженство. А потом она ощутила все его тело, прикинутое к своему. И она испытала обычные чувства женщины, которая любит. Она нежно стала обнимать его и целовать лицо, и он снова поцеловал ее со всей страстью, и она ответила и обмерла. А он шептал ей: «Родная моя! Наконец-то мы вместе!» И очень осторожно тронул ее, и не останавливался, и они становились одним целым, и чувствовали одновременно. Потом все исчезло. А когда способность мыслить вернулась к ней, она подумала наивно: «Я зачала».

Чувствования были настолько полными, что они уснули тотчас, обнявшись, и проспали до утра. Павел увидел ее нежное, красивое лицо рядом — и не поверил своему счастью.

Это не сон. Солнце пробивалось сквозь шторы. Ее каштановые волосы золотились под солнцем. Она открыла свои зеленые, ясные, как будто и не спала, глаза и сказала: «Павлуша, у нас будет ребенок». Он засмеялся: «Надеюсь, что не один. А ты сейчас говоришь, как ребенок, моя маленькая. Маленька Варенька!» — повторил он. «Нет, серьезно, я вчера почувствовала, как удар молнии. Запомни этот день, то есть ночь. Именно с четвертого на пятое сентября». «Обязательно, — ответил он, — как не запомнить! Это же день нашего венчания». И стал тихонько целовать ее ухо, потом шею, потом затылок и всю спину, чуть прикусывая. Ей это было в новинку, она разнежилась под его поцелуями. И дальше все стало, как накануне, но чувство еще полнее. После она обняла его и так лежала, прикинувшись к нему.

Павел подумал, что стоило столько всего пережить, чтобы сейчас быть полностью счастливым.

— Хочешь завтракать? — спросил он.

— Нет, мне лучше так, — и она снова обняла его.

Он почувствовал, что и ему так лучше. Он обнял ее и стал гладить ей совершенное тело, как будто обрисовывал его некоторые части.

И она откликнулась. И у них все повторилось. И Павел подумал: если бы дни благоприятствовали! Они могли сегодня зачать ребенка. Прележали, нежась, еще час.

Однако поесть все-таки надо было, и поскольку, кроме подвенечного, у Вари сейчас другого платья не было, Павел решил заказать обед или ужин из ресторана домой.

— Обед будет через час, Варенька. Искупать тебя?

Она улыбнулась и подняла навстречу руки, он подхватил ее и отнес в ванную. Ванна стала быстро наполняться, а он достал один из двух своих махровых халатов, повесил на вешалку и ушел, чтобы не смущать. Все-таки она еще не привыкла к нему.

Сам он, умывшись наскоро в умывальной, оделся в спортивный костюм и, нагрузив сервировочный столик посудой и кое-какими деликатесами, прикатил его в столовую и накрыл стол. Не забыл ни крахмальную скатерть, ни салфетки, как когда-то требовала от мамы бабушка.

Пошел проверить, как Варя. Она стояла, такая смешная в его халате, вытирала волосы полотенцем и беспомощно озиралась. Он принес ей гребень, гребенки из спальни и ручное зеркало. Она обрадовалась, что он позаботился.

Она появилась в столовой в подвенечном платье, но без рукавов. Оказывается, в платье имелся секрет: рукава отстегивались — и получалось вечернее платье с глубоким декольте. Пришлось и ему облачаться в костюм, но он надел более привычный, любимый, в полоску. И тут как раз привезли обед: по два горячих блюда — рыбное и мясное, бульон, который он не любил, и два салата. Напитки он не заказывал, имелись в домашнем баре.

Пришлось им все-таки, чтобы не нарушать русскую традицию, выпить, но по наперстку. Для Вари нашлось — мартини, для Павла — виски. Выпили, сказав одновременно: «За любовь!» Потом чуть-чуть подкрепились мясом. И пили чай из китайских чашечек, но заваренный по-русски — очень крепко, как любил Павел. С черным шоколадом.

Потом Павел включил музыку для танцев, и они стали танцевать. Павел сделал открытие вслух:

— Оказывается, мы с тобой никогда не танцевали!

— И никогда не были в театре, никогда не отдыхали на море, никогда не работали вместе над книгой о Скорбященской церкви... Но все у нас впереди, — подвела итог Варя.

Между тем начали играть фокстрот, и Павел быстро повел Варю вперед. Их путь лежал из столовой — в холл, потом, минуя кабинет, в спальню. Тут он помог Варе снять платье, положил ее в постель, сказал: «Спи!» и ушел.

А сам выключил музыку, быстро убрал продукты в холодильник, принял душ, почистил зубы и, одетый в халат, стараясь не шуметь, заглянул в спальню.

Казалось, Варя спала. Он, крадучись, подошел к кровати, и тихонько подлез под одеяло со стороны ее спины, и обнял, обвинил ее целиком. Она нарочито-сердито сказала: «Бросил меня одну, бессердечный. Мне очень холодно». Он стал со спины доставать ее всюду, разогревал, как мог. Кончилось это не очень скоро, но к обоюдному восторгу и некоторому приятному утомлению.

Они не знали, который час и день. Они ни о чем не говорили — только вздыхали, произносили ласковые слова, изредка называли имена друг друга, дотрагивались друг до друга, немного дремали, просыпались — удивлялись, что это не сон, снова бурно бодрствовали и засыпали, счастливые.

Приближалось Рождество, но изменений в жизни Павла и Вари не было. Они не роптали и ждали, когда Бог даст им ребенка. И все-таки они были счастливы.

Был на свете один человек, которого надо было сделать счастливым, если у Павла это получится, — его мама. Спасенная физически, но искалеченная духовно, лишенная истинных своих корней, она, возможно, именно поняв участие воли Божией в их судьбе, и придет к вере. Перед тем как открыть дверь в мамину квартиру, Павел перекрестился.

— Мама! Я знаю твоё уважение к Трофиму Николаевичу, — начал разговор Павел. Но мама сразу перебила:

— К моему папе, твоему деду!

— Нет, мама, нет! К тому, кто спас твою маму и тебя, еще не рожденную, к революционеру Трофиму Малинину. Теперь это известно точно. Мы не можем не быть благодарны ему за спасение мамы и тебя. Но не он твой настоящий отец. Прости меня.

— Что же? Он подобрал маму на улице, падшую женщину, и спас ее? А ребенка она нагуляла где-то — ты это хочешь сказать? Отец, естественно, при такой версии неизвестен. Прошу тебя, сын, не убивай меня своими теориями! У меня вполне достойный отец, который любил меня и воспитал достойным человеком. Отказываться от него я не собираюсь. Отказываться только потому, что тобою вдруг овладели демократические идеи?

— Нет, мама, моя любимая, введенная в заблуждение, никаких идей, а только факты!

Нина Ивановна, идите сюда и будьте наготове с лекарствами. Мамочка моя, ты была непонятно чья дочь до сегодняшнего дня, ведь это счастье — узнать, наконец, свои истинные корни! Ведь ты сама

мне говорила про фрейлину. Ну, скажи: откуда у бедной крестьянки из села Сытно может быть такая фрейлина, откуда у нее такой подарок, как колье? И, прости меня, вот фотография с череповецкого кладбища. Здесь ясно, что Е. Ф. Беляева родилась в 1900 году, а умерла в 1918-м. Ты понимаешь, как устроили, чтобы спасти твою маму? Это — по мысли доброй Марфы Тихоновны все сделано. А то, что Трофим Николаевич любил твою маму, в этом нет сомнения, и она ему была благодарна за спасение твоей жизни, именно твоей, потому что ты — дочь...

Именно в эту минуту у Павла зазвонил мобильный телефон. Говорил Александр.

— Павел, Варя нам сказала, что у тебя сейчас очень ответственный момент, что неизвестно, хорошо ли все получится. Тут Польша, он приехал на Рождество, едем к тебе, мы уже близко. Встречай на этаже.

И тут же раздался звонок. Павел только успел сказать: «Мама, не волнуйся, это ко мне» — и вышел. Эти чудесные люди, его родственники, Александр и Польша, держали что-то, завернутое в холщовое полотно, ясно, что портрет Павла Головина.

Павел пригласил их войти и сказал маме, показывая на закрытый пока портрет и на Полю:

— Мама, это — доказательство, а это — Польша Головин, твоего двоюродного брата внук, значит, и твой. Тоже своего рода доказательство. Сейчас мы развернем портрет твоего отца, его написал известный художник, когда твой отец отправлялся на войну с германцами. Там написано, что это портрет...

— «Портрет князя Павла Головина в парадном мундире Преображенского полка» — там написано, — перебил его Александр, — сейчас уже прикреплена правильная надпись.

— Мама, а это, — обнял его за плечи Павел, — замечательный человек, настоящий друг, муж Натальи, внучки младшей сестры твоего отца Екатерины Андреевны, Александр Финистов.

Мама, молчавшая до сих пор, вдруг сердито сказала:

— Павел, почему ты все это скрывал от меня?

— Александра Павловна, да он только неделю, как узнал все точно сам! — вступился за Павла Александр. И, обращаясь к Павлу, спросил: — Ну что? Открываем?

И они вместе с Полей развернули портрет.

— Павлик! — только и сказала мама, Нина Ивановна уже собиралась сделать ей укол, но она лишь отмахнулась.

— Этот портрет заказала мать Павла Головина, княгиня Ксения Константиновна Головина, перед его уходом на фронт, — рассказывал дальше Александр. — Потом холст был снят, скатан и спрятан, а в шестидесятые годы снова вставлен в раму. Подпись сделана была без указания

фамилии, звания и полка — от греха подальше. Портрет выставлялся два раза. Этот раз — третий, но тоже без правильной подписи.

— Но ты, мама, — дочь двух княжеских родов: по отцу — Головина, по матери — Аболимова, — уточнил Павел. — Я — потомственный дворянин Павел Глинский, а по матери — Головин. Но ни в коем случае не князь. Сейчас многие стараются объявить себя дворянами, составляют всякие общества. В России как было: если дворянка вышла за мещанина — все, она уже не в дворянском сословии. У русских все считают по отцу — и титулы, и кровь. И, слава Богу, мы все тут русские, и все православные, а это — главное.

Мама, я сделаю хороший снимок с портрета, и образ отца будет с тобой. Давайте-ка, друзья, помогу вам снести портрет в машину!

— Нет, дорогой Павел, этот портрет дарит лично тебе, своему внучатому племяннику, Екатерина Андреевна. На обороте портрета есть еще одна пластинка, можешь посмотреть, там дарственная надпись и дата. А вам, Александра Павловна, Екатерина Андреевна просила передать: она надеется увидеться, и у вас есть общие знакомые Кольцовы-Ржевские.

Родственники уехали, поцеловав руку маме, а Павел остался посидеть-поговорить. Он сказал, что дарительнице девяносто один год, что она бодра и маме надо брать с нее пример. На вопрос, как Варя, Павел ответил: «Мечтает о ребенке».

Эпилог

Она пришла в Спасо-Преображенский собор, чтобы помянуть генерала Белой армии Александра Павловича Кутепова. Наступило двадцать восьмое сентября, день рождения генерала, последнего командира лейб-гвардии Преображенского полка. Ее дед воевал вместе с Александром Павловичем. И обоих — каждого — она поминала здесь панихидой в каждый день рождения уже несколько лет.

Народ разошелся. Ей уходить не хотелось. Представлялось, как стояли тут, в своем полковом храме, лучшие воины Империи, верные Царю и Отечеству. Отправлялись на Великую войну. И старинный Нерукотворный Спас осенял их Своею благодатью. Когда полк одновременно становился на колени, раздавался громкий шорох, отзываясь под сводами...

«Господи! Сохрани нашу память!» — молилась она.

Вдруг рядом раздались приглушенные голоса нескольких человек, и она взглянула.

Две молодые женщины держали младенцев в васильковых покрывальцах. А две немолодые женщины сопровождали двух очень старых дам в инвалидных колясках. Был здесь и крепкого сложения деловой человек с римским профилем, очень спокойный, и подвижный мо-

лодой человек, который, как видно, все уже узнал, что им нужно. А над всеми возвышался статный мужчина лет сорока, по всему — глава этого пестрого общества. Подошел священник в простом подряльнике, как одеваются батюшки сельских приходов, благословил высокого и расцеловался с ним. Остальные собрались вокруг них.

Молитвенное состояние ее ушло. Но ей очень понравились эти пришедшие на крестины люди. В них чувствовалась общность, хотя на одну семью они не походили. Она обратилась к свечнице: кого будет крестить. «Близнецов — Петра и Павла. Этот высокий — их отец. У них дом за городом, но в этот день, говорят, каждый год приезжать будут. Прадед их, расстрелянный в 18-м, служил в Преображенском полку».

«Дай Бог им Счастье и Память!» — сказала она. У нее детей не было, она жила радостью других и думами о Великой России.

БОЛЬШАЯ ЗВЕРИЛЬНИЦА

Эпическая поэтическая трилогия

Я принимаю человека таким, каким
его создал Бог, но не таким, каким его
пытается выклепать сатана.

Н. В. Сергеев-Симфориди

Цикл первый

ЗВЕРИЛЬНИЦА

О, кто же мы?

Средь бездорожья, в яме и трясине
Мы рождены советской пьяной псиной.
Мы — недоростки. В немоте лютеем,
И нет нам люти нелюдской святее,
И нет для нас божественней народа,
Чем смятый наш комок детей природы.
И нету нам родителей роднее,
И нет нам солнца и небес теплее,
Чем тлена тленье и собачий холод,
Что, выев брюхо, освящают голод.
Нам худь и дурь, и мрак, и драки святы,
Мы в них — Советской Родины солдаты.
Но лишь наш бой святой утомонится —
Душе помятой небо отворится.
О светоч сердца — мухи-тараканы!
О девство сердца — Зои, Кимы, Корваланы!
Нам нет светлей, теплей, роднее, ближе
Сырой отчизны непроглядной жижи.
О небо-небо — наш любимый угол!
Земля-планета — в уголке уголь!
И пусть застенок нам — родные стены,
Средь них мы выше, шире, глубже всей Вселенной!
Каким бы сном в нас ни влетало небо —
Не прошибить ему о небе небыль!
Подвал — чертог нам, за окном — трясина —

Все манит небом в паутину тины!
Страна! Тебе подол задрали черти!
Ты, пережив себя в горячке смерти,
На постаменте с задубелым тазом
Раззявилась собачьим бабьим басом!
О, кто же мы? И Азия, и скифы!
И есть графы, и есть на свете грифы —
Откроем их, и в них — себя откроем,
И, как мечталось, мир насилья сроем!

Плач Звереньша

О, мать Советская Родина, я — твой свин!
Пощади уродину ради твоих седин!
Мне, шуту безногому, помоги!
Тихо втюрившемуся в Бога вправь мозги!
Силою копыта в святую правду врежь:
Разрастается во мне недобитая вражья брешь!
Не могу! Взяла меня та брехня!
Ой, мерещится — брехня — это жизнь моя!
Слышу, слышу, слышу я: «Погляди!»
Кину ли я Родину? — Уходи!
Голос чей-то слышится: «Заходи,
Жизнь свою непонятую проживи, пройди!»

Воспоминание

Для кого-то радостна ливня духота,
Для кого-то празднична будня простота,
Затянулся будень, тучей затянул
Светлый наш бессонный, злой и честный гул.
Под охрипшим корявым бетоном
И под юной раскисшей листвой
Пробивался к линиялому грому
Злой Перун одинокий земной.
Духота изгалялась: «Что, Вечность!
Не раскроешься вольным окном!»
И, с лазурью-сиренью не встретившись,
Бездны рыком громадился гром.
А громада раздавлена маревом,
Мертвым маревом, скиснувшим днем,
И грозилося тайное зарево
Тусклый прах окрылить Перуном:
«Что раскисла, гроза кумачовая,

что трясешься живого огня,
верной злобы, полета и слова
для побед и для ярости дня?»
Было это лето осени равно.
Был рассвет под зиму, да угас давно.
Круглый век несносен, но удобно в нем:
Плащ — зимой и летом. И игрушкой — гром.

Час волка

1.

В пластмассовом мозгу — такая скука:
Зубами у стены театра кукол
Одиннадцать часов перемолоть —
Потрох секунд, минут тугую плоть.
Не всякий кукольник, заметьте, Карабас —
Без бороды, с румяною моралью,
Здесь воспитали волка либеральным,
Счастливый пробил в жизни волка час!
Долой насилье, стенки, гильотины —
С престола волк с разбойничьего снят.
Как трона балдахин, пары бензина
По плитке облицовочной шуршат.
Игрушка этот волк, а ведь когда-то
Мы видели и в свечке волчий глаз.
А нынче страх приносит нам диктатор —
Модерный марсианин Фантомас.
А где их дом за их безумным толком,
Где, синяя ты лысина, возрос?
Быть может, там играл ты в детстве волком —
И волком вырос, марсианский босс?
Пробьет час волка — этот дом разрушен,
Убил ты чей-то розовый уют...
В домах злодеев даже их игрушки —
и те так неприкаянно живут.
Нам для тебя — ни нежности, ни страха,
Для нас уродство — все, чем жил урод.
Вот чучело Ирана шахиншаха,
В петле качаясь, по ночам орет:
«Вам, волки, Фантомасы и драконы,
Игрушкой снова стать в конце концов —
На кукольном театре, на фронтоне
И в желтизне фигур мадам Тюссо».

Топор над королем — огонь на темь!
 Топор... над рульками — кому он нынче страшен?
 Не станет ли добро игрушкой в день,
 Когда последний волчий глаз погашен?
 Как тяжело сквозь дерн веков рыдать —
 Мох на глазах... Парижская коммуна —
 Слеза не попусту, поверишь, наша мать, —
 Не в богадельне ты, а на трибуне!
 И знаю, кто-то будет щекотать
 Сырую глотку Интернационалом.
 Как тяжело сквозь дерн веков рыдать —
 Мох на глазах. ДОБРО. А силы — мало.
 Не принесем ли мы счастливым страх?
 Нет, не затушат синей злобной краской
 Все Менгеле в больших Земли глазах
 Теплинку, что осталась от Гааза.
 Пройдет пять тысяч лет. Добром мы Зло смели,
 Заплещется вселенская отрада,
 Не смерть страшна, а то, что для Земли
 Как бы сережки будут крест с оградой.
 Не будет леса Данте — просто лес.
 Хотел бы. Пусть. Пожалуйста. НЕ НАДО! —
 Я вижу, кто-то делает обрез,
 Из древнего стреляет автомата!
 Умей ударить, мой далекий внук,
 И чисти, чисти сердце Варшавянкой.
 Но все ж игрушка — меч, а вечность — плуг,
 И все же тачки — транспорт, а не танки.

Ветров Ванька

Те дожди горели черной лавой,
 Те бураны горячей углей,
 Ветров Ванька бушевал неправо,
 Чтоб найтись в поле на Земле.
 В двадцать лет. Пришло и девяносто.
 И его не чуют галифе:
 В жизнь вернулись вшивая короста
 И усмешка барского кафе.
 Мы для форса, уплетая мясо,
 Представляем, как они сладки —
 Сухари, пропитанные газом,

Оправдав бездушья шашлыки.
И когда бессовестный повеса
Заполучит первый фикс вставной,
Ваньку выпрем в Царствие Небесно —
Наша совесть ищет выходной.
Все на выброс! Бомбы, пушки, танки.
Но, как прежде, требует Земля,
Чтоб — грозою в поле — Ветров Ванька —
Тилиу Уленшпигелю родня.

Песня цыпленка

На задворках столицы Курятини
При Никите отгрохали дом.
Осетровых три, три Цыпленкина
Помещались в ванне с трудом.
Для индийцев — удобства прекрасные,
И родная жирует орда,
Только мы — алкаши разнесчастные,
В черепушках — пивная бурда.
Знал мой папа Хрущева и Брежнева,
Он в Девятом пахал КаГЭБэ,
Но слинял и, гуляя по-прежнему,
Не участвует в нашей судьбе.
Но советская власть в коммуналочке,
В тухлом доме панельном другом,
Когда в школу затопал, нам с мамочкой
Отвалила жиле под жульем.
Сколько подлостей, сколько гадостей,
Будто я не цыпленок, а гад.
Хоть и нет мне еще девятнадцати,
А давно жить на свете не рад.
Топчут свет буржуазные сволочи —
А в Москве коштовался Пол Пот.
И не слышит страна эта солнечна —
Петушок безответно поет.
Голодал, правда, в жизни три месяца,
Когда в детскую сел психтюрьму.
Из всего, что имеют ровесники,
Только четверть досталась ему.
Вот когда этот стих напечатаю
И заткну гонорарчиком плач,
Воспою я отчизну треклятую.
Пожелайте мне тыщу удач!

Ну а повар с Ульяновым-Лениным —
Наудачу — по тыще придач!

* * *

«День защиты детей начался, когда
дед Ваньки Жукова приехал к злому
хозяину, где жил его внук».

Из сочинения ученика 3-го класса

Рычал в ночи озлобленный борей,
Робели вербы, как перед ударом.
Но начинался в мире День детей —
За Ванькой ехал Константин Макарыч.
Малыш! Тогда ведь не было ООН,
Или ЮНЕСКО, даже Лиги Наций...
Но все равно подумал дед: «Начнем!
Хозяин! Кыш над Ванькой измываться!»
Тогда в ходу и мельник, и ямщик.
Читая Маркса, окна закрывали.
А ты о Ваньке Жукове трещишь,
Как «про сейчас» на детском фестивале.
Вот так. Без адреса приехал к Ваньке дед.
Пусть не прячут адреса злодеи.
Макарыча боится Пиночет.
Добро найдет и средства, и идеи.

Баллада о первом письме

Кто-то сочинение писал о Мцъри.
«Мо-мо-мо-мо-мо!» — пел класс седьмой.
Первые стихи я складывал в четыре —
ВЛАСТИ угодное мятое письмо
Первое, первое, первое, первое.
Катится облако — небесный ледень
В небе ледяном серебряно-сером,
Поздние молнии — осени нервы,
Бесится осень — путь ее прерван,
Мерзнут на дорогах наши молнии-нервы,
Скользок прокатанный холодом день.
ВЛАСТЬЮ невнятной любимой затырен,
Ради нее той слезливой зимой
Прыгнул на лед огромного мира
Хилым, но в сердце рожденным письмом.

Первая тайна повыше любовных,
Первое прячется почти всегда,
Первая тайна всегда малохольна,
И златых пустышек смеялась орда.
Крутится-вертится асфальт. Ну и ладно.
Корень липы — словно палец костяной,
Падает на мерзлое, словно оладья,
Но не расплывается мое письмо.
Щелку почтового ящика заело,
И мороз ботинки мои катал...
...Дети играют в серьезное дело.
...Мною играли, а я — не играл!
Скользкий тот день упырем поджидает
Сердце большое за каждым углом.
В наледи слава звенит трудовая
Там, куда солнце не ступит крылом,
В наледи слава звенит трудовая,
Труд, свет и боль отсылая на слом.
Письма укатились голубым вагоном,
К черту на кулички лед весной уплыл,
Я не разбился о мрак, словно Гоголь,
В сладости могильной себя не укрыл.
...Теплый, как дыханье хлебного фургона,
Ветер давний холодный сегодня гостил.
«Неуд!» — покатались звонки с уроков,
В актовом зале — бонизмовский хорал,
А меня рогами золотыми Гоголь
Тихо под самое сердце бодал.

Небесный бык — 1979

Дожди. И волглым солнцем пахнет тополь.
Который год я с топодем дружу.
По тучной туче смачно гром протопал.
«Так бык бежит», — я про себя скажу.
На тополь туча мощная ложилась,
А в соке листьев — пепелищ зола.
И вздрагивают ветви, словно жилы.
А нам с утра заря калач пекла.
Когда-то что-то плакало над нами.
А на земле — здесь не какой-то бык.
И тополь плакал о беде Вьетнама.
Я был теленок, вовсе не мужик.
Варяжски тучен, с кровавым рогом,
В веках свой голос чуть ссадив,

Идет за тучей шагами рока
Для незадачливых дубов и ив.
Так гром по небу идет и дышит,
И, где покой под синевой,
Идет сказать он нашим крышам,
Что тьма над чьей-то головой —
Сапог-копыто. Бледнеет солнце.
По солнцу гулко стучат рога,
В ноздрах — наручников стальные кольца.
Рыдает горькая гроза.
И было небо отравой синей,
Текло, когда горящий кол
Ходил по камню Хиросимы,
Навылет брюхо пропорол.
Шипит костер, и небо горько плачет,
И солнце больно въелось в облака...
Да, лечат мир не нежностью телячьей,
А голосом ревущего быка!

Лирика 1980 года

В памяти домашним пахнет платьем,
Не дают с постели встать теперь,
Только, может, солнышко погладит —
Ласковый и едкий теплый зверь.
Санитар. До дома путь неблизкий,
Давний в сердце плавает напев.
Отобрал медбрат домой записки,
Догола осматривать раздев.
Ты на свалку солнышко закинешь,
Ополчилось на тебя гнилье.
И — надежда сквозь бессилья тину —
Парус, что расколется мир огнем.
Мнится тебе в царственном полете
Тот, кто лишь на бал берет Ассоль...
...Как не стыдно вам — вы боль берете,
Чтоб подкрасить лживость парусов!
Я не ваш. И не дадут войти мне
Слезы — океанская вода.
Вижу в них я девушку: горда,
Молода и с ходу не обнимет.
То — не ты. Спихнут тебя, дурную,
Сжурится лицо от папирос.
В матовом окошечке в парную
На тебя не лупится прохвост.

Но, твоих небесных глаз атласных
Царственную будущность любя,
Я спущу бессильный алый парус
И лишу величия тебя.

Отчаяние

Сын ее сел недавно, бабы блеют надсадно,
И положение осадное по всей душе объявлено.
Остро взревели трубы — и клены желтые срублены,
Горечью купороса трубная медь отравлена.
От трубачей отчаянных солнце приторно-чайное,
Хватит и песне, и джазу! Дайте ей небо пасмурное!
А лучше — всеобщей правды. Век — ведь он враль. А солнце!
Землю скорей поворачивай, день поворачивай сонный!

Перрон

Те, кого за бессмертье чертям не словить,
Продают за два часа себя:
«ВЛАСТЬ ведет на перрон, ВЛАСТЬ прощает — живи,
Но сурово блестят небеса,
И Москву накрывает железная пасть,
И вагоны угодливо ждут,
Но сильнее, чем разум, и властней, чем власть, —
Обгорелого ветра жгут.
А чинуши снуют и лопочут: «Дадим
Вам Победу мы вашу без вас!»
Сто приказов — стране. А себе — лишь один,
Главный в жизни великий ПРИКАЗ!
Шаг назад. Нет, вперед! Может, в мертвую сушь,
В сень от вражьих отравленных крыл.
Миллионы Матросовых он от чинуш,
Как Матросов, собою закрыл!
Он угас, этот Времени темный кристалл,
В год страстей он навеки поник.
...На перроне в тот час перед Жизнью пылал
Человечий диктатора лик!
Он — свергатель оков и создатель оков
Был создатель и враг палачей
ЗА ВЫСОКУЮ ДОБЛЕСТЬ ГРЯДУЩИХ ВЕКОВ,
ЗА ГРЕМЯЩУЮ СЛАВУ ЛЮДЕЙ!
...Вечный век продают за сто двадцать минут,
Потому что сердца палачей
По-людски так же бьются и в горе поют,

И НЕ ВОЛКИ ПО КРОВИ СВОЕЙ.
Будут вечны ему и геенна, и Суд,
Но жестокие добры стада:
Все простили ему за сто двадцать минут,
Где он вместе со всеми страдал.
Заплутала в великой тоске доброта:
Всепрощенье — и рядом — топор.
Широка грудь — до срока! — до снятия креста —
И слезы не замутнен напор!

Фраер

Белорусский вокзал. Вот перрон под шатром,
Весь дорожной горячкой продутый.
И трясет рукавом, словно птица крылом,
Проводник. По старинке — кондуктор.
Впечатленья соседа — гладки и пусты:
«Где-то спит вурдалак с вурдалачкою,
Точно сердце мореной речной темноты —
“Надежда”¹ на водокачке».
Вроде — фраер по жизни. Не жизнь, а слова —
Острия Перуновы затуплены.
Так спокойно под ужин заметит: «Земля
Может быть на кровинки изрублена».
На себя поглядим. Ты над жизнью рычал,
Как в невзгоде рыдание стешется.
Рвал и врал. Врал и рвал. И к высотам примчал,
И вознесся — высоко повешенным.

Монолог ханжи

Я приехал в пустую деревню,
К этой милой святой нищете,
Я вопил о колбасных деревьях
И на Тему напал между тем.
И от Темы мне не было спуску,
Были тверды слова и глаза:
«Душ властитель всемирных и русских
Из столицы, где есть колбаса,
Жрать хочу, где ж твоя колбаса?!»
Я стоял у разверстой дороги,
Позади были мрак и пиры.
Я сожрал свой кусочек убогий
На перроне голодной поры.

¹ Название песни А. Пахмутовой.

Посмертный совет Александра Кочеткова двоим

В годину тусклого покоя среди всех осталось только — Двое,
Одно надежно — быть Двоими среди сытой скучной мошкары.
Нам вознестись бы выше, выше, не отрываясь от покоя,
Осталось людям быть Двоими среди прокуренной поры.
Среди наших чувствий онемелых и жеваного проживания,
Где обернется мелким вздохом случайный взлет, глубокий стон,
Мы намечтали — от страницы, экрана или заэкранья
Себе кумир, свое стремление — нас возвышающий Вагон.
И стал он в давнем том испуге для нас одною этой нотой,
И эта нота стала нами среди опустелой кутерьмы.
И стал для нас одною песнью в воспетой нами части сотой,
И подчинился этой песне так, как живем и дышим мы:
В дыму домов, на дне вершины,
Среди станций стад, высоток выси,
Одну достойную дорогу Двоим и миру я искал
На дне огня, вдали от дали
Живым и мертвым зрил незримо
Я, нераздробленный, над дробом
Невыносимых стылых скал.
И, после каменной дороги, под злым разлучным мертвым камнем,
Разбив родное двуединство, упав паденьем, что придет, —
Неведомое ни вагонам, ни серым безднам дня слепого,
Ни звездам, что родятся после...
...Спасенье — пламень двуединства!
— Готовьте жар, что ад растопит,
И свет, что солнца свет сметет!

Декаданса черный шелк

К разноцветным окнам ночью сытый призрак подошел.
И названье этой ночи — Декаданса Черный Шелк.
Уходи навеки, солнце, над скорбями не гори! —
Обижаются на солнце скорби сумрачной цари.
В ЛЕДОВИТОМ ОКЕАНЕ СОРОК ГРАДУСОВ МОРОЗ
Но элите непонятен гадкий добрый Дед Мороз.
Улететь бы ей по ветру в Ледовитый океан.
Хоть куда от солнца деться, не бередить сытых ран!
Как стреножить пруть мечтаний? — шьет бескрылый либерал. —
Ведь в пути нагому солнцу будет не до покрывал!»
Господину-либералу Декаданса Черный Шелк —
Маскировка, покрывало, благородный капюшон.
...Прыгнет солнце, если надо, в плесень, в темень, в глубину,
Спалит солнце — это надо, — сытой скорби пелену!

Исповедь уroda

Я ушастою куклой на свалке когда-то была,
Сigaretами пахла, водчонкой и гымзой.
В час пахучий и вольный в комфортное небо вошла,
Возносимая болью, подобною боли затоптанной крысы.
Ты, Заря, спрячь подальше сиянье рассветной стрелы,
Без тебя наши оргии морги валютные спрячут,
Мы уходим в предания горькие славной Советской земли.
На помойке крысеныши вспомнят о нас и заплачут.

О тебе и обо мне

Ты и я — мы — чего-то символ,
Мы кому-то — брелок живой?
Мы — противника укусили?
Наши слезы — по власти вой?
Всем когда-то — забвенья ерик,
А значков — и того не жаль!
Пес — он — друг, но — другому верят —
Первый сторож — кабины сталь.
Други! Друг нынче меньше, чем друг,
Господин ты или товарищ!
...Ливень кровь слизнул, по могиле плуг...
Друг — дурак, не о том залает!
Ты пали или плюй в мультфильм —
Пес там некий американский.
Неча нюхать, как трупный дым
Наших солнц разбавляет краску.
Сироты или моря рев?
Ночи Врангелем в море льются.
Давит псов, но не целит в псов
Огневой аркан революций!
Ты и я можем жить и выть —
Нам ли пешкою быть живою!
Страшно шефу костюмчик сшить
И навек в нем застрять иглою!

Ирония

Неймется нам опять — найти и потерять.
Скомкав, как лист, Любовь, дорогами Рембо
За неизвестным четверо Проклятых
Вливаются в цемент — так повелел Доцент —
Язык не повернем без технократов!

Будь Нобелевский зал или какой централ,
Презренный наш металл — ты — лох! — и только Вася,
Родимый наш верблюд. Его горбатый труд
В Неизвестном с рожденья не нуждался.
Один из нас слепец, другой — крутой боец,
Но всем конец спервоначала вышел.
Уж если о конце — то в жизненном кольце
Не тот «конец» мозга с рукою ищут!

Масленица в 1980 году

Спьяну оближем истоптанный снег,
Вышел на шабаш кагал, освинев.
Что нам до неба, и солнце — как жир.
Ты сковородку, весна, покажи!
Что до поземки стегучих хвостов —
Не подоить настоящих коров!
Где же, весна, славны ведра твои —
Что-нибудь крепкое нам подои!
Вы, Северянины, очень нужны —
Наши советские смажьте блины.
Игорь, чива Валентине наврал
И ананасы в пятнадцатом жрал?
Высунул морду поджарую сом,
Белый всю оглядел гастроном.
Карма! Конечно, та рыба — не сом —
Сам Северянин — в Совдеп на поклон:
«Полосится закат полосами двух щек,
И землится поземка, Земли биоток.
Снег — одни сантименты, он этим живой,
О, февраль! Расфеврялять опять твой покой!»
Повар-комсорг: «Что, братва? Старый стиль?
Зенки поповщиной кто задурил?
Хоть на угольях ты должен понять —
Март на дворе. Вам еще объяснять?»
Парится рыба на сковороде,
Масло стреляет, как дождь на воде.
Трахнем кадрию — захуает сон —
Антисоветский сладостный сом!

Поднявши взоры

Кто вы такие, кто такие мы?
Мы — кутерьма из света и из тьмы!
Захлопнул жизнь рубильник, словно дверь,
Харонов трюм — рабу дорога в ад.

Раб в кресле, хоть и в смертном — верь не верь! —
Мыслители-поденщики кричат.
Мыслителей-поденщиков клянут,
Кто бьет баклуши, освящая Труд:
«Какие пятна, и о чем тут речь!
Вам много надо? Вас пора бы сечь!»
И сульфазин струею жаркой тек,
Буравя жилы, как настырный ток,
И общество врагов своих брало
Под теплое бетонное крыло.
И заменяет подлый ангел немо
Смерть — на бессловье, стенку — на систему.
Сдувают, словно пепел с папиросы,
Вопросы и «товарищи», и «боссы».
— Вам не дано!.. А что кому дано?
Всевышней волей все уж решено!
Сдувала, словно пепел с папиросы,
Система наши наглые вопросы.
Но право наше наглое — одно:
Бычок Системы сплюнуть нам дано!
Когда рассвет катился в смертный пламень,
Тогда враги сомкнулися рядами,
И деспоты сомкнулися тогда —
Владыки Бомбы, холоуи Труда.
В том виноваты узники из Штатов
И те, кто красной злобой был упрятан.
Взирать на звезды, больше — на рассвет —
Вот выстраданный в сумраке завет.

Хитрый кумир

Как кумиры хитры — перемены не спереди им и не сзади,
Ради совести нашей, и прочего ради, ради и ради...
И в могиле они от людей не хоронятся,
Юбилеев любитель, вкушатель идейных проперченных блюд.
Кто к парадным могилам в парадном шевьоте ходил —
Поиваниться и поарониться,
Только орден — что штора на сердце, а внизу — колтыхается люд.
Как бы каска-корона на выси монблана Чести его возводила!
Ведь под сталью ее не слышать ни смертей, ни житья отголосочков!
О выдавший великие виды, кумир наш непобедимый!
О элитная особь — кумачовое мясо в полосочку!
Нет Харона — найдется, охотно любой за тобою приедет на лодке
харониться!
Что поник — короли хоронились, и ты похоронишься!

Субординация

Не знаю, дальше ты от Бога или ближе,
Когда с врагом приходится дружить,
Но нужно это, и чтоб просто выжить,
И хорошо в стране Советской жить!

Бессмертье

Поманил — и предал, поманил — и убил
Солнце малое словом без слова.
Пусть осели чумой на крестах наши дни,
Но не вырвать бессмертья былого.
Солнце жаждет бессмертья, что старше Земли,
А угаснув, лишилось и гроба.
Пусть осели чумой на крестах наши дни,
Но не вырвать бессмертья былого.
Ясным кликом нас небо зовет: загляни!
...Взоры полны болота гнилого.
Но, вслепую в безумье желая чумы,
Нам не вырвать бессмертья былого!

Зимняя дорога — 1980

Укрытый лишь звездой последней первородной
Средь зимних тупиков дороги в Храм,
Ты в сумерках окраины в свечении безродном
Эфир крушишь дыханьем дробным, совести таран.
За лесом ржет Москва, огнями сыта,
А в окнах переулка темень, точно кляп.
А чистый свет звезды, в твоей стране забыт он,
А Бог безмозглем жилистым и проклят, и заклят.
Нет мира в голубом вечернем зимнем мире,
Нам не смахнуть отчаяние с шей.
Но в поволоке снежной — шире, шире, шире
Восходят сила, свет воспрянувших свечей.
Заснеженные камни тихо поминают
Ушедших в наши сполохи, в мечтаний кутерьму.
И решето дерев сквозь иней воспеваает
Совместно с поздними огнями песнь Ему.

(Продолжение следует)

ПЕРЕЧИТЫВАЯ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

«Что было и что есть», или «Далеко ли Россия ушла от своего прошлого». Салтыковские афоризмы и размышления.

По книге Салтыкова-Щедрина М. Е. «История одного города». — Москва: Издательство «Правда», 1989.

Это произведение меня поразило еще в подростковом возрасте своей непреходящей истиной. И сейчас, перед уходом, я все так же восхищаюсь гением Михаила Евграфовича и меткостью его описаний, образов, характеристик. И стоит он где-то в небеси в компании Николая Васильевича Гоголя, и их гомерический хохот несется по всей вселенной, и где-то вдали он переходит в надрывные рыдания... А Россия вот уже столько веков по сути не меняется. Социум крепок и неизменен...

Мне захотелось представить перед глазами просвещенных читателей некоторые из ярких цитат М. Е., встряхнуть их в памяти — и... может быть... «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...»
Может, кто-то...

Комментарии свои свожу к минимуму...

О корени происхождения глуповцев.

«Не хочу я, подобно Костомарову, серым волком рыскать по земли, ни, подобно Соловьеву, шизым орлом ширять под облака...»

Так начинает свой рассказ летописец и затем, сказав несколько слов в похвалу своей скромности...

«Был в древности народ, головотяпами именуемый...» «Заклучали союзы, объявляли войны, мирились, клялись друг другу в дружбе и верности и были наперед уверены, что “стыд глаза не выест”». Это — вся русская история... Про другие страны не знаю, говорить не буду...

«...взаимно разорили они свои земли, взаимно надругались над своими женами и девами и в то же время гордились, что радушны и гостеприимны».

«...батьку на кобеля променяли» — «блинами острог конопатили».

— «Мы головотяпы! нет на свете народа мудрее и храбрее!» «Мы даже кособрюхих и тех шапками закидали!» — хвастали головотяпы.

«Нам глупый-то князь, пожалуй, еще лучше будет! Сейчас мы ему коврижку (читай: взятку) в руки: жуй, а нас не замай!»

«Думали-думали и пошли искать глупого князя». По сию пору только таких и находим...

«Прямо перед ними сидит князь, да глупый-преглупый! Сидит и ест пряники писанные. Обрадовались головотяпы: вот так князь! лучшего и не надо!»

«...друг-приятель по прозванию вор-новотор...»

Это — тоже классика русского бытия... Испокон веков.

«...головотяпы послушались и призвали новотора-вора». «...и будете вы платить мне дани многие, — продолжал князь, — у кого грош случится, тот разломи его начетверо: одну часть мне отдай, другую мне же, третью опять мне, а четвертую себе оставь. Когда же пойду на войну — и вы идите! А до прочего вам ни до чего дела нет!»

В наше время таким образом от народа рвут квартплату, которая все растет и «улетает в трубу».

Как и прочие миллиарды на определенные личные банковские счета... Прямо портрет с нашей российской жизни... и ныне и присно...

«И тех из вас, которым ни до чего дела нет, я буду миловать; прочих же всех — казнить». (Современные варианты — отправить в ГУЛАГи, в психушки, послом в племя умба-юмба...)

«Так!» — отвечали головотяпы». — «А как не умели вы жить на своей воле и сами, глупые, пожелали себе кабалы, то называться вам впредь не головотяпами, а глуповцами».

«...но вору-новотору покорность была не по праву. Ему нужны были бунты, ибо усмирением их он надеялся и милость князя себе снискать, и собрать хабару с бунтующих». (Как говорят в народе, иногда и сейчас устраиваются всякие ЧП, чтобы получить чины и награды...)

«...но новотор, как сущий вор, и тут извернулся: предварил казнь тем, что, не выждав петли, зарезался огурцом». Нынешние крупномасштабные воры вовремя уезжают за рубеж.

Феноменальной частью этого произведения С.-Щ. является «Опись градоначальникам». Это подлинный документ вечной нелепости российских выборов и назначений должностных лиц.

Обратимся к первоисточнику, при чтении которого не знаешь, плакать или смеяться.

«Вывезен из Италии Бироном, герцогом Курляндским, за искусную стряпню макарон. Потом, будучи внезапно произведен в надлежащий чин, прислан градоначальником».

«...был столь охоч до зрелищ, что никому без себя сечь не доверял».

«...кичился тем, что происходит по прямой линии от Ивана Великого (известная в Москве колокольня)».

«...ходатайствовал о заведении в Глупове академии. Написал сочинение “Жизнеописание замечательнейших обезьян”».

«...градоначальство сие было самое продолжительное и самое блестящее. Предводительствовал в кампании против недоимщиков, причем спалил 33 деревни и с помощью сих мер взыскал недоимок два рубля с полтиною».

Прыщ (имя градоначальника) «оказался с фаршированной головой, в чем и уличен местным предводителем дворянства».

«Угрюм-Бурчеев, бывый прохвост». Но, заметьте: разрушил старый город и построил другой, на новом месте.

Где б достать такое количество бывших прохвостов для положительных преобразований в разрушающихся русских городах — чаще всего провинциальных? Например, у нас в городе (на границе с Москвой) есть поселок ВУГИ, построенный еще пленными немцами. Там уже балки валяются, а людей все не переселяют. Ведь теперь жилье строится только для богатых Буратинов. А как быть бедным? В ответ — тишина...

Перехват-Залихватский, майор. «Въехал в Глупов на белом коне, сжег гимназию и упразднил науки».

В нынешнем обществе насаждается тенденция к сокращению школ, а с сентября планируется убрать из школьного курса рисование и музыку, столь необходимые для развивающейся детской души.

«Жители ликовали; еще не видав в глаза вновь назначенного правителя, они уже рассказывали об нем анекдоты и называли его красавчиком и умницей».

Это — картинки с наших выборных кампаний. Аплодисменты, цветы, сияющие очи...

«Поздравляли друг друга с радостью, целовались, проливали слезы, заходили в кабаки, снова выходили из них и опять заходили». Чего стоит фуршет, устроенный нашим новым мэром в городском спортивном комплексе «Триумф», где стояли рядами пришедшие угоститься «на халяву». КАКАЯ ЛЮБОВЬ к народу!

«Явились даже опасные мечтатели. Руководимые не столько разумом, сколько движением благодарного сердца, они утверждали, что при новом градоначальнике процветет торговля и под наблюдением квартальных надзирателей возникнут науки и искусства».

В нынешнее время в нашем Отечестве глобальные проблемы образования решают не профессионалы, а политики.

Как красивы все предвыборные обещания! И куда все девается после?

«Градоначальник безмолвно обошел ряды чиновных архистратигов, сверкнул глазами, произнес: “Не потерплю!” — и скрылся в кабинет».

«Возник вопрос: какую мог надобность иметь градоначальник в Байбакове, который, кроме того, что пил без просыпа, был

еще и явный прелюбодей? Несть числа таким... А сколько за последние годы мэров посадили в тюрьмы? Отдали под суд... «Пробовали спойть его, но он, не отказываясь от водки, только потел, а секрета не выдавал». Секрет лишь один: куда уплывают государственные деньги? Власти делают вид, что это неуправляемый процесс... Что совершается успешно... так это: «Он по очереди обошел всех обывателей и хотя молча, но благосклонно принял от них все, что следует». «А перед ним, на кипе реестров, лежала, в виде щегольского пресс-папье, совершенно пустая градоначальникова голова». Не мешало бы у всех мэров проверить содержимое голов... «Эскулап задумался, пробормотал что-то о каком-то градоначальническом веществе, якобы источающемся из градоначальнического тела».

«Он избрал средний путь, т. е. приступил к дознанию, и в то же время всем и каждому наказал хранить по этому предмету глубочайшую тайну, дабы не волновать народ и не поселять в нем несбыточных мечтаний».

«Уже довольно времени, в продолжение которого я ежедневно рассматривал градоначальникову голову и вычищал из нее сор».

Надо бы такую должность «вычищающего голову «внести во все мэрии России и в правительство. А то все у нас идет не «тем путем»...

«...вторглась в казначейство. Оттоль, взяв в плен казначея и бухгалтеря, а казну бессовестно обобрав, возвратилась в дом свой. При чем бросала в народ медными деньгами, а пьяные ее подручники восклицали: “Вот наша матушка! а теперь нам, братцы, вина будет вволю!”» Вспоминается, как наш неординарный лидер В. Жириновский бросал деньги в толпу...

«Предвидя конечную гибель, она решила умереть героической смертью и, собрав награбленные в казне деньги, в виду всех взлетела на воздух». Мы тоже регулярно видим улетающих из России с награбленным, а также видим регулярные авиакатастрофы, устраиваемые негодным лицам...

«К вечеру полил такой сильный дождь, что улицы Глупова на несколько часов сделались непроходимыми». Такие «дивные» дороги и улицы по всей России-матушке мы наблюдаем осень и весну — после дождей — постоянно. Даже в нашей столице не везде подобающая чистота обеспечивается, несмотря на наличие современной уборочной техники и рабов: таджиков, молдаван и др., которым несть числа... Почему у россиян такой сложный, нервный характер? Потому что три-четыре месяца в году мы ходим по страшному гололеду — в постоянном нервном напряжении... Когда все тает и после ливней по грязи — это тоже ужасно нервирует и раздражает эстетическую

сторону души. Когда все подсыхает и нет морозов — сильные ветры гоняют пыль и мусор вдоль дорог, забивая глаза и легкие... Где уж тут быть в радужном настроении...

Каково определение: «злоехидная прелесть»? Бывают... прелести...

«Беспутная оная Клемантинка оказала немаловажную услугу партии порядка». Сколько таких... К. на постах в разных организациях оказывают немаловажную... помощь? Не счастье! И не пора ли нам в родном Отечестве организовать «партию порядка»? А вдруг?..

«Тогда произошло зрелище умиленное и беспримерное. Глуповцы вдруг воспрянули духом и сами совершили скромный подвиг спасения. Перебивши и перетопивши целую уйму народа, они основательно заключили, что теперь в Глупове крамольного греха не осталось ни на столько. Уцелели только благонамеренные». Вероятно, наше драгоценное правительство, хорошо изучив это великое произведение Салтыкова-Щедрина, ждет, когда народ сам совершит «скромный подвиг спасения», отдавая российские финансы нашим миллионерам; их за последний кризис стало в два раза больше — правительство помогает отнюдь не беднейшим слоям населения, а тем, кому выгодно, — богатым. И всем это очевидно — и все продолжается.

Как у нас в советское время (иногда и сейчас), «добровольно биографический пропуск в истории родного города (читай: родного государства): скорее должно предположить, что преемники (Двоекурова) с умыслом уничтожили его биографию, как представляющую свидетельство слишком явного либерализма и могущую послужить для исследователей нашей старины соблазнительным поводом к отыскиванию конституционализма даже там, где в сущности существует лишь принцип свободного сечения».

Сколько вранья в нашей истории есть и было! Может, конечно, не только в нашей...

«Записка о необходимости учреждения в Глупове академии». На моих глазах в начале перестройки (с 80-х годов) и до сей поры в России поразвелось столько академий! С усмешкой вспоминаю, как мои коллеги по научно-исследовательской деятельности покупали по твердым тарифам звания академиков в разных вновь открытых «академиях». И как гордо трясли новыми корочками! Не зря у нас царил такой бардак в угольной промышленности, и мы — единственная в мире страна, где закладывалось официально количество человекожертв на кубометры добытого угля. Не знаю, как сейчас...

А как вам термин «слобода Навозная»? Без комментариев...

«Бригадир, в полном мундире, каждое утро бегал по лавкам и все тащил, все тащил». И теперь, чуть выше занимают положение, — все тащат да тащат... Не прямо — так косвенно.

А чтоб нам было веселей, еще со времен правления Россией прекрасными дамами, нам устраивают фейерверки, пуская огромные деньги малообеспеченных слоев населения на ветер. «Дабы ободрить народ... поручил устроить в загородной роще пикник и устроить фейерверк». И что на это отвечает наш сверхтерпеливый народ? «Нам терпеть можно! потому что мы знаем, что у нас есть начальники!» С чем — с чем, а с количеством начальников у нас дела обстоят прекрасно. Ура!

Вспомните, как боролся с правдолюбом — стариком Евсеичем — некий бригадир Фердыщенко.

«Бригадир, видя Евсеича, о правде безнуждно беседующего, убоялся его... Одеть дурака в кандалы! С этой минуты исчез старый Евсеич, как умеют исчезать только “старатели земли Русской”».

Судя по всему: по уровню смертности, по малой продолжительности жизни большинства россиян, по ежегодному издевательствам над всем народом — переводом времени на «летнее» и «зимнее» время, т. е. специально задуманному геноциду граждан России, — ведь вся природа живет по постоянному многовековому режиму, — пора и нам, как «некогда все низайшие и все бедствующие всех сословий чины и людишки», — обращаться... но куда? «Доводим до всех Российской империи мест и лиц: мрем мы все, сироты, до единого». Остается только к Богу обращаться... «Начальство же кругом себя видим неискусное, ко взысканию податей строгое, к подаению же помощи мало поспешное». Это неизменная составляющая российской жизни...

Доколе?..

...Один из заголовков разделов «Истории одного города» называется «Войны за просвещение». С какой поспешной суетливостью наше Министерство просвещения ввело в России ЕГЭ, отживший в большинстве западных стран! И главы правительства (что, они специалисты в области образования?) утверждают: быть ЕГЭ! Война с разумом, война с прогрессом, война с учениками... с директорами школ (не все из них немые как рыбы и стоят по стойке смирно перед дурью высших инстанций). Сколько же наших начальников поражают расторопностью в вопросах, касающихся «выеденного яйца»...

Меняются эпохи, но суть — нет. Почему?

И наше высшее руководство, «когда совсем нечего делать, то есть не предстояло надобности ни мелькать, ни заставить врасплох (в жизни самых расторопных администраторов встречаются такие тяжкие минуты)... издает законы». Вообще политическая мечтательность была (читай: есть) в то время в большом ходу. А уж какими мечтателями являются наши президенты! Как мечтательно разводил руками М. С. Горбачев! И какой стала Россия в результате мечтаний!

«Независимо от мер общих... непрерывно и неустанно делал сепаратные набег на обывательские дома и усмирять каждого обывателя поодиночке... розог не жалел. Как истинный администратор он различал два сорта сечения: сечение без рассмотрения и сечение с рассмотрением...» Пришел к выводу: «дотоле не класть оружия, доколе в городе останется хоть один недоумевающий».

Напрямую нас не секут в нашем Отечестве (правда, иногда калечат в милиции). Но косвенно — сколь угодно. Перевод времени, уровень медицинского обслуживания, безопасность авиарейсов — и прочая, и прочая...

И недоумевающих немного: ушел А. Д. Сахаров, которому «прогрессивный» Горбачев затыкал рот на съезде депутатов, приказывая отключать микрофон говорящему... Новых Сахаровых не видно и не слышно... Глухая стена — чего? — их не пропускает. Может, мы пока о них не знаем.

«Бились крепко всю ночь, бились не глядя, а как попало. Много тут было раненых, много и убиенных. Только когда уж совсем рассвело, увидели, что бьются свои со своими же. Положили: убиенных похоронив, заложить на месте битвы монумент, а самый день, в который она происходила, почтить названием “слеперода” и в воспоминание об нем учредить ежегодное празднество с свистопляскою».

И уже сколько у нас идет битва «своих со своими»! Правительство и чиновники в большинстве своем активно борются с российским народом... И устраивают бурные праздники со «свистопляскою».

«Где же слобода? — нету здесь слободы, — ответствовали аманаты, — была слобода, везде прежде слободы были, да все уничтожили». Сколько было деревень и колхозов — сколько пустот образовалось за время перестройки на территории России.

«Заперся Бородавкин в избе и начал держать сам с собою военный совет». Тихо сам с собою... А потом после таких «советов», в частности во время Великой Отечественной войны, за победу мы платили золотой ценой — тысячами жизней... Людей не жалко... Их много в России...

«В первый раз он понял, что многоумие в некоторых случаях равносильно недоумию... из оловянных солдатиков... надо... образовывать благонадежный резерв». Уже не одно десятилетие идет попытка этого процесса. Ведь оловянными легче командовать.

«Издали казалось, что солдатики иронически улыбаются. А от улыбки до крамолы — один шаг».

«Улыбаемся, как без пушек буду править». Эта мысль свойственна большинству наших правителей.

В конце XX века очень лихо подтвердило правление Б. Н. Ельцина. Его ума хватило лишь на то, чтобы палить по Белому дому и убивать своих же...

«...по местам валялись человеческие кости и возвышались груды кирпича; все это свидетельствовало о том, что в свое время здесь существовала довольно сильная и своеобразная цивилизация (впоследствии оказалось, что цивилизацию эту, приняв в нетрезвом виде за бунт, уничтожил бывший градоначальник... но с той поры прошло много лет и ни один градоначальник не побеспокоился о восстановлении ее».

«...войско вступало в слободу. Там никого не было, кроме заштатного попа, который в эту самую минуту рассчитывал, не выгоднее ли ему перейти в раскол...»

«— Принимаете ли горчицу? — внятно спросил он, стараясь, по возможности, устранить из голоса угрожающие ноты. Толпа безмолвно поклонилась до земли.

— Принимаете ли, спрашиваю я вас? — повторил он, начиная уже закипать.

— Принимаем, принимаем! — тихо гудела, словно шипела, толпа». Таким же насильственным образом Н. С. Хрущев в свое время приказал сажать кукурузу в СССР повсеместно, чуть ли не до районов многолетней мерзлоты. Лето в те годы было холодным и дождливым, кукуруза поднялась всего лишь на 20 см, и зияли везде пустые страшные поля... где некогда колосились рожь да пшеница. И тогда впервые Россия при столь мудром правлении сделала большие закупки зерна за рубежом, за золото. Перед революцией, в 1913 году, было наоборот: Россия продавала миру пшеницу и пополняла казну золотом.

«Горчица утверждена повсеместно и навсегда, причем не было произведено в расход ни единой капли крови».

«Бунт кончился; невежество было подавлено, и на место его водворено просвещение. И так как в числе их оказались некоторые военачальники и другие трех первых классов особы, то он, градоначальник, приказал с ними ласково обращаться, выколов, однако, для верности глаза, а прочих сослать на каторгу». Чисто по-русски — во веки и присно!

«Баба-яга — не что иное, как градоправительница, или, пожалуй, посадница, забирала по дороге встретившихся ей Иванушек и, возвратившись домой, восклицала: — Покатаюся, поваляюся, Иванушкина мясца поевши». Почему-то территория бывшего СССР и нынешней России привлекает постоянно Баб-яг «с вытекающими отсюда последствиями»...

«И в пример приводит какого-то ближнего помещика, который, будучи разбит параличом, десять лет лежал недвижим в кресле, но и за всем тем радостно мычал, когда ему оброк приносили...» Помните, кто у нас в параличе управлял Россией... Это наша добрая «традиция»... Разве не пророк Щедрин?

«...обыкновенно Б. кликал клич, напившись чаю; сбегались оловянные солдатики, мгновенно наливались кровью и во весь дух бежали до места... К обеду Б. возвращался домой и пел благодарственную песнь. Таким образом, он достиг того, что через несколько лет ни один глуповец не мог указать на теле своем места, которое не было бы высечено». Сколько у нас люда уничтожалось во время коллективизаций, индустриализаций, приватизаций и всяких прочих акций...

Раньше, как и теперь, на товарах и продуктах «крупными буквами» писались слова совершенно несущественные, а все существенные изображались самым мелким шрифтом. Сверх того, допускалось употребление латинских названий».

Как и сейчас. Т. е. уловки в торговле тоже не меняются.

Чтобы покупатель ничего не понял.

Мечта российского правительства всегда «народ, доведенный до воздыхания, — какого еще идеала можно требовать!» Практика подтверждает, увы...

Во время перестройки в больших городах России (особенно в Москве) развелось огромное количество разных академий, хотя порой по сути нет разницы между прошлым институтом и нынешней «академией». «Глуповцы до сего дня не могут разъяснить значение слова “академия”».

Как это удавалось Салтыкову-Щедрину заглянуть на столько лет вперед?!

«С другой стороны, всякий администратор фаталист и твердо верует, что... в конце концов он очутится лицом к лицу с человеческим телом»...всякий администратор добивается, чтобы к нему питали доверие, а какой наилучший способ выразить это доверие, как не беспрекословное исполнение того, что не понимаешь?»

Разве не так в последние годы живет немалое количество россиян: «жители понурили головы и как бы захирели; нехотя они работали на полях, нехотя возвращались домой, нехотя садились за скудную трапезу и слонялись из угла в угол, словно все опостылело им».

И живем так из века в век. И до-ко-ле?

«Вспыхнула во Франции революция, и стало всем ясно, что “просвещение” полезно только тогда, когда оно имеет характер непрощенный».

«Только тогда губернатор спохватился и понял, что шел слишком быстрыми шагами и совсем не туда, куда следует».

А нынешние знают — куда идут, куда ведут?

«...и вот начался новый ряд походов уже против просвещения». Прямо нынешняя Россия.

«...в первый поход губернатор спалил слободу Навозную, во второй — разорил Негодницу, в третий — расточил Болото».

Чьи-то давние планы по разору государства Российского активно реализуются.

Другой губернатор, Негодяев (сколько у нас таких, но с другой фамилией!), «принадлежал к школе так называемых “птенцов”, которым было решительно все равно, что ни насаждать».

«Попытки конституционного свойства существовали: но, кажется, эти попытки ограничивались тем, что квартальные настолько усовершенствовались свои манеры, что не всякого прохожего хватало за воротник».

Прямо как наша славная милиция!

«Я уже имел честь подтвердить тебе, курицыну сыну”...но тут же спохватился и произвел его в следующий чин». Замечательно — и ныне актуально.

«Предместник его, капитан Негодяев (губернатор), хотя и не обладал так называемым сущим злонравием, но считал себя человеком убеждения и в этом качестве постоянно испытывал, достаточно ли глуповцы ТВЕРДЫ В БЕДСТВИЯХ». Нас в этом проверяют постоянно.

«К концу его градоначальства Глупов представлял беспорядочную кучу почерневших и обветшавших изб, среди которых лишь съезжий дом гордо высил к небесам свою каланчу. Не было ни еды настоящей, ни одежды изрядной.

Глуповцы перестали стыдиться, обросли шерстью и сосали лапы». У нас есть к чему стремиться. Блестящая перспектива!

«Понятно, что ввиду такого нравственного расстройтва главная забота нового градоначальника была направлена к тому, чтобы прежде снять с глуповцев испуг. Предпринят был целый ряд последовательных мер:

1) просвещение и сопряженные с оным экзекуции временно прекратить; 2) законов не издавать (Россия погрязла в бесконечно издаваемых и никем не выполняемых законах). Результаты с первого раза были получены изумительные.

Не прошло месяца, как шерсть, которою обросли глуповцы, вылиняла вся без остатка, и глуповцы начали стыдиться наготы. Спустя месяц они перестали сосать лапу, и через полгода в Глупове, после многих лет безмолвия, состоялся первый хоровод, на котором лично присутствовал сам градоначальник и потчевал женский пол печатными пряниками». «Как и всякое выражение истинно плодотворной деятельности, управление его было ни громко, ни блестяще, не отличалось ни внешними завоеваниями, ни внутренними потрясениями». Это — классика нашего бытия.

Это, собственно, даже не законы, а, так сказать, сумрак законов. Вступая в их область, чувствуешь, что находишься в общении с легальностью, но в чем состоит это общение — не понимаешь. «Средние

законы имеют в себе то удобство, что всякий, читая, говорит: “Какая глупость”, а между тем всякий же стремится исполнять их». «Цель издания законов двоякая: одни издаются для вящего народов и стран устройства, другие — для того, чтобы законодатели не коснели в праздности».

Как тебе, читатель, нравится название «Устав о добропорядочном пирогах печении» (завершающийся гениальными словами «Исполнивший сие да яст»)? И всегда камень преткновения для нас — «права граждан».

«Достаточно ли было определить их, сказав: “Всякий в дому своем благополучно да почивает” — не чересчур ли это кратко». «Сомнения эти разрешились изданием “Устава о свойственном градоначальнику добросердечии”».

«...сев в кибитку, проследовал туда, куда Макар телят не гонял. Так окончил свое административное поприще градоначальник, в котором страсть к законодательству находилась в непрерывной борьбе со страстью к пирогам».

Неплохо бы туда отправить наших многих высших чиновников.

«На смену Беневоленскому (градоначальнику) явился подполковник Прыщ и привез с собой систему администрации еще более упрощенную». «Он говорил (при визитах к знатным особам), что, конечно, и у меня есть план кампании, но этот план таков: отдохнуть-с!» Зато честно! — «Я не либерал и либералом никогда-с не бывал. Действую всегда прямо и потому даже от законов держусь в отдалении.

В затруднительных случаях приказываю поискать, но требую одного: чтоб закон был старый. Новых законов не люблю-с. Про себя могу сказать одно: в сражениях не бывал-с, но в парадах закален даже сверх пропорции. Новых идей не понимаю. Не понимаю даже того, зачем их следует понимать-с». «Как глуповцы ни избалованы, но либерализм столь беспредельный заставил их призадуматься: нет ли тут подвоха? Поэтому некоторое время они осматривались, разузнавали, говорили шепотом и вообще «опасно ходили».

Мы тоже «опасно ходили»... Помню, году в 1952-м мама, увидев, что я завернула сверток в газету с портретом Сталина снаружи, шепотом (разговор был внутри квартиры) мне сказала, что ТАК нельзя заворачивать, а то нас всех посадят... КУДА — я уже знала. На вопрос ПОЧЕМУ? — мама грустно лишь отвела глаза...

«На другой день глуповцы узнали, что у градоначальника их была фаршированная голова».

Интересно узнать, чем нафаршированы головы нынешних начальников (в большинстве своем), мэров и властей предрежащих?.. «Чем сильнее дает себя знать унижение, тем жестче и мстительнее торжество. Источник, из которого вышла эта тревога, уже замутил-

ся, начала, во имя которых возникла борьба, ступевались; остается борьба для борьбы, искусство для искусства, изобретающее дыбу, хождение по спицам и т. д.»

«У нас еще нет привычки приглядываться к тому, что уходит далеко вглубь. Но мы едва ли ошибемся, сказавши, что давление чувствуется и там. Отчасти оно выражается в форме материальных ущербов и утрат, но преимущественно в форме более или менее продолжительной отсрочки общественного развития»...

«После того прибыл в Глупов статский советник Иванов, но оказался столь малого роста, что не мог вмещать ничего просторного».

Причины гибели Иванова. «Один вариант говорит, что И. умер от испуга, получив слишком обширный сенатский указ, понять который он не надеялся. Другой вариант утверждает, что И. совсем не умер, а был уволен в отставку за то, что голова его, вследствие постепенного присыхания мозгов (от ненужности в их употреблении), перешла в зачаточное состояние. После этого он будто бы жил в собственном имении, где удалось ему положить начало целой особи короткоголовых (микрокефалов), которые существуют и дондесь»...

«Он (губернатор) убеждал обывателей уверовать в богиню Разума и кончил тем, что просил признать непогрешимость папы».

«Женщины устраивали сзади возвышения, имевшие прообразовательный смысл и возбуждавшие в прохожих вольные мысли»... Уж какие наряды ныне и что возбуждают...

Еще в те давние времена обсуждались сленги. «...образовался новый язык, получеловечий, полуобезьяний». Точнее не скажешь... А дальше — описание общества. Какого — догадайтесь с трех раз! «Знатные особы ходили по улицам и пели: “Ко мне, мой помпончик!”, “Венера с морковками” (фр.), смерды слонялись по кабакам и горланили камаринскую. Мнили, что во время этой гульбы хлеб вырастет сам собою, и потому перестали возделывать поля». Помните, в «Собачем сердце» слова профессора Преображенского: «Пока они все поют, у них ничего не будет». «Уважение к старшим исчезло; агитировали вопрос, не следует ли, по достижении людьми известных лет, устранять их из жизни, но корысть одержала верх, и порешили на том, чтобы стариков и старух продавать в рабство».

Последнее — очень ценно для России нынешней, где пожилые и старые раздражают большую часть живущих уже своим фактом существования... «И за всем этим продолжали считать себя самым мудрым народом в мире». У нас до сих пор болезнь «самости». Незлечимая.

А следующий типаж градоначальника также прелестен! «Он довольно непринужденно распоряжался казенной собственностью

и облегчал себя от нареканий собственной совести только тем, что, взирая на солдат, евших затхлый хлеб, проливал обильные слезы». Нынешнее начальство уже слез не льет над положением солдатиков. Даже в Московском метрополитене дежурных солдатиков, можно сказать, качает ветром от «сытой и здоровой пищи». Да случись что — их же самих надо защищать в силу их физической непригодности.

«В то время существовало мнение, что градоначальник (мэр по-современному... Бред... Еще и палату лордов или пэров надо устроить в Госдуме) есть хозяин города, обыватели суть как бы его гости»...

«Размягчение мозгов — тогдашняя модная болезнь». Мне кажется, эта мода не прошла.

«Им неизвестно было, что человек не одной только кашей живет, и потому они думали, что если желудки их полны, то это значит, что и сами они вполне благополучны. По той же причине они так охотно прилепились к многобожию: оно казалось им более сподручным, нежели монотеизм. Они мотали себе на ус, что если долгое время не будет у них дождя или будут дожди слишком продолжительные, то они могут своих излюбленных богов высечь, обмазать нечистотами и вообще сорвать на них досаду. И хотя очевидно (!), что материализм столь грубый не мог продолжительное время питать общество, но в качестве новинки он нравился и даже опьянял. Все спешило жить и наслаждаться. Спешил и градоначальник И. Он совсем бросил городническое правление и ограничил свою административную деятельность тем, что удвоил установленные его предместниками оклады и требовал, чтобы они бездомочно поступали в назначенные сроки». Прямо картинки нашей современной жизни! «Для того, чтобы воровать с успехом, нужно обладать только проворством и жадностью. Жадность в особенности необходима, потому что за малую кражу можно попасть под суд. Ежели человек, произведший в свою пользу отчуждение на сумму в несколько миллионов рублей, делается впоследствии даже меценатом и построит мраморное палаццо, в котором сосредоточит все чудеса науки и искусства, то его все-таки нельзя назвать искусным общественным деятелем, а следует его назвать искусным мошенником». В наше время за такое «меценатство» даже высшие православные ордена и прочие высшие ордена дают. И хлопают громко в ладоши. И утирают слезы умиления. Ах, душка!

«Если тунеядство существует, то предполагается само собою, что рядом с ним существует и трудолюбие, — на этом зиждется вся наука политической экономии. Трудолюбие питает тунеядство, тунеядство же оплодотворяет трудолюбие». Градоначальник Г. думал, что тунеядствовать могут все поголовно.

«...в то время у глуповцев каждый день была масленица».

А каковы слова писателя о «чудесах»? «Например, один начальник плюнул в глаза подчиненному, а тот прозрел. Другой начальник стал сечь неплательщика, думая преследовать в этом случае лишь воспитательную цель, и совершенно неожиданно открыл, что в спине у секогого зарыт клад». И так — во все времена. Как «трогательно» звучат слова о «посте» градоначальника: «Пост же состоял в том, что он к прежним кушаньям прибавил рыбу тюрбо, которую выписывал из Парижа за счет обывателей». За счет них же наш люберецкий мэр (наверное, и не только наш) устроил скромный фуршет в честь своего избрания на несколько сотен приглашенных. И не надо долго вести следствие, почему в нашем Люберецком районе самая высокая квартплата по Подмосковию.

И район находится на втором месте по своим показателям (казнокрадства?) в области... Постоянная обдиравка граждан... и прокуратура — безмолвствует. Рука руку моет.

«Опасность предстояла серьезная, ибо для того, чтобы усмирять убогих людей, необходимо иметь гораздо больший запас храбрости, нежели для того, чтобы палить в людей без изъяснов».

В СССР это проходили, когда из-за хлебного бунта палили в невинных в Новочеркасске (во времена Хрущева), убивали саперными лопатками женщин в Тбилиси (во времена «гуманного Горбачева»), расстреливали телевизионщиков в Прибалтике, Белый дом — при «святом» Ельцине... «Бороться или идти открыто против беды — упаси Боже». Это — вечная истина в нашем Отечестве... Потому и живем намного хуже, чем могли бы.

«И места другого, как у чертовой матери, для нас не нашли?»

Можно было бы продолжить далее — но нет сил, сердце надрывается. Надеюсь, у многих моих читателей возникло желание полистать томик Салтыкова-Щедрина. И задуматься, и перейти к действиям, чтобы в кои-то веки вырваться из жизни в «городе Глупове»...

УЛИЧНЫЕ ЗАРИСОВКИ

За окном магазина молодая продавщица, здоровая розовощекая девка, везла тяжелую тележку с ящиками, заполненными апельсинами. Ей было неудобно одной везти тележку и удерживать груз от падения.

Тележка-таки перевернулась. Девушка с огорченным лицом принялась все водворять на место. Она была явно смущена собственной неловкостью, случившейся на многолюдной улице. Наконец все приняло нужный вид. Румяная молодница осторожно потянула веревку, боясь повторения неудачи. И она бы произошла... Так нужен был

помощник... Мимо шли прохожие — женщины, мужчины. Люди шли, не замечая, что кому-то нужна их помощь. Всем было очень некогда. Кому какое дело до цветущей продавщицы и ее тележки с грузом?

Но все-таки помощники нашлись. Одна — душевнобольная женщина, другая — старушка, интеллигентного, доброго вида. Они выручили продавщицу, поддержав с двух сторон ящики с фруктами. Втроем дружно довели их до магазина. И лица всех сияли. Те, со здоровыми (?) душами и сильными руками, прошли мимо...

Другой случай. Когда я со своими двумя детьми переехала в новую квартиру, часть вещей, не поместившихся в машине, мне пришлось возить на большой садовой тележке. Это было тяжело. Иногда мне помогал незнакомый душевнобольной юноша. Несколько раз. Лишь он был неравнодушен к мучениям маленькой женщины с вещами...

Медики часто пишут диагноз «душевнобольной» нестандартным людям. Но этот диагноз больше подходит людям с черствой душой. Так я думаю.

НОЧНЫЕ ЗАРИСОВКИ

За окном ночь. Темнота и глубокая тишина охватили город в свои объятия. В соседних домах погас голубой свет телеэкранов, золотистый свет от люстр. Люди отдыхают после рабочего дня...

Блаженные минуты ночи, ничто не мешает раздумьям, ничто не отвлекает. Сладко посапывают в кроватях мои неугомонные, никогда не унывающие дети. Все домашние дела, связанные с ходьбой и звуками, к счастью, завершены. Теперь можно взять рукоделие, усесться поудобнее — и повернуть ручку приемника.

Диктор, профессионально поставленным и равнодушным голосом, сообщила: «Шопен». Полились звуки, словно ожила и заговорила трепетная душа. Вначале слышатся надежды юности, не познавшей горечи предательств и разочарований. Затем светлые, задумчивые звуки переходят в область сомнений и тревог. Жизнь течет — меняются человеческий характер, обстоятельства, меняется окраска мелодии. И вот уже перед нами не романтический мечтатель, а человек с твердым характером, познавший жизнь со всеми ее сложностями, взлетами и падениями, радостями и горестями. Таков Шопен: нежный и лиричный, охваченный предчувствиями грядущих бурь, но — с чистой трепетной душой, легко ранимой...

На смену Шопену полились бетховенские звуки. Удивительно чувственная, проникновенная мелодия. Ведь Бетховен — это не только мятежная душа, предчувствующая ветры революций. Но — глубочайший лирик. Жизнь, полная страданий, отложила несомненный отпечаток на его бессмертном творчестве.

И последнее произведение было для меня крайне редким и бесценным подарком: ария из оперы Глюка «Орфей». Словно потоки солнца ворвались в мою жизнь, наполнили ее верой, надеждой. Старый, но такой нестареющий Глюк... Верность и преданность, бесконечная, не гаснущая от времени, подлинная Любовь — все это понятия, кажущиеся архаичными многим в наше быстротечное время... Но без них человек во все времена, во все эпохи не будет Человеком. Каким бы всезнающим, эрудированным и ультрасовременным он не хотел казаться.

И, уже засыпая, я с благодарностью подумала: да, Гений искусства — это тот, кто дает человечеству душевные силы не один век. Тот, кто не подделяется ни под какие веяния моды и политики. Тот, чье искусство спустя многие столетия остается глубоко современным.

Он — вне Времени, но — с Человеком.

ШКОЛЬНЫЕ ЗАРИСОВКИ

Когда-то в журнале «Юность» была напечатана актуальная статья о школьных порядках. Называлась она «Что творим?». Размышления автора В. Милявской были очень яркими и, как оказалось, вне времени. Пересказывать статью не стану, а вот ряд своих наблюдений на эту же тему хочу представить читателям.

Сцена в школе (детском саду).

— Дети, чтобы завтра пришли все нарядными, умытыми, с чистыми ушами! И чтобы здоровались со всеми незнакомыми людьми в школе (саду)! Завтра будет очень важная комиссия нас проверять.

И это они, наши дети, наше будущее, слышат с дошкольного возраста. Учатся не быть людьми, а выглядеть хорошо перед комиссией. Чуть ли не с пеленок их учат лицемерить, учат очковтирательству. С детства из детских душ стирается понятие искренности, правдивости.

Они бегут на скучные, бесполезные сборы, собрания, на ненужные порой экскурсии, потому что в противном случае их ждет низкая оценка по поведению. Так мы (общество) растим рабов. Растим карьеристов.

Наши дети, проболев хоть неделю, хоть месяц (за редким хорошим исключением), уже не слышат (как мы слышали в своем детстве) добрых, искренних слов учителя: «Как ты себя чувствуешь? Что с тобой было? Может, тебе надо в чем-то помочь?» Зато учительское сердце не дрогнет, когда только выздоровевшего ребенка заставляют дежурить по школе или заниматься уборкой территории школы. А потом удивляемся их подростковой жестокости или черствости во взрослом возрасте. Ученики всегда знают, чьи родители «помогают» учителю «находить» нужные личные вещи: к этим ученикам всегда нежное, внимательное отношение. Конечно, это не всегда так, но часто.

Так было, когда я училась в школе и когда учились мои дети. Но кое-что из этих зарисовок сохранилось и ныне. Уже в другую эпоху.

Конечно, есть и настоящие Учителя. Земной поклон им!

ПОЧЕМУ?

Это письмо я посылала в 1974 и 1981 годах в редакцию одного из прогрессивных советских журналов и в Союз писателей, одному из известных советских писателей. Ответа не последовало ни в какой форме. Была эпоха социализма. Теперь мы живем в эпоху капитализма. Стали ли решаться затронутые в письме проблемы? Увы... «Никак до меня не доходит, почему это писатель, художник и вообще творческий человек сперва непременно должен страдать...»

Пономарев И. Шукшин // Наш современник. 1981. № 3.

Пишу, так как не могу не поделиться размышлениями о некоторой печальной закономерности, которая проглядывает из ряда фактов. Я знаю, что найдутся «товарищи», которые тут же «заклеймят» меня, «провозглашая с высокой трибуны громкие лозунги» и «делая призывные жесты». Ничего, пусть себе надрываются...

Как известно, дети любят задавать взрослым очень много вопросов. Любимый среди них — «почему?».

Но оказывается, вырастая, люди тоже не отказываются от этого вопроса. У меня этот вопрос возник вот в связи с чем. Ниже будут рассмотрены примеры из разных областей нашей жизни. И все они содержат явное или не очень «почему?».

Почему же все-таки человека надо ставить в экстремальные условия и лишь затем одобрить его дело, его творчество, его изобретения и т. п.? Почему умереть порой легче, чем заставить некоторые инстанции призвать и одобрить результаты творчества, если изобретение — помочь внедрить в жизнь с пользой обществу, родине?

Жил потихоньку художник, испытывал острую материальную нужду, работая чуть ли не самодельными кисточками, трудился денно и нощно в поте лица, чтобы обеспечивать кое-как своих родных, тяжелобольную сестру Людмилу. И пока он был жив, пока трагически не погиб в день открытия своей первой выставки (причина смерти — тайна до сих пор), широким массам имя этого талантливого человека не было известно. Погиб человек, не стало его на земле — и заговорили о нем. И критики в печати, и коллеги, и зрители. Почему при жизни Константина Васильева не были созданы ему условия для нормальной жизни, для творчества? Почему при жизни не было воздано должное его таланту — столь лиричному и самобытному, столь глубоко патриотичному и национальному? Не говоря уже о высоком художественном мастерстве, о тонком

психологизме его портретов и пейзажей. Многие зрители покидали выставочные залы на Малой Грузинской (там была его первая выставка в столице) с щемящей болью в сердце — почему мы узнали эти великолепные работы так поздно? Лишь после гибели живописца в 37-летнем возрасте...

До сих пор судьба полотен К. Васильева складывается трагично: то они исчезают, то оказываются неожиданно залиты водой, то их негде хранить... Негде! Смешно... Когда в самой Москве столько заброшенных особняков!..

В связи с размышлениями о судьбах творческих людей у меня возник вопрос: почему у нас в стране звание народного художника России и другие высокие звания не присваиваются посмертно? Разве с уходом человека результаты его труда теряют свою ценность? В качестве драматического подтверждения приведу эпизод из жизни безвременно ушедшего от нас яркого, самобытного художника Ю. Ракши. Утром он скончался, а днем должны были рассматривать вопрос о присвоении ему звания. Но так как он умер, этот вопрос автоматически не рассматривался. Дальше — тишина...

Летом 1980 года скоропостижно скончался известный актер и певец В. Высоцкий. Как насмешка — после его смерти огромными тиражами были выпущены пластинки с его записями. Что, разве после своей смерти он стал талантливее? Почему при жизни Высоцкого не слишком жаловали критики, а приобретение пластинок с его записями казалось вообще чем-то не совсем реальным? Скажете: была такая политическая эпоха. Но ведь писать лживые псалмы о псевдоталантах — это же предательство! Все равно, что оклеветать соседа, чтобы получить в жены его красавицу жену... Конечно, за лживые статьи выдавались гонорары, а порой и квартиры... Можно ли объяснить выпуск пластинок после смерти большим тиражом? Что это — позднее раскаяние тех стрелочников, которые стоят у семафора: одному в жизни зеленый свет, другому — красный? Или мертвого любить легко, удобно — он молчит? Вспоминается «царская милость»: после гибели Пушкина на дуэли была назначена пенсия вдове и оплачены долги... О боли и стыде нашем. О гордости. О таланте, чьи грани перед нами до конца раскрыться не успели при жизни человека.

И еще долго нас будет поражать, волновать мир произведений, мир образов Шукшина. Позволю себе открыть журнал «Наш современник» № 3 за 1981 г. (цитаты о Шукшине — из этого номера). Страница 82: «Целых 11 лет жил он в Москве без своего угла, то обитая в общежитии ВГИКа, то скитался по чужим квартирам без прописки, а иной раз, случалось, ночевал даже на железнодорожных вокзалах». «А ведь он был уже известным киноактером и успел заявить о себе как писатель яркого самобытного дара и как талантливый режиссер». «Не будь я без-

домным, я Бог знает сколько успел бы уже сделать». Не знаю, как вы отреагируете на эти строки, но у меня в душе даже что-то оборвалось, когда я их читала. И невозможно никакому порядочному человеку равнодушно мириться с этим. Иначе много еще Шукшиных скончается от болезней сердца (и не только), не успев полностью раскрыть свой щедрый талант согражданам. Другой пример. При жизни ныне всем известного талантливейшего педагога В. Сухомлинского Академия педагогических наук отрицала его методы, называя их абсурдными. А теперь мы чтим свято эту фамилию, ставя его в один ряд с такими крупнейшими педагогами, как Ушинский, Януш Корчак, Макаренко. Не от непризнания ли и атмосферы враждебности столь мало, где-то около 50 лет всего, прожил этот светлый, добрый и мудрейший человек? А ныне, когда к концу подходит год 2010-й, сколь «тепла» официальная атмосфера к современным талантливым педагогам! Да и к рядовым тож...

Об изобретениях, об их внедрении. Эта тема неоднократно поднималась в печати. Говорят долго, умно, «а воз и ныне там». К сожалению, нередко попытки внедрения оканчиваются инфарктом. Или просто смертью. Просто смертью.

Был такой профессор, изобретатель Митник. Изобрел камеру для ускоренной сушки древесины. Она долго считалась лучшей в мире. И к такому выводу быстрее пришли за границей, чем в нашей стране. Это признание прозвучало после его смерти. Помимо морального ущерба, потери здоровья (а то и жизни) наносится ущерб стране. И немалый, так как таких примеров можно привести много.

На этом заканчиваю свои размышления. Я не могла носить эти мысли в себе и молчать. Решила поделиться с другими. Может, кто-то захочет поддержать затронутую тему...

Мы можем и должны дорожить своими отечественными талантами. При жизни. А не после их смерти.

Пора в этих вопросах навести один большой порядок. Во имя БУДУЩЕГО.

Ныне Россия пребывает в эпохе странного капитализма. Стали ли решаться поднятые проблемы? Увы...

Ведь никакому тоталитарному режиму не нужны думающие, талантливые люди. И в этом суть...

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ

<i>Авдеева Людмила</i>	239
<i>Антонова Ирина</i>	159
<i>Афанасьва Наталья</i>	234
<i>Бакачи Эрнэ</i>	234
<i>Баклашкина Лидия</i>	252
<i>Баклашкина Татьяна</i>	254
<i>Белокрылов Иван</i>	5
<i>Белокрылова Дарья</i>	231
<i>Божор Наталья</i>	83
<i>Бондаренко Ольга</i>	14
<i>Варварица Инна</i>	71
<i>Володарский Леонид</i>	98, 261
<i>Гагнус Татьяна</i>	247
<i>Егорова-Нерли Ирина</i>	150
<i>Елфимова Лия</i>	242
<i>Жельбенцев Валерий</i>	86
<i>Иодловский Николай</i>	112
<i>Касперов Андрей</i>	268
<i>Ковалева Ирина</i>	91
<i>Козырева Галина</i>	59, 230
<i>Любушкина Ирина</i>	190
<i>Максимов Вадим</i>	243, 364
<i>Маничева Ольга</i>	379
<i>Маркович Анри</i>	245
<i>Медведев Александр</i>	194
<i>Морозов Александр</i>	196
<i>Наровчатова Ольга</i>	65
<i>м. Олимпиада (Константинова)</i>	168
<i>Осокина Людмила</i>	129, 132
<i>Петровская Карина</i>	63
<i>Пустовитовский Владимир</i>	201
<i>Рой Анна</i>	8
<i>Серафимов Александр</i>	42
<i>Сергеева Ирэна</i>	127, 272

<i>Скрипник Валерия</i>	192
<i>Славороссова Евгения</i>	95
<i>Суворов Вячеслав</i>	211
<i>Терещенко Валентин</i>	166
<i>Томилина Алина</i>	216
<i>Хачумова Татьяна</i>	200, 229, 263
<i>Чернов Юрий</i>	170
<i>Шведовская Татьяна</i>	121
<i>Шведовский Олег</i>	76
<i>Шведовский Феликс</i>	221
<i>Шубина Валерия</i>	137

И 89 Истоки: Альманах. Вып. 6 (48). — М.: РИФ «Истоки-плюс», 2012—2013. — 400 с., илл.

В шестом выпуске альманаха «Истоки» красной нитью проходит тема духовной связи поколений — непрерывность течения истории. В очерке «О памяти-любви» А. Рой рассказывает о поиске и посещении могилы ее деда — солдата Великой Отечественной войны, павшего в битве под Сталинградом...

Эта же тема связи поколений — в другом времени и на другом материале — развивается в семейном романе И. Сергеевой. О неожиданном повороте в судьбе главного героя остросюжетной повести «Наказ» А. Серафимова читатель узнает из заключительных глав, опубликованных в этом выпуске.

Поэт Н. Иодловский представлен в новом жанре ярких, парадоксальных, фееричных рассказов.

«Литературный глобус» и «Строки и судьбы» — новые рубрики альманаха.

В этом выпуске опубликованы поэты разных поколений, приверженцы разных литературных течений — от известного поэта «светореализма» Л. Володарского до юного сочинителя семиклассника Андрея Касперова.

Редакторы-составители *Елена Еремина* и *Ирина Антонова*

Рисунок на 1-й полосе обложки *Ирина Егорова-Нерли*

Оформление *Павел Чикин*
Компьютерная верстка *Ирина Чикина*
Корректор *Ирина Алферова*

ООО Редакционно-издательская фирма (РИФ) «Истоки-плюс»

ЛР № 061080

Адрес редакции: Москва, Сущевский вал, 49, корп. 4, оф. 45.

Контактные телефоны: (495) 234-3689, 8-903-268-15-57.

Наш сайт в Интернете: www.istoki-roy.ru

E-mail: rifistoki@yandex.ru

Формат 60 × 90¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Заказ № .

Печать офсетная. 29,0 уч.-изд. л.

Тираж договорной.

Отпечатано в типографии.
г. Калуга, ул. Московская, 247

РИФ
«ИСТОКИ – ПЛЮС»

2012 **И** АЛЬМАНАХ
2013 **И** СТОКИ